ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2021 № 64

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»

Высшей аттестационной комиссии

(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru: Рыкун А.Ю. (Томск, Россия) - зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: а rykun@mail.ru; Щербинин А.И. (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; Агафонова Е.В. (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; Сухушина Е.В. (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; Скочилова В.Г. (Томск, Россия) - ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск. Россия) – доктор филос. наук. профессор: Оглезнев В.В. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Сыров В.Н. (Томск, Россия) доктор филос, наук, профессор: Черникова И.В. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Лалов В.А. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; Южанинов К.М. (Томск, Россия) – кандидат филос, наук, доцент: Шербинина Н.Г. (Томск. Россия) – доктор полит. наук, профессор; Кашпур В.В. (Томск, Россия) - кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона,

ситет, Дрезден, ФРГ); Шефлер Уве (Техниче-

Сиэтл, США); Ренч Томас (Технический универ-

ский университет, Дрезден, ФРГ); Вяткина Н.Б.

(Институт философии НАНУ, Киев, Украина); Васильев В.В. (Московский государственный университет, Москва, Россия); Микиртумов И.Б. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); Целищев В.В. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); Диев В.С. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); Джонсон Марк С. (Университет Висконсина, Мэдисон, США); Балцер Харли С. (Университет Джорджтауна, США); Чалаков Иван (Университет Пловдива, Болгария); Вавилина Н.Д. (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); Константиновский Д.Л. (Институт социологии РАН, Москва, Россия); Черныш М.Ф. (Институт социологии РАН, Москва, Россия); Ярская-Смирнова Е.Р. (Государственный университет - Высшая школа экономики, Москва, Россия); Малинова О.Ю. (Институт информации

по общественным наукам РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. (Московский государственный

сия); Чахор Рафал (Нижнесилезская высшая

университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Рос-

школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский

государственный университет им. М.В. Ломоно-

сова, Москва, Россия); Шуберт Клаус (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) -Editor-in-Chief; Rvkun A.U. (Tomsk. Russia) -Deputy Editor-in-Chief (Sociology); Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) -Deputy Editor-in-Chief (Political Science); Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) - Executive Editor: Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) -Executive Editor (Sociology); Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) -Executive Editor (Political Science); Borisov E.V. (Tomsk, Russia); Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia); Syrov V.N. (Tomsk, Russia); Chernikova I.V. (Tomsk, Russia); Ladov V.A. (Tomsk, Russia); Uzhaninov K.M. (Tomsk. Russia): Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia); Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); Rentsch T. (Technical University Dresden, Germany); Scheffler U. (Technical University Dresden, Germany); Viatkina N.B. (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); Vasilvev V.V. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Mikirtumov I.B. (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); Tselishcev V.V. (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); Diev V.S. (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); Johnson M.S. (University of Wisconsin, Madison, USA); Balzer H.S. (Georgetown University, USA); Tchalakov I. (University of Plovdiv, Bulgaria); Vavilina N.D. (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); Konstantinovskyi D.L. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); Chernysh M.F. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); Iarskaia-Smirnova E.R. (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); Malinova O.Y. (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); Soloviov A.I. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Czachor R. (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); Shestopal E.B. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Shubert K. (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Елагин Г.Б., Микиртумов И.Б. Спор о повестке	
троблем	
Левицкий В.С. Значение социально-институционального измерения утверждения аучного мировоззрения	
Седов Ю.Г. Феноменологическое расширение формальной теории доказательств	
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ	
Ладов В.А., Гукова А.В. Критический анализ теории символизма раннего Л. Витген- птейна	
Нехаева И.Н. Unaussprechliches Витгенштейна: о чем невозможно сказать, о том невозможно сказать ясно	
Оглезнев В.В. «Слова-штаны» в философии языка Джона Л. Остина	
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Философский анализ теоретико-методологических оснований дискурсивной репрезентации городской идентичности	
плого? Плюснин Л.В. Место морали в современных проектах конструирования будущего	
СОЦИОЛОГИЯ	
Вялых Н.А. Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества	
ВЯЛЫХ Н.А. Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества Ростовской области в период пандемии COVID-19 (на материалах глубинных интервью)	
жие переселенцы в сельской местности	
ПОЛИТОЛОГИЯ	
Аванесова Е.Г. Проблема обоснования политического насилия в христианской тради- ции	
игнатьева О.А. Методология дискурс-анализа политических суждений на платформах региональных проблем	
Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Содержание и структура геоконфессиологии. Часть 1.	
Научно-проблемная и научно-дисциплинарная структура геоконфессиологии	
процессов в Республике Беларусь осенью 2020 года	••••
Савойский А.Г. Россия, США, Китай: образ будущего на основе экономической дипло- натии и миропорядка	
монологи, диалоги, дискуссии	
Першин Ю.Ю. Рецензия на учебник «Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях)» : учебник / Г.Д. Боуш, В.И. Разумов. М. : ИНФРА-М, 2020, 2027 г.	
2020. 227 с	
ков американского прагматизма	••••
Дискуссия. «Действия в динамической деонтической логике» Борисов Е.В. Нормативные характеристики действий в динамической деонтической погике	
Кислов А.Г. Об уточнении модели для деонтической динамической логики с редукци- онистской семантикой (ответ Е.В. Борисову)	
АРХИВ	
Лисанюк Е.Н. Дверные петли Л. Витгенштейна и понятие глубокого разногласия Роберта Фогелина в аргументации	
Фаражин В. Парина ранбанара вариартация	
Фогелин Р. Логика глубокого разногласия СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Elagin	G.B., Mikirtumov I.B. Dispute on the Agenda
Karpo	w G.V. The Logic of Action as a Tool for Analyzing and Solving Philosophical Prob-
Levyts	kyy V.S. Value of the Socio-Institutional Dimension of the Assertion of the Scientific
Sedov	Yu.G. Phenomenological Extension of the Formal Proof Theory
	HISTORY OF PHILOSOPHY
	V.A., Gukova A.V. Critical Analysis of Early Ludwig Wittgenstein's Theory of Sym-
Nekha	eva I.N. Wittgenstein's Unaussprechliches: What Cannot Be Said Cannot Be Said
Oglezr	nev V.V. "Trouser-Words" in John L. Austin's Philosophy of Language
	SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY
	kova L.I., Sukhovskaya D.N. Philosophical Analysis of the Theoretical and Methododations of the Discursive Representation of Urban Identity
	ina S.V. EGods by William Sims Bainbridge: Guarding the Future or the Past?
Plyusn	in L.V. The Role of Morality in Contemporary Projects of Constructing the Future
	SOCIOLOGY
Vyalyl	kh N.A. Social Well-Being of the Professional Medical Community During the
	andemic in Rostov Oblast (Based on the Materials of In-Depth Interviews)
	ur V.V., Petrov E.Yu., Goiko V.L., Feshchenko A.V. Possibilities of Using Digital
	Predict Educational Achievements of Students
	va E.V. Humanistic Problems of Modern Economics
	enko N.N., Pozanenko A.A. Two Teachings, Two Ways of Life: Anastasian and Roe-
	in the Countryside
Chimit	tova I.Z. On the Polyethnicity of the Republic of Buryatia
	POLITICAL SCIENCE
Avana	sova E.G. The Problem of Justification for Political Violence in the Christian Tradition.
Ignatjo	eva O.A. Methodology of Discourse Analysis of Political Judgments on Platforms of blems
	B.A., Ignatyeva I.F. The Content and Structure of Geoconfessiology. Part 1. Scientific-
oblem and	Scientific-Disciplinary Structure of Geoconfessiology
	hov A.Yu., Kaminchenko D.I. Modeling and Analysis of Socio-Political Processes in of Belarus in 2020
	sky A.G. Russia, USA, China: Image of the Future Based on Economic Diplomacy and
	MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS
Pershi	n Yu.Yu. Book Review: Razumov, V.I. & Boush, G.D. (2020) Methodology of Scien-
	h (For Candidate and Doctoral Dissertations): Textbook. Moscow: INFRA-M
	P. N.A. Rediscovering Instrumentalism: The Philosophy of Technology in the Works of
	of American Pragmatism.
· Ciussius (
	Actions in Dynamic Deontic Logic
Boriso	v E.V. Normative Characteristics of Actions in Dynamic Deontic Logic
Kislov	A.G. On the Refinement of the Model for Deontic Dynamic Logic with the Reductions (Reply to E.V. Borisov)
	ARCHIVE
Lisany	vuk E.N. Ludwig Wittgenstein's Hinges and Robert Fogelin's Conception of Deep Dis-
	Argumentation
	n R. The Logic of Deep Disagreements
rogeni	II N. THE EUGLE OF DEEP DISAGREENING
INFOI	RMATIONS ABOUT THE AUTHORS

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 161.1.

DOI: 10.17223/1998863X/64/1

Г.Б. Елагин, И.Б. Микиртумов

СПОР О ПОВЕСТКЕ

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» в Санкт-Петербургском государственном университете¹.

В статье мы даем характеристику спору о повестке как виду нетематической коммуникации, показываем его специфику, анализируем его отношение с тематическим спором. Представлены шкалы оценивания результатов спора, описаны позиции агентов в споре о повестке в связи с их стратегиями и рисками. Анализируются примеры сетевых споров.

Ключевые слова: спор, дискуссия, повестка, позиции агентов

Тематический и нетематический споры

Расхождение во мнениях является эпистемологическим и практическим затруднением, требующим разрешения в дискуссии, если необходимо только уточнить позиции сторон, или в споре, если требуется защитить свои позиции или же достичь некоторой общности мнений [1. С. 90-91]. Предметом спора о повестке является целесообразность обсуждения некоторого вопроса, или же, если какой-то вопрос уже обсуждается, необходимость его переопределения. Обсуждение повестки, как правило, имеет характер спора, поскольку цель коммуникации – принятие решения. Такой спор можно назвать нетематическим, он ведется в метапозиции по отношению к предмету, по которому имеется расхождение мнений. Определение повестки задает не только тему, но и порядок ведения спора, состав его участников и наблюдателей, их правила и обязательства. Вовлечение в тематический спор оказывается поэтому сложным речевым действием, результатом которого может стать изменение статусов участников. Вступая в спор, агент признает его осмысленность, целесообразность происходящей коммуникации, рациональность контрагентов, их право выносить суждение и свою обязанность принимать их всерьез, иными словами, бремя доказывать и бремя принимать доказательства. Это признание, хотя и отменяемым образом, распространяется на акциональные последствия решения спора. Обеспокоенность тем, как не попасть или как выйти из такого рода ситуаций, отражается семантикой выра-

¹ The study is supported by Russian Science Foundation, project 20-18-00158 "Formal philosophy of argumentation and a comprehensive methodology for the search and selection of the dispute resolutions" and curried out at St. Petersburg State University.

жений «втянуть в спор», «увязнуть в споре», «навязать спор», «уклониться от спора» и др.

Задача пропонента в споре о повестке состоит в том, чтобы убедить оппонента во взаимной выгоде тематического спора, что указывает не только на расхождение во мнениях, но и на конфликт интересов, при котором одна сторона видит свою выгоду в тематическом споре, а другая нет. Готовность к спору и вообще к какой бы то ни было коммуникации определяется разнообразными факторами, выявление и анализ которых отсылают к теориям социальной коммуникации, речевых актов, дискурса, и здесь, в частности, к явлениям дефицита дискурса, борьбы за него, конфликтах и ассамбляжах дискурсов, к отношениям языка и власти (см.: [2, 3]). Спор о повестке представляет собой первую и наиболее внешнюю реализацию попытки дискурсивного решения конфликта.

Институты публичной делиберации, в частности политические, определяют повестку, действуя на основании регламентов, призванных блокировать тематические и нетематические споры, которые могли бы нанести ущерб этим институтам и доминирующим в них группам. Историческим примером могут послужить хотя бы процедуры афинской демократии. Аристотель в «Афинской политике» сообщает, что «программу» (πρόγραμμα) заседания народного собрания формируют пританы, и в программу попадают как вопросы, в соответствии с законом обязательные для рассмотрения на очередном заседании, так и иные, вносимые гражданами, институциями, иностранными послами и пр. Сформированную своим решением повестку пританы передают Совету пятисот [Ath. pol. 43, 3 (цит. по: [4])], который предварительно обсуждает ее вопросы и формулирует рекомендации народному собранию как по существу, так и по дате рассмотрения. В ходе самого собрания избирались чиновники, следившие за соблюдением повестки и регламента [Ath. pol. 44, 2, 3]. Никакое решение народного собрания не было законным, если предварительно не прошло Совет, а до того не было внесено в повестку пританами. Попытка провести решение в обход этих условий рассматривалась как «противозаконие» [Ath. pol. 45, 4]. Афинская демократия обеспечивала беспрецедентно широкое вовлечение граждан в непосредственное функционирование институтов власти [5. Р. 24] и не ограничивала возможность предлагать повестку, но, как мы видим, ее составление было отдельной практикой коллегиального органа, имевшего возможность ускорить, оттянуть или заблокировать обсуждение того или иного вопроса. Само народное собрание могло принять постановление о включении какого-либо вопроса в свою повестку, но это не отменяло его предварительного рассмотрения Советом пятисот.

Актуальность логико-аргументативного исследования спора о повестке подтверждается чертами современных общественных дискуссий и споров, в которых активисты, — так называемые неизбранные представители групп, обществ и человечества, а также не имеющих «голоса» агентов, таких как природа в целом и ее компоненты [6], придают неполитическим вопросам политический характер, глобальным — локальный, ненаучным — научный, этическим — юридический и т.д. Наиболее яркие примеры нетематических споров такого рода мы видим в обсуждениях экологических проблем (см.: [7, 8]), вопросов новой этики (см.: [9]), колониализма (см.: [10]), секуляризации,

неравенства. Глобальный характер части из этих вопросов высвечивает дефицит международной интеграции и становится вызовом для национальных правительств, не всегда и не во всем умеющих на него ответить, а потому стремящихся от обсуждения указанных вопросов уклоняться [11. С. 35–42]. Тем более любопытной является практика нетематического спора не избранных представителей уже не общества, но человечества в целом с такими же представителями ненациональных правительств и элит, а некой «глобальной элиты». Эталонным примером может служить дискуссия Греты Тунберг и Дональда Трампа на форуме в Давосе в январе 2020 г. [12].

В известной нам литературе споры о повестке не стали до сих пор предметом анализа, поэтому в настоящей статье мы хотим представить его характеристику и способы оценивания, описать позиции агентов, их стратегии и риски, иллюстрируя их примерами сетевой коммуникации.

Шкалы оценки результатов спора

Споры ведутся с целью достижения нового состояния мира, оптимальным путем к которому является совершение оппонентом или другими людьми, как-либо участвующими в нем, некоторых действий. Эффект спора проявляется в четырех аспектах, дающих четыре шкалы: эпистемическую Е, акциональную А, интеракциональную I и публичную Р. Первая отражает изменение знаний и мнений оппонента, вторая характеризует его действия, третья — успешность его вовлечения в коммуникативное взаимодействие, наконец, четвертая — реакцию аудитории на ход спора 1.

Оценки по различным шкалам не зависят друг от друга. Например, сумев переубедить оппонента, можно потерпеть неудачу, добиваясь от него совершения действий. Здесь достигнут эпистемический эффект, но не акциональный. Или же, оставив знания и мнения оппонента без изменений, удается заставить его совершить требуемые действия самим фактом публичной аргументации, который по тем или иным причинам часто оказывается действеннее содержания, - оппонент уступает обстоятельствам, не принимая нашего видения предмета спора. Эпистемический и акциональный аспекты здесь не влияют друг на друга. В обоих описанных случаях оппонент может вести себя в духе принципа кооперации Грайса или же, напротив, игнорировать его, аудитория же может принимать ту или иную из сторон: например, нам удалось изменить эпистемическое состояние оппонента, но он нас игнорирует, хотя и совершает желаемые для нас действия, а в другом случае мнения оппонента не изменились, желаемые действия не последовали и за ним же осталось сочувствие публики. В частности, наблюдатели фиксируют ходы нетематической коммуникации даже лучше, нежели тематической. В самом деле, можно не разбираться в конкретных вопросах экономики, права, культуры, религии, которые становятся темами тематических споров, но обладать общей риторической компетентностью, т.е. понимать, кто и кого к чему принудил в коммуникации, кто определяет ее правила, кого и при каких условиях могут из нее исключить, и т.д. Поскольку общественные споры ведутся в медиатизированной форме избранными или неизбранными представителями,

¹ Оценка последней сама может быть дана в первых трех названных аспектах, что мы оставляем в стороне.

т.е. агентами, институционализирующими позиции, наблюдатель, принимая ту или иную точку зрения или ее фрагмент, ассоциирует себя с озвучивающим ее говорящим. Поэтому прагматика спора переживается наблюдателем одновременно с продумыванием тематической аргументации, а возможные действия — в связи с их последствиями для статуса говорящего. Эта сложность состояния слушателя, его разнообразные проекции, отождествления и эмпатии делают наблюдение споров по значимым вопросам захватывающим. Публичный эффект спора выходит за его рамки и тематически и нетематически. Наблюдая неудачную попытку активистов внести некоторый вопрос в повестку властного органа, наблюдатели начинают рассуждать как о предмете, так и о причинах, по которым его отказываются обсуждать.

На первый взгляд, успех в нетематическом споре означает, прежде всего, достижение результата по шкале А, т.е. принятие отстаиваемой повестки. Однако, как показывает практика общественных дискуссий, более значим интеракциональный аспект в сочетании с публичным эффектом спора. Преодолевая сопротивление оппонента, пропонент апеллирует к аудитории, предлагая себя на роль неизбранного представителя. Оппонент легко отказывает в коммуникации или ведет себя в ней недобросовестно, если, с его точки зрения, этот мандат не подтвержден аудиторией. Ее реакция обычно запаздывает, так что неизбранный представитель сначала терпит неудачу по шкале А. Лишь успех по шкале Р приносит успех в интеракции и позволяет влиять на повестку, достигая результата по А. Так, например, Грета Тунберг в своих публичных выступлениях и в уже упомянутой полемике с Дональдом Трампом на форуме в Давосе добивается признания в интеракции благодаря тому, что международная аудитория идентифицирует ее с защитой окружающей среды в целом [13]. Тунберг удалось добиться поляризации экоалармистов и экоскептиков, заставить представителей «глобальной элиты» признать как саму проблему, так и неизбранных представителей, которые ее поднимают. Этот интеракциональный эффект благодаря медиатизации [14] распространился вниз и вширь, так что акторы, ранее не участвовавшие в политическом процессе, в частности, подростки - «девочки», ныне не без успеха вносят экологическую и иную проблематику в повестку любых обсуждений во многих частях мира [15].

Позиции агентов в сопряженных спорах

Если нетематический спор по A завершается началом тематического спора по B, то любое решение B не отменяет условий решения A. Последние имеют прагматический характер, агенты вступают в спор, считая это оправданным, и эта установка вменяется сторонам нетематического спора самим фактом тематического. Агенты могут быть заинтересованы в споре о повестке или безразличны к нему, могут стремиться его избегать или же использовать нетематические ходы в тематическом споре. Те или иные стратегии определяют здесь позиции агентов, которые, опираясь на логическую связь между соотнесенными между собой нетематическим и тематическим спорами, можно вменить им как импликатуры.

Пусть пропозиции A, B, C, ..., – предметы споров. Спор обозначим как d(X), где X – его предмет. Как da(d(X)) будем обозначать спор о внесении в повестку спора об X, который разрешается действием по формированию по-

вестки. Позиция участника нетематического спора определяется набором приемлемых вариантов его исхода, а также исхода сопряженного тематического спора. Они определяют также стратегии и риски агентов. Представленная ниже таблица дает обзор релевантных вариантов позиций, стратегий и рисков.

Позиция агента в споре о повестке	Приемлемое решение $da(d(X))$	Приемлемое решение $d(X)$	Стратегия	Риск
І. Индифферентность	$d(X) \in a$	X	Беспроигрышная	Отсутствует
	$d(X) \not\in a$	$\neg X$		
II. Тотальная уязвимость	Ø	Не определяется	Всегда проигрыш-	Все решения
			ная	
III. Прагматическое блоки-	$d(X) \notin a$	Не определяется	Контроль повестки	Продвижение
рование			в аспектах I и Р	повестки
IV. Тематическое блокиро-	$d(X) \notin a$	Ø	Контроль повестки	Решение $d(X)$
вание			в аспектах Е и А	
V. Слабое прагматическое	$d(X) \in a$	X	Контроль повестки	Блокирование
продвижение		$\neg X$	в аспектах I и Р	повестки
		Не определяется		
VI. Сильное прагматиче-	$d(X) \in a$	Ø	Контроль повестки	Решение $d(X)$
ское продвижение			в аспектах I и Р	
VII. Тематическое продви-	$d(X) \in a$	X	Продвижение X	Блокирование
жение				повестки, откло-
				нение Х
VIII. Тематическое откло-	$d(X) \in a$	$\neg X$	Отклонение X	Блокирование
нение				повестки, продви-
				жение Х

Варианты позиций агентов в нетематическом споре

Индифферентность описывает ситуацию, в которой агент по любой из шкал оценки спора ничего не выигрывает и не проигрывает ни в одном из споров. На практике для выведения оппонента из этого состояния пропонент совершает действия, характеризуемые как акционистские (см.: [16])¹. Их цель – изменить положение дел, чтобы сделать для оппонента необходимым вступление в коммуникацию хотя бы и без признания субъектности противоположной стороны. Примером может служить акционизм «Желтых жилетов» во Франции, заставивший правительство провести общенациональное обсуждение планировавшихся реформ и нововведений, одно отменить, другое скорректировать. Нетематический и тематический споры ведутся здесь с обеих сторон коллективными акторами на основании разделяемых группами мнений и ценностей [17]. Тотальная же уязвимость, т.е. положение дел, при котором сам факт коммуникативного взаимодействия о повестке для агента неприемлем, характеризует редкий ныне элитарный и, возможно, сакральный статус, ущерб которому наносит любая реакция на вызов «снизу».

В случае прагматического блокирования задействованы факторы интеракции и публичного эффекта, в случае тематического – эпистемический и акциональный, так что в первом случае для агента неприемлемо продвижение повестки в нетематическом споре, даже если он будет отложен или отменен, а во втором – неприемлем любой исход тематического, нетематический же приемлем, если завершается блокированием. Два случая прагматического

¹ В узком смысле этот термин обозначает использование искусства (объекты или динамические феномены) в политическом процессе.

продвижения соответствуют двум активистским стратегиям: продвижение повестки вне связи с тематическим спором и продвижение повестки, но с блокированием тематического спора. Последний случай предполагает стратегическое маневрирование [18], ибо агент уклоняется от тематического спора, все решения которого ему невыгодны, а желаемым приобретением становится признание его субъектности.

Анализ примеров нетематических споров

Мы рассмотрим два спора, в которых сочетаются тематический и нетематический компоненты. Споры найдены нами в сети, которая накладывает на коммуникацию известный отпечаток. Как мы показали выше, за спорами о повестке стоит не столько расхождение во мнениях, сколько борьба за влияние и статус. Это делает их сетевые примеры еще более интересными, поскольку обычно участники здесь отстаивают и позиции, и статусы не в конкретных ситуациях, в которые они вовлечены лично, а как типичные случаи, действуя от имени виртуальных групп и отстаивая разделяемые ими принципы.

Пример 1. «Зачем нужен феминизм?» [19]. Ниже представлен фрагмент спора, первый участник которого защищает феминизм — Φ , а пять других участников выступают его оппонентами — O_1 — O_5^{-1} .

- Ф1. Феминизм нужен.
- **O**₁**1**. Komy?)
- Ф2. Всем.
- $O_{1}2$. Тип ты даже на работу не ходишь) а уже в феминизме шаришь.
- Ф3. Какая разница какой возраст у человека.
- O_13 . Большая. Ты говоришь о том, чего не знаешь.
- Ф4. Феминисткой можно быть в любом возрасте, мы все важны.
- $\mathbf{O_{1}4}$. Все важны, когда они полезны. Чем ты полезна для общества?
- Ф5. Например я борюсь за равноправие.
- О₁5. Какая польза в этом для общества? Как ты борешься?
- Ф6. Меняю мнение людей, которые считают, что феминизм не нужен.
- O_16 . Окей, пробуй убедить меня в том, что ты занимаешься чем-то полезным.
- Φ 7. Давай я приведу аргументы почему феминизм нужен: 1) стеклянный потолок, 2) налог на розовое, 3) насилие.
- \mathbf{O}_1 7. Что за стеклянный потолок? Какой налог на розовое? И в чем выражается насилие?
- O_21 . Налога на розовое нету. А теперь вопрос, как Фемки с насилием борются? А? Они делают секции Самообороны для Женщин? Или что? Нет, они просто орут на своих митингах, а от этого людей насиловать не прекратят $\langle ... \rangle$
- O_31 . Крайне бесполезна! Если не полезна в материальном плане и не приносишь полезное и вклад в общества НЕ дадут вам права. Будьте конкурентоспособными, тогда будут $\langle ... \rangle$
- O_41 . $\langle ... \rangle$ человек живет и никакой нужды в феминизме не ощущает, а ощущать начинает только после того, как ему по мозгам проездят, значит человеку просто создали иллюзию того, что он нужен $\langle ... \rangle$
 - О₅1. Та самая 14-летняя Мамкина фемка.

Орфография и пунктуация источника отчасти изменены.

В Ф1 мы видим тематическое продвижение, которое репликой О₁1 блокируется. Спор становится нетематическим, и O_1 , используя argumentum ad hominem, ставит под вопрос целесообразность спора с Ф как с человеком молодым . Ф парирует эти аргументы, так что в O_15 оппонент предлагает Ф обосновать полезность его борьбы за гендерное равноправие, т.е. обосновать частный случай заявленного Ф тезиса. Состоявшейся обмен репликами поставил Ф в позицию сильного прагматического продвижения повестки, субъектность Ф контекстуально признана, поэтому Ф может совершить маневр и представить в Ф7 аргументы в поддержку тезиса тематического спора, оставив в стороне свою частную деятельность. О1 здесь теряет контроль повестки и дает возможность Ф вести спор по существу. В аспектах интеракции и публичности – это проигрыш, который фиксируется аудиторией, так что в дискуссию вступают еще четыре оппонента, а О1 из нее выходит. О2 ведет тематический спор, но пытается также вернуться к вопросу O_15 , т.е. к тому, полезно ли то, что делает Ф лично. Здесь разделены польза феминизма для общества вообще (тезис Φ) и польза, приносимая Φ (частный случай), так как сомнения в последней могло бы заблокировать инициированную Ф повестку. O_3 подхватывает этот мотив, требуя от Φ и других участников феминистского экономического влияния как условия признания их прав заявлять требования по переоценке социальной практики. Эта аргументация могла бы быть опасной, но вступает О₄, реплика которого поддерживает тематический спор. Его рассуждение малоубедительно, и это вызывает попытку тематического блокирования со стороны O₅. Звучит argumentum ad hominem в форме сетевого мема. Оценка общего итога спора зависит не только от симпатий наблюдателя. Ф удалось продвинуть повестку, часть оппонентов признала субъектность Ф, ведя с ним тематический спор, аргументы сторон прозвучали и могут обсуждаться вне ситуации, чтобы противостоять Ф, О5 пришлось вернуться к нетематическому спору. Ф достигает успешной интеракции, вызывает публичный эффект, а маневр О₅ является неудачным акционистским речевым действием.

Пример 2. «Клуб романтики – Мои истории» [21]. Нетематический спор возникает здесь из тематического, посвященного правам меньшинств, из которого Φ выходит в силу некооперативного поведения других участников спора. Это вызывает реакцию со стороны наблюдателя – О, который, с одной стороны, хочет объяснить Φ , почему его аргументы игнорируются, а с другой – переубедить Φ .

О1. ...мы живем в России. Так что «фемки» у нас никого не освобождали (...) я считаю, что раньше, на Западе это движение имело смысл, и женщины и мужчины этого движения действительно боролись за равноправие. Сейчас же это сборище токсичных манипуляторов, которые пользуются движением в угоду славы и личного обогащения. Именно поэтому так негативно воспринимается это движение.

Ф1. Мы сейчас на полном серьезе будем делить феминизм на «правильный» и «неправильный»? Если данное движение существует и по сей день, значит, все же есть, за что бороться. Для чего же нужен феминизм? Вот вам и аргументы: $\langle ... \rangle$ И многое другое $\langle ... \rangle$ Со всем этим еще предстоит ожесточенная борьба и в наши дни, так как, к сожалению, это все не исчезло.

¹ Этот маневр является типичным, например, для критики фигуры Греты Тунберг [20. Р. 9–10].

- **О2**. ...Все эти пункты можно преподнести и на мужской пол. Их тоже дискредитируют по внешности, фигуре, заработку и т.д. Людей не переделаешь, это всегда было и будет. Всегда глупых, некрасивых, неухоженный, толстых и т.д. людей будут задирать, так уж заведено в природе. $\langle ... \rangle$ я не собираюсь писать по каждому пункту, потому что считаю, что у взрослого человека должна быть голова на плечах и мозги, чтобы трезво оценивать ситуацию.
 - Ф2. Ой, как «остроумно»!
 - **О3.** $\langle ... \rangle$ Вы на мир в розовых очках смотрите.
- **Ф3.** Вы сейчас по фактам разносите человека, а этот человек, судя по всему, так и будет эти факты отталкивать в угоду себе, чтобы одержать победу в дискуссии, ахах) Так что Вы уважаемая правы:)
 - О4. Значит, Вам стоит проверить зрение.
- **Ф4.** Благодарю Вас за поддержку, дорогая. Да, именно так и происходит. Все мои слова перевернуты $\langle ... \rangle$ Поэтому я и не нашла смысла продолжать данную дискуссию дальше.

Здесь О совершает два маневра. В первой реплике нетематически продвигаются негативные черты феминистского движения как вида активизма. Обсуждение взглядов Ф имеет своей целью лишить основания его любые тематические суждения, в частности, показать, почему участники спора о правах меньшинств игнорируют Ф. Ф успешно нетематически блокирует О1, после чего тематически продвигает вопрос об актуальности феминизма. Ответом становится О2, реализующая прежнюю стратегию, - в нетематическом блокировании надо показать неадекватность Ф. В Ф2 и О3 это становится еще более очевидным, после чего Ф в сложной по форме и иронической реплике Ф3 выходит на нетематическое обсуждение того, как участники спора игнорируют «факты» ради победы в споре и признает правоту оппонента, интерпретируя «розовые очки» как законное ожидание от участников спора кооперативного поведения, т.е. учета «фактов». Судя по О4, оппонент не понимает иронии, так что в последней реплике Ф вынужден прямо обвинить противников в искажении своих слов, что и становится основанием для выхода из коммуникации. Таким образом, О и Ф, отталкиваясь от тематического спора, предпринимают разнонаправленные попытки перейти к спору нетематическому, причем Ф пресекает попытку О показать его неадекватность, что, правда, остается незамеченным для О, и успех здесь может быть достигнут только по шкале публичности.

Заключение

Споры о повестке, или нетематические споры, присутствуют в коммуникации повсеместно. В них проявляется в большей мере конфликт интересов, нежели расхождение мнений. Такие споры несут риски для статуса участников, поскольку, в отличие от тематических споров, решение спора о повестке определяет, кто и по каким правилам будет вести спор о предмете. Это, вопервых, очерчивает спектр вариантов его решения, а во-вторых, — часто их предопределяет, в-третьих, вследствие принятия сторонами правил сокращает социальную дистанцию между ними, дискурсивно выравнивает их права.

Интегральная оценка спора о повестке возникает как комбинация оценок по четырем шкалам. Главную роль здесь играют аспекты интеракции и пуб-

личности. Это обстоятельство связано как с исторически сложившимися формами публичной делиберации, так и с коммуникативными приемами неизбранных представителей и акционистов, которые именно в спорах о повестке достигают наиболее значимых результатов, а именно – интеракционального признания своей политической субъектности.

Между спором о повестке и сопряженным тематическим спором существуют логико-прагматические отношения, на основе которых можно осуществить аскрипцию агентам позиций в споре о повестке, отражающую их отношение к решению обоих споров, стратегии их поведения и риски. Было выделено восемь таких позиций, что позволило, в частности, прояснить суть акционизма как атаки на индифферентную позицию контрагента, выявить свойства агента, для которого, напротив, никакая коммуникация неприемлема, описать черты различных форм продвижения и блокирования тем и аргументов в нетематическом и тематическом спорах. Анализ примеров показал, что выход на нетематический уровень является частым и продуктивным маневром в споре, подрывающим, прежде всего, интеракцию, а его блокирование, вне зависимости от хода тематического спора, приносит агенту успех, прежде всего, в аспекте публичности.

Литература

- 1. *Лисанюк Е.Н., Мазурова М.Р.* Аргументация, разногласие равных и рождение истины в споре // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 1. С. 81–100.
- 2. Фуко М. Порядок дискурса / пер. с фр. С. Табачниковой // Воля к истине. По ту сторону знания власти и сексуальности. М., 1996. С. 47–97.
- 3. Серио Π . О языке власти: критический анализ / авт. пер. с англ. С.А. Мегентесова, И.В. Рубцова // Философия языка в границах и вне границ. Харьков, 1993. Т. 1. С. 83–100.
- 4. *Аристомель*. Афинская политика: государственное устройство Афин / пер. с древнегр. С.А. Радцига. М., 2003. С. 32–127.
- 5. Hansen M.H. The Tradition of the Athenian Democracy A. D. 1750–1990 // Greece & Rome. Vol. 39, № 1. P. 14–30.
 - 6. Keane J. The Life and Death of Democracy. London; New York, 2009.
- 7. Dobson A. Democracy and Nature: Speaking and listening // Political Studies. 2010. Vol. 58. P. 752–768.
- 8. *Eckersley R.* Deliberative democracy, ecological representation and risk: Towards a democracy of the affected // Democratic Innovation: Deliberation, Representation and Association / ed. M. Saward. New York, 2000. P. 117–145.
- 9. Allen A. The New Ethics: A Guided Tour of the Twenty-First Century Moral Landscape. Miramax Books, 2004.
- 10. Mamdani M. Neither Settler nor Native. The Making and Unmaking of Permanent Minorities. Belknap Press, 2020.
- 11. *Латур Б*. Где приземлиться. Опыт политической ориентации / пер. с фр. А. Шестакова; науч. ред. О. Бычкова. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2019.
- 12. *Thunberg* v Trump: A trillion trees is 'not enough'. URL: https://www.reuters.com/article/us-davos-meeting-thunberg-idUSKBN1ZK0PS. (accessed: 13.06.2021).
- 13. Sabherwal A., Ballew M.T., van der Linden S. et al. The Greta Thunberg effect: Familiarity with Greta Thunberg predicts intentions to engage in climate activism in the United States // Journal of Applied Social Psychology. 2021. № 51 (4). P. 321–333.
- 14. Семедов С.А. Сухарева В.А. Феномен Греты Тунберг, или Технологии медиатизации протеста // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 1(13). С. 121–138. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-1-13-121-138
- 15. *Keller J.* "This is oil country:" mediated transnational girlhood, Greta Thunberg, and patriarchal petrocultures // Feminist Media Studies. 2021. Vol. 21, № 4. P. 68–686. DOI: 10.1080/14680777.2021.1919729

- 16. Hauser P.M. On Actionism in the Craft of Sociology // Sociological Inquiry. 1969. Vol. 39, Iss. 2. P. 139–147.
- 17. Ehs T., Mokre M. Deliberation against Participation? Yellow Vests and Grand Débat: A Perspective from Deliberative Theory // Political Studies Review. 2021. Vol. 19, Iss. 2. P. 186–192. DOI: 10.1177/1478929920940947
- 18. Van Eemeren F.H., Houtlosser P. Strategic manoeuvring in argumentative discourse // Discourse Studies. 1999. Vol 1. P. 479–497.
- 19. Зачем нужен феминизм? URL: https://vk.com/wall-185593520_116313 (дата обращения: 02.06.2021).
- 20. Park C.S., Liu Q., Kaye B.K. Analysis of Ageism, Sexism, and Ableism in User Comments on YouTube Videos About Climate Activist Greta Thunberg // Social Media + Society. 2021. July-September. P. 1–14. DOI: 10.1177/20563051211036059
- 21. Клуб романтики мои истории. URL: https://vk.com/im?sel=14006432&w=wall-164141329 6126327%2F0521dbaa1e882f290d (дата обращения: 02.06.2021).

Gleb B. Elagin, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: elagingleb@gmail.com

Ivan B. Mikirtumov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: imikirtumov@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 5–15.

DOI: 10.17223/1998863X/64/1 **DISPUTE ON THE AGENDA**

Keywords: dispute; discussions; agenda; agent's position

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158.

In the article, we characterize the dispute on the agenda as a type of non-thematic communication, show its specifics, analyze its relationship with the thematic dispute. We also describe the ways of assessing the results of the dispute on the agenda, to present the positions of agents in relation to their strategies and risks. These questions are illustrated by the analysis of dispute on the Internet. We made the following conclusions. Agenda disputes, or non-thematic disputes, are ubiquitous in communication. They are more about a conflict of interest than a divergence of opinion. Such disputes carry risks for the status of the participants, since, unlike in thematic disputes, the resolution of the dispute on the agenda determines who and according to what rules will dispute about the subject. This, firstly, outlines the range of options for its solution; secondly, this often predetermines them; and, thirdly, due to the adoption by the parties of the rules, this reduces the social distance between them, discursively equalizes their rights. The integral assessment of the agenda dispute arises as a combination of assessments on four scales reflecting four aspects of the dispute: epistemic, actional, interactional, and public. The main role here is played by the aspects of interaction and publicity. This circumstance is associated both with the historically established forms of public deliberation and with the communicative methods of unelected representatives and actionists, who achieve the most significant results in disputes on the agenda, namely, the recognition of their political subjectivity. There are logical-pragmatic relations between the dispute on the agenda and the related thematic dispute, on the basis of which it is possible to ascribe the positions of the agents in the dispute on the agenda that reflect their attitude to resolving the dispute, their strategies of behavior and risks. Eight such positions were identified, which made it possible, in particular, to clarify the essence of actionism as an attack on the indifferent position of the counterparty, to identify the properties of an agent for whom, on the contrary, no communication is acceptable, to describe the features of various forms of promoting and blocking topics and arguments in non-thematic and thematic disputes. An analysis of examples showed that reaching a non-thematic level is a frequent and productive maneuver in a dispute that undermines interaction, and blocking it, regardless of the course of a thematic dispute, brings the agent success, primarily in the aspect of publicity.

References

1. Lisanyuk, E.N. & Mazurova, M.R. (2019) Argumentatsiya, raznoglasie ravnykh i rozhdenie istiny v spore [Argumentation, peer disagreement and the truth birth in dispute]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 56(1). pp. 81–100. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20195619

- 2. Foucault, M. (1996) *Volya k istine. Po tu storonu znaniya vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth]. Translated from French by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal. pp. 47–97.
- 3. Sériot, P. (1993) O yazyke vlasti: kriticheskiy analiz [On the language of power: a critical analysis]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Filosofiya yazyka v granitsakh i vne granits* [Philosophy of Language Within and Beyond Boundaries]. Translated from English by S.A. Megentesov, I.V. Rubtsov. Vol. 1. Kharkov: Oko. pp. 83–100.
- 4. Aristotle. (2003) *Afinskaya politika: gosudarstvennoe ustroystvo Afin* [Athenian politics: the state structure of Athens]. Translated from Ancient Greek by S.A. Radtsig. Moscow: [s.n.]. pp. 32–127.
- 5. Hansen, M.H. (1992) The Tradition of the Athenian Democracy A. D. 1750–1990. *Greece & Rome*. 39(1), pp. 14–30.
- 6. Keane, J. (2009) The Life and Death of Democracy. London, New York: W.W. Norton & Company.
- 7. Dobson, A. (2010) Democracy and Nature: Speaking and listening. *Political Studies*. 58. pp 752–768. DOI: 10.1111/j.1467-9248.2010.00843.x
- 8. Eckersley, R. (2020) Deliberative democracy, ecological representation and risk: Towards a democracy of the affected. In: Saward, M. (ed.) *Democratic Innovation: Deliberation, Representation and Association*. New York: Routledge. pp.117–145.
- 9. Allen, A. (2004) The New Ethics: A Guided Tour of the Twenty-First Century Moral Landscape. Miramax Books.
- 10. Mamdani, M. (2020) Neither Settler nor Native. The Making and Unmaking of Permanent Minorities. Belknap Press.
- 11. Latour, B. (2019) *Gde prizemlit'sya. Opyt politicheskoy orientatsii* [Where to Land. Experience of Political Orientation]. Translated from French by A. Shestakov. St. Petersburg: St. Petersburg European University.
- 12. Zhdannikov, D. & Robinson, S. (2020) *Thunberg v Trump: A trillion trees is 'not enough'*. [Online] Available from: https://www.reuters.com/article/us-davos-meeting-thunberg-idUSKBN1ZK0PS. (Accessed: 13th June 2021).
- 13. Sabherwal, A., Ballew, M. T., van der Linden, S. et al. (2021) The Greta Thunberg effect: Familiarity with Greta Thunberg predicts intentions to engage in climate activism in the United States. *Journal of Applied Social Psychology*. 51(4). pp. 321–333. DOI: 10.1111/jasp.12737
- 14. Semedov, S.A. & Sukhareva, V.A. (2020) The Greta Thunberg's Phenomenon and Technology of Mediatization of Ecological Protests. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 4(1). pp. 121–138. (In Russian). DOI: 10.24833/2541-8831-2020-1-13-121-138
- 15. Keller, J. (2021) "This is oil country:" mediated transnational girlhood, Greta Thunberg, and patriarchal petrocultures. *Feminist Media Studies*. 21(4). pp. 682–686. DOI: 10.1080/14680777.2021.1919729
- 16. Hauser, P.M. (1969) On Actionism in the Craft of Sociology. *Sociological Inquiry*. 39(2). pp. 139–147.
- 17. Ehs, T. & Mokre, M. (2021) Deliberation against Participation? Yellow Vests and Grand Débat: A Perspective from Deliberative Theory. *Political Studies Review*. 19(2). pp. 186–192. DOI: 10.1177/1478929920940947
- 18. Van Eemeren, F.H. & Houtlosser, P. (1999) Strategic manoeuvring in argumentative discourse. *Discourse Studies*. 1. pp. 479–497. DOI: 10.1177/1461445699001004005
- 19. Vkontakte. (n.d.) Zachem nuzhen feminizm? [Why feminism is needed] [Online] Available from: https://vk.com/wall-185593520_116313 (Accessed: 2nd June 2021).
- 20. Park, C.S., Liu, Q. & Kaye, B.K. (2021) Analysis of Ageism, Sexism, and Ableism in User Comments on YouTube Videos About Climate Activist Greta Thunberg. *Social Media + Society*. July-September. pp. 1–14. DOI: 10.1177/20563051211036059
- 21. Vkontakte. (n.d.) *Klub romantiki moi istorii* [Romance Club My Stories]. [Online] Available from: https://vk.com/im?sel=14006432&w=wall-164141329_6126327%2F0521dbaa1e882f290d (Accessed: 2nd June 2021).

УДК 164.3

DOI: 10.17223/1998863X/64/2

Г.В. Карпов

ЛОГИКА ДЕЙСТВИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ АНАЛИЗА И РЕШЕНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00158).

Статья посвящена вопросу о том, допустимо ли сегодня современную логику рассматривать как инструмент, которым может эффективно пользоваться специалист в области философии. Мы исследуем методы, которые предлагает одна из современных логик — логика действия, и показываем, как ее арсенал может быть использован в области философии. В заключение мы высказываем мысль о том, что логика действий прочно войдет в набор исследовательских приемов специалистафилософа.

Ключевые слова: логика действий, философская проблема, агент, логическая семантика, уклонение

Логика – это инструмент философского знания

Заявления специалистов в области философии о том, что логика является инструментом, позволяющим формулировать новые вопросы относительно того или иного предмета, вносить ясность в обсуждаемые проблемы и даже решать их, являются общим местом как вводных курсов по логике и философии и энциклопедических статей, так и специальных работ. Инструментальный характер логики в самом деле не вызывает сомнений, если речь идет, например, о традиционной логике как дисциплине и такой сфере профессиональной деятельности, как, например, юриспруденция. Однако в том случае, когда речь заходит об использовании специалистами-философами классических и неклассических логических теорий, например модальной логики, то их инструментальный, прикладной и эвристический характер уже не так очевиден.

В качестве примера, демонстрирующего саму возможность и удобство такого использования логических теорий, мы сошлемся на знаменитый онтологический аргумент Алвина Плантинга, в основе которого лежат аксиомы модальной логики S5 [1]. Широкая дискуссия, которая развернулась в среде специалистов, занятых философией религии, в связи с результатом Плантинга, говорит о том, что если подобное применение одной из логических теорий и не решает существующие философские проблемы, то, по крайней мере, рождает новые, что в данном случае не следует расценивать с практической точки зрения, т.е. в отрицательном ключе. Что же касается не столь провокационных примеров использования логических теорий, то здесь сами философы не столько демонстрируют весь потенциал названного инструмента, сколько, напротив, прячутся за общими фразами или, под видом дискуссий об использовании логического знания в области философии, говорят о дру-

гом. Так, например, Rod Girle в книге «Modal Logics and Philosophy» [2], вопреки обещающему названию, во второй части, которая посвящена приложениям логики к областям философии, дает обзор современных логик (классической, модальной, темпоральной, динамической, эпистемической, деонтической) точно так же, как это делают большинство стандартных логических учебников, где ни о каком специальном применении рассматриваемых логических теорий речи не идет. Подобным образом действует автор книги «Modal Logic for Philosophers» [3], которая также содержит лишь описание нескольких нормальных систем модальной логики и никаких инструкций о том, как работать с этими системами, т.е. как их применять. Это замечание справедливо и в отношении логики действия – направления, нацеленного, как об этом говорит Стэнфордская философская энциклопедия, на изучение философских аспектов действий формальными средствами [4]. Кроме того, если взглянуть на любую из логических статей последних лет (и статьи по логике действий здесь не являются исключением, см., например: [5, 6]) то можно обнаружить, что почти все эти тексты на три четверти состоят из описания теорий и на одну четверть из выяснения того, что можно созданными средствами утверждать содержательного о том или ином предмете. Все это вызывает рост разобщения специалистов в области логики и философии, отечественные философские журналы, публикующие статьи по логике и философии, все чаще принимают лишь те работы, где не допускается сколь бы то ни было громоздких формальных построений, а сами логики замыкаются в своих «чистых» логических исследованиях, считая, что все существенное о философских вопросах скажут в других, не сугубо логических журналах и без их участия.

Этим текстом мы хотим показать, что если не вся логика, то, по крайней мере, ее часть, а именно, – логика действий, была и остается отраслью философского знания, что она обладает потенциалом, который позволяет ей формулировать нетривиальные утверждения, имеющие отношение к исконным философским вопросам, и что перечень этих утверждений можно множить, если научиться правильно использовать те инструменты, которые она предлагает. Мы также надеемся, что эта статья послужит толчком для специалистов-логиков выступить в печати с аналогичными утверждениями об эффективности и удобстве использования их логик в области философии. Тем самым тезис о логике как инструменте философского знания получит как бы индуктивное обоснование, в то время как эта статья сегодня даст ему обоснование через пример.

Какие инструменты предлагает логика действий?

Логика действий существует сразу в нескольких вариантах: как формализованная теория с креном в сторону семантических и собственно философских исследований [7–10]; как формальная теория с приоритетом логикоматематических штудий, в которых философские задачи, например в области приложения логики действий к вопросам этики, отходят на второй план [11–14]. На сегодняшний день логика действий располагает несколькими семантиками: классической и упрощенной семантиками ветвящегося времени, разработанными пионерами этого направления — Дж. Хорти и Н. Белнапом, — семантикой, основанной на модельных структурах Крипке, и семантикой для последующих состояний (так называемой NEXT-семантикой). Классическая

18 Г.В. Карпов

семантика является самой старой и самой мощной из всех: ее выразительных средств достаточно для того, чтобы интерпретировать описательные предложения, выражающие самые разнообразные смысловые оттенки совершаемых агентами действий. Упрощенная семантика используется преимущественно тогда, когда не возникает необходимости в интерпретации предложений, описывающих стратегические действия, когда решение о действии и последствие действия отставали бы друг от друга во времени. Семантика, в основе которой лежат структуры Крипке, служит средством теоретико-игровой интерпретации логики действия, что, в свою очередь, составляет часть программы по поиску оснований, которые бы позволили объединить ее с другими логиками, где задаются и решаются сходные вопросы — прежде всего с пропозициональной динамической логикой (см.: [15]). Семантика для последующих состояний используется специально для удобства интерпретации предложений, описывающих различные по своему виду стратегические действия агентов (см.: [16]).

 $BT + AC + I^{1} -$ классическая семантика логики действий. В ее основе лежит древовидная структура², объединяющая множество моментов $T = \{m_1, m_2, ..., m_n\}$, которые находятся в отношении частичного порядка <. В том случае, когда мы выделяем внутри Т максимальное множество линейно упорядоченных элементов, мы говорим об истории h. Каждая такая история h – это ветка дерева Т. В том случае, когда мы берем горизонтальный срез всех возможных историй из Т, мы говорим об альтернативе і из множества альтернатив І, куда попадают по одному моменту из каждой истории, находящемуся как бы на одном временном уровне. Функция Choice для каждого момента т из Т и каждого агента, совершающего выбор в данном моменте, разбивает множество историй $H_{(m)}$, проходящих через этот момент, на классы так, что, например, в один класс попадают множество историй, в каждой из которых следует ожидать последствия выбора агента в момент m, а во все прочие классы - множество историй, где не содержится ни одной, в которой эти последствия имеют место. Выражение «Choice (α, m) , (h)» обычно используют для обозначения множества историй, эквивалентных истории h, которую агент α выбирает в момент m. Структуры <T, <, I, Choice, Agents> оказывается достаточно для того, чтобы интерпретировать разнообразные предложения произвольного искусственного языка, описывающие действия агентов α , β , γ , ... из множества Agents.

Наиболее существенным преимуществом классической семантики, ради которого исследователь терпит некоторые неудобства, связанные, как мы сейчас увидим, с громоздкостью определений, является уже отмечавшийся выше ее универсальный характер. Средств BT + AC + I хватает на то, чтобы формулировать и затем изучать осмысленные утверждения о самых разных типах действий: когда агент совершает некоторое действие намеренно или же случайно, по неосторожности; когда он или она обдуманно действуют или,

 $^{^{1}}$ BT – от branching time (ветвящееся время, англ.), AC – agent choice (выбор агента, англ.), I – instants (буквально – моменты времени, англ.; здесь мы передаем I как множество альтернатив, чтобы отличать его элементы, отдельные альтернативы i_1, i_2, \ldots , от моментов времени m_1, m_2 из множества T).

² «Древовидный универсум», в терминологии Блинова и Петрова, авторов единственной известной нам монографии по логике действий на русском языке, вышедшей в 1991 г., т.е. в то самое время, когда это направление переживало свой первый расцвет (см.: [17]).

напротив, оказываются в ситуации, порожденной скорее не-действием, невмешательством в некоторые события, происходящие как бы сами собой. Для каждого такого действия BT + AC + I предлагает или специальный символ предметного языка (так называемый агентный оператор, например: astit, bstit, cstit, dstit,..., xstit) или сочетания одного из таких символов с символами, выражающими операторы обыкновенной модальной логики (например, алетическими: «необходимо, что», «возможно, что», или деонтическими: «должно быть так, что...», «разрешено, что...», или временными: «будет так, что...», «всегда было так, что...).

Рассмотрим подробнее несколько наиболее употребимых агентных операторов и их интерпретации в классической семантике. Традиционно интерпретация задается с помощью выделения внутри класса модельных структур класса моделей, т.е. таких модельных структур, в которых интерпретируемая формула истинна. Для cstit-оператора такая модель описывается следующим образом. Формула $[\alpha \text{ cstit: } \varphi]^T$ считается истинной в некотором мире m/h(который традиционно обозначается индексом, объединяющим символы для момента и истории), если и только если в каждом мире m/h', где история h'принадлежит множеству историй Choice (α, m) , (h), которые агент α выбирает в момент m, истинной оказывается формула φ^2 . Если нам нужно описать такое действие, для которого характерны автоматизм (т.е. отсутствие сколь бы то ни было значимого временного зазора между принятием решения и собственно совершением действия), а, кроме того, отсутствие значимых альтернатив (ситуаций, в которых бы оказался агент, если бы он не совершил указанное действие), то для этого сложно подобрать кандидатуру, лучшую, чем cstit-оператор, и образованное с его помощью выражение предметного языка. Так действует, например, агент-водитель, который ведет машину по пустому и прямому шоссе без разветвлений и примыканий дорог. Едва ли его поведение можно рассматривать как такое, когда каждую секунду он принимает решение о том, как именно ему вести машину, и едва ли он сам рассматривает в качестве сколь бы то ни было значимой альтернативы своему действию ситуацию, когда он, вместе со своим ТС, съезжает с проезжей части и оказывается в канаве. Но что происходит с нашим агентом-водителем, когда вдруг справа от него появляется примыкание дороги – поворот?

Эту ситуацию отличает от предыдущей наличие для водителя некоторой существенной альтернативы: возможности сделать поворот. Из-за того, что этот поворот есть, водитель как бы становится другим по своему типу агентом, так как получает теперь возможность поступить по-другому. Вне зависимости от того, была ли эта возможность реализована, и даже вне зависимости от того, придавался ли он в связи с этим соответствующим размышлениям, тот факт,

 $^{^1}$ Или, как мы будем писать далее, следуя принятой сегодня нотации, $-[\alpha]^c \phi$, где « $[\alpha]^c \rangle$ » есть сstitоператор. Для всех прочих операторов действия применяется тот же принцип обозначения, когда первая буква их названия выносится в верхний индекс, а символ, обозначающий агента, совершающего действие того типа, на который указывает оператор, заключается в квадратные или в угловые скобки

² Мы не даем здесь определения истинности формулы ф, неагентной формулы логики действий, т.е. той, которая не содержит в качестве своего элемента агентный оператор, так как оно не отличается от множества других аналогичных определений любой из модальных логик с реляционной семантикой. Аналогично мы поступаем со всеми прочими неагентными формулами. Никаких других формул в языке логики действий нет.

20 Γ.B. *Kapnoв*

что поворот есть или был и что, следовательно, водитель, только если бы он захотел, мог бы повернуть, делает его тем, кого в логике действий принято называть dstit-агентом. Dstit-оператор, использующийся для описания подобных ситуаций, определяется так: формула $[\alpha]^d$ ф истинна в некотором мире m/h, если и только если в каждом мире m/h' (где снова история h' принадлежит множеству историй Choice (α, m) , (h), которые агент α выбирает в момент m) истинной оказывается формула ϕ , и, кроме того, если найдется история h', которая принадлежит множеству историй $H_{(m)}$, проходящих через момент m, такая, что в мире m/h' будет истинной формула $\sim \phi$. Как видим, наличие существенной альтернативы, которой мог бы воспользоваться, но не воспользовался агент, делает его или ее именно dstit-агентом.

Наконец, вообразим ситуацию, когда перед агентом-водителем возникает разветвление дорог, — так, что никакой возможности оставаться «автоматическим» сstit- или dstit-агентом больше нет. В данном случае приходится принимать решение, так как без него движение вперед невозможно. Такого рода действия наиболее адекватно описывает astit-оператор. Формула $[\alpha]^a \varphi$ истинна в мире m/h, если и только если найдется такой момент w, предшествующий моменту m, что, во-первых, во всех мирах m'/h', которые принадлежат множеству историй Choice (α, w) , (h), где h' принадлежит множеству $H_{(m')}$, истинной оказывается формула φ , и, во-вторых, если найдется такой момент m'' из множества альтернатив $i_{(m)}$ по отношению к моменту m, когда в некотором мире m''/h' имеет место формула $\sim \varphi$. Отмеченную выше громоздкость определений (являющуюся, впрочем, лишь следствием стремления к максимально возможной для формализованной теории точности) несколько уравновешивают изображения описанных моделей, аналогичные по стилистике знаменитым «stit-pictures» из статей Н. Белнапа и др. начала 90-х гг. прошлого века.

На рис. 1 во втором ряду даны изображения моделей для формул с astit-, dstit- и cstit-операторами; первый ряд рис. 1 содержит схематическое изображение аналогий, каждая из которых иллюстрирует отличительные особенности формул, использующих указанные операторы. Для каждой схемы первого ряда справедливо следующее: если агент-водитель был в точке I, а оказался в точке 2, то он действовал как astit-, dstit- или cstit-агент соответственно. В случае 6 – продолжил движение прямо, при условии, что других альтернатив этому действию не было; в случае 6 – также продолжил движение прямо, но при условии, что он мог поступить и по-другому; в случае a – повернул, предварительно приняв решение о том, в какую сторону поворачивать.

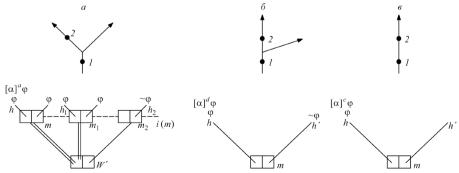

Рис. 1. Нижний ряд – семантические модели для формул с astit-, dstit- и cstit-операторами; верхний ряд – аналогия с действиями агента-водителя для каждого вида оператора действия

Таким образом, мы видим, что логика действий предлагает исследователю предметный язык и средства интерпретации его выражений, на котором можно описывать разнообразные ситуации совершения действий агентами, иногда трудно отличимые друг от друга — при первом рассмотрении или при использовании одного лишь естественного языка. Тем не менее разница, на которую мы можем ясно указать, воспользовавшись для этого средствами логики действий, может иметь решающее значение как для понимания природы действия вообще, так и для исследования отдельных кейсов, касающихся специфических действий, их этического и социального измерений.

Степень агентности

Посмотрим на случаи a и δ на рис. 1 внимательнее. В случае δ выбор одной из альтернатив осуществляется как бы сам собой, так как агент-водитель может продолжать движение «прямо» или следуя некоторому заранее определенному порядку действий, или не следуя никакому решению вовсе. Напротив, совершить поворот, как это происходит в случае а, едва ли возможно без того, чтобы не было принято соответствующее решение. Мы хотим обратить внимание на то, что в случае a обе альтернативы предполагают одинаковые по сути действия, так как никакой возможности просто двигаться «прямо», поддавшись силе привычки или естественному ходу вещей, здесь нет. Равным образом, например, курильщик, который не закуривает очередную сигарету, совершает действие, которое можно назвать действием в гораздо большей степени, чем действие того агента, кто не закуривает, так как не курит вообще и не имеет к этому ни малейшей тяги. Это значит, что в связи с одним и тем же положением дел («агент α/β делает так, что он не курит») курильщик (α) и некурильщик (β) являются агентами в разной степени: агент В – в меньшей, так как ему это действие не стоит ни малейшего труда, агента α – в большей, так как аналогичное действие стоит ему подчас многого. Мы предполагаем далее, что в отношении каждой пары вида $<\alpha$, $\phi>$ (<агент, положение дел>) можно говорить о степени агентности α в связи с φ.

Будем считать, что степень агентности коррелирует с усилием, которое необходимо приложить агенту для реализации некоторого действия. Одни действия совершаются сами собой и как бы в силу привычки и не требуют сколь бы то ни было заметного усилия для своего осуществления. Для совершения других действий агентам приходится уговаривать себя, или подбадривать себя, или, например, обещать себе награду. Во всех этих случаях они оказываются в положении тех, кто смотрит на себя со стороны и кто действует исходя из этой перспективы - теперь сами агенты выступают для самих же себя объектом приложения волевого усилия, объектом собственных действий. Мы будем считать, что синтаксически степень агентности одного агента в отношении одного и того же положения дел можно выразить количеством агентных операторов. Пусть выражение «[α]φ» отвечает некоторой базовой степени агентности, а выражение «[α][α] ϕ » (которое следует читать так: агент α делает так, что агент α делает так, что имеет место φ) указывает на то, что агенту а для выполнения действия, такого, что ф, приходится прикладывать дополнительное усилие.

Попытаемся перевести эту интуицию о степени агентности в знание, воспользовавшись для этого предметным языком логики действий, интерпре-

22 Г.В. Карпов

тированным в ее классической семантике. Сложность, с которой мы при этом сразу же сталкиваемся, сводится к следующему. В рамках семантики BT + AC + I действует принцип (*) $[\alpha]\phi \leftrightarrow [\alpha][\alpha]\phi$, причем он справедлив вне зависимости от того, о каком типе агентного оператора идет речь: astit, cstit или dstit. Принцип (*) говорит о том, что формулы « $[\alpha]\phi$ » и « $[\alpha][\alpha]\phi$ » семантически неотличимы друг от друга, следовательно, не могут выражать разные степени агентности. Таким образом, для того чтобы показать, что две данные формулы, по крайности, суть не одно и то же и что, более того, каждая из них может ассоциироваться с действием определенной степени, нам нужно тем или иным образом поставить принцип (*) под сомнение. Это кажется невозможным, так как любое правильно построенное доказательство неуниверсальности (*) свидетельствовало бы, на первый взгляд, о противоречивости базовых определений классической семантики. Однако в действительности подобное положение дел говорит в большей степени не столько о противоречивости семантики, сколько о наличии среди ее базовых определений некоторого скрытого компонента, умолчания, которое само по себе и является причиной противоречия. В самом деле, случаи обнаружения таких умолчаний в BT + AC + I уже встречались ранее. Так, например, в отношении принципа SMP, аналога modus ponens для агентных предложений, было установлено, что его выполнимость зависит от того, в какой порядок на древовидной структуре выстраиваются предложения, выражающие посылки, что делает SMP не универсально выполнимым в тех случаях, когда его посылки выражены с помощью предложений с astit-операторами (см.: [7. P. 799-800]). Умолчание, напоминающее это, мы надеемся обнаружить и в отношении (*).

Принцип (*) образован соединением принципов 4 ($[\alpha]^a \phi \rightarrow [\alpha]^a [\alpha]^a \phi$) и **T** $([\alpha]^a[\alpha]^a\phi \rightarrow [\alpha]^a\phi)$. Обоснования, предложенные для 4 и Т (см.: [8. Р. 501– 502]), опираются на witness identity lemma, лемму о тождестве момента выбора (WIL). В соответствии с ней, если верно, что $\phi \to \psi$, и если формулы $[\alpha]^a \phi$ $u \left[\alpha \right]^a \psi$ оказываются истинными в одном и том же мире, то не может быть так, что момент выбора для $[\alpha]^a \phi$ предшествует моменту выбора для $[\alpha]^a \psi$ (см.: [8. Р. 498]). Доказательство принципа Т использует WIL явным образом, что оправдано, так как в самом деле, во-первых, $[\alpha]^a \phi$ влечет ϕ и, во-вторых, и антецедент, и консеквент Т выполняются в одном и том же мире. Другими словами, оба условия, гарантирующие саму возможность использования WIL в построении доказательства для Т, наличествуют. Но в отношении доказательства принципа 4, в связи с возможностью использования WIL, все вкладывается иначе. Хотя и антецедент, и консеквент принципа 4 выполняются в одном и том же мире, неверно, что ϕ влечет $\left[\alpha\right]^{a}\phi$, – т.е. одно из условий, гарантирующее возможность применения WIL, не выполняется. Что, в свою очередь, говорит о том, что мы можем исходить из допущения, согласно которому моменты выбора для антецедента и консеквента 4 - суть разные моменты. Таким образом, использование WIL при построении доказательств для 4 непосредственно, и, косвенно, - при доказательстве (*) как раз и является тем умолчанием, которое мы надеялись обнаружить. Рассмотрение модельных структур с разными моментами выбора для агентных формул, задействованных в 4, может дать нам модель, где этот принцип не будет выполняться.

В самом деле, если допустить, что момент выбора w для $[\alpha]^a \varphi$ предшествует моменту выбора w' для $[\alpha]^a [\alpha]^a \varphi$ (рис. 2), то придется признать, что во всех мирах, следующих за w и входящих в множество Choice (α, w) (h_1) , имеет место φ . Так как между мирами внутри множества Choice (α, w) (h_1) устанавливается отношение эквивалентности, то, следовательно, в каждом мире, принадлежащим данному множеству, имеет место не только φ , но и $[\alpha]^a \varphi$, потому что формула $[\alpha]^a \varphi$ истинна в мире, обозначенном m_1/h_1 из Choice (α, w') (h_1) . Допуская противоположное тому, что мы хотим показать, будем считать, что в мире, который мы обозначили индексом m_1/h_1 , истинна $[\alpha]^a [\alpha]^a \varphi$. Тогда среди миров, принадлежащих множеству Choice (α, w') (h_5) , должен найтись хотя бы один такой, в котором истинной окажется формула $\sim [\alpha]^a \varphi$. Однако так как множество Choice (α, w') (h_5) принадлежит множеству Choice (α, w) (h_1) , то здесь всюду, как мы только что установили, во всех мирах должна быть истинна формула $[\alpha]^a \varphi$. Следовательно, неверно, что формула $[\alpha]^a \varphi$ истинна в m_1/h_1 , наряду с формулой $[\alpha]^a \varphi$.

На рис. 2 показана модель, где истинными в одном и том же мире оказываются формулы $[\alpha]^a \varphi$ и $\sim [\alpha]^a [\alpha]^a \varphi$, что опровергает принцип **4** и, следовательно, принцип (*).

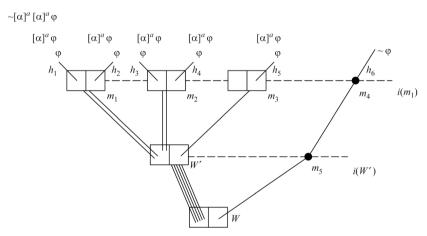

Рис. 2. Семантическая модель, где совместимы по истинности формулы $[\alpha]^a \varphi$ и $\sim [\alpha]^a [\alpha]^a \varphi$

Таким образом, формулы $\langle [\alpha]^a [\alpha]^a \phi \rangle$ и $\langle [\alpha]^a \phi \rangle$ могут выражать разные действия, которые не сводятся друг к другу, хотя и оканчиваются одним и тем же результатом, одним и тем же положением дел $\langle \phi \rangle$, реализованным агентом α . Мы предлагаем понимать формулу $\langle [\alpha]^a \phi \rangle$ как выражение такой степени агентности, когда действие, хотя и не совершается как бы само собой, как это имеет место в случае с действиями, обозначенными формулами $\langle [\alpha]^a \phi \rangle$ или $\langle [\alpha]^a \phi \rangle$, но требует некоторого минимального волевого усилия, минимального участия в самом себе как в деятеле. Так действуют заядлый курильщик, когда закуривает очередную сигарету, водитель, выбирающий поворот тогда, когда последствия этого выбора ему или ей в общем-то безразличны (ведь обе дороги, например, ведут в одно и то же место), любой другой агент, поставленный перед выбором, который не является существенно важным. Формула $\langle [\alpha]^a [\alpha]^a \phi \rangle$, напротив, указывает на то, что агенту, который принимает решения о каком-то действии, требуется приложение уси-

24 Г.В. Карпов

лия — как для того, чтобы принять это решение, так и для того, чтобы затем реализовать задуманное. Выше мы предложили понимать такое усилие как подбадривания, уговоры или обещания, адресованные агентом самому себе. Если трудно приступить к выполнению некоторого действия, трудно реализовать некоторое положение дел, такое, что «ф», то приходится сначала прикладывать усилия, чтобы приняться за дело — делать так, что делаешь так, что «ф». Следует ожидать, что награда, как и наказание, если того заслуживают действия агентов, в двух указанных случаях, отличающихся степенями агентности, будут разными. Учет степеней агентности открывает новое измерение в логике и философии действия, связанное с дифференциацией заслуг, ответственности агента за реализацию одного и того же действия в зависимости от приложенных усилий.

Агенты и агентные домены

Заметим, во-первых, что для всякого агента α следует, строго говоря, указывать множество предложений D_{α} , т.е. его, как мы будем здесь говорить, *агентный домен*. Если предложение предметного языка логики действий входит в D_{α} , то это означает, что α может сделать так, что данное предложение истинно. Множество предложений из D_{α} есть такое множество описаний положений дел, относительно которых α и является агентом. Таким образом, сказать, что α — агент, значит сказать недостаточно для того, чтобы ясно определить, кто такой α ; напротив, сказать, что α — агент в связи с положением дел, таким, что предложение « α » истинно — значит определить агентный домен α и тем самым сказать об α достаточно для того, чтобы мыслить его как агента более или менее ясно.

Во-вторых, будем считать, что в обычных, базовых ситуациях для агента α верно, что $D_{\alpha} = \{\phi, \psi, ..., \sim \phi, \sim \psi, ...\}$, т.е. что α является агентом в связи с таким положением дел, что оказывается истинным множество неагентных формул, т.е. формул без операторов « $[\alpha]$ », « $[\beta]$ » и т.д. Однако ясно, что, например, множеству D_{α} могут принадлежать и формулы с агентными операторами, например, такие: « $[\beta]\phi$ » или даже « $[\alpha]\phi$ ». В первом случае это означает, что агент α может сделать так, что агент β делает так, что имеет место такое положение дел, что формула « ϕ » истинна. В этом случае α может отдать, например, указание β , чтобы тот выполнил действие, результат которого мог бы быть описан предложением « ϕ ». (Эта структура, на которую не раз обращали внимание специалисты в области логики действий, в деталях исследована в работе [18]). Во втором случае, если D_{α} принадлежит формула « $[\alpha]\phi$ », то это значит, что α может отдавать указание сам себе, т.е. реализовывать некоторое действие с приложением большего усилия, чем это имеет место в том случае, когда D_{α} принадлежит исключительно формула « ϕ ».

В-третьих, мы хотим обратить внимание на то, что об агентах можно судить не только по тому, что они могут сделать, но и по тому, что они сделать не могут. Например, в большинстве ситуаций в отношении агента α и положения дел, такого что «у α не болит голова», верно, что указанное предложение входит в D_{α} . Это так, ведь для того чтобы достичь этой ситуации в случае, когда в действительности имеет место обратное, в распоряжении α достаточно средств. Однако утверждение о том, что формула « ϕ » («у α болит голова») принадлежит D_{α} , также, как и формула « ϕ », вероятно, все же

неверно: в самом деле, за исключением случаев, когда некто намеренно вызывает у себя головную боль, как правило, никто не станет рассматривать себя как агента в связи с положением дел «у меня болит голова». Таким образом, вероятно, существуют положения дел, которые входят, вместе со своими отрицаниями, в агентные домены, и существуют положения дел и действия, которые входят в агентные домены или сами по себе, или с отрицаниями, но не то и другое одновременно.

Вернемся в связи со сказанным об агентных доменах к нашему примеру с агентом-водителем на рис. 1, a. Пусть формула ϕ означает «агент α повернул налево». В этом случае агентный домен $D_{o}(\phi)$ представлен множеством $\{\phi, \sim \phi, \sim [\alpha]^a \phi, \sim [\alpha]^a \sim \phi\}$. Наличие в нем формулы ϕ говорит о том, что найдется такая модель, в которой будет справедлива формула $[\alpha]^{a}$ ϕ ; формула $\sim \phi$ из $D_{\alpha}(\phi)$ говорит о том, что допустима модель, где истинна формула $\sim [\alpha]^{a} \phi$, описывающая ситуацию, когда α делает так, что он не поворачивает налево; формула $\sim [\alpha]^4 \phi$ говорит о том, что может быть построена модель для $[\alpha]^a \sim [\alpha]^a \phi$ (α уклоняется от того, чтобы повернуть налево); а формула $\sim [\alpha]^a \sim \phi$ – о том, что может быть построена модель для $[\alpha]^a \sim [\alpha]^a \sim \varphi$ (α делает так, что он не делает так, что он не поворачивает налево, или: а уклоняется от того, чтобы не повернуть налево). Иначе этот агентный домен можно представить в виде матрицы возможностей, открытых для нашего агента-водителя α, в основе которой лежит следующее соображение: он может повернуть налево или не повернуть налево; он может сделать то и другое «специально» или «просто так» (таблица).

Агентный домен в виде матрицы возможностей

«Просто»	«Специально»	
$\left[\alpha\right]^{a}\varphi$	$[\alpha]^a \sim [\alpha]^a \sim \varphi$	Повернул
$[\alpha]^a \sim \varphi$	$[\alpha]^a \sim [\alpha]^a \varphi$	Не повернул

Наш α «просто» поворачивает налево, когда путь, который он выбирает, является одним из возможных путей, ведущих к точке назначения. Это необязательное действие, в своем роде игра. Поворот налево, выполненный «специально», означает, что, например, иного пути нет или он есть, но чрезмерно долог. Здесь существенным оказывается момент обязательности действия, связанный с конечной целью всего путешествия. Аналогично, «просто» не повернуть означает, например, позволить себе задуматься и проехать поворот тогда, когда это можно сделать без боязни не достигнуть цели путешествия в срок. Не повернуть «специально» - уйти от неприятностей, которые, возможно, ждут за поворотом. Результат действий, описываемый парой формул $\langle [\alpha]^a \varphi \rangle$ и $\langle [\alpha]^a \sim [\alpha]^a \sim \varphi \rangle$, и парой формул $\langle \sim [\alpha]^a \varphi \rangle$ и $\langle [\alpha]^a \varphi \rangle$, одинаков. Однако смысл действий, выраженных парами указанных формул, различен. Для того чтобы сделать смысловые отличия более выпуклыми, мы можем сказать, что α (водитель и, вдобавок, бывший курильщик), «просто» поворачивая налево, выбирает один из возможных путей, в конечной точке которых бассейн или оздоровительный центр; поворачивая налево «специально», α уклоняется от всех возможных дорог, которые хотя и ведут в бассейн или оздоровительный центр, но в то же время проходят мимо торговых центров с табачными лавками.

26 Г.В. Карпов

Возможный агентный домен $D_{\alpha}(\phi)$ приобретает пугающие черты, если в содержании «ф» мыслить предложение « α совершает убийство». Вероятно, это тот случай, когда невозможно ни «просто» убить, ни «просто» не убить, если под убийством понимать умышленное причинение смерти. Таким образом, здесь общий вид агентного домена сокращается до множества, состоящего из двух элементов: $\{\sim [\alpha]^a \phi, \sim [\alpha]^a \sim \phi\}$, т.е. до его «специальной» части. Интересно, что формулу « $[\alpha]^a \sim [\alpha]^a \sim \phi$ », выражающую «специальное» «положительное» действие, аналогичное специальному повороту налево, в этом случае следует читать так: α , агент-убийца уклоняется от того, чтобы не убивать. Отсутствие действия убийства по умолчанию принимается, таким образом, за некую норму, или императив. Совершить убийство — нарушить этот императив. Чудовищем выглядит тот, кто «специально» не убивает, т.е. всякую минуту воздерживается от того, чтобы убить. Кажется, что здесь нет места «нормальным людям», и каждый является либо убийцей, либо тем, кто готов пойти на убийство во всякое время.

Работа с агентными доменами, как и учет степени агентного действия, позволяет нам обращать внимание на различие в возможных смыслах тех действий, которые оканчиваются одинаковым результатом, видеть в таких действиях как бы второе дно, или, напротив, удовлетворяться тем, что этого дна в том или ином действии нет.

Заключительные замечания

Мы надеемся, нам удалось показать, что использование логической теории, логики действий в области философии и само является философией, как процесс, и дает философию (формальную философию, философию аналитического толка, в нашем случае, но все же, как мы надеемся, именно философию) как свой результат. В подтверждение этому мы отдаем на суд читателя два сюжета собственного изобретения — о степени агентности и об агентных доменах, претендующие на то, чтобы также служить подтверждением главному тезису статьи.

До сих пор в рамках исследуемого направления можно было изучать действия, формулируя о них предложения на предметном языке с использованием разных операторов, каковых в распоряжении исследователя к 10-м годам текущего столетия набралось чуть ли не на целый алфавит: astit-, bstit-, cstit-, dstit-,..., xstit-. Однако даже в прикладном аспекте этих исследований о действиях в-большей-или-в-меньшей-степени речи не заходило. Обратившись к примеру борьбы с дурными привычками, мы впервые указали как на принципиальную возможность фиксации этого отличия имеющимися средствами, так и на то новое в понимании природы действия, что удалось отсюда вывести. В частности, мы предложили интерпретировать суперпозицию агентных операторов вида « $[\alpha][\alpha]$ » как логическую форму усилия, которое прикладывает агент, совершая некоторое действие.

Во втором сюжете, который касается доменов агентности, мы показали, как использование базовых определений логики действий в совокупности с почти механистическими методами, вкладывает в руки исследователя средство, позволяющее различать смыслы таких действий, которые тем не менее одинаковы по своему результату.

Наконец, и понятие степени агентности, и понятие агентного домена вместе позволили нам обратить внимание на феномен действий агентов, направленных на самих себя. Мы полагаем, что в этой сфере открыть логических форм, логических законов и сформулировать нетривиальных философских утверждений можно не меньше, чем в традиционной сфере «неавтореферентных» действий, которые являлись основным предметом исследований направления до сих пор.

Для многих сочетание «логика действий» продолжает звучать так же, как сочетание «логика музыки» или «логика истории». Какая у музыки, истории или действия может быть логика? От этих, в чем-то профанных, вопросов все же не следует отмахиваться, ведь над всякой областью философии постоянно висит опасность превращения ее в работу по описанию правил выдуманных, не существующих в реальности игр, игр, в которые никто, кроме самих философов, не играет. В итоге они рискуют обнаружить себя занятыми производством текстов, содержащих высказывания, составленные из пустых понятий1. Эта статья дает некоторые основания для того, чтобы предложить переименовать нашу область и назвать ее не логикой действий, а логикой выбора. В том, что у выбора есть логика, и в том, что рассуждения о структуре выбора (чего бы он ни касался: желаемого предмета, будущего вообще, или того, как поступать или думать) иногда могут привести того, кто их начал, к обобщенным наблюдениям о природе выбора вообще, времени вообще, поступка вообще, стоящим, кроме того, как бы в преддверии философии, мы не сомневаемся. Это еще одно подтверждение нашему тезису: рассуждение о структуре феномена (впрочем, наверно, все же – развитое до уровня теории, хотя бы формализованной) с необходимостью дает следствия в область, где исследуются наиболее общие законы возникновения и существования всего многообразия предметов и явлений, каковой и является собственно философия.

Подобно тому, как в XVIII в. логика обыкновенно служила введением в философию вообще (по крайней мере, начиная с Христиана Вольфа, и, по крайней мере, – в философию Просвещения), можно надеяться, что и сегодня логика займется тем же, благо инструментов и потенциала, как это видно на примере логики действия, достаточно. Дело, таким образом, за энтузиастами, которых, если только идея, которую мы здесь высказали, хоть немного жизнеспособна, поставит рано или поздно сама корпорация, высшая школа.

Литература

- 1. Plantinga A. The Nature of Necessity. Oxford: Oxford University Press, 1974. 255 p.
- 2. Girle R. Modal Logics and Philosophy, 2009. 240 p.
- 3. Garson J. Modal Logic for Philosophers. Cambridge University Press, 2006. 506 p.
- 4. Segerberg K., Meyer J.-J., Kracht M. The Logic of Action // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. URL: https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/logic-action (accessed: 15.05.2020).
- 5. Lorini E., Sartor G. A STIT Logic for Reasoning About Social Influence // Studia Logica. 2016. 104. P. 773–812.
- 6. Broersen J. Deontic epistemic stit logic distinguishing modes of mens rea // Journal of Applied Logic. 2011. Vol. 9. P. 137–152.
- 7. Belnap N. Backwards and forwards in the modal logic of agency // Philosophy and Phenomenological Research. 1991. Vol. 51, № 4. P. 777–807.

¹ Подробнее об этом см. в [19].

28 Г.В. Карпов

- 8. Chellas B.F. Time and Modality in the Logic of Agency // Studia Logica: An International Journal for Symbolic Logic. 1992. Vol. 51, № 3/4, Logic of Action. P. 485–517.
- 9. *Horty J.F.*, *Belnap N*. The Deliberative Stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation // Journal of Philosophical Logic. Dec., 1995. Vol. 24, № 6. P. 583–644.
- 10. Ciuni R., Lorini E. Comparing Semantics for Temporal Stit Logic // Logique Et Analyse. 2018. Issue 243. P. 299–339.
- 11. Xu M. Axioms for Deliberative "Stit" // Journal of Philosophical Logic. Oct., 1998. Vol. 27, № 5. P. 505–552.
 - 12. Payette G. Decidability of an Xstit Logic // Studia Logica. 2014. 102. P. 577–607.
- 13. Xu M. Decidability of Stit Theory with a Single Agent and Refref Equivalence // Studia Logica. 1994. 53. P. 259–298.
- 14. *Balbiani P., Herzig A., Troquard N.* Alternative Axiomatics And Complexity Of Deliberative Stit Theories // Journal Of Philosophical Logic. August 2008. Vol. 37, № 4. P. 387–406.
- 15. Benthem J. van, Pacuit E. Connecting Logics of Choice and Change // Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action / ed. by T. Müller. Springer, 2014. P. 291–314.
- 16. Broersen J. A complete STIT logic for knowledge and action, and some of its applications / eds. M. Baldoni, T.C. Son, M.B. van Riemsdijk, M. Winikoff // Declarative Agent Languages and Technologies VI. DALT 2008. Lecture Notes in Computer Science, vol 5397. Springer, Berlin, Heidelberg. P. 47–59.
 - 17. Блинов А.Л., Петров В.В. Элементы логики действий. М.: Наука, 1991. 232 с.
- 18. Logie R.D. A Study of Agent Influence in Nested Agent Interactions. PhD thesis. The Open University, 2010. 270 p. URL: http://oro.open.ac.uk/62023/ (accessed: 20.06.2020).
 - 19. Dennett D. Higher-order truths about chmess. Topoi, 2006. P. 39-41.

Gleb V. Karpov, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: glebsight@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 16–29.

DOI: 10.17223/1998863X/64/2

THE LOGIC OF ACTION AS A TOOL FOR ANALYZING AND SOLVING PHILOSOPHICAL PROBLEMS

Keywords: logic of action; philosophical question; agent, logical semantics; refraining

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158.

The article investigates the question about the possibility of treating contemporary logic with its methods of analysis and its discipline-specific subjects as a tool that can be used efficiently and comfortably by specialists in philosophy. From this point of view, I firstly investigate the methods of the logic of action – one of the branch of contemporary logic – and then demonstrate how the arsenal of the logic of action can be applied in the field of philosophy today. Firstly, I demonstrate the richness of the logic of action methods by expressing with the means of classical semantics of the notion of the agentive degree or the degree of agency. Secondly, by using the set-theoretical approach, I point out the new way of development for the logic of action that lies in the traditional area of philosophical knowledge. Here I argue that it is possible to regard as a new subject for the logic of action the self-ward actions and the structures of so-called agentive domains, or the sets of state of affairs that can be put into existence via agentive actions. In the conclusion, I claim that the logic of action, or, following my proposal, the logic of choice with its methods will be well adopted into the set of investigation practices of those who are professionals in the realm of philosophy.

References

- 1. Plantinga, A. (1974) The Nature of Necessity. Oxford: Oxford University Press.
- 2. Girle, R. (2009) Modal Logics and Philosophy. Routledge.
- 3. Garson, J. (2006) Modal Logic for Philosophers. Cambridge University Press.
- 4. Segerberg, K., Meyer, J.-J. & Kracht, M. (2020) The Logic of Action. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/logic-action (Accessed: 15th May 2020).
- 5. Lorini, E. & Sartor, G. (2016) A STIT Logic for Reasoning About Social Influence. *Studia Logica*. 104. pp. 773–812. DOI: 10.1007/s11225-015-9636-x

- 6. Broersen, J. (2011) Deontic epistemic stit logic distinguishing modes of mens rea. *Journal of Applied Logic*. 9. pp. 137–152. DOI: 10.1016/j.jal.2010.06.002
- 7. Belnap, N. (1991) Backwards and forwards in the modal logic of agency. *Philosophy and Phenomenological Research*. 51(4). pp. 777–807.
- 8. Chellas, B.F. (1992) Time and Modality in the Logic of Agency. *Studia Logica: An International Journal for Symbolic Logic*. 51(3/4). pp. 485–517.
- 9. Horty, J.F. & Belnap, N. (1995) The Deliberative Stit: A Study of Action, Omission, Ability, and Obligation. *Journal of Philosophical Logic*. 24(6). pp. 583–644. DOI: 10.1007/BF01306968
- 10. Ciuni, R. & Lorini, E. (2018) Comparing Semantics for Temporal Stit Logic. *Logique Et Analyse*. 243. pp. 299–339. DOI: 10.2143/LEA.243.0.3285131
- 11. Xu, M. (1998) Axioms for Deliberative "Stit". *Journal of Philosophical Logic*. 27(5). pp. 505–552. DOI: 10.1023/A:1004274131669
- 12. Payette, G. (2014) Decidability of an Xstit Logic. *Studia Logica*. 102. pp. 577–607. DOI: 10.1007/s11225-013-9492-5
- 13. Xu, M. (1994) Decidability of Stit Theory with a Single Agent and Refref Equivalence. *Studia Logica*. 53. pp. 259–298. DOI: 10.2307/2275842
- 14. Balbiani, P., Herzig, A. & Troquard, N. (2008) Alternative Axiomatics and Complexity of Deliberative Stit Theories. *Journal of Philosophical Logic*. 37(4). pp. 387–406. DOI: 10.1007/s10992-007-9078-7
- 15. Benthem, J. van & Pacuit, E. (2014) Connecting Logics of Choice and Change. In: Müller, T. (ed.) *Nuel Belnap on Indeterminism and Free Action*. Springer. pp. 291–314.
- 16. Broersen, J. (2008) A complete STIT logic for knowledge and action, and some of its applications. In: Baldoni, M., Son, T.C., van Riemsdijk, M.B. & Winikoff, M. (eds) *Declarative Agent Languages and Technologies VI. DALT 2008. Lecture Notes in Computer Science*. Vol 5397. Berlin, Heidelberg: Springer. pp. 47–59.
- 17. Blinov, A.L. & Petrov, V.V. (1991) *Elementy logiki deystviy* [Elements of the logic of actions]. Moscow: Nauka.
- 18. Logie, R.D. (2010) A Study of Agent Influence in Nested Agent Interactions. PhD thesis. The Open University. [Online] Available from: http://oro.open.ac.uk/62023/ (Accessed: 20th June 2020).
- 19. Dennett, D. (2006) Higher-order truths about chmess. *Topoi*. 25(1). pp. 39–41. DOI: 10.1007/s11245-006-0005-2

УДК 141.201

DOI: 10.17223/1998863X/64/3

В.С. Левинкий

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ УТВЕРЖДЕНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Статья посвящена анализу организационного становления раннемодерной науки и постепенного завоевания ею привилегированного мировоззренческого статуса в обществе модерна. Исследуется институциональный фактор формирования и распространения научной онтологии и соответствующей ей рациональности. В результате делается вывод, что господствующее положение науки в эпоху модерна связано с социальным процессом и деятельностью определенных институций, продвигающих научную онтологию, — академий наук и университетов.

Ключевые слова: наука, онтология, рациональность, Академия наук, университет

Сегодня устоявшейся интеллектуальной позицией является признание зависимости онтологии модерна от науки, а научная рациональность считается гносеологическим эталоном. Работы А.Н. Уайтхеда, Г. Батерфилда, А. Койре и др. заложили основы нарратива, согласно которому модерн сформирован наукой. Отмечая мировоззренческую зависимость модерна от научной рациональности, К. Хюбнер писал: «Наш век называют научнотехническим. Под этим подразумевается, что наука в современном обществе приобрела решающее значение и нет такой сферы общественной жизни, которая не испытывала бы на себе ее влияние. Наука заняла место, аналогичное тому, какое некогда занимала теология» [1. С. 156]. Во времена доминирования позитивистской парадигмы у такой позиции практически не было интеллектуальных вызовов. Наука воспринималась как универсальная познавательная методология, соответственно, и основанная на ней техногенная цивилизация - модерн - выступала цивилизационным инвариантом, являющимся эталонной моделью для всех других типов обществ. Соответственно, история подтверждала гегелевскую схему разворачивания Идеи, конечным итогом которого должно стать «абсолютное знание, или дух, знающий себя в качестве духа» [2. С. 434]. Философия история в таком случае становилась формой метафизики.

Постпозитивистская критика, с ее отрицанием существования теоретически ненагруженных фактов, кумулятивного развития научного знания, приближения к неизменной абсолютной истине (Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.), делегитимировала не только универсальный статус науки, но и державшийся на нем инвариантный характер модерна как эталона цивилизационного развития. Наука перестала восприниматься как результат естественной эволюции разума, а эмпирия больше не могла считаться независимым критерием верификации теории, так как сама обретает смысл в рамках определенной теории. Если положения науки не могут претендовать на инвариантный и универсальный статус, в таком случае с новой остротой встает вопрос о причинах доминирования научной онтологии в обществе мо-

дерна. Соответственно, следующим логичным шагом становится пересмотр телеологического понимания истории и постановка вопроса о гарантиях онтологической стабильности культурных парадигм и причинах их смены. Учитывая ограниченность размера статьи, ее целью является предложить направление поиска, в рамках которого ответы на эти вопросы могут быть найдены.

В. Куайн писал, что наука является продолжением здравого смысла [3]. В то же время А. Койре убедительно показал, что наука стала возможна, когда было изменено само представление о здравом смысле. Французский исследователь пишет, что задачей первых научных программ, в частности Галилея, было не критиковать ошибочные теории и предлагать на их место лучшие теории. Им нужно было «разрушить один мир и заменить его другим», нужно было реформировать структуры разума, переосмыслить его понятия, иначе концептуализировать бытие, разработать новое понимание познания, новое понятие науки и «даже заменить представляющуюся столь естественной точку зрения здравого смысла другой, в корне от него отличной» [4. С. 131]. Наука кажется продолжением здравого смысла только представителям обществ, построенных на принципах научной рациональности. Как только масштаб рассмотрения увеличивается — самоочевидность науки неизбежно исчезает.

Хорошей иллюстрацией этого тезиса могут быть два примера. Один из классического наследия, второй из наработок в области истории науки последних лет. Так, в «Диалоге о двух главнейших системах мира...» Галилея Сагредо (представитель новой научной рациональности) выражает удивление относительно того, что у системы Коперника так мало сторонников. Сальвиати же (олицетворение церковной власти и религиозного мировоззрения) ему отвечает, что он удивлен, что вообще находятся его сторонники, так как «живостью своего ума они произвели такое насилие над собственными чувствами, что смогли предпочесть то, что было продиктовано им разумом, явно противоречащим показаниям чувственного опыта» [5. С. 240]. В этом примере хорошо видно, что гелиоцентрическая система Коперника, по мнению Сальвиати, противоречит не только устоявшейся рациональной традиции, здравому смыслу, но и повседневному опыту, опирающемуся на органы чувств. Чтобы такая система победила, должны произойти фундаментальные мировоззренческие трансформации, позволяющие иначе систематизировать чувственные данные.

Второй пример может показаться несколько метафорическим, но от этого он становится только более выразительным. Современный специалист в области истории науки Л. Дастон пишет, что наши представления о мире и классификация наук, на них основанная, не являются самоочевидными и безальтернативными. Она отмечает, что самыми влиятельными классификациями знания являются расстановка книг на библиотечной полке и физическая организация зданий университетских кампусов. В связи с этим американская исследовательница отмечает: «Беглый взгляд на типичное расположение зданий и факультетов почти во всех университетских кампусах подтверждает то, что большинство из нас принимают как само собой разумеющееся: математика близка к физике, физика и астрономия занимают одно и то же здание, а музыкальный центр где-то очень далеко от них. Будь это средневековый университет..., астрономия, математика и музыка соседствовали бы как дисци-

плины квадриума, а физика разместилась бы где-то в другом месте, вместе с философией, как исследование универсальных причин. История, биология и геология находились бы в одном месте, поскольку все они изучают партикулярное» [6. С. 79–80].

К этим размышлениям стоит добавить открытия, сделанные в рамках философии и социологии науки во второй половине XX в., в результате которых стало понятно, что наука не проникает в более фундаментальные слои реальности, нежели другие познавательные практики, известные из истории. Соответственно, и аргумент, согласно которому победа науки над другими мировоззрениями в эпоху модерна обусловлена ее прорывом к объективной реальности (онтологический аргумент), что в конечном итоге должно привести к познанию абсолютной истины (гносеологический аргумент), теряет убедительность. «Научные войны», развернувшиеся в это время на полях философии, социологии и истории науки, позволили С. Шейпину систематизировать ряд метанаучных тезисов, один из которых характеризует именно такое понимание: «независимую реальность в обычном физическом смысле нельзя приписать ни явлениям, ни наблюдениям» [7. Р. 100]. Со своей стороны, И. Касавин применил эти результаты к анализу культурных целостностей, в результате чего внеисторический и объективистский статус науки оказался существенно проблематизирован. Так, российский исследователей пишет: «Миф и наука являются равно состоятельными основами исторических типов мировоззрений, и хотя мировоззрения различны, они в каждую эпоху предоставляли определенную онтологию, являясь критериями истины, моральности, красоты, справедливости» [8. С. 132].

В этом отношении стоит отметить еще один из предложенных С. Шейпином метанаучных тезисов, проливающих свет на культурный статус научных высказываний: «Новое знание не является наукой, пока его не сделают социальным» [7. Р. 100]. Институализация науки является необходимым условием ее социального авторитета. С другой стороны, важно обратить внимание, как это делает в своей концепции В.С. Степин, на глубинные онтологические и гносеологические трансформации, в результате которых научная рациональность стала ценностью эпохи модерна. Российский философ пишет, что должны были произойти тектонические изменения в понимании мира и действующего в нем субъекта (вернее, такие «сущности» должны были сформироваться), чтобы наука в современном смысле могла появиться и занять столь высокое положение в культуре [9].

Сказанное позволяет предположить, что тот статус, который в обществе модерна имеет наука, связан с двумя факторами. Во-первых, с утвердившимся новым «онтологическим стандартом» (совокупностью предельных онтологических убеждений), в котором научная рациональность стала одной из главных ценностей. Во-вторых, со сформированной социальной инфраструктурой, релевантной новым онтологическим убеждениям, призванной их продвигать, — академиями наук и университетами современного образца.

В работе, посвященной становлению модерна, Ч. Тейлор показал, что мировоззрение, с которым он сближает социальное воображение, в том числе характерное модерному обществу, сначала становится доминирующим для представителей интеллектуальных элит, а потом последовательно распространяется на широкие массы [10]. Не является исключением в этом отношении и научное

мировоззрение. Дж. Бен-Давид отмечает: «Развитие науки зависело от готовности меньшинства, которое верило в науку, бороться за ее общее признание и выражать, и развивать открыто свой интерес к науке в публичном обсуждении и целенаправленном объединении» [11. С. 138]. В этом процессе «борьбы», в конечном счете, обеспечившей завоевание наукой господствующего положения в культуре, можно выделить две основных составляющих.

Во-первых, это сам процесс институализации науки, объединение незначительного количества интеллектуалов, связывающих путь к познанию Истины с научной рациональностью, в результате которого были учреждены специальные организации, руководствующиеся данным типом рациональности и осуществляющие экспериментальные исследования. На первых этапах развития науки такую роль выполняли академии наук, позже эта роль переместилась (по крайней мере, отчасти) в университеты. Объединение интеллектуалов в академии, как минимум со времен Платона, не является новшеством для европейской истории. Начиная с XV в., в первую очередь в Италии, а позднее и по всей Европе, появляются академии, спектр интересов которых существенно разнится: от литературы и философии до магии и алхимии. В основном это были гуманистически ориентированные кружки, имеющие мало общего с современными академиями, образованные вокруг какого-то поэта, философа или мецената, не имеющие утвержденных органов и устава и не претендующие на какую-либо значительную социальную роль. Как правило, в их программы не входило и экспериментальное исследование природы. Одним из первых таких учреждений обычно называют академию Антонио Беккаделли (Академия Понтаниана), основанную в 1433 г. в Неаполе. В 1459 г. Козимо Медичи во Флоренции основал Платоновскую академию. В 1560 г. Дж.Б. Порта в Неаполе была организована первая физическая академия – Академия тайн природы. Ф.М. Сабирова пишет, что данное объединение не было академией в современном понимании, «а скорее представляло собой периодические собрания в доме Порты любителей различных отраслей знания: науки, магии, астрологии» [12. С. 133]. В 1603 г. была основана Академия деи Линчеи (Академия рысьеглазых), целью которой уже было изучение и продвижение физики, в 1611 г. ее членом стал Галилей. Д. Бен-Давид считает, что этот кружок можно считать первым, «который предпринял открытую и вполне широкомасштабную попытку создания научного института, притязающего на равный статус с другими институтами образования» [11. С. 131]. В 1657 г. во Флоренции была основана Академия опытов, которая ставила целью продвижение экспериментальных опытов методом Галилея. С начала XVII в. подобные академии возникают по всей Европе. В 1620 г. Николай Клод де Пейреск организовал «научный кружок» в Эксе. Братья Дюпюи учредили подобное общество в Париже. Особую роль в научной жизни Франции и отчасти всей Европы занимали собрания в доме Марена Марсенна. В Германии возникли такие кружки в Ростоке (1622), а в городе Швайнфурте образовалось Общество испытателей природы (1652) и др.

Однако первым научным учреждением современного типа все же считается Лондонское королевское общество. Двенадцать ученых 28 ноября 1660 г. составили меморандум, согласно которому решили основать «Коллегию для развития физико-математического экспериментального знания», избрали председателя коллегии, которым стал Джон Уилкине, а также секретаря и

определили размер вступительного и членских взносов. В следующем году членом Общества стал король, а 15 июля 1662 г. он подписал хартию, в результате которой Общество стало королевским и называться «Лондонское королевское общество для дальнейшего развития, посредством опытов, наук о природе и полезных искусств». В это же время членами Общества были Роберт Бойль и Роберт Гук, а секретарем — Ольденбург. С течением времени численность Общества постоянно росла, за исключением небольших периодов, и к 1675 г. достигла 225, а к середине XVIII в. составила 327 членов, из которых 147 были иностранными.

О целях, задачах и методах Общества недвусмысленно говорится в программе, найденной среди рукописей Р. Гука: «Развивать посредством опытов естествознание и полезные искусства, мануфактуры, практическую механику, машины, изобретения, не вмешиваясь в богословие, метафизику, мораль, политику, грамматику, риторику и логику» (цит. по: [13, С. 51]). О новых онтологических убеждениях и методологических подходах говорят и комитеты, созданные в Обществе. В 1664 г. существовали следующие комитеты: механика, астрономия и оптика, анатомия, химия, агрономия, история ремесел, комитет по сбору и описанию всех сделанных наблюдений о явлениях природы и всех произведенных опытах, комитет по корреспонденции. Самым многочисленным был комитет по механике, в него входило 69 человек. Обычной практикой на заседаниях Общества было публичное проведение опытов, чтение и обсуждение научных трудов и корреспонденции.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. центром научной жизни Европы становится Париж, и определяющую роль в этом отношении сыграла Парижская академия наук, предшественницей которой была Академия «Монмора». 22 декабря 1666 г. в библиотеке Людовика XIV состоялось первое заседание Парижской академии. По мнению З.А. Сокулер, с этого момента Академия стала «институтом в системе централизованной абсолютистской власти» [14. С. 89]. Далее по образцу этих двух научных обществ академии наук стали открываться по всей Европе. В Берлине в 1700 г. королем Фридрихом II была основана Академия наук, президентом которой стал Г. Лейбниц. В 1724 г. указом Петра I основана Петербургская академия наук. В 1739 г. учреждена Национальная академия в Швеции, в 1742 г. – в Дании, в 1760 г. – в Норвегии и т.д. Таким образом, ареал распространения институализированного научного мировоззрения расширяется, формируется профессиональное научное сообщество, все более специализирующееся (впервые философ и исследователь перестают быть синонимами, сам термин «ученый» появляется в XIX в.), а наука обретает социально закрепленные формы, как правило, поддержанные высшей политической властью.

Академии наук стали социальной формой расширения и продвижения научного мировоззрения. Они потребовали собственного инструментария для продвижения нового «онтологического стандарта». Эту функцию, среди прочего, стали выполнять, основываемые параллельно созданию академий периодические научные издания. Первым таким журналом стал парижский «Журнал ученых», издаваемый с января 1665 г., изначально он не был аффилирован ни с каким научным обществом. При Ж.-П. Биньоне, который в то время возглавлял Парижскую академию, в 1701 г., журнал фактически стал официальным изданием Академии. Согласно его издателям, целью журнала было зна-

комство публики с новыми научными книгами, для чего печатались их аннотации, сообщение о новых открытиях в области физики и математики, описание экспериментов. Тираж журнала составлял примерно 1 000 экземпляров, периодичность доходила до двух выпусков в месяц.

Лондонское королевское общество издавало «Философские записки» журнал с аналогичной направленностью и миссией. По мнению Ю.Х. Копелевич, эти два журнала «стали основными каналами обмена научной информацией в Европе этого периода» [13. C. 34]. Они установили партнерские отношения практически с момента основания и вели активный взаимообмен научной информацией. Очень быстро, по образцу данных журналов, подобные издания начали выходить в других странах. В Риме в 1668 г., в Венеции в 1671 г. начал выходить итальянский «Журнал ученых». В Голландии издавались «Новости республики наук» и «Универсальная историческая библиотека». В Лейпциге в 1682 г. начал выходить журнал «Труды ученых», благодаря латинскому языку издания быстро завоевавший статус международного. Популярность таких журналов возрастала с каждым годом и в начале XVIII в. только в германоязычных странах их насчитывалось около 250. Важность этих институциональных форм научного знания емко суммировала Ю.Х. Копелевич: «В целом можно сказать, что появившиеся на свет почти в одно время естественнонаучные академии с их периодическими изданиями и "вольная" научная журналистика – это две главные организационные формы, в которых выразилось рождение новой науки в XVII-XVIII вв.» [Там же. С. 40]. Если сюда добавить энциклопедии, ставшие новой формой «канонизации» знания, альманахи, научные проспекты, памфлеты и т.д., система продвижения нового онтологического стандарта приобретает вполне законченный вид.

Говоря об институализации науки, следует отметить еще несколько факторов. Первый – это создание единого коммуникационного пространства, в полном смысле слова «Республики ученых». При всех сложностях коммуникации того периода это не мешало обмену данными и информацией между учеными из разных стран. Лондонское королевское общество уже в первые месяцы своего существования установило научные связи с Академией дель Чименто в Тоскане, Обществом Монмора в Париже и др. На заседаниях Общества регулярно зачитывались письма иностранных ученых: Гюйгенса, Мариотта, Лейбница и др., а научные журналы активно помещали информационные сообщения, присылаемые из других академий. Между учеными постоянно осуществлялась корреспонденция, в результате чего они могли обсуждать последние достижения науки. Особую роль в этом отношении сыграл Ольденбург, который 17 лет был секретарем Лондонского королевского общества, и Мерсенн, выступившие своего рода «посредниками» такой научной переписки. На важность научной корреспонденции, в вопросе институализации науки, обратил внимание В.С. Степин, который писал, что в результате такой переписки «возникает особый тип сообщества, которое избрало письмо в качестве средства научного сообщения и объединило исследователей Европы в так называемую Республику ученых» [9. С. 89-90]. В результате в Европе была создана сеть из научных организаций и их членов, имеющих общую научную идентичность, продвигающих научную рациональность и стремящихся повысить ее социальное значение, сделать ее основой экономической, промышленной и образовательной политики.

Второй фактор касается праксеологического аспекта. Со временем наука показывала все большую практическую эффективность в различных сферах: от промышленности и строительства до судоходства и военного дела, вследствие чего возрастает статус академии, чья экспертиза приобретает теперь наибольший авторитет. Появляется специальная формула: «одобрено Академией» [14. С. 96]. Сами же академики порой становились частью политической элиты (Лаплас, Кювье, Бертолле) и могли влиять на государственную политику.

Третий фактор связан с постепенным завоеванием наукой роли передового мировоззрения. Для раннего периода развития науки было принято считать, что ее открытия не угрожают религиозному мировоззрению, а, наоборот, подтверждают истины Откровения. Поэтому, по мнению М.К. Петрова, нет «ничего странного в том, что католик, аббат Мерсенн, становится признанным отцом институализации французской науки, организатором Парижской академии наук, без каких-либо осложнений со стороны церкви» [15. С. 275]. Позднее отношения становятся более напряженными, наука стремится выйти из-под влияния церкви и сама оказывать влияние на культурную и образовательную политику. Например, во Франции на процессуальном уровне этому способствовала привилегия, которую получили французские академики от королевской власти - они могли печатать свои труды минуя цензуру. «До того, - пишет З.А. Сокулер, - права и привилегии, связанные с цензурой, жестко контролировал теологический факультет Парижского университета. Предоставлением подобной льготы королевская власть ослабляла влияние университета, а в конечном счете – церкви...» [14. С. 98]. В этом отношении Д. Бен-Давид отмечает, что целью новых интеллектуалов-ученых во Франции в конце XVIII в. была замена «существующего интеллектуального сословия (церкви и университетских корпораций) ими самими» [11. С. 186].

В связи с этим можно сказать, что второй составляющей, способствовавшей установлению окончательного господства научной онтологии как доминирующего мировоззрения эпохи модерна, является проникновение научной рациональности в систему образования, а в конечном счете и формирование учебных программ на ее основе. Очевидно, университеты не являются «изобретением» модерна, но также очевидно и различие между средневековым и модерным университетом. Жак Ле Гофф пишет, что после буллы папы Григория IX, так называемой Великой хартии университетов (1231), они были выведены из-под светской юрисдикции и подчинены церкви, став фактором продвижения религиозного мировоззрения [16]. Со своей стороны, З.А. Сокулер отмечает фундаментальное отличие между «учеными» средневекового университета, главным призванием которых было сохранение традиционного знания, и преподавателем университета XIX в., задачей которого является выработка нового научного знания. Недаром практически все научные открытия до XIX в. проходили за стенами университета [14].

Цель вновь создаваемых университетов как раз и состояла в выводе изпод опеки церкви образовательной сферы и осуществление преподавания и исследования в научной атмосфере. Так, во Франции еще в начале XVIII в. создаются высшие учебные заведения по техническим специальностям, которые не входили в программы университетов: Школа мостов и дорог (1715), Школа артиллерии (1720), Школа горного дела (1783) и т.д. В революционное и постреволюционное время была осуществлена реформа образования, в результате которой классические университеты были упразднены, а на вершине системы оказались «высшие школы», такие как Политехническая школа и Нормальная школа, готовившие государственных служащих, инженеров, преподавателей. Так, в 1794 г. за счет государства в Нормальную школу были направлены 1 200 человек от всех муниципалитетов страны для прохождения обучения, основанного уже на новой рациональности, которые после этого должны были вернуться в свои провинции и вести там преподавательскую деятельность. Д. Бен-Давид пишет, что «была создана новая образовательная и научная структура, а светские интеллектуалы получили интеллектуальную монополию, которой прежде пользовалось духовенство. Именно это, а не внутренние потребности науки привело к возникновению новых образовательных организаций и правительственных учреждений, обеспечивающих работой светских интеллектуалов, включая ученых» [11. С. 178].

Символом победы научного мировоззрения можно считать Гумбольдтовский университет: наука в нем не только производится, но в обязательном порядке и преподается. Единство научного исследования и преподавания стала революционной идеей, обеспечившей доминирование немецкой науки в XIX в. Университет стал свободен как от влияния церкви, так в значительной мере автономен и по отношению к государству. В этом отношении можно солидаризироваться с С. Фулером, который, анализируя гумбольдтовский проект, пишет: «Гений Гумбольдта, основателя Берлинского университета, заключался в том, что он в начале XIX века создал защищаемый государством рынок интеллектуальной жизни, переизобретя университет в качестве объединяющей исследование и преподавание институции и сделав его самым надежным двигателем общественного прогресса в новейшее время» [17. С. 243]. В.В. Миронов выделяет четыре основных принципа гумбольдтовского университета. Главным принципом он называет «единство фундаментальных исследований и преподавания» [18. С. 22]. Второй принцип состоит в автономии университета, состоящей в свободе исследования и преподавания. Третий принцип заключается в очень высоком статусе профессуры. Этот момент важно подчеркнуть, сославшись на исследование Д. Бен-Давида. Он отмечает, что в Германии профессора превращаются в хорошо оплачиваемых государственных служащих, при этом деятельность ученого становится профессиональным занятием и появляется понятие научной карьеры. «Четвертый принцип, - пишет В.В. Миронов, - обоснование и поддержка университета как своеобразного системообразующего центра культуры и воспитания подлинно нравственной личности» [Там же]. Университет становится хранителем мировоззренческого канона эпохи модерн.

В контексте данного исследования эвристичным представляется обратиться к методологии, на первый взгляд, далекой от дискурса философии и социологии науки, и распространить истины, установленные ранее по отношению к средневековью и раннему модерну, на современность. Так, анализируя процесс секуляризации, Карел Доббеларе использует концепцию функциональной дифференциации, согласно которой секуляризацией является процесс, в результате которого религия из системообразующего принципа, пронизывающего все социальные поля, становится одной из подсистем общества. Соответственно, модерн характеризуется совокупностью подсистем

общества, функционирующих исходя из собственных нормативности и рациональности [19]. Именно такой взгляд на природу и структуру модерного общества позволил, например, К. Мангейму говорить о существовании специальных институций, ответственных за «интерпретацию мира» в средневековье (церковь), и в то же время не видеть наличия их аналогов в модерне [20]. Собственный тип рациональности всегда кажется самоочевидным и естественным. В то же время проведенный анализ говорит скорее об обратном. В процессе секуляризации средневековое общество не распалось на множество подсистем, не связанных между собой интегральным единством. Более правомерно говорить о том, что одна системообразующая онтология (христианская) была заменена другой (научной) со столь же (или даже более масштабным) всеобъемлющим проникновением во все сферы жизни. В таком случае в Просвещении можно увидеть идеологию продвижения научной рациональности, а в академии наук и университете – институциональные формы ее реализации. В этой связи следует подчеркнуть, что функционирование и господство научной рациональности столь же нуждается в собственных социальных формах ее поддержания и продвижения, как и доминирование христианского мировоззрения невозможно без Церкви.

Победа науки Нового времени – это онтологическая революция, произошедшая на основе закрепления в сознании европейцев нового мировоззрения, осуществленного «социологическими» методами (с помощью формирования социальных институтов, наделения их ресурсами и влиянием, переориентацией на их интересы энергии образовательных программ и учреждений, формирования армии и иерархии функционеров и т.д.). Именно этот социальный процесс, а не практические достижения (пришедшие в массе через сто лет после утверждения науки в качестве новой культурной доминанты), создал новое культурное поле, в котором наука воцарилась на месте церкви, а ее вердиктов и открытий ждали как ранее мессы и чуда.

Проведенный анализ позволяет предложить ответы на поставленные в начале статьи вопросы. Во-первых, наука завоевала столь высокий статус в эпоху модерна не потому, что обеспечила прорыв к более фундаментальным онтологическим слоям реальности, а потому, что смогла предложить для интеллектуальных и политических элит более привлекательную онтологию, придав ей организационную форму, постепенно обеспечившую доминирование науки в социальном пространстве модерна. Во-вторых, академии наук и университеты нового образца выступили социальными гарантами «онтологической стабильности» модерна, продвигающими научную онтологию и соответствующий ей тип рациональности. В-третьих, «онтологическая стабильность» культурных парадигм связана с деятельностью определенных социальных институций, выступающих гарантом и транслятором онтологического стандарта культуры, а сама культурная онтология формируется в социальном процессе, исход которого заведомо не определен. Соответственно, легитимная стратегия самопонимания исторического разума может быть названа «социологией онтологии».

Литература

- 1. Хюбнер К. Критика научного разума. М., 1994. 326 с.
- 2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб. : Наука, 2015. 443 с.

- 3. *Куайн У.В.О.* Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 45–80
 - 4. Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. 281 с.
- 5. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира, Птолемеевой и Коперниковой. М.; Л.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1948. 380 с.
 - 6. Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. № 1. С. 63–90.
- 7. Shapin S. How to Be Antiscientific // The One Culture? The Conversation About Science / H. Collins, J.A. Labinger (eds). Chicago; London: University of Chicago Press, 2001. P. 99–115.
- 8. *Касавин И.Т.* Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 560 с.
 - 9. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
 - 10. Taylor C. Modern Social Imaginaries. Durham; London: Duke University Press, 2004.
- 11. *Бен-Давид Д.* Роль ученого в обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2014. $344 \, \mathrm{c}$.
- 12. *Сабирова Ф.М.* Роль академий наук в развитии физики в XVI–XVIII вв. // Наука и школа. 2011. № 1. С. 133–138.
 - 13. Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Л.: Наука, 1974. 267 с.
 - 14. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. 240 с.
 - 15. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
 - 16. Жак Ле Гофф. Интеллектуалы в Средние века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1997.
- 17. *Фулер С.* Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Дело, 2018. 384 с.
- 18. *Миронов В.В.* Гумбольдт, натурфилософия и университет как универсум // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 19–23.
- 19. *Dobbelaere K.* Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization // Sociology of Religion. 1999. Vol. 60, Issue 3.
- 20. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.

Viktor S. Levytskyy, Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation (Brussels, Belgium).

E-mail: victor2609@ukr.net

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 30–40.

DOI: 10.17223/1998863X/64/3

VALUE OF THE SOCIO-INSTITUTIONAL DIMENSION OF THE ASSERTION OF THE SCIENTIFIC WORLDVIEW

Keywords: science; ontology; rationality; Academy of Sciences; university

For a long time, it has been believed that science deals with "pure" empiricism, which is getting progressively better to cognize, thereby discovering ahistorical truth, the status of which is independent of the cultural and social context. This system of views has been called the positivist paradigm. Its axiomatics extends far beyond the natural science discourse and acts as a general background for an entire era - Modernity. Formed by the scientific mind, ideas about the nature of what exists are reflected in all areas of social life: social goals, value system, social practices, etc. must be scientifically justified. In the second half of the twentieth century, the positivist paradigm was subjected to comprehensive criticism, the result of which was the abandonment of its main imperatives, and the dominant paradigm (today we can say confidently that not only in the field of philosophy of science) has become post-positivist, with its denial of the existence of theoretically nonloaded facts, the cumulative development of scientific knowledge, approximation to the unchanging absolute truth. Due to the fact that science has ceased to be perceived as a universal cognitive methodology, which has allegedly become the result of the natural evolution of mind, the question of the factors that ensured its dominant position in modern society becomes especially acute. The article focuses on the socio-institutional dimension of the assertion of the scientific worldview, in which the organizational forms of science - academies of sciences and universities - that have made scientific ontology a general cultural worldview a priori, are especially prominent. As a result of the analysis, the article summarizes that the victory of modern era science is an ontological revolution that took place on the basis of the consolidation of a new worldview in the minds of Europeans, which was implemented by "sociological" methods (through the formation of social institutions, endowing them

with resources and influence, reorientation to their interests of the energy of educational programs and institutions, the formation of the army and the hierarchy of functionaries, etc.). It was this social process, and not practical achievements (which came in the masses a hundred years after the establishment of science as a new cultural dominant), that created a new cultural field, in which science reigned in the place of church, and its verdicts and discoveries were expected as before people expected for mass and miracle.

References

- 1. Huebner, K. (1994) Kritika nauchnogo razuma [The Criticism of Scientific Reason]. Translated from German. Moscow: RAS.
- 2. Hegel, G.W.F. (2015) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Reason]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
- 3. Quine, W.V.O. (2010) *S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a Logical Point of View]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya". pp. 45–80
- 4. Koyre, A. (1985) Ocherki istorii filosofskoy mysli [Essays on the history of philosophical thought]. Moscow: Progress.
- 5. Galilei, G. (1948) *Dialog o dvukh glavneyshikh sistemakh mira Ptolemeevoy i Kopernikovoy* [Dialogue Concerning the Two Chief World Systems, Ptolemaic & Copernican]. Moscow, Leningrad: State Publishing House of Technical and Theoretical Literature.
- Daston, L. (2020) The History of Science and the History of Knowledge. Logos. 1. pp. 63–90.
 (In Russian).
- 7. Shapin, S. (2001) How to Be Antiscientific. In: Collins, H. & Labinger, J.A. (eds) *The One Culture? The Conversation About Science*. Chicago; London: University of Chicago Press. pp. 99–115
- 8. Kasavin, I.T. (2013) Sotsial'naya epistemologiya. Fundamental'nye i prikladnye problemy [Social Epistemology. Fundamental and Applied Problems]. Moscow: Al'fa-M
- 9. Stepin, V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
 - 10. Taylor, C. (2004) Modern Social Imaginaries. Durham and London: Duke University Press.
- 11. Ben-David, J. (2014) *Rol' uchenogo v obshchestve* [The Role of the Scientist in Society]. Translated from English by A. Smirnov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie
- 12. Sabirova, F.M. (2011) Rol' akademiy nauk v razvitii fiziki v XVI–XVIII vv. [The role of the academies of sciences in the development of physics in the 16th 18th centuries]. *Nauka i shkola*. 1. pp. 133–138.
- 13. Kopelevich, Yu.Kh. (1974) *Vozniknovenie nauchnykh akademiy* [The emergence of scientific academies]. Leningrad: Nauka
- 14. Sokuler, Z.A. (2001) *Znanie i vlast': nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and Power: Science in Modern Society]. St. Petersburg: RKHGI.
- 15. Petrov, M.K. (2004) Yazyk, znak, kul'tura [Language, Sign, Culture]. Moscow: Editorial URSS
- 16. Le Gof, J. (1997) *Intellektualy v Srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages]. Dolgoprudnyy: Allegro-Press.
- 17. Fuller, S. (2018) *Sotsiologiya intellektual'noy zhizni: kar'era uma vnutri i vne akademii* [Sociology of intellectual life: the career of the mind inside and outside the academy]. Translated from English. Moscow: Delo
- 18. Mironov, V.V. (2021) Gumbol'dt, naturfilosofiya i universitet kak universum [Humboldt, natural philosophy and the university as a universe]. *Voprosy filosofii*. 2. pp. 19–23.
- 19. Dobbelaere, K. (1999) Towards an Integrated Perspective of the Processes Related to the Descriptive Concept of Secularization. *Sociology of Religion*. 60(3). pp. 229–247.
- 20. Mannheim, K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [The Diagnosis of Our Time]. Translated from German. Moscow: Yurist. pp. 7–276.

УДК 1(091):165.62

DOI: 10.17223/1998863X/64/4

Ю.Г. Селов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ РАСШИРЕНИЕ ФОРМАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Предлагается феноменологический подход к расширению формальной теории доказательств. Обсуждение данной темы приводит к определению «пространства доказательств». Это пространство способно к сжатию и расширению. Логические и математические теории могут быть расширены с помощью феноменологических процедур, которые основываются на более глубоком понимании когнитивных процессов. Ключевые слова: феноменология, теория доказательств, пространство доказательств, интуиция

Введение

В статье рассматривается становление современной теории доказательств с точки зрения феноменологии. Мотивом послужил тот факт, что именно теория доказательств обнажает череду следующих друг за другом логических и математических рефлексий. Эти рефлексии обусловлены естественным желанием посмотреть на себя со стороны сначала в одеянии «метаматематики», а затем в медитациях второго порядка о «математике метаматематики», когда изучаются формализованные языки при помощи универсальных алгебр или теории решеток.

Феноменология не претендует на принципиальное решение логических проблем и математических задач, но она в состоянии содействовать научному успеху как в приложениях, так и в теоретических обобщениях. Более того, тесное взаимодействие символической логики, математической рефлексии и феноменологического анализа может оказаться весьма полезным для решения актуальных проблем оснований математики. Этому способствует то обстоятельство, что теория доказательств является точкой соприкосновения интересов математики, логики и феноменологии, объединяющей рефлексию, функциональное мышление и пространственные отображения. Данный тезис о возможности расширения формальной теории доказательств представляет собой формулировку теоремы, а все последующее изложение есть попытка ее доказательства в оправе феноменологических дескрипций. Идея заключается в том, чтобы достичь продуктивного синтеза математики, логики и феноменологии, опираясь на классическое наследие Фреге, Гильберта и Гуссерля. Основной вопрос, который затрагивает феноменология в рамках теории доказательств, есть ее специфический интерес: можно ли дать детализированное описание того, что мы реально делаем, проводя доказательства?

Критика современных подходов и возможный синтез

Философию математики принято считать исключительным достоянием «аналитической школы», некоторые догматы которой созвучны феноменоло-

42 Ю.Г. Седов

гическим идеям. Профессиональные контакты Эдмунда Гуссерля с этим направлением достаточно тесные и конструктивные: Карл Вейерштрасс, Георг Кантор, Готтлоб Фреге, Лейтзен Брауэр, кружок Давида Гильберта, Бертран Рассел, Рудольф Карнап. Например, общей темой для Гуссерля и Фреге стал вопрос о различении смысла и значения, причем Фреге связывал свои размышления по данной проблеме с математическими доказательствами, полагая, что для некоторых доказательств имеет значение определенная знаковая конфигурация.

Среди тех, кто озабочен проблемами взаимосвязи формализованных теорий и феноменологии сознания, нет единства, нет общей позиции, а есть только стремление действовать по принципу divide et impera. Но такая позиция поверхностна, за обсуждением вполне естественных различий во взглядах оппонентов теряется сама проблема. Подобную картину можно было наблюдать в недавних дискуссиях по поводу сближения математики, логики и феноменологии. Разумеется, возник вопрос о феноменологических основаниях математики. Но он затерялся в бесплодных противопоставлениях «Фреге или Гуссерль», хотя здравый смысл в данном случае говорит о конъюнкции. Содержание феноменологической идеи полностью вытесняется из рассмотрения в результате новой оппозиции, теперь между Брауэром и Гуссерлем. Многолетние исследования привели к выводу о тенденции гуссерлевской мысли к точке зрения Гильберта [1. Р. 66]. С легкостью можно предследующую «фундаментальную» тему о различиях между Гильбертом и Гуссерлем. Однако затронутые темы второстепенны, ибо математика не ограничивается Гильбертом, а философия – Гуссерлем.

Продуктивный синтез возможен в условиях поиска общих точек соприкосновения. Феноменологию не следует рассматривать в качестве альтернативной версии теории доказательств. Она служит лишь частью более широкосистемного подхода. И нет особой нужды противопоставлять феноменологию иным теоретическим конструкциям, ограничиваясь поиском различий, которые при желании всегда можно обнаружить во взглядах даже у представителей одной научной школы. Важными являются не мелкие различия между Гуссерлем, Фреге и Гильбертом по поводу аксиоматизации, а наметившиеся общие тенденции понимания сущности теории доказательств, характер которой объясняется включением понятия «интенсиональность». Необходимость такого включения была также осознана в конструктивной логике и математике, в сочинениях Брауэра и его последователей. Ярким примером может служить статья Аренда Гейтинга, посвященная основаниям математики [2. Р. 107]. Здесь он представил интуиционистскую точку зрения и сделал попытку объяснить понятия пропозиции и доказательства в терминах, весьма близких языку феноменологии Гуссерля. Терминологические совпадения можно обнаружить во многих случаях. Например, исходное определение математики включает в себя указание на естественную функцию интеллекта и на живую активность мышления (lebendige Aktivität des Denkens). В другом случае возможность познания (Erkenntnis) проявляет себя только в процессе самого познавания (Erkennen selbst), в процессе доказывания. Предложенные Гейтингом идеи привлекли внимание молодого Курта Гёделя, который в своем обзоре [3] откликнулся на вышеуказанную статью. В последующем Гёдель неоднократно обращался к идеям феноменологической философии Гуссерля и вплоть до конца своей активной деятельности серьезно изучал его сочинения.

Если мы ищем точки соприкосновения логики, математики и феноменологии, не ограничиваясь поверхностными различиями, то было бы естественным решить вопрос: как понимать обращение Гёделя к философии Гуссерля, чего он хотел достичь, используя феноменологические методы в логических и математических исследованиях? Библиографические ссылки по данной теме можно найти в книге [4. Р. 7]. В ней делается вывод о том, что для Гёделя феноменология представляла не законченную доктрину, а целую исследовательскую программу, которую можно модифицировать в свете дальнейшей рефлексии и опыта.

О возможности феноменологического расширения формальной теории доказательств

Обнаружение теоретико-множественных парадоксов и сомнения по поводу использования абстракций высокого уровня привели к формулировке «финитной» программы с целью осуществления последовательной аксиоматизации фундаментальных разделов математики при помощи самых надежных методов, имеющих характер элементарного комбинирования. Благодаря Гильберту возросло значение аксиоматической теории в математике. Аксиоматическая теория доказательств несет на себе печать экзистенциального подхода, характеризуемого финитной установкой, свободной от антиномий и парадоксов, не приемлющей абстракцию актуальной бесконечности и ограничивающей применение логического закона tertium non datur. Одним из важнейших аспектов указанной программы является теория строгих «концептуально структурированных доказательств» [5. Р. 7]. Главной идеей финитной программы оснований математики была разработка тщательно продуманной системы правил вывода, легко обозримой и обеспечивающей непротиворечивые результаты научных исследований. Обстоятельное рассмотрение начал арифметики, геометрии и алгебры предпринято с целью показать действие финитной установки, которая характеризуется принципиальной представимостью объектов и выполнимостью всех логических операций.

Финитная теория доказательств имеет свои естественные пределы. Например, аналитические методы теории функций, дифференциальной геометрии, теории множеств и топологии нарушают границы финитной установки. Существуют также «нефинитные» подходы, связанные с применением неполных индуктивных определений. Использование *бесконечной* области индивидов сталкивается с необходимостью формализации выводов для доказательства непротиворечивости всего построения, приводя к формулировке проблем оснований математики.

Понятие «основания математики» приемлемо здесь в расширенном смысле, включающем логические компоненты математических построений и осознание того, что наряду с привычными формальными *структурами доказательств* должна рассматриваться специфика самого *процесса доказывания*. По мнению Фреге, без такого рода средств было бы вообще невозможно строгое обоснование математики. Если используемые понятия не имеют исчерпывающего определения, они являются недопустимыми, мнимыми представлениями, дающими только частичное, неполное удовлетворение. Приме-

44 Ю.Г. Седов

рами неудовлетворительных словообразований в математике могут служить такие понятия, как число, степень, величина, близость, часть, целое, и многие другие. Неудовлетворительным словообразованием является также отношение равенства (Gleichheitsbeziehung). В математической практике доказывания принято рассматривать равенство в качестве тождества, что теоретически не всегда оправдано. Проиллюстрируем данный тезис на двух простых примерах [6. Р. 75, 148–149].

Пример 1. Уравнение 4x - 3 = 3 имеет бесконечное количество корней, но для понимания сути дела достаточно двух: 6/4 и 3/2. Хотя они равны, никто не осмелится утверждать, что эти два корня совпадают по значению. Определение равенства в виде тождества иногда приводит к столкновению явно высказываемой теории с молчаливо практикуемыми методами доказательства и поспешными обобщениями. В подобных случаях значение доказываемых положений в математике должно быть подкреплено применением логических законов, обеспечивающим строгое разграничение понятий и дающим полные их дефиниции.

Пример 2. Рассмотрим отношение равенства при совпадении функций. Допустим, что функция $f(\xi)$ для того же самого аргумента имеет всегда то же самое значение, что и функция $g(\xi)$. Это равенство можно записать следующим образом: f=g. Однако недопустимость такого всеобщего отношения обнаруживается при переходе к особенному случаю, поскольку оказывается несостоятельным отождествление формулы ξ^2-1 для функции $f(\xi)$ с положением $(\xi-1)(\xi+1)$ для функции $g(\xi)$. Отсюда вытекает, что нельзя просто написать f=g, требуются дополнительные размышления о смысле и значении равенства, о фундаментальных законах логики, а также ясное осознание (mit vollem Bewusstsein) производимых арифметических действий. Данный подход к формализации представляется универсальным: он объединяет математические рефлексии, логические законы и строгий анализ структуры мысли.

На том основании, что расширяющиеся математические функции могут интерпретироваться как продолжения, а логические функции как произвольные изменения, появилась задача провести строгую формализацию рассуждений в теории доказательств. Такая формализация связана с методом «арифметизации метаматематики», разработанным Гёделем [7]. Расширению финитной теории доказательств, в первую очередь, способствовало осознание того, что любой «не слишком узкий» формализм оказывается незавершенным. Именно здесь наметился выход за рамки финитной установки, обусловленный тем, что в доказательствах встречаются допущения, в которых говорится об истинности всеобщих предложений, когда некая формула оказывается истинной всегда при замене ее свободных переменных цифрами.

Задача построения непротиворечивой формальной аксиоматики сущностным образом связана с вопросом о разрешимости. В узком смысле слова под разрешимостью понимается совокупность методов установления общезначимости и выполнимости формул. В случае конечного числа индивидов общезначимость и выполнимость представляют собой простой комбинаторный факт, который легко проверяется перебором всех возможных элементов исследуемой области. В случае бесконечной индивидной области последовательный перебор всех значений невозможен. И тогда очень важно выбрать подходящий предикат, например: «х больше у» или «у следует за х», отноше-

ние близости между произвольными переменными, отношение целого к части и т.п. Вводимая нами идеализация должна быть непротиворечивой. Бесконечную индивидную область нельзя наглядно представить, но можно выявить косвенным образом через отношение между ее элементами, что выполнимо посредством направленной последовательности формул или простейшего алгоритма.

Развитие понятия «алгоритм исчисления» произошло благодаря идее смоделировать интеллектуальную деятельность человека, например, последовательные действия логика, доказывающего теорему. В следующем определении я использую аналогию с «символьным пространством» Эмиля Поста, в котором может быть достигнуто решение определенной проблемы [8. Р. 103]. Этот концепт применим к финитной теории доказательств. Я также следую здесь известному тезису Алана Тьюринга, который касается поведения вычислителя (behaviour of the computer) и состояния его ума (state of mind) в любой момент проведения операции [9. Р. 250].

Пространство доказательственные конструкции. Развитие теории доказательственные конструкции. Развитие теории доказательств свидетельствует о том, что данное пространство способно к сжатию и расширению, к поочередному усилению то содержательной, то формальной установки сознания.

Современная теория доказательств выявила сугубо механический характер процедур рассуждения, оформившись в виде программы, предназначенной для моделирования работы человеческого мышления, после чего началась усиленная разработка машинно-ориентированных методов доказательства, связанных с пространственной интенцией. В силу этих и других обстоятельств теория доказательств трансформировалась в *logic of proof*, в логику доказуемости, которая предлагает подход к решению задач представления знаний, анализа систем формализации и проверки доказательств.

Однако имеются все основания полагать, что финитные рассуждения могут быть расширены с помощью феноменологического подхода. Финитная программа оснований математики послужила исходной точкой последующих логических исследований. Логики поставили под вопрос априорный характер математики. В одной из своих поздних работ Пауль Бернайс признал, что логика и математика *а priori* не предопределены, но они вырастают на почве *интеллектуального опыта*. В качестве иллюстрации он использует генезис геометрических концептуальных формулировок в абстрактном мышлении. Бернайс даже апеллирует к аналитике сознания, когда предлагает рассматривать математику в качестве «теоретической феноменологии формальных структур» [10. Р. 81–82]. Предметом феноменологии он считал объективность, отличную от реальных предметов природы.

Кроме того, Гуссерль в третьем логическом исследовании (§ 24), подводя итоги учения о целом и части, однозначно заявляет о возможности перехода феноменологии к математически точным теориям [11]. Все дескриптивные феноменологические разъяснения указанной темы в принципе сводимы к простейшим формам, т.е. формализуемы. Для феноменологии здесь наиболее интересен переход к категориальному мышлению, которое оперирует частями совокупности определенного вида, в том числе математического. И что характерно, во всех подобных случаях категориальное мышление предпочи-

46 Ю.Г. Седов

тает обходиться без понятия целого и намеренно упрощает ситуацию, ограничиваясь привычным сосуществованием частей. Разумеется, такая позиция удобна, но она оставляет в стороне некоторые существенные детали. А именно, любая классификация и любое ранжирование предлагают вниманию исследователя или пользователя некую *целостность*, состоящую из строго определенных частей, а вовсе не набор произвольно соединенных элементов. Позднее Гуссерль модифицировал свой подход, сфокусировав внимание на *интуитивном* содержании пространственного упорядочивания концептов [12. P. 40].

Формальная теория доказательств и феноменология: Гёдель и Гуссерль

Философские основания теории доказательств связаны с эпистемологическим анализом. После теорем о неполноте стало весьма затруднительно утверждать, что всякое суждение может быть либо доказано, либо опровергнуто. Это было настоящим вызовом, брошенным финитной программе оснований математики и соответствующей теории доказательств. В любой непротиворечивой системе можно сформулировать такие утверждения, которые на основании принятых аксиом нельзя будет ни доказать, ни опровергнуть, а внутри непротиворечивой системы невозможно дать доказательство ее собственной непротиворечивости.

Однако не осталось без внимания то обстоятельство, что в отличие от первой теоремы - достаточно понятной вторая теорема остается весьма проблематичной и не укладывается в привычный математический контекст. Вторая теорема в большей мере соотнесена с модально-логическими свойствами формулы, выражающей доказуемость. Тут затрагиваются вопросы, выходящие за рамки математики, но ею инициируемые и связанные с пониманием природы ума, искусственного интеллекта и человеческого мышления. Согласно Гёделю, любые математические теории страдают неполнотой, хотя могут быть расширены за счет процедур, которые включали бы в себя абстрактные термы на основе их значений. Другими словами, нужны такие процедуры, в которые были бы включены некоторые элементы значения, что позволило бы решать проблемы, не поддающиеся машинной обработке. Гёдель не исключал возможности открытия подобного рода процедур. Они просто требуют более совершенного понимания работы ума, каковое может быть достигнуто, в частности, с помощью феноменологического метода. «По крайней мере, в трех пунктах мысль Гёделя обнаруживает черты логики Гуссерля: различие между двумя ориентациями в виде теории значений и теории объектов; рационалистический идеал, которым руководствуются математики; роль рефлексивного метода в математических науках» [13. Р. 335-336]. Кроме того, Гёдель обращался к изучению сочинений Гуссерля в период между изданиями первой и второй версии статьи, посвященной континуум-гипотезе [14. Р. 21]. Тщательное изучение Гёделем феноменологической философии было вызвано не предположением о независимости существования математических объектов, но скорее пониманием принципиальной важности интуитивного схватывания концептов.

В феноменологии существенная роль отводится интуиции. Эйдетический метод «видения сущности» (Wesensschau) исполняет вполне определенную

функцию в формальной логике, где мы обращаемся только к пропозициям, оставляя в стороне любые высказывания о свойствах объектов. Доказательство выстраивается на уровне аподиктической очевидности. В целом такое доказательство выглядит как рассуждение на основе заранее сформулированных аксиом и логических правил. На первый взгляд, здесь, казалось бы, нет места эйдетическим вариациям, но в действительности это наблюдается, например, когда исследователь присоединяет к системе аксиом дополнительные предположения, которые впоследствии оказываются нетривиальными и существенными для доказательства.

Литература

- 1. *Hill C.O.* Husserl on axiomatization and arithmetic // Phenomenology and Mathematics / ed. by M. Hartimo. Dordrecht: Springer, 2010. P. 47–71.
- 2. Heyting A. Die intuitionistische Grundlegung der Mathematik // Erkenntnis. 1931. Vol. 2, Issue 1. S. 106–115.
- 3. *Gödel K.* Review of Heyting 1931 // Collected works / ed. by S. Feferman. New York: Oxford University Press, 1986, pp. 247 248. Vol. I. Publications 1929–1936.
- 4. Atten M. van. Essays on Gödel's reception of Leibniz, Husserl and Brouwer. Dordrecht: Springer, 2015.
 - 5. Sieg W. Hilbert's programs and beyond. New York: Oxford University Press, 2013.
- Frege G. Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet. Jena (H. Pochle), 1903.
 § 62, § 147. Bd. 2.
- 7. Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme // Monatshefte für Mathematik und Physik. 1931. 38. P. 173–198.
- 8. Post E.L. Finite combinatory processes formulation 1 // The Journal of Symbolic Logic. 1936. Vol. 1, № 3. P. 103–105.
- 9. *Turing A.M.* On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem // Proceedings of the London Mathematical Society. 1937. Ser. 2. Vol. 42. P. 230–265.
- 10. Parsons Ch. Philosophy of mathematics in the twentieth century. Selected essays. Massachusetts; London: Harvard University Press, 2014.
- 11. *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Band: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis / ed. by Ursula Panzer. Den Haag: Nijhoff, 1984. Husserliana XIX/1.
- 12. Caracciolo E. Formalization and intuition in Husserl's Raumbuch // From logic to practice. Italian studies in the philosophy of mathematics / ed. by G. Lolli, M. Panza, G. Venturi. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2015. P. 33–50.
- 13. Cassou-Noguès P. The two-sidedness and the rationalistic ideal of formal logic: Husserl and Gödel // Rediscovering phenomenology. Phenomenological essays on mathematical beings, physical reality, perception and consciousness / ed. by L. Boi, P. Kerszberg, F. Patras. Dordrecht: Springer, 2007. P. 309–338.
- 14. Burgess J.P. Intuitions of three kinds in Gödel's views on the continuum // Interpreting Gödel. Critical essays / ed. by J. Kennedy. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 11–31.

Yuri G. Sedov, State Institute of Economics, Finances, Law, and Technologies (Gatchina, Russian Federation).

E-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 41–48. DOI: 10.17223/1998863X/64/4

PHENOMENOLOGICAL EXTENSION OF THE FORMAL PROOF THEORY

Keywords: phenomenology; proof theory; space of proofs; intuition

In the paper, I investigate phenomenological foundations of the finitary proof theory. The main motive of the investigation is the fact that the finitary proof theory contains some interesting phenomenological reflections. The phenomenological description is expected to promote progress in logical investigations and mathematical applications. The convergence between symbolic logic, mathematical reflections and phenomenological researches will be good for mathematical foundations.

48 Ю.Г. Седов

In this case, the term "foundations of mathematics" is used in the extended sense. It includes not only logical components of mathematical structures but also phenomenological descriptions of proving. For that reason, I attempted in the paper to combine the efforts of logicism, mathematics and phenomenology, I am guided here by experiences of Gottlob Frege, David Hilbert, Edmund Husserl, and Kurt Gödel. The initial point is Frege's approach to formalization of mathematical theories on the basis of logical fundamental laws. Further consideration of the matter leads to the proposition that the finitary reasoning in mathematical logic is closely connected with phenomenological descriptions. The rigorous phenomenological description also offered the opportunity to define the space of proofs. The space of proofs is the specific form of thinking suitable for representations of logical propositions. In the present definition of "space of proofs", I make with Emil Post's definition of a "symbol space" in which any work leading from problem to answer is to be carried out. I will also follow Alan Turing's thesis concerning the "behaviour of the computer" and his "state of mind" at any moment. According to Gödel, any mathematical theories are incomplete. However, these theories can be extended with the help of logical and phenomenological procedures. These procedures require a deep understanding of cognitive processes. If we want to find the common ground between logic, mathematics and phenomenology, we must answer the following questions. How Gödel's appeal to Husserlian phenomenology should be understood? What did he want to achieve using phenomenological methods in logical and mathematical investigations? Gödel held that phenomenology is a very important method of investigation of cognitive processes.

References

- 1. Hill, C.O. (2010) Husserl on axiomatization and arithmetic. In: Hartimo, M. (ed.) *Phenomenology and Mathematics*. Dordrecht: Springer. pp. 47–71.
- 2. Heyting, A. (1931) Die intuitionistische Grundlegung der Mathematik. *Erkenntnis*. 2(1). pp. 106–115.
- 3. Gödel, K. (1986) Review of Heyting 1931. In: Feferman, S. (ed.) *Collected Works*. Vol. I. New York: Oxford University Press. pp. 247–248.
- 4. Van Atten, M. (2015) Essays on Gödel's reception of Leibniz, Husserl and Brouwer. Dordrecht: Springer.
 - 5. Sieg, W. (2013) Hilbert's Programs and Beyond. New York: Oxford University Press.
- 6. Frege, G. (1903) Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet. Vol. 2. Jena (H. Pochle). § 62, § 147.
- 7. Gödel, K. (1931) Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme. *Monatshefte für Mathematik und Physik*. 38. pp. 173–198.
- 8. Post, E.L. (1936) Finite combinatory processes formulation 1. *The Journal of Symbolic Logic*. 1(3). pp. 103–105.
- 9. Turing, A.M. (1937) On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. *Proceedings of the London Mathematical Society*, 2(42), pp. 230–265.
- 10. Parsons, Ch. (2014) *Philosophy of Mathematics in the Twentieth Century. Selected Essays*. Massachusetts, London: Harvard University Press.
 - 11. Husserl, E. (1984) Logische Untersuchungen. Vol. 2. Den Haag: Nijhoff.
- 12. Caracciolo, E. (2015) Formalization and intuition in Husserl's Raumbuch. In: Lolli, G., Panza, M. & Venturi, G. (eds) *From Logic to Practice. Italian Studies in the Philosophy of Mathematics.* Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer. pp. 33–50.
- 13. Cassou-Noguès, P. (2007) The two-sidedness and the rationalistic ideal of formal logic: Husserl and Gödel. In: Boi, L., Kerszberg, P. & Patras, F. (eds) *Rediscovering phenomenology. Phenomenological essays on mathematical beings, physical reality, perception and consciousness.* Dordrecht: Springer. pp. 309–338.
- 14. Burgess, J.P. (2014) Intuitions of three kinds in Gödel's views on the continuum. In: Kennedy, J. (ed.) *Interpreting Gödel. Critical essays*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 11–31.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/64/5

В.А. Ладов, А.В. Гукова

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРИИ СИМВОЛИЗМА РАННЕГО Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00057, https://rscf.ru/project/18-18-00057.

Статья посвящена критическому анализу теории символизма раннего Л. Витгенштейна. Автор утверждает, что данная теория не может выступать универсальным способом решения парадоксов. Теория символизма представляет собой разработку исключительно в области функционирования знаковой системы языка, в то время как в теоретико-множественных парадоксах, например в парадоксах Рассела и Бурали-Форти, вообще не затрагивается лингвистическая проблематика. Критическим аргументом в адрес теории символизма выступает также тот факт, что поздний Л. Витгенштейн признает явление самореферентности в языке, что прямо противоречит основным тезисам витгенштейновской разработки раннего периода его творчества.

Ключевые слова: *Л. Витгенштейн, теория символизма, парадокс, теория типов,* язык, мышление, самореферентность

Проблема парадоксов и ее классическое решение

Проблема парадоксов была обозначена как актуальная научная проблема на рубеже XIX–XX вв. Вступая в дискуссию с Г. Фреге по вопросам логикофилософского обоснования математического знания, Б. Рассел показал [1], что от решения проблемы парадоксов зависит построение фундамента наиболее строгого вида научно-рационального мышления – математики.

Самым известным способом разрешения парадоксов стал иерархический подход. Сначала Б. Рассел представил теорию типов [2], а затем А. Тарский сформулировал концепцию метаязыков [3] — именно эти теоретические разработки и легли в основу иерархического подхода к решению парадоксов. Главный методологический прием, который используется в иерархическом подходе, состоит в запрете на явление самореферентности (self-reference). Теория типов Рассела расценивает как логически некорректные такие понятия и способы рассуждения, формирование которых опирается на явление самореферентности. Концепция метаязыков Тарского запрещает смешивать объектный язык и метаязык, который сам становится объектным языком для метаязыка следующего уровня. Явление самореферентности в языке возможно только при смешении объектного языка и метаязыка, что в концепции Тарского признается семантически некорректным.

Теория символизма vs теория типов

Несмотря на то, что иерархический подход широко признан в мире как наиболее ясный и приемлемый способ решения проблемы парадоксов, в последние десятилетия он все чаще подвергается критике в исследовательской литературе по логике, философии математики и эпистемологии [4–7].

В этой ситуации особое внимание обращает на себя теория символизма раннего Л. Витгенштейна, в рамках которой также представлена определенная позиция в отношении проблемы парадоксов. Эта позиция оказывается весьма специфической. Казалось бы, Витгенштейн высказывается против теории типов Б. Рассела, и потому должен быть причислен к группе критиков иерархического подхода. Однако при более тщательном рассмотрении мы видим, что Витгенштейн не против идеи иерархии, предлагаемой теорией типов, но, наоборот, считает расселовскую теорию недостаточно радикальным способом представления иерархии знаков, присущей языку. Ранний Витгенштейн утверждает, что явление самореферентности не нужно запрещать, как это предлагала теория типов, поскольку данное явление в принципе невозможно. Таким образом, позиция раннего Л. Витгенштейна представляет собой не отрицание, а, напротив, наиболее продуманную форму иерархического подхода к решению проблемы парадоксов. Именно витгенштейновская позиция оказывается в наибольшей степени устойчивой к тем критическом аргументам, которые были сформулированы в адрес иерархического подхода на рубеже XX-XXI вв.

Суть витгенштейновской позиции сводится к следующему. Он считает теорию типов Рассела просто ненужной концептуальной разработкой: «...каждая теория типов должна быть представлена как излишняя при помощи надлежащей теории символизма... То, в чем я больше всего уверен, это не правильность моего метода анализа, но тот факт, что со всей теорией типов должно быть покончено посредством теории символизма, демонстрирующей, что то, что предстает как различные виды вещей, обозначается различными видами символов, которые не могут быть заменены друг другом» [8. Р. 19–20].

Витгенштейн не говорит, что основные тезисы теории типов не верны, но утверждает только то, что она просто является излишним концептуальным изобретением. Взамен теории типов Витгенштейн предлагает свою теорию символизма. Теория символизма также именуется теорией, однако она строится на принципиально иных методологических основаниях, нежели расселовская теория типов. Прояснение этого мы находим в следующем пассаже: «В философии нет дедукций, она чисто дескриптивна» [9. Р. 106].

Теория символизма не мыслится как последовательное, методическое усилие исследователя по исправлению изъянов мышления и языка, которые приводили нас в тупик парадоксов. Витгенштейн представляет свою деятельность, скорее, как определенный вид всматривания в то, что уже происходит в языке без каких-либо теоретических влияний на него извне. Результатом этого всматривания оказывается описание имеющихся фактов существования знаков, а не формулировка неких теоретических рекомендаций к тому, чтобы язык функционировал без сбоев, логически корректно.

Последний тезис оказывается важным для оценки критической литературы в адрес иерархического подхода Рассела—Тарского, представленной в последние десятилетия в логико-философской литературе.

Все критики иерархического подхода, представляющие собой различные области знания, как само собой разумеющееся исходили из одной общей предпосылки, а именно, они трактовали данный подход как некоторый искусственный методологический прием, как некоторое теоретическое усилие исследователя, направленное на исправление недостатков естественного языка и связанного с ним уровня мышления. Теория типов и концепция метаязыков предстают здесь в качестве некоторой "прививки" для естественного языка, в качестве внешнего теоретического вторжения, призванного освободить язык и мышление от парадоксов. Если мы имеем дело с искусственным, создаваемым усилием исследователя-теоретика методологическим приемом, то, соответственно, мы всегда можем поставить вопрос о корректности данной методологии. Данный методологический прием при желании можно отменить, отказаться от него, к чему и призывают различные версии критики иерархического подхода Рассела—Тарского.

Но дело в том, что ранний Витгенштейн выстраивает свои исследования на принципиально ином основании. Он не считает иерархию искусственной «прививкой» для языка, которую якобы продуцирует теория типов. Теория типов работает вхолостую, ибо иерархия уже изначально внутренне присуща языку без какого-либо внешнего исследовательского воздействия. Все, что мы можем сделать в теории символизма, это просто описать уже имеющееся объективное положение дел: принципы функционирования знаков в языке.

Если ранний Витгенштейн прав и иерархия уже внутренне присуща языку, то и отменить ее невозможно некоторым волевым усилием исследователятеоретика, как это предлагали сделать критики иерархического подхода. Здесь разрушается сам фундамент, на котором может быть выстроена такая критика.

Таким образом, теория символизма раннего Л. Витгенштейна предстает как наиболее радикальный вариант иерархического подхода к решению проблемы парадоксов. Эта теория оказывается устойчивой по отношению ко всей критике в адрес иерархического подхода, которая была представлена в исследовательской литературе по данному вопросу.

Теория символизма как чисто лингвистическая разработка

Следующие два параграфа данной статьи будут критическими по отношению к теории символизма раннего Л. Витгенштейна. Мы попытаемся показать, что данная теория все равно оказывается уязвимой для критики даже несмотря на то, что в ее отношении не действует общая предпосылка, характерная для критических исследований иерархического подхода к решению проблемы парадоксов.

Во-первых, обращает на себя внимание концентрация Витгенштейна исключительно на вопросах, связанных с функционированием языка. И здесь мы бы хотели провести параллель с современными дискуссиями о концепции метаязыков А. Тарского.

В логико-философской литературе последних лет подход Тарского к решению проблем парадоксов критикуется как раз за то, что Тарский осуществил рассмотрение парадокса Лжеца на чисто лингвистическом уровне. Если бы он провел надлежащие различия между языком и мышлением, то данный парадокс можно было бы разрешить в естественном языке без помощи идеи

иерархии, характерной для концепции метаязыков. Такая критика, в частности, представлена в исследованиях Х. Слейтера [10].

С точки зрения Х. Слейтера, естественный язык последователен, и в нем не возникает парадоксов по типу парадокса Лжеца, необходимо только учесть различие между уровнем предложений языка и уровнем пропозиций мышления, различие, которое А. Тарский проигнорировал. Возьмем предложение «Это предложение не является истинным». Слейтер считает, что данное предложение выражает вполне последовательную, истинную пропозицию о том, что предложение «Это предложение не является истинным» не является истинным. Логическая ошибка circulus vitiosus (порочный круг) здесь не возникает. Мы не можем сказать, что если это предложение истинно называет себя неистинным, то оно истинно и неистинно. Это предложение называет истинную пропозицию о том, что это предложение не является истинным. Предложение неистинно, а пропозиция, которую оно называет, истинна, и круг размыкается: «...ключевым моментом, который нужно понять, чтобы избежать противоречия, является то, что, например, сказать, что некоторая пропозиция является истинной, не означает сказать, что предложение само по себе истинно. Истинно не предложение, а то, что предложение говорит в самореферентной интерпретации» [Ibid. P. 411].

Однако сам X. Слейтер не учел того факта, что парадокс Лжеца может быть сформулирован на чисто логическом уровне, который вообще не затрагивает предложений языка [11]. Если парадокс Лжеца рассматривать только на уровне логических суждений, пропозиций, а не предложений, то тогда мы имеем пропозицию 'Эта пропозиция не является истинной'. В данном случае в пропозиции утверждается истинность о неистинности самой этой пропозиции, и парадокс снова возвращается. Х. Слейтер смог критиковать А. Тарского потому, что сам мыслил парадокс Лжеца хоть и не как чисто лингвистический, но как семантический, связанный с языком, парадокс.

По аналогии с исследованиями Х. Слейтера, с его критикой А. Тарского и с нашими собственными замечаниями в адрес Х. Слейтера мы могли бы критически отнестись и к теории символизма раннего Л. Витгенштейна. Излишняя зацикленность Л. Витгенштейна на языке, игнорирование уровня мышления играют с ним плохую шутку. Ибо если мы даже предположим, вслед за теорией символизма, что иерархия изначально присуща языку и самостоятельно регулирует допустимые способы употребления знаков, это не доказывает того факта, что иерархия изначально присуща мышлению. Теория символизма раннего Л. Витгенштейна отвечает на вопросы об иерархии знаков, о самореферентности и парадоксах в языке, но эта теория ничего не говорит о самореферентности и парадоксах в мышлении. Данная теория ничего не может сказать о мышлении по определению, ибо изначально она построена только как теория языка. Между тем чисто логические парадоксы не затрагивают уровня языка вообще. Например, в парадоксе Рассела или в парадоксе Бурали-Форти речь не идет ни о каких лингвистических конструкциях, и, как указано выше, даже парадокс Лжеца, который в классической классификации Ф. Рамсея [12] относится к числу семантических парадоксов, на самом деле может быть рассмотрен и как чисто логический парадокс.

Теория символизма, действительно, может быть рассмотрена как наиболее радикальный способ формулировки иерархического подхода к решению

проблемы парадоксов в сравнении с концепциями Б. Рассела и А. Тарского, но даже эта разработка раннего Витгенштейна не может претендовать на то, чтобы быть законченным решением чисто логических парадоксов, ибо она задумана исключительно как лингвистическая теория, как теория о функционировании знаков языка.

Поздний Витгенштейн vs ранний Витгенштейн

Второй критический аргумент в адрес теории символизма раннего Витгенштейна является косвенным, он не представляет собой прямой контраргумент к идеям раннего Витгенштейна, но, скорее, создает общую атмосферу сомнения по отношению к обсуждаемой теории. Дело в том, что в произведениях позднего периода своего творчества Л. Витгенштейн, фактически, признает существование явления самореферентности в языке, что прямо противоречит его ранним взглядам. Это, конечно, не доказывает ео ірѕо ложность теории симоволизма, ибо позиция позднего Витгенштейна сама может быть ложной, но все же дает еще один повод усомниться в правомерности тезиса об изначально присущей языку иерархии знаков.

Обсуждение парадоксов мы находим в «Лекциях по основаниям математики» [13] — одном из текстов поздней философии Витгенштейна. Так, в диалоге с Д. Уиздомом Витгенштейн обсуждает парадокс Лжеца:

«Уиздом: Можно было бы сказать, что теория типов утверждает, что нельзя высказать суждение о самом этом суждении в высказываемом суждении.

Витгенштейн: Нельзя? Но я делаю это» [Ibid. P. 207].

Тем самым Витгенштейн, по сути, признает возможность явления самореферентности в естественном языке. Витгенштейн делает это: высказывает суждение о самом этом суждении в высказываемом суждении. Наряду с возможностью самореферентности поздний Витгенштейн признает и наличие парадоксов в языке. Другое дело, что его понимание роли парадоксов в языке оказывается совершенно иным по сравнению и с пониманием Рассела, и со всей традицией ранней аналитической философии. Поздний Витгенштейн перестает видеть в парадоксах проблему, что было принципиальным отправным пунктом в исследованиях Рассела. И в «Лекциях по основаниям математики», и в «Заметках об основаниях математики» [14] Витгенштейн относится к парадоксам прагматически, как к бесполезной языковой игре в практической жизни человека. Мы просто не находим применения той языковой ситуации, которая возникает в случае употребления выражения «Я сейчас лгу» по отношению к самому этому выражению. По сути, в практической жизни мы никогда не говорим так, не применяем выражение «Я сейчас лгу» к нему самому, и для прагматизма позднего Витгенштейна этого вполне достаточно для того, чтобы просто оставить в стороне проблему парадоксов как не заслуживающую внимания философского исследования.

Подобное рассуждение в «*Лекциях по основаниям математики*» мы находим и относительно парадокса Рассела:

«Мы можем различить между теми предикатами, которые приложимы к самим себе, и теми, которые не приложимы, и сформировать предикат "предикат, который не приложим к самому себе". Приложим ли он к самому себе? Ясно, что если он приложим к самому себе, то он не является таковым; и что

если он не приложим к самому себе, то он является таковым. Из этого предположительно следует, что он и приложим, и не приложим к самому себе.

Я мог бы сказать: "А почему бы и нет?" Если я обучен, будучи ребенком, что это именно то, что я должен говорить. Я бы с радостью сказал так.

Странно в этом предложении то, что мы не знаем, что на Земле с ним делать...» [14. P. 222–223].

Как и в случае с обсуждением парадокса Лжеца, Витгенштейн признает, что парадокс имеет место. Это означает, что он признает и явление самореферентности, ибо парадокс Рассела, как и парадокс Лжеца, можно сформулировать только на основании данного явления. И снова, как в случае с парадоксом Лжеца, Витгенштейн утверждает, что сама языковая игра, представляющая парадокс Рассела, оказывается совершенно бесполезной в практической жизни. Мы не знаем, где могли бы использовать такую языковую игру в нашей практической деятельности.

Обсуждение ориентации позднего Витгенштейна на прагматику языка выходит за рамки проблематики данной статьи. Мы не будем выносить суждение относительно того, насколько бесполезными и прагматически безвредными являются парадоксы. Для целей данной статьи важен сам факт признания поздним Витгенштейном наличия парадоксов, основанных на явлении самореферентности, что он в принципе отрицал в теории символизма в ранний период своего творчества.

Выводы

Теория символизма раннего Витгенштейна представляет собой наиболее радикальный вариант иерархического подхода к решению проблемы парадоксов. Эта теория оказывается наиболее устойчивой ко всей критике иерархического подхода, которая была представлена в последние десятилетия в логико-философской литературе. Однако проведенный критический анализ показывает, что данная теория не может претендовать на статус универсального способа решения парадоксов, поскольку она не доказывает невозможность самореферентности при осуществлении рациональной деятельности. Более того, сам Л. Витгенштейн в поздний период своего творчества фактически признает возможность явления самореферентности, что также заставляет усомниться в истинности теории символизма. В итоге можно сделать вывод о том, что теоретическая разработка раннего Л. Витгенштейна тоже может быть признана нерелевантным способом решения проблемы парадоксов, как и иные более известные версии иерархического подхода, представленные в теории типов Б. Рассела и концепции метаязыков А. Тарского.

Литература

- 1. Frege G. Philosophical and Mathematical Correspondence. Oxford: Basil Blackwell, 1980.
- 2. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 16–62.
- 3. *Tarski A*. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford: Oxford University Press, 1956. P. 152–278.
- 4. Ладов В.А. Логические основания формального реализма // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 48–55.
- 5. Ладов В.А. Решение логических парадоксов в семантически замкнутом языке // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 104–119.
- 6. Ladov V. Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes // Filosofija. Sociologija. 2019. Vol. 30, № 1. P. 36–43.

- 7. Ладов В.А. Парадоксы в теории познания. Логические основания эпистемологической критики релятивизма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020.
 - 8. Wittgenstein L. Letters to Russell, Keynes and Moore. Oxford: Blackwell, 1974.
- Wittgenstein L. Notes on Logic // Wittgenstein L. Notebooks 1914–1916. Oxford: Blackwell, 1979. P. 93–104.
- 10. Slater H. Natural Language Consistency // Logique et Analyse, Novuvelle Serie. 2011. Vol. 54, № 215. P. 409–420.
- 11. Ладов В.А. Является ли «Лжец» семантическим парадоксом? // Schole. Античная философия и классическая традиция. 2019. № 13. 1. С. 285–293.
- 12. $\it Pamceй \Phi.\Pi.$ Основания математики // Философские работы. М. : Канон+, 2011. С. 16–56.
- 13. Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics. Cambridge 1939 / ed. C. Diamond. Ithaca, New York: Cornel University Press, 1976.
- 14. Wittgenstein L. Remarks on the Foundation of Mathematics. 3 ed., revised and reset. Oxford: Blackwell, 1978.

Vsevolod A. Ladov, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ladov@yandex.ru

Angelina V. Gukova, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 49–56.

DOI: 10.17223/1998863X/64/5

CRITICAL ANALYSIS OF EARLY LUDWIG WITTGENSTEIN'S THEORY OF SYMBOLISM

Keywords: Ludwig Wittgenstein; theory of symbolism; paradox; theory of types; language; thought; self-reference

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00057.

The article presents a critical analysis of early Ludwig Wittgenstein's theory of symbolism. The authors argue that this theory cannot be a universal way of solving paradoxes. The theory of symbolism is a development exclusively in the field of the functioning of the sign system of the language, while in set-theoretical paradoxes, for example, in Russell's Paradox and The Burali-Forti Paradox, linguistic problems are not at all touched upon. The authors of the article carry out a critical analysis of Wittgenstein's theory of symbolism by analogy with the criticism of Alfred Tarski's concept of metalanguages presented in modern logical literature. The authors argue that the concept of metalanguages was needed by A. Tarski only because he presented The Liar paradox as an exclusively linguistic paradox. If Tarski had introduced the distinction between language and thought, then The Liar paradox could have been avoided without invoking the concept of metalanguages. Wittgenstein's theory of symbolism also speaks of the hierarchy of language signs, as well as Tarski's concept of metalanguages. According to Wittgenstein, paradoxes are also resolved by hierarchy, like according to Tarski. However, the theory of symbolism, like Tarski's concept of metalanguages, completely leaves the level of thinking without consideration. Is the idea of hierarchy necessary to solve the problem of paradoxes? Is it possible to solve the problem of paradoxes using the idea of hierarchy? The theory of symbolism cannot answer these questions if paradoxes are interpreted not only as facts of language, but also as facts of thinking. A critical argument against the theory of symbolism is also the fact that the late Wittgenstein recognizes the phenomenon of self-reference in language. This directly contradicts the main theses of Wittgenstein's concept of the early period of his philosophical activity.

References

- 1. Frege, G. (1980) Philosophical and Mathematical Correspondence. Oxford: Basil Blackwell.
- 2. Russell, B. (2006) Matematicheskaya logika, osnovannaya na teorii tipov [Mathematical Logic as Based on the Theory of Types]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–62.

- 3. Tarski, A. (1956) The Concept of Truth in Formalized Languages. In: Tarski, A. (ed.) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 152–278.
- 4. Ladov, V.A. (2010) Logical Foundations of Formal Realism. *Vestnik Tomskogo gosudar-stvennogo universiteta Tomsk State University Journal.* 341. pp. 48–55. (In Russian).
- 5. Ladov, V.A. (2017) Logical Paradoxes Solution in Semantically Closed Language. *Epistemologiya i filosofiya nauki Epistemology & Philosophy of Science*. 52(2). pp. 104–119. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201752233
- Ladov, V.A. (2019) Wittgenstein's Tractatus Logico-Philosophicus and a Hierarchical Approach to Solving Logical Paradoxes. *Filosofija. Sociologija*. 30(1). pp. 36–43. DOI: 10.6001/fil-soc.v30i1.3914
- 7. Ladov, V.A. (2020) *Paradoksy v teorii poznaniya. Logicheskie osnovaniya epistemologicheskoy kritiki relyativizma* [Paradoxes in the theory of knowledge. Logical foundations of epistemological criticism of relativism]. Tomsk: Tomsk State University.
 - 8. Wittgenstein, L. (1974) Letters to Russell, Keynes and Moore. Oxford: Blackwell.
 - 9. Wittgenstein, L. (1979) Notebooks 1914-1916. Oxford: Blackwell. pp. 93-104.
- 10. Slater, H. (2011) Natural Language Consistency. *Logique et Analyse, Novuvelle Serie*. 54(215). pp. 409–420.
- 11. Ladov, V.A. (2019) Yavlyaetsya li "Lzhets" semanticheskim paradoksom? [Is the Liar Paradox a semantic paradox?]. *Schole. Ancient Philosophy and Classical Tradition*. 13(1). pp. 285–293. (In Russian). DOI: 10.25205/1995-4328-2019-13-1-285-293
- 12. Ramsey, F.P. (2011) *Filosofskie raboty* [Philosophical papers]. Translated from English by V.A. Surovtsev. Moscow: Kanon+. pp. 16–56.
- 13. Wittgenstein, L. (1976) Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics. Ithaca, New York: Cornel University Press.
- 14. Wittgenstein, L. (1978) Remarks on the Foundation of Mathematics. 3rd ed. Oxford: Blackwell.

УДК 165.21

DOI: 10.17223/1998863X/64/6

И.Н. Нехаева

UNAUSSPRECHLICHES ВИТГЕНШТЕЙНА: О ЧЕМ НЕВОЗМОЖНО СКАЗАТЬ, О ТОМ НЕВОЗМОЖНО СКАЗАТЬ ЯСНО

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-02052, https://www.rscf.ru/project/22-28-02052/

В статье представлен оригинальный взгляд на 'невыразимое' (Unaussprechliches) Витгенитейна как на то, что не может быть произнесено, но лишь показано в используемых нами символах. Автор приходит к выводу, что такого рода показывание возможно только при допущении в области символического собственного механизма выражения — оптического, которое 'делает видимым' для нас то, что оказывается 'невыразимым' средствами знаковой артикуляции.

Ключевые слова: Витгенштейн, оптическое, сказывание, показывание, знак, символ

Понятие 'видеть' представляется смутным. Да оно такое и есть. Л. Витгенштейн. Философские исследования

Основной тезис, который мы будет отстаивать, следующий: если вы о чем-то говорите, но при этом у вас нет ясности сказанного (или иногда говорят, что вы не обладаете отчетливым видением этого), то на самом деле вы ни о чем таком не говорите, вы вообще не говорите о том, о чем собирались сказать, потому что ваш взгляд затуманен и вы не видите ясно то, что собирались описывать. На это можно возразить: своим высказыванием вы имели намерение передать некоторое значение - и вам это, безусловно, удалось; вы высказывались посредством предложений, которые в свою очередь не могли обойтись без знаков (слов), а применение последних не могло не дать вам некоторого значения 1, которое всегда более или менее понятно (особенно в случае носителей языка). Иными словами, было бы совершенной ерундой, с вашей точки зрения, настаивать на том, что произнесенных вами предложений недостаточно для полной ясности сказанного. Но понять здесь как раз не означает сделать что-то ясным; понимание, скорее, указывает на наше согласие вступить в некоторую связь с чем-то (или кем-то) иным, другим. Мы пытаемся это интерпретировать и рано или поздно достигаем некоторой степени понимания – слов, состояний, чувств, реакций и т.д.

Действительно, мы можем согласиться с тем, что предложение (если оно истинно) *показывает* нам реальное положение вещей². Однако из-за своего

¹ Витгенштейн подчеркивает, что свою работу знак выполняет только в случае своего применения. ЛФТ § 3.328: «Если знак не применяется, то он не имеет значения» [1. С. 66]. Ср. также с этим: «то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет» [2. С. 154].

² ЛФТ §4.022: «...предложение показывает свой смысл. Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так» [1. С. 78].

58 И.Н. Нехаева

способа выражения¹, оно гораздо быстрее вовлекает нас в процесс слушания, нежели в целостное схватывание образа всего происходящего². Когда мы *только видим* предложение (в письменной форме), не читая его, мы не извлекаем из этого предложения того, что нам обычно нужно, а именно — сообщения. Поэтому чтобы быть, предложение должно быть произнесено (не важно, вслух или про себя). Особую роль здесь, конечно же, играют звуковые изменения, поскольку звук, являясь материальным свойством знака, быстро и легко подчиняет себе разум, влияет на него и задает ему нужное направление³. Именно поэтому Жан-Жак Руссо в своей известной работе Опыт о происхождении языков подчеркивает особую роль музыки — в отличие, к примеру, от живописи, которая, по его словам, «часто изображает мертвые и неодушевленные предметы» [4. С. 260]; музыкант же, хотя и «не изобразит непосредственно все эти вещи, но возбудит в душе те же чувства, которые мы испытывали при их виде» [Там же. С. 261].

Таким образом, первостепенное значение Руссо придавал воздействию на чувства людей со стороны движения и голоса, но он также настаивал и на том, что «видимые знаки воспроизводят мысль более точно» [Там же. С. 224]. Такая их точность прежде всего обусловлена *схематизмом*⁵ изображения, а поскольку схема не столько говорит, сколько делает возможным переход от одного действия к другому (например, от 'говорения' к 'показыванию'), то схема является идеальным инструментом конструирования образа действительности, суть которого в том, что это - логический образ, а предложения служат тому, чтобы отражать в себе логическую форму или показывать ee^6 . Рэй Монк в своей работе Витгенштейн. Долг гения приводит занимательный пример с автомобильной аварией, вернее, схемой этой аварии, представленной в суде, о которой Витгенштейн прочитал в одном из журналов. Его поразила схожесть, усматриваемая между 'графическим' и 'логическим': «как рисунок или живопись изображают нечто графически, так предложение изображает логически» [6. С. 133]. Предполагается, что схожесть, которую передает логическая структура, и является тем, что есть общего между предложением и реально складывающимся положением дел; именно общая структура, согласно Витгенштейну, позволяет языку воссоздавать реальность че-

¹ ЛФТ § 3.251: «...предложение членораздельно произносится» [1. С. 58].

² ЛФТ § 4.011: «...на первый взгляд, по-видимому, предложение – например, как оно напечатано на бумаге – не является образом действительности, о которой оно говорит. Но ведь и ноты тоже не кажутся на первый взгляд образом музыки, и наши фонетические знаки (буквы) не кажутся образом нашей устной речи. И все же эти символические записи даже в обычном смысле слова оказываются образами того, что они изображают» [Там же. С. 74]. Ведь образ показывает то, что он изображает.

³ По мнению Фердинанда де Соссюра, «все происходит независимо от разума, в сфере звуковых изменений, которые быстро и полностью подчиняют разум и задают ему особое направление, обусловленное материальными свойствами знаков» [3. С. 98].

⁴ Идеальным примером в этом случае может стать натюрморт (от франц. naturemortе – мертвая природа). Несмотря на кажущуюся простоту и примитивность, сам натюрморт может восприниматься как некая схожая с языковой структурирующая структура. В качестве цели натюрморта можно предположить выстраивание некоторой композиции из неодушевленных предметов – именно здесь возникает аллюзия с языковым действием, в ходе которого эти предметы подменяются знаками (как отмечал Августин, «знак есть предмет, иначе он был бы ничем»). Таким образом, сам натюрморт выступает в роли способа по упорядочиванию входящих в него предметов.

⁵ С точки зрения Канта, «формальное и чистое условие чувственности, которым рассудочное понятие ограничивается в своем применении, мы будем называть схемой этого рассудочного понятия, а способ, каким рассудок обращается с этими схемами, – схематизмом чистого рассудка» [5. С. 124].

⁶ Подробнее об этом см.: ЛФТ § 4.121 [1. С. 92].

рез образ, который складывается за счет того, что предложение либо согласовывается с действительностью, либо не согласовывается. Здесь явно намечается разрыв между Руссо (акцентирующим роль движения и голоса в воздействии на чувства людей) и Витгенштейном с его все подчиняющей себе логической формой.

И тем не менее такая 'согласованность с действительностью', складывающаяся при изображении, или воссоздании реальности¹, лишает нас живости переживания, — мы чувствуем, как это искривляет наше восприятие, в основном, из-за недостатка реальности. Подчеркивая большую живость (в медиальности) именно показывания (нежели сказывания), Руссо отмечает: «То, что древние высказывали с наибольшей живостью, они передавали не словами, а знаками; они не говорили, а показывали. Самый энергичный язык тот, где знак говорит все до начала речи». Получается, что знак сам по себе, обладая сильной и живой способностью к показу, сохраняет живость благодаря обнаружению себя самого (для себя же, показывая себя) и для других знаков — для себя и для них. Иными словами, знак начинает действовать в окружении других знаков, а возникающий при этом эффект зеркального отражения дает выход оптической природе знака, цель которой не означать (т.е. быть приверженным к чисто логическому), а выражать (как это делает, например, музыка).

Возьмем известный пример с утко-кроликом². Витгенштейн рассуждает следующим образом: «'Я вижу совершенно определенное выражение лица, которое называю выражением лица кролика, – и совершенно другое выражение, которое я называю выражением лица утки'. Позволь мне называть первое просто А, а второе – Б: как я теперь смогу объяснить кому-нибудь значение А и Б, никак не ссылаясь на кролика или утку? Это было бы возможно, например, так: я говорю ему 'А' и имитирую выражение лица кролика и т.д.» [9. С. 19]. В повседневной жизни мы находимся как бы внутри картины, или в 'здесь и сейчас' некоторого положения дел: мы занимаем некую позицию, или точку зрения, но, как отмечает Витгенштейн, наши глаза не видят самих себя ($\Pi \Phi T \S 5.633$, $\S 5.6331$ [1. С. 176]), они сами не в поле нашего зрения, поэтому мы видим только то, на что мы смотрим, и не видим то, чем мы смотрим³. Именно поэтому мы не способны преодолеть границу языка, поскольку «Я вступает в философию благодаря тому, что 'мир есть мой мир'» $(\mathcal{I}\Phi T \ \S \ 5.641 \ [$ Там же. С. 178; курсив мой. – $\mathcal{U}.H.$]. В том числе «это связано с тем, что ни одна часть нашего опыта не является также априорной. Все, что мы видим, может быть также другим» ($\Pi\Phi T$ § 5.634 [Там же. С. 176]). Получается, что граница мира 4 и есть то, что дает нам возможность не соскальзывать в мир, не становиться частью мира, удерживаясь 'на поверхности вещей'; это также позволяет нам как бы переключаться с одного слоя на другой

¹ Джон Бергер следующим образом комментирует связь между изображением и видением: «Изображение – это воссозданное видение. Это явление (или множество явлений), изъятое из пространства и времени, где оно впервые явилось, и сохраненное – на несколько мгновений или на несколько веков» [7. С. 11].

² Подробное описание самого примера и рисунок см.: [8. C. 278].

³ Подобным образом ведут себя и наши предложения. ЛФТ §3.13: «Предложению принадлежит все то, что принадлежит проекции; но не проецируемое. Следовательно, – возможность проецируемого, но не оно само» [1. С. 52].

⁴ В терминах Витгенштейна – метафизический субъект (ЛФТ §5.641 [Там же. С. 178]).

60 И.Н. Нехаева

(поэтому все может быть иным). Для этого хотя бы что-то одно должно оставаться тем же самым, и в нашем случае это — метафизический субъект, граница мира, или линия, вырисовывающая утко-кролика, которая всегда постоянна, но именно она позволяет нам видеть то утку, то кролика 1 . Но показывать само *изменение* (дабы все могло быть иным) и означало бы 'делать видимым' 2 — и делать это исключительно потому, что оптическое 3 (линия, за которой закреплен метафизический субъект) нацелено на схватывание *способов* выражения знака 4 .

Но зачем нам непременно требуется схватить изменение? Это даст нам доступ к символическому⁵, и не столько даже с точки зрения вопроса, поставленного Витгенштейном в работе О достоверности [15. С. 328], — как нам удается прийти к основополагающим достоверностям, закрепленным в языке, сколько с позиции, скорее акцентирующей эстетическую суть вопроса, а именно, как это работает. Ведь точное описание символического — невыполнимая задача⁶, поэтому наиболее существенным здесь становится не столько обоснование достоверного знания, сколько сам процесс его обретения и схватывание этого процесса [17. С. 244]. Как известно, Альфред Уайтхед непосредственно сам акт опыта уже относил к символическому, которое, по его мнению, суть собственно выражение: «Кажется, что человечество ищет символ, чтобы выразить себя. И действительно — 'выражение' есть 'символизм'» [18. С. 46]. Именно такой поиск возможности для выражения, подобный оп-

¹ Здесь мы, конечно же, не достигаем, но, как кажется, существенно продвигаемся навстречу Вальтеру Беньямину в его настойчивом требовании так называемого 'адамического языка'. В своей так и не защищенной диссертации Беньямин предъявляет научному сообществу и в целом всей современной философии языка серьезные обвинения, в частности, связанные с непростительной оплошностью с их стороны, а именно – допущением принципиальной произвольности языковых знаков (весьма иронично об этом пишет Вольфрам Айленбергер [10. С. 217–235]. Такому допущению он противопоставляет концепцию 'райского', или 'адамического' языка, где имена и знаки вещей устанавливались бы не в произвольном, а в необходимом (сущностном) отношении к означаемому. Причина – в первостепенности языковой медиальности, позволяющей человеку посредством называния окружающих его вещей познавать их и себя, а не просто сообщать некую информацию: «Адамическое именование столь далеко от того, чтобы быть игрой и произволом, что именно в нем находит свое подтверждение райское состояние как таковое, которому еще не было нужды бороться с означением слова, предназначенным для сообщения» [11. С. 17].

² По аналогии с тем, как Пауль Клее, используя данный оборот, определяет искусство: «Искусство не воспроизводит видимое, а делает видимым» [12].

³ Интересно, что оптическое вбирает в себя как то, что Витгенштейн называет 'существенными' чертами предложения, — это то общее, что есть у всех предложений (например, логическая форма), так и то, что именуется им как 'случайные' черты предложения (ЛФТ §3.34 [1. С. 68]). Все дело в том, что оптическое не есть требование общего, не есть также некоторая функция, но это — возможность схватывания происходящих здесь и сейчас изменений в наблюдении.

⁴ Традиционно принято считать, что творчество Витгенштейна следует разделять на два периода – 'ранний' и 'поздний'. Однако нам ближе так называемое решительное прочтение Витгенштейна, инициируемое Джеймсом Конантом и Кором Даймондом. Соответственно, для нас важнее допущение самых смелых интерпретаций взглядов Витгенштейна, нежели принятие ортодоксальных, которые могут быть использованы, с нашей точки зрения, лишь для удобства и ситуативно, – следовательно, они не имеют под собой никаких фундаментальных оснований (даже несмотря на то, что, как иронично отмечает Конант, «каждый образованный человек, конечно, знает, что существует два Витгенштейна» [13. Р. 32]). Анат Билецки также утверждает, что «строгие требования Витгенштейна не являются алгоритмами, это не процедурные правила и не четкие рецепты...» [14. Р. 17].

⁵ Под символическим мы будем понимать одновременно нашу внутреннюю убежденность, например, в существовании некоторого предмета и того, как именно мы пришли к этой убежденности в момент произнесения предложения, констатирующего факт существования этого предмета.

⁶ По мнению Сергея Никоненко, «значение символа не может быть точно определено и является открытой структурой» [16. С. 39].

тическому подкручиванию, и вводит нас в поле символического, одновременно образуя само это поле как нечто общее – связь знака с устанавливающимися здесь и сейчас правилами логического синтаксиса; это своего рода момент узнавания (оптического) специфики той практики, в которую мы вовлечены.

Литература

- 1. Витенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон + РООИ Реабилитация, 2008.
- 2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- 3. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001.
- 4. *Руссо Ж.-Ж.* Опыт о происхождении языков // Избранные сочинения. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. Т. 1. С. 221–267.
 - Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
 - 6. Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
 - 7. Бергер Дж. Искусство видеть. СПб.: Клаудберри, 2018.
- 8. Витенитейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. Гл. XI. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
- 9. Витенитейн Л. Заметки о психологии философии. М. : Дом интеллект. книги, 2001. Т. 1.
- 10. Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии. 1919–1929. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021.
 - 11. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф, 2002.
- 12. Schöpferische Konfession / Red. K. Edschmid. Berlin: Erich Reiß Verlag, 1920. S. 28–40. URL: https://upload.wikimedia. org/wikipedia/commons/1/1c/Schoepferische_Konfession_-_Paul Klee.pdf (accessed: 17.10.2019).
- 13. Conant J. Mild Mono-Wittgensteinianism // Wittgenstein and the Moral Life Essays in Honor of Cora Diamond / ed. Alice Crary. Cambridge: MIT Press, 2007. P. 31–142.
- 14. Biletzky A. (Over)Interpeting Wittgenstein / ed. J. Symons. New York: Springer Science+Business Media, 2003.
 - 15. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
- 16. Никоненко C. Генезис символического анализа // Вестник СПбГУ. Серия 17. 2015. Вып. 1. С. 39–43.
- 17. *Никоненко С.* Витгенштейн и лингвистическая философия в контексте отечественной философской мысли. СПб. : Изд-во РХГА, 2018.
 - 18. Уайтхед А. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999.

Iraida N. Nekhaeva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: i.n.nekhaeva@utmn.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 57–62 DOI: 10.17223/1998863X/64/6

WITTGENSTEIN'S UNAUSSPRECHLICHES: WHAT CANNOT BE SAID, CANNOT BE SAID CLEARLY

Keywords: Wittgenstein; optical; seeing; showing; sign; symbol

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02052.

The article argues that the clarity of linguistic terms that Ludwig Wittgenstein talks about in *Tractatus* ('...what can be said at all can be said clearly...') does not depend on understanding their meaning, but it has in fact an optical nature. It is assumed to be related to the action of the sign, where the production of meaning becomes possible only in company with other signs. Meaning here plays the role of a regulator of the coherence for signs in order that some factuality (eventuality) takes place (or not). In the very action of the sign, its optical properties are revealed – it displays other signs in itself and is simultaneously displayed in them. This malleability and plasticity of the sign is due to its sensually perceived nature. The optical action of the sign creates a symbolic field, which assumes the role of a meaning conductor. The symbolic emerges as something generic, as the moment when the sign is linked to the rules of logical syntax (otherwise, the arbitrariness of the sign would not allow language to be filled with meaning). It is an expression of agreement to follow a certain attitude (or rule). What matters, however, is not so much the grasping of the content of this attitude per se, but

62 И.Н. Нехаева

rather the way in which we grasp it – because that is how we follow a rule, not in any other way. And here Wittgenstein's 'spade' bends under the heavy burden of grounds, finally reaching 'bedrock' and forcing us to say, 'This is simply what I do' (PI, § 217). For Wittgenstein, the role of such 'bedrock' is played by the symbol, which blocks any possibility of its own linguistic expression by the usual means of articulation. The reason for this is the symbol's absolute indifference to its own meaning, the symbol describes only itself, increasing the importance of what is symbolized. This mechanism of 'seeing' the symbol into itself while preserving the obscurity of meaning and simultaneously demanding the clarity of what is eventuating, gives us actual manifestations of the optical nature of the symbol. The optical triggers the function of symbolization by implicitly influencing our sensibility. The optical focusing (gathering) of our sensibility into a single focus enables the symbol to express its instinctive powers, thus making them obvious to us. The gaps between the binding and destructive powers of symbolization are revealed by differentiation and demarcation of these instinctive powers. The optical possibilities of the symbol open in the sign a capacity to distinguish objects in a special way, where 'seeing' does not mean 'understanding' or 'describing' but only 'making visible'; and 'making visible' also means seeing.

References

- 1. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat*. [Tractatus Logico-Phihsophicus]. Translated from German. Moscow: Kanon+.
- 2. Saussure, F. de. (1977) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works in Linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress. 695 pp. (In Russian).
- 3. Saussure, F. de. (2001) Zametki po obshhey lingvistike [Notes on General Linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
- 4. Rousseau, J.-J. (1961) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 221–267.
- 5. Kant, I. (1994) Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
- 6. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]. Translated from English. Moscow: Delo.
- 7. Berger, J. (2018) *Iskusstvo videt'* [Ways of Seeing]. Translated from English. St. Petersburg: Klaudberri.
- 8. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
- 9. Wittgenstein, L. (2001) Zametki o psikhologii filosofii [Remarks on the Philosophy of Psychology]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Dom intellekt. knigi.
- 10. Eilenberger, W. (2021) *Vremya magov. Velikoe desyatiletie filosofii. 1919–1929* [Time of the Magicians. The Great Decade of Philosophy. 1919–1929]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press; Garazh.
- 11. Benjamin, W. (2002) *Proiskhozhdenie nemetskoy barochnoy dramy* [The Origin of German Tragic Drama]. Translated from German. Moscow: Agraf.
- 12. Edschmid, K. (ed.) (1920) Schöpferische Konfession. Berlin: Erich Reiß Verlag. pp. 28–40. [Online] Available from: https://upload.wikimedia. org/wikipedia/commons/1/1c/Schoepferische_Konfession Paul Klee.pdf (Accessed: 21st August 2021).
- 13. Conant, J. (2007) Mild Mono-Wittgensteinianism. In: Crary, A. (ed.) Wittgenstein and the Moral Life Essays in Honor of Cora Diamond. Cambridge: MIT Press. pp. 31–142.
- 14. Biletzky, A. (2003) (Over)Intepreting Wittgenstein. New York: Springer Science+Business Media
- 15. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 321–405.
- 16. Nikonenko, S. (2015) Genezis simvolicheskogo analiza [The Origin of Symbolical Analysis]. Vestnik SPbGU – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 1. pp. 39–43.
- 17. Nikonenko, S.V. (2018) Vitgenshteyn i lingvisticheskaya filosofiya v kontekste otechestvennoy filosofskoy mysli [Wittgenstein and linguistic philosophy in the context of Russian philosophical thought]. St. Petersburg: Russian Christian Academy of Humanities).
- 18. Whitehead, A. (1999) Simvolizm, ego smysl i vozdeystvie [Symbolism: Its Meaning and Effect]. Tomsk: Vodoley.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/64/7

В.В. Оглезнев

«СЛОВА-ШТАНЫ» В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА ДЖОНА Л. ОСТИНА

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-137.2020.6).

Исследуется идея Дж. Л. Остина, что есть такие слова, которые хотя и имеют положительное значение и употребляются утвердительно, но обладают отрицательным характером. Отрицательным характером в том смысле, что они определяются через отрицание своих противоположностей. Остин их называет «словами-штаны». В статье представлен анализ двух таких слов — «реальное» и «свобода». Ключевые слова: семантика, значение, употребление, лингвистический анализ, Дж.Л. Остин

В «Смысле и сенсибилии» (Sense and Sensibilia) Дж.Л. Остин выдвигает весьма интересную идею, что иногда связь двух терминов, в котором один является явно отрицательным, а другой - явно положительным, может неожиданным образом измениться на противоположную. То есть когда термин, обладая отрицательным характером, действительно же выполняет утвердительную функцию. Чтобы в этом разобраться, начнем с тех различий, которые Остин проводил между словами положительными (такими, как «реальный», «свободный», «добровольный», «намеренный» и др.) и отрицательными (такими, как «нереальный», «несвободный», «недобровольный», «ненамеренный» и др.). Утвердительное использование термина, как правило, является основным: «Чтобы понять ,x", нам надо знать, что значит быть x, и что это знание говорит нам о том, что значит не быть x» [1. С. 192]. Другими словами, положительное слово обладает положительным значением, а отрицательное слово является отрицанием положительного. Получается, что само по себе отрицательное слово к объяснению ничего не добавляет, оно лишь указывает на то, что положительное слово в некоторых ситуациях может быть ограничено.

Однако, по мнению Остина, есть такие слова, которые выполняют обратную функцию. Их он предлагает называть «словами-штаны» (trouser-words). И объясняет это следующим образом: «Мы никак не должны полагаться на то, что слово с "положительным" значением всегда должно носить штаны; довольно часто (выглядящее) "отрицательным" слово маркирует (положительное) нарушение нормы, в то время как соответствующее слово с "положительным" значением... служит просто для того, чтобы у нас имелась возможность исключить это нарушение» [2. С. 218]. Такие слова, помимо других свойств, которые в контексте нашего исследования не представляют особого интереса. должны еще «испытывать голод по существительному» (substantive-hungry) [1. С. 191]. Именно эти два свойства, как верно отмечает Я. Хакинг, кажутся наиболее важными: «Нуждаться в существительном и быть "словом-штаны" - связанные понятия. Чтобы знать, кто носит штаны, B.B. Оглезнев

мы должны знать существительное, которое помогло бы нам понять, что отрицается при отрицательном употреблении» [3. С. 47]. В качестве примеров «слов-штаны» Остин рассматривает «реальное» и «свободный», которые хотя и выглядят положительно, но предназначены для отрицания подразумеваемых контекстом отрицательных слов. То есть «слова-штаны» при таком понимании, будучи положительными по своему значению, являются отрицательными. Но ведь это противоречит нашей языковой интуиции. Обратимся сначала к слову «реальное».

По мнению Остина, «утверждению, что нечто реально, или реально то-то и то-то, придается определенный смысл только в свете особого способа, которым оно может быть или могло бы быть нереальным» [1. С. 192]. Например, фраза «настоящая утка» (real duck) позволяет исключить возможность того, что эта утка — чучело, игрушка, изображение, приманка и т.д., или словами Остина: «Я лишь тогда знаю, как понимать утверждение, что это настоящая утка, когда мне известно, что в данном конкретном случае говорящий намерен исключить» [Там же. С. 193]. Используемое таким образом слово «реальный» (или «настоящий») не добавляет ничего положительного, а лишь исключает возможность того, чтобы нечто являлось нереальным. Иными словами, «реальный» получает свое значение через противопоставление с такими словами, как «поддельный», «искусственный», «фальшивый», «игрушечный» и др., ни одно из которых не подразумевает ничего нереального [4. Р. 5; 5. Р. 47].

Идею, что «реальное» является «словом-штаны», Остин развивает в статье «Другие сознания» (Other Minds). Как нам ответить на вопросы вроде «Откуда мы знаем, что этот щегол реальный?» или «Как доказать то, что щегол действительно реален?». Пытаясь на них ответить, мы всегда будем оставаться неуверенными в том, что приведенных квалифицирующих признаков и отличительных свойств достаточно: «Сомнение или вопрос "а это реальное?" всегда имеет (должно иметь) особое основание, должны существовать ,,причины предполагать", что данный предмет не является реальным, - имея в виду один из тех смыслов, число которых ограничено, в котором он может быть признан фальшивкой» [6. С. 108]. Ибо нельзя исключать того, что убедившись, что это - щегол, и он реальный, а затем может произойти «нечто из ряда вон выходящее (например, он вдруг взорвался в воздухе, начал цитировать из Вирджинии Вульф или что угодно еще); мы не говорим, что мы были не правы, называя его щеглом, - мы просто не знаем, что на это сказать» [Там же. С. 109]. Выйти из подобного рода затруднений, по мнению Остина, помогает, во-первых, обращение к контексту, а во-вторых, настаивание на «определении того, чему противопоставляется "реальное", а не "того", чем, как вам должно показаться, является оно само, чтобы выяснить, что та или иная вещь является "реальной"» [Там же. С. 108]. Как мы видим, здесь Остин использует схожую аргументацию, что и в «Смысле и сенсибилии».

Обратимся теперь к другому примеру Остина – к слову «свобода». Слова «свобода» и «свободный» он подробно рассматривает в своем докладе по случаю избрания президентом Аристотелевского общества – «Принесение извинений» (A Plea for Excuses). Этот пример, в отличие от случая с «реальным», позволяет лучше понять, что он имеет в виду под «словом-штаны».

Ключевая его мысль заключается в том, что «сказать, что мы действовали "свободно", означает лишь сказать, что мы действовали не несвободно» [2. С. 205]. Но начать следует с контекста употребления слова «свободный», в рамках которого оно как раз и проявляет свой необычный характер, а именно с темы извинений. Как извинения связаны со свободой?

Остин начинает с уточнения, что предметом его исследования являются не извинения как таковые, но условия, при которых мы приносим свои извинения или принимаем чужие. В общем, он предлагает рассмотреть ситуации, требующие извинений, т.е. те, в которых некто обвиняется в совершении того или иного поступка или же в которых о ком-то говорят, что он совершил нечто плохое, недостойное, неуместное, неподобающее. Затем этот некто или кто-то от его имени пытается либо оправдать содеянное, либо как-то иначе выйти из положения [Там же. С. 201]. Лицо, оказавшееся в такой ситуации, может придерживаться одного из двух вариантов поведения. Либо признаться в содеянном и заверить всех вокруг, что это было сделано из благих побуждений, или что так поступить было позволительно. То есть оправдать каким-то образом свой поступок, сославшись на некие оправдывающие причины или обстоятельства. Либо же признаться в совершении чего-то нехорошего, но при этом отрицать, что это было сделано намеренно. Произошедшее могло оказаться случайностью или ненамеренно совершенной ошибкой. То есть извиниться за свой поступок. Или, словами Остина, «в первом случае мы принимаем на себя ответственность, но отрицаем негативную оценку произошедшего, а во втором – признаем в содеянном нечто неподобающее, но принимаем на себя не весь груз ответственности или же вовсе его не принимаем» [Там же].

Таким образом, извинения необходимо отличаются от оправданий, хотя установить это не всегда просто. Вы разбили вазу, но это произошло из-за того, что вы испытали сильный эмоциональный стресс (оправдание), или же из-за того, что вас ужалила оса (извинение). И хотя в обоих случаях речь идет об одном и том же действии, способы защиты от предъявленных вам обвинений (выдвижение оправданий или принесение извинений) принципиально отличаются. Изучение извинений, занимающих чрезвычайно важное место в человеческой деятельности, позволяет, таким образом, лучше понять само действие или поведение (принося извинения, мы совершаем некое действие, отличающееся по своей природе от действия, за которое мы извиняемся), ибо исследовать извинения означает исследовать ситуации, в которых имеет место нарушение нормального хода вещей, неудача в чем-либо. Или, как говорит Остин, «нарушение нормы часто помогает многое прояснить относительно самой нормы» [Там же. С. 205]. Это и есть ключевая идея, выступающая основой предлагаемого им метода, - прояснив оборотную сторону какого-либо понятия, мы можем прояснить или по крайней мере сделать яснее лицевую сторону. И в качестве примера он обращается к анализу слова

Традиционная философия трактовала это понятие как «положительное», в то время как современная (лингвистическая) философия, напротив, считает, что «сказать, что некто действовал "свободно", означает лишь сказать, что этот некто действовал не несвободно». Поэтому для прояснения свободы, по мнению Остина, следует обратиться к его оборотной стороне — ответственно-

66 *В.В. Оглезнев*

сти: «Цель принесения извинений чаще всего определяет желание уйти от ответственности, по крайне мере, от полной ответственности» [2. C. 206]. Рассмотрение свободы как «отрицательного» слова позволяет пролить свет на понятия действия и ответственности в том смысле, в каком «нереальное» объясняет «реальное». Как мы уже сказали, Остин называл такие слова «словамиштаны». Как и слово «реальное», слово «свобода» так же является «словомштаны»: оно приобретает свое значение из понятий, которые оно исключает. «Подобно "истине", – говорит Остин, – не являющейся именем характеристики утверждений, "свобода" является не именем характеристики действий, но именем измерения, в котором действия могут получить ту или иную оценку» [Там же. С. 205]. Объяснить свободу мы можем только через ее противопоставление несвободе (принуждению, навязыванию, понуждению и т.д.). И хотя Остин не рассматривает примеры «положительного» (обыденного, нефилософского) употребления понятия свободы, т.е. когда свобода трактуется как понятие, приписывающее действию некий положительный признак или свойство, и вопрос заключается лишь в том, правильно ли этот признак или свойство приписываются (если в обычной жизни мы согласны с тем, что x сделал а, то мы не обязаны искать какое-то конкретное, дополнительное основание для вывода, что он действовал «свободно»; мы можем сказать, что он действовал «свободно», если только нет причин утверждать обратное - что он сделал это по принуждению, ошибочно, непреднамеренно и т.д.) [7. Р. 51–53; 8. С. 62-63]. Он считает, что философская «свобода», возможно, работает точно так же: мы можем сказать, что действительно существуют случаи свободного действия («Я пошел туда, куда хотел»), так же, как и случаи несвободного действия («Он приставил к моей голове пистолет, так что мне пришлось отдать ему деньги») [9. С. 220–221]. Вот почему «свобода является именем измерения, в котором действия могут получить ту или иную оценку».

Итак, эти примеры явно показывают, что значение слова «реальное» или «свобода» задается не самим этим словом, которое выглядит положительно, но его отрицанием. Остин стремится доказать, что слова, вроде «реальный» или «свободный», предназначены главным образом для исключения одной, некоторых или всех их противоположностей. Вот почему «слово-штаны» — это слово, выглядящее положительным, но исключающее свои противоположности.

Но чем «слова-штаны» отличаются от других видов слов? Возьмем, например, слово «красный». Разве быть красным не исключает, например, быть зеленым или желтым? Весьма интересный ответ дал Р. Холл. Чтобы усилить позицию Остина, которая, по его мнению, является вполне состоятельной, он предложил заменить термин «слова-штаны» на «слова-исключатели» (excluder-words), т.е. слова, «которые исключают свою противоположность и сами по себе не несут ничего положительного». Их Холл противопоставляет, так называемым «простым предикатам», таким как «красный». Рассмотрим слово «голый». Его отличие от «простых предикатов» состоит в том, что «хотя "красный" и является подлинным предикатом, даже при том, что его можно определить через отрицание, "голый" же является словом-исключателем, поскольку единственный способ его определения — это отрицание» [10. Р. 5]. Такие слова определяются только через отрицание в том смысле, что в них говорится то, что они исключают. Мы не можем определить «голый» иначе,

как «неодетый». И хотя такой простой предикат, как «красный», можно определить через отрицание («не зеленый» или «не желтый»), он все же имеет положительное значение. И мы склонны его определять именно таким образом. Иными словами, положительное значение простого предиката не образуется за счет использования отрицательной конструкции. Напротив, словаисключатели определяются только через их противоположности, которые не обладают самостоятельным положительным значением. И хотя подход Холла выглядит несколько шире, чем Остина (в том смысле, что «словомисключателем» является любое слово, которое исключает свою противоположность и само по себе ничего нового не привносит, в то время как Остин рассматривал в основном слова, которые хотя и выглядят положительно, но по сути являются отрицательными), тем не менее он проливает свет на то, что Остин имел в виду.

С. Коваль и Т. Форрест пошли еще дальше и предположили, что с методологической точки зрения Остину вообще следует отказаться от «словштаны» и вместо них использовать «слова-юбка» (skirt-words), задачей которых является исключение возможных вариантов, предполагаемых «словомштаны» [11. Р. 73]. Их предложение было связано с тем, что предлагаемый Остином лингвистический анализ доставляет некоторый «дискомфорт», поскольку противоречит нашей языковой интуиции. Почему «слова-штаны» должны восприниматься как отрицательные, хотя используются утвердительно? Слова вроде «реальное», по мнению авторов, не являются «словамиштаны», и для их понимания обращение к отрицанию совсем не обязательно. И вот почему. Вернемся к примеру «настоящая (real) утка». Почему наше объяснение этой фразы должно ограничиваться перечнем возможных исключений? Почему мы не можем ее объяснить, обратившись к «утвердительному перечню», содержащему, например, такие пункты, как температура утки, ее движения, биология, анатомия и т.д.? Конечно, можем, - отвечают авторы. При этом значение фразы «настоящая утка» не должно сводиться лишь к перечислению ее положительных признаков. Кроме того, фраза «настоящая утка» может вполне использоваться и для опровержения утверждения или возможного утверждения о том, что утка является или не является настоящей. Дело в том, что для каких бы целей фраза «настоящая утка» ни использовалась, установление ее значения, настаивают Коваль и Форрест, не может и не должно ограничиваться исключением возможных способов «не быть настоящей уткой». «Простое исключение» не может способствовать реализации грамматической функции слова «реальное». Ибо исключить возможность того, что утка, например, является приманкой, еще не значит сделать все то, что делает произнесение «это настоящая утка» [11. P. 75–76].

Но если предложенный авторами подход в отношении лингвистического анализа «реальное» и представляется весьма убедительным, то его применение к слову «свобода» становится весьма проблематичным. Можем ли мы объяснить «свободу», обратившись к «утвердительному перечню»? Возможно, отчасти нам это и удастся. Но будет ли такой анализ удовлетворительным? Вряд ли. Слово «свобода» как раз и получает свое значение через противопоставление с такими словами, как «принуждение», «навязывание», «понуждение» и др. Быть свободным – значит не быть несвободным; быть реальным – значит не быть нереальным. Именно это Остин хотел сказать,

68 В.В. Оглезнев

называя подобного рода слова «словами-штаны». «Свобода» в этом смысле «словом-юбка» никак быть не может, оно нуждается в отрицании, исключающем его противоположности. Можно даже сказать, что наличие отрицания конституирует его значение. Иными словами, грамматическая функция «слова-штаны» состоит в исключении возможности его противоположности (или противоположностей) в определенном контексте.

И хотя идея «слова-штаны» изложена Остином «несколько шаловливо» [3. С. 47], как выразился Я. Хакинг, она все же выступает важной частью его философии языка, являясь при этом интересным и оригинальным методологическим приемом. Она в полной мере соответствует его философскому убеждению, что исследование обыденного словоупотребления обеспечивает нас многообещающим опытом, позволяющим ответить на такие вопросы: Говорим ли все мы без исключения всегда одно и то же в одних и тех же ситуациях? Не различаются ли применяемые нами способы употребления слов? И является ли то, что мы обычно говорим, единственно возможным, наилучшим или окончательным способом выражения? Обыденный язык и заключенные в нем тонкие лингвистические различия употребляемых нами слов и выражений представляют собой чрезвычайно благодатную почву для философского исследования [9. С. 210-211]. Кроме того, с помощью идеи «словштаны» Остин пытался оспорить предположение, что «выглядящее положительным слово» всегда должно находиться в центре внимания философов. Напротив, он настаивал на том, что, когда мы задаемся такими философскими вопросами, как «Что такое реальное?» и «Что такое свобода?», нам надо сначала выяснить, что тем самым мы исключаем, а затем установить контекст, в котором это исключение возникает.

Литература

- 1. *Остин Дж.Л*. Смысл и сенсибилии / пер. с англ. Л.Б. Макеевой // Избранное. М. : Идея-Пресс, 1999. С. 143–246.
- 2. Остин Дж. Л. Принесение извинений / пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила : Философские работы. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 200–231.
- 3. *Хакинг Я*. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук / пер. с англ. С. Кузнецова ; под ред. Е.А. Мамчур. М. : Логос, 1998.
- 4. *Hacker P.M.S.* Austin, John Langshaw (1911–1960) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press, 2004. DOI: https://doi.org/10.1093/ref:odnb/30505
- 5. Hart H.L.A. John Langshaw Austin // Dictionary of National Biography 1951–1960 / edited by E.T. Williams and H.M. Palmer. Oxford : Oxford University Press, 1972. P. 46–47.
- 6. *Остин Дж.Л.* Другие сознания / пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина // Остин Дж.Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 96–137.
 - 7. Warnock G.J. J. L. Austin: The Arguments of the Philosophers. London: Routledge, 1989.
- 8. Оглезнев В.В. Интерпретация понятия «свобода» в аналитической политической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 3 (11). С. 61–67.
- 9. Стролл А. Аналитическая философия: двадцатый век / пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020.
 - 10. *Hall R*. Excluders // Analysis. 1959. Vol. 20, № 1. P. 1–7.
 - 11. Coval S., Forrest T. Which Word Wears the Trousers? // Mind. 1967. Vol. 76, № 301. P. 73–82.

Vitaly V. Ogleznev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);North-West Branch of Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation).E-mail: ogleznev82@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 63–69. DOI: 10.17223/1998863X/64/7

"TROUSER-WORDS" IN JOHN L. AUSTIN'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Keywords: semantics; meaning; usage; linguistic analysis; John L. Austin

The work on this paper was supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation for State Support of Young Russian Scientists, Award Number MD-137,2020.6.

In his lectures "Sense and Sensibilia", John L. Austin puts forward a very interesting and provocative idea that sometimes the dependence of two words expressed by terms, in which one is clearly negative and the other is clearly positive, can unexpectedly change to the opposite, that is, when the term, having a negative character, actually performs an affirmative function. It is usually assumed that, firstly, an affirmative use is basic, and, second, a positive word has a positive meaning, and a negative word is a negation of a positive one, which in itself does not add anything to the explanation of a positive word, but only indicates that a positive word may be limited in some situations. However, according to Austin, there are words that perform the opposite function. He suggests calling them "trouser-words". As examples, Austin refers to the words "real" and "freedom", which, although look positive, are intended to negate the negative words implied by the context. That is, "trouser-words" taken in this way, being positive in their meaning, are negative. Examples of the words "real" or "freedom" clearly show that their meaning is set not by the word itself, which looks positive, but by its negation. Austin sought to prove that words like "real" or "freedom" are intended mainly to exclude one, some or all of their opposites. To be free is not to be unfree; to be real is not to be unreal. It can even be said that the presence of negation constitutes the meaning of "trouser-words", and their grammatical function is to exclude the possibility of their opposites in a certain context. Moreover, with the help of the idea of "trouser-words", Austin tried to challenge the assumption that a "positive-looking word" should always be in the focus of philosophers. On the contrary, he insisted that when we ask such philosophical questions as "What is real?" and "What is freedom?", we first need to find out what we exclude thereby and then establish the context in which this exception occurs.

References

- 1. Austin, J.L. (1999) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from English by L.B. Makeeva. Moscow: Ideya-Press. pp. 143–246.
- 2. Austin, J.L. (2006a) *Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty* [Three Ways to Shed Ink: Philosophical Works]. Translated from English by V.V. Kiryushchenko, M.V. Kolopotin. St. Petersburg: St. P
- 3. Hacking, I. (1998) *Predstavlenie i vmeshatel'stvo. Vvedenie v filosofiyu estestvennykh nauk* [Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science]. Translated from English by S. Kuznetsov. Moscow: Logos.
- 4. Hacker, P.M.S. (2004) Austin, John Langshaw (1911–1960). In: Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press. DOI: https://doi.org/10.1093/ref:odnb/30505
- 5. Hart, H.L.A. (972) John Langshaw Austin. In: Williams, E.T. & Palmer, H.M. (eds) *Dictionary of National Biography* 1951–1960. Oxford: Oxford University Press. pp. 46–47.
- 6. Austin, J.L. (2006b) *Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty* [Three Ways to Shed Ink: Philosophical Works]. Translated from English by V.V. Kiryushchenko, M.V. Kolopotin. St. Petersburg: St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 96–137.
 - 7. Warnock, G.J. (1989) J.L. Austin: The Arguments of the Philosophers. London: Routledge.
- 8. Ogleznev, V.V. (2010) Interpretation of concept freedom in analytical political philosophy. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 3(11). pp. 61–67. (In Russian).
- 9. Stroll, A. (2020) *Analiticheskaya filosofiya: dvadtsatyy vek* [Analytical philosophy: the twentieth century]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya".
 - 10. Hall, R. (1959) Excluders. Analysis. 20(1). pp. 1-7.
 - 11. Coval, S. & Forrest, T. (1967) Which Word Wears the Trousers? Mind. 76(301). pp. 73–82.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/64/8

K.V. Vorozhikhina

LEV SHESTOV ON CRIME AND PUNISHMENT¹

The author analyses Lev Shestov's understanding of crime and punishment. Shestov points to a contradiction between the Gospel commandment of non-judgmentmentalness and judicial practice. He sees the salvation of society in Christ's teaching about love; jails are the grave of a person and the place of birth of a criminal.

Keywords: Lev Shestov, crime and punishment, Last Judgment, jail, Dostoevsky

Lev Shestov (born Shvartsman) is a Russian religious philosopher and essayist, who anticipated key ideas of 20th century existentialism. He immigrated from Russia to France, where he became well-known as a philosophy neglecting philosopher. He became such due to reason-driven arguments in a fighting reasoning. Shestov became regarded as a cynical, sceptical, and non-moralistic thinker, and his philosophy was regarded to be "nur fur Schwindelfrei", only for those people, who are not "afraid of the heights" [1. P. 1].

Shestov started his work as a literary critic and publicist. Later on he turned to religious and existentialism philosophy. I would like to cover the early period of his work in the perspective of newly found and as of now unknown articles written by Shestov, as well as to analyse the development of humanistic and liberal ideas in his works on philosophy. At the university, Shestov studied law. He never attended any course on philosophy and saw himself as a poet and an essayist of sorts [2. Vol. 2. P. 342]. In his youth, Shestov was interested in economic and legal issues.

In 1985 Shestov started his frequent collaboration with a daily newspaper, *Life and Art*, focused on literature, politics and art. The daily was published in Kiev and associated with the ideology known as Narodnichestvo, originating from the Russian word "Narod" – people. This newspaper was focused on the problems of the development of handicraft industry and peasant's self-governmental issues, new factory legislation, and the "highest orders and legalizations".

One of the early articles by Shestov was a magazine review [3], dedicated to *The Justification of the Good: An Essay on Moral Philosophy* written by Vladimir Solovyov, where he examines Solovyov's theses that the law is the minimum of morality and that the Gospel contains the basis of law. Shestov states that law and Christianity have completely different origins: Christianity is based on love; whereas the law has its roots in the opposite of love. Historically, the law was created by pagans to protect earthly possessions and property, while Christ meant

¹ **К.В. Ворожихина.** Лев Шестов о преступлении и наказании

В статье исследуется понимание преступления и наказания Львом Шестовым. Философ указывает на явное противоречие между евангельской заповедью неосуждения и юридической практикой. Он видит спасение общества в христианском учении о любви, в то время как каторга является местом гибели человека и рождения преступника.

that the Kingdom of God and His righteousness should be sought (Matthew 6:33). According to Shestov, history shows us that initially the law and Christianity were in conflict: the first Christians were victims of the "terrible and heartless" Roman law. The author concludes that law is not a minimal amount of morality; on the contrary, this minimal amount multiplies evil in history.

In a magazine review dated 4, December 1896 (No 335), Shestov studies the story of "the convoying of the convicts to the labour camp" and reflects on labour camp and the fate of a prisoner. He writes about the atmosphere of a labour camp, as well as how everything humane dies in a human being. For the author, the labour camp is "a corrupting school of evil and debauchery, where the prisoner is gradually turning into a dirty, cunning, bitter and dangerous animal" [4. P. 2]. He points out a clear contradiction between commandment of non-judgment in the Gospel and judicial practice. According to Shestov, the labour camp turns a human being into a convict; it does not control the evil will of the criminal, but, on the contrary, it "brings up in a criminal something of everything that is necessary for a crime: cunning, cruelty, shamelessness, despair, an avid passion for animal pleasures, contempt for oneself, for all and everything" [Ibid.]. Shestov writes that the labour camp is like a war, where a necessary evil cuts off the affected members of society in the name of the greater good. The labour camp is an evidence of neglected love towards one's neighbour in the name of self-love, for the sake of personal good. The salvation of society exists only in one thing – in the teachings of Christ about love. Ostrog (jail) is a grave of a person and the place of birth of a criminal, the author concludes.

In his article "Guilty verdicts and jury trials", Shestov supports the judicial reform by Alexander II and the implementation of jury trials, which are expected to bring only improvement, from the author's point of view [5. P. 1]. Shestov considered the jury to be the best form of trial that can solve serious cases, on the contrary to the critics of the reform, who claim that the jury indulge criminals, pardon the guilty, and therefore higher percentage of acquittals have been decided by the members of the jury rather than judges. This was not the reason concluding that the jury is not able to perform a repressive function. It was deemed to be not professional and therefore did not fit the subject. Shestov explains that the measurement by which the effectiveness of the trials is evaluated, which is the growth of convictions, is pseudoscientific, and it does not serve as an indicator of the growth of justice in society and does not indicate the development of the judicial system. Shestov speaks out in favour of the institution of conditional punishment, which is increasingly used in the countries of Europe, America and Australia. The use of conditional punishment means that people who committed a crime, having accidentally strayed and are not "natural born criminals", do not go to prison, in which they are more likely to be "turned into villains and idlers" [Ibid.]. The author notes that the practice of applying conditional punishment has shown that the majority of conditionally sentenced people have never subsequently committed a crime. That means that most of real punishments, handed down by the court, are not necessary and are even harmful for both those who have broken the law and for the society, where they come back to. In 1898 Shestov published an article on the Dreyfus case, in which he opposes exceptional (extraordinary) courts, which he sees as a violation of human rights and the basic rules of justice.

The works of Shestov show how he has evolved from Narodnichestvo to religious philosophy. In his book *Dostoevsky and Nietzsche (Philosophy of Tragedy)*, published 1903, he describes the "regeneration of convictions" and "reevaluation of all values" and how a person rejects their former ideals. After revising ideas of Narodnichestvo and rethinking the meaning humanism, Shestov became an apologist for the underground and egoism, he starts to expose idealism and morality as hypocrisy and lie, and his philosophy turns into a philosophy of tragedy, where the main question is if the people rejected by law, moral and science have a hope [6. P. 16]. In this book, Shestov rejects projects of rational reorganization of society and expresses the idea that universal happiness is a beautiful invention, and, if a person sees his purpose in building the Kingdom of God on earth, then everything is lost: disasters and crimes of today are often justified by the prosperity in the future.

Shestov now sees philosophy as a "peregrination through souls" with writers and thinkers who are spiritually close to him. He sees his purpose in restoring the inner life of the philosophers he studied and clarifying how the experience gained by thinkers were reflected in their works. Shestov declares "conquest of the self-evident" perception and interpretation of the ideas of thinkers; in his opinion, two voices can be distinguished in the work: one is rational, arguing and reasoning, this voice says what the author wants to say; the other one is emotional, breaking into a cry, revealing the truth of the experience, an existential truth the author himself does not know about. Shestov points out the inner struggle of an individual, it is duality and schism, manifested in the polyphony of the text and arising from the discrepancy between the personality and his beliefs, between actions and principles. The philosopher is looking for the deepest motives of creativity, focuses on the symbols and signs that can reveal the spiritual secrets of his characters.

When analysing the works of various thinkers, Shestov is interested not in their theoretical views, but in the reflection of experience in their works. Despite the fact that Shestov is attracted not by ideas, but personalities, all of his characters resemble each other and experience the same tragedy, which social transformations are powerless to improve, and which, according to Shestov, must be accepted and understood. Therefore Shestov is characterized by psychological scheduling. That is why he artificially simplifies the complex individualities of the thinkers he studies.

The most interesting thing is that he did not consider his ideas exceptional. He confessed that he borrowed something from Shakespeare, from Nietzsche, etc. But the question of originality was not essential for him. The philosopher believed that there are words that must be repeated and spoken about again. As his double Shestov chooses Tolstoy, Dostoevsky, Pascal, predecessors, Kierkegaard, Luther, who got through the existential horror and experienced a sense of abyss and groundlessness, the experience that led them to the collapse of all previous beliefs and values. It was Count Tolstoy who "infected" young Shestov with the Bible, not Nietzsche, as Berdyaev assumed. Shestov, like Pascal, glorifies nonsense and seeks living God - God of Abraham, God of Isaac, and God of Jacob, and not God in a philosophical sense. The Russian thinker shares with Nietzsche the following ideas: anti-idealism, realism, immoralism, as well as Godseeking. Both Kierkegaard and Shestov put emphasis on the individual, the personal, the exceptional, and not the general; the idea of "suspension of the

ethical" resonates with Shestov's ideas. Moreover, Shestov borrows from the Danish philosopher the category of "repetition". Thanks to Luther, Shestov turns to the biblical story of the Fall into the key to his anthropology, ethics and epistemology. Shestov's interpretation of this plot differs from the Christian one though. In his opinion, the fruits of the tree of knowledge originally contained a deadly poison – the mind, which establishes norms and laws, death being the main one of those. Thus, the mind prevents human beings from following the path to truth and life. Shestov, like Luther and the apostle Paul, believed that the law gives rise to sin, that salvation is given only by faith, and everything that is not from faith is sinful. Referring to the apostle Paul, he speaks about the law: "The law was brought in so that the trespass might increase" (Romans 5:20), or "the law brings wrath. And where there is no law, there is no transgression" (Romans 4:15). Shestov interprets the law not as the basis of Jewish piety, but expansively – as any moral regulations and norms that, according to Shestov, are purely external in nature and must be overcome.

According to Shestov, Dostoevsky created the real "critique of reason". For Shestov, Dostoevsky is not a Christian, but a rebel who raised against the norms of morality, intelligence, reason, against the laws of nature. In Dostoevsky's works, Shestov heard a call for freedom; he was close to the writer's appeals to a "moody", "arbitrary" or "underground" consciousness, which does not submit to obvious things. According to Shestov, the crowning achievement of Dostoyevsky was the revelation of the human psychology, where whim and desire are the most valuable things for human personality. The image of the "underground man" expressed the ideal of Shestov's free man at full scale. And Shestov's God is moody and arbitrary, and as groundless as a man.

Dostoevsky (as well as Nietzsche) does not reject a person, however low they may fall; he is trying to embrace the psychology of the personality, which turned out to be "underground". For Shestov, the real heroes are only the rebels and the theomachists created by Dostoevsky, the so-called "positive characters": Alyosha Karamazov, Father Zosima, Prince Myshkin. Those are perceived by him only as personified ideas, deprived of genuine existential features. For Shestov, Dostoevsky (as well as Nietzsche) is an "underground" psychologist, who opens the actual era of psychology, the opposite to the sphere of reason and morality. According to Shestov, Dostoevsky is an immoralist (even though he tried to find some renewed morality) because he does not offer ready-made truths, but he is in constant search and attracts readers as witnesses to this search. In his ideas there is no strength, equilibrium, soil, and that is why Dostoyevsky (similar to Nietzsche) cannot be a teacher or a preacher.

For Shestov, the key piece written by Dostoyevsky is the novel *Notes from the Underground*. He wrote about it: *Notes from the Underground* is "a heart-rending cry of terror that has escaped from a man suddenly convinced that all his life he had been lying and pretending when he assured himself and others that the loftiest purpose in life is to serve the humblest man" [6. P. 169]. This document is the evidence that the writer disavows his past. Dostoevsky discovered the philosophy of the underground and Shestov became its apologist. A person in the underground is tortured by questions and doubts, which cannot be resolved as such. But the underground gives a sense of authenticity, sincerity and nudity because it does not deceive, it will save from all truths, from all lies. "There is no other way to the

truth, as through labour camp, dungeon, underground..." [6. P. 157], Shestov writes

Shestov is the successor of the psychology of "ripping off the masks", initially introduced by Dostoevsky and Nietzsche. This type of psychology is aimed to uncover unconscious motivations, hidden instincts and irrational impulses that determine the behaviour of a person. They explore the inner life of others in all its angles and ambivalence, the life hidden behind the external manifestations and actions of a person. Like Freud, Shestov implies the existence of two levels in the personality structure: in his works one can trace the conditional division of "self" into rational and irrational. Due to the existence of this duality and schism, the inner life of the individual becomes anti-nomic, dynamic and changeable. The rational "self" is the level of everyday life where universality and necessity prevail. This is the life of a social individual according to reason, law, and morality. In this case, "self" is filled with the external: it functions according to social norms, laws and equates to a social role. This is a rational man of culture. According to Shestov, the rational "self" is the antithesis of the irrational, "underground", true "self" of an individual, who is in constant doubts, hesitations, but, most importantly, does not want to reconcile with reality. This individual "seeks the impossible, struggles against the insuperable, does not believe in the selfevidences, does not even submit to reason" [7. P. 45]. The "underground" man is free, independent from the outside. This is the true "self" of the individual that appeals to God.

In his philosophical books and essays, Shestov repeatedly addressed the problem of justice and fair trial, the psychology of a criminal who needs to be understood in order to "return the image and likeness of God" [8. Vol. 1. P. 209]. Shestov notes that both the law and the categorical imperative tell us that we shall not kill, not because the neighbour will die, not because of being sorry for the victim, but because – by violating the rule – the person becomes a murderer. Laws do not have love and mercy, they indicate a desire for justice, but human justice is not related to the divine: "The Sun Shines on the Righteous and the Unrighteous" (Mattew 5:45), Shestov repeatedly mentions, referring to the words of the Gospel.

In his first book Shakespeare and His Critic Brandes (1898) Shestov writes about Macbeth, who became the victim of the categorical imperative, once violated, he was forever subjected to moral anathema, which pushes him to further atrocities. Shestov justifies the person that violated the rule, explaining that there is no such force that could destroy a person other than himself. Morality for Shestov is not of a formal nature, good is not an idol or a goal, the aim is people. The "supreme law in the soul" is built on empathy to other people, love for the neighbour, which means "to feel yourself in your neighbour" [Ibid. P. 210]. Morality begins where the categorical imperative ends because it does not tolerate coercion. The deification of morality and the law "leads inevitably to the desire to destroy, to choke, to crush others, in the name of a principle recognized as obligatory" [6. P. 71-72]. We can see that in Tolstoy's novel Anna Karenina, where the author mercilessly sentenced to death his heroine for violating the commandment by adultery. The main idea of his first books as a literary critic (about Shakespeare, Dostoevsky, Nietzsche, and Tolstoy) was the concept of the inevitability of the law of nature, morality and society, and Shestov saw the purpose of human beings in the search for what would allow to overcome their cruelty – "we must seek God" [6. P. 140], the philosopher concludes.

Shestov in his philosophy sought to give hope to, among others, a person rejected, excluded by society. He believed that the person is their own judge and law: "There are no laws above man. Everything is made for him, both the law and the Sabbath. He is the measure of all things, he is called to be a law-giver like an absolute monarch ..." [9. P. 171]. The "greatest reality" for Shestov has only the judgement that is waiting for a person on the other side of history, it knows "no rule, no law; for it there is no innocent man; all are guilty, and especially those who obeyed the laws and made a virtue of this voluntary submission" [Ibid. P. 123] – and this is the Final Judgment of a human over themselves, the world and God, the only "law" for which is the commandment that "man is the measure of all things".

For Shestov, the measures of justice are the balances of the long-suffering Job, who exclaimed: "If only my anguish could be weighed and all my misery be placed on the scales! It would surely outweigh the sand of the seas ..." (Job 6:2–3). On one side of these balances are heavy laws and norms dictated by reason and nature, on the other are "weightless" insult, fear, horror, delight, triumph, despair, freedom, but they are the "most important" and outweigh the balances for Shestov.

Unlike Christianity, Shestov has no paths for the transformation of life, no paths to heaven for the world. Salvation for him remains in the intimate catastrophic experiences of individuals. Shestov believes in inner transformation when the second dimension of thinking opens up and psychological miracles occur, since "the kingdom of God is within you" (Luke 17:21).

Литература

- 1. Shestov L. All Things are Possible. Trans. S.S. Koteliansky. London: Martin Secker, 1920.
- 2. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: в 2 т. Париж: La Presse Libre, 1983.
- 3. Черный <Шестов Л.> Вопросы совести // Жизнь и искусство. 1895. № 336. 5 декабря. С. 2.
- 4. *Читатель <Шестов Л.>*. Журнальное обозрение. «Кобылка» путь на каторгу // Жизнь и искусство. 1896. № 335. 4 декабря. С. 2.
- 5. *К.Ш. <Шестов Л.>*. Обвинительные приговоры и суд присяжных // Жизнь и искусство. 1897. № 274. 4 октября. С. 1–2.
- 6. Shestov L. Dostoevsky, Tolstoy and Nietzsche. The Good in the Teaching of Tolstoy and Nietzsche: Philosophy and Preaching. Dostoevsky and Nietzsche: The Philosophy of Tragedy / Trans. B. Martin and S. Roberts. Athens: Ohio University Press, 1978.
 - 7. Шестов Л. Умозрение и откровение. Париж: YMCA-Press, 1964.
 - 8. Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Томск: Водолей, 1996.
- 9. Shestov L. In Job's Balances. On the Sources of the Eternal Truths / Trans. C. Coventry and C.A. Macartney. London: J.M. Dent and Sons Limited, 1932.

Ksenia V. Vorozhikhina, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 70–76.

DOI: 10.17223/1998863X/64/8

LEV SHESTOV ON CRIME AND PUNISHMENT

Keywords: Lev Shestov; crime and punishment; Last Judgment; jail; Dostoevsky

The author analyses the understanding of crime and punishment of Lev Shestov, a Russian religious existential philosopher. The study is based on Shestov's early publications in the Kiev newspaper *Life and Art* that was run by the earlier generation of Russian socialists known as

76 K.V. Vorozhikhina

Narodniks. In his early articles, published in 1895–1900, the future philosopher opens up as a literary critic, spiritually close to the leaders of the 60s, preaching humanism and love to humankind, and as a journalist, who writes on legal and social and economic topics. Shestov opposes violence in all its forms: revolutions, wars, and the principle of criminal repression in the name of respect for human rights and the protection of human dignity. He supports the liberal reforms of Alexander II. the Tsar-Liberator, the launching of jury trials (as a progressive form of legal proceedings), advocates for the institution of suspended sentences. Based on previously unknown Shestov's articles, the author traces how the beliefs of the philosopher evolved, transformed and were "reborn" from Narodnik to religious and existential philosophy. The article reflects the main stages of the philosopher's worldview evolution, encompasses his views from Narodnik to Nietzscheanism and existential type religious philosophy, studies the transformation of his views, as a result of which he "overcomes" the ethics and follows the route of philosophy of tragedy and immoralism. The article analyses the origins of his ideas, examines the influence of thinkers and philosophers who were close to Shestov (among them Dostoevsky, Tolstoy, Nietzsche, Shakespeare, Luther, Kierkegaard), observes his method of reading and constructing texts ("peregrination through souls"). In his latest works, Shestov rejects projects of rational reorganization of society. He thinks the law and any moral regulations and norms should be overcome. Laws for Shestov do not have love and mercy, they indicate a desire for justice, but human justice is not related to the divine. The only "law" for Shestov is the commandment that "man is the measure of all things".

References

- 1. Shestov, L. (1920) All Things are Possible. Translated by S.S. Koteliansky. London: Martin Secker.
- 2. Baranova-Shestova, N. (1983) *Zhizn' L'va Shestova: v 2 t.* [Lev Shestov's Life: In 2 vols]. Paris: La Presse Libre.
 - 3. Shestov, L. (1895) Voprosy sovesti [Conscience Issues]. Zhizn' i iskusstvo. 336. p. 2.
- 4. Shestov, L. (1896) Zhurnal'noe obozrenie. "Kobylka" put' na katorgu [Magazine Review. "Kobylka" the Way to Prison]. *Zhizn' i iskusstvo*. 335. p. 2.
- 5. Shestov, L. (1897) Obvinitel'nye prigovory i sud prisyazhnykh [Guilty Verdict and Jury Trials]. Zhizn' i iskusstvo. 274. pp. 1–2.
- 6. Shestov, L. (1978) Dostoevsky, Tolstoy and Nietzsche. The Good in the Teaching of Tolstoy and Nietzsche: Philosophy and Preaching. Dostoevsky and Nietzsche: The Philosophy of Tragedy. Translated by B. Martin and S. Roberts. Athens: Ohio University Press.
 - 7. Shestov, L. (1964) *Umozrenie i otkrovenie* [Speculation and Revelation]. Paris: YMCA.
 - 8. Shestov, L. (1996) Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vols]. Tomsk: Vodoley.
- 9. Shestov, L. (1932) *In Job's Balances. On the Sources of the Eternal Truths*. Translated by C. Coventry and C.A. Macartney. London: J.M. Dent and Sons Limited.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 02.15.61

DOI: 10.17223/1998863X/64/9

Л.И. Ермакова, Д.Н. Суховская

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ДИСКУРСИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № $20-111-50331^{1}$.

В обзорной научной статье проведен анализ теоретико-методологических подходов к пониманию города в философии; проанализированы существующие подходы к философской концептуализации городского пространства как среды обитания; проведен анализ существующих подходов к концептуализации понятия «пространство города» как конструкта значимых для горожан мест, а также анализ существующих подходов к концептуализации понятий «место» и «не-место» города.

Ключевые слова: философия города, городская идентичность, не-место, пространство города, жизненное пространство, дискурсивные практики города

Теоретико-методологические основания изучения городского пространства

Существует несколько теоретико-методологических подходов к изучению городского пространства. Рассмотрим основные из них.

1. Социальный конструкционизм (приверженцы данного подхода — П. Бергер [1. Р. 13], [2. С. 21], Дж.Д. Раскин [3. Р. 32], Т. Лукман [4. Р. 41], М. Фуко [5. С. 48]). Социальный конструкционизм представляет собой разновидность социального конструктивизма. В качестве главного тезиса данного подхода выступает возможность людей самостоятельно выстраивать социальную реальность как в целом, так и в рамках отдельных ее компонентов. Методологическим принципом подхода стала теорема Томаса. Она формулируется следующим образом: «Ситуации, определяемые людьми как реальные, реальны по своим последствиям» [6. Р. 391]. Суть утверждения заключается в том, что люди осуществляют жизнедеятельность, исходя из определения ситуации, т.е. социальная трактовка ситуации (в том числе предсказание) является неотъемлемой частью самой ситуации, следовательно, оказывает воздействие на развитие событий.

В конструкционизме существует два основных постулата:

1) значения и суть феноменов окружающей среды формируются вследствие субъективного полагания, т.е. субъект познания активен;

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50331.

2) общие значения формируются в ходе социального (группового) и культурного (ценностного) принятия указанных значений, а сам процесс реализуется в рамках межличностных отношений в реальной жизни [7. P. 13].

Люди взаимодействуют между собой ежедневно. В ходе данного процесса возникают нормы и правила, наделенные не объективной, а конвенциональной сущностью. Другими словами, универсально «правильных» норм не существует априори, поскольку они возникают при обсуждении и становятся итогом договора. Основным направлением рассматриваемой социальнофилософской теории познания является поиск ответа на вопрос: какова роль личности и социальных групп в формировании социальной реальности? Попытка предоставить исчерпывающий ответ на приведенный вопрос предпринята в научно-исследовательском труде П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности [2. С. 123]. Авторы описывают механизмы формирования социальных феноменов через одобрение социальными институтами, после чего явления автоматически переходят в объективную реальность. Социальное конструирование – непрерывный процесс, затрагивающий переосмысление уже одобренных феноменов. Представления об окружающем мире становятся продуктом договоренности между представителями общества. В итоге социологический интерес к феноменам реальности детерминирован, в первую очередь, их социальной относительностью. Например, что реально для тибетского монаха является нереальным для американского бизнесмена.

На договор между людьми оказывают воздействие несколько факторов. Среди них:

- 1) общий культурный фон: социологическая деятельность и взаимодействия между людьми проходят в рамках культурного контекста, т.е. в системе одобренных социальных (коллективных) представлений. Они, в свою очередь, устанавливают общность интерпретативных схем. С помощью интерпретативных схем возникают намерения и мнения (безусловно, в рамках культурного контекста), задающие вектор деятельности людей;
- 2) языковая общность: формирование реальности осуществляется в процессе взаимодействия, т.е. коммуникации (в речевой форме). Возможности, которые предоставляет язык, применяемый для повседневной коммуникации, позволяют придать смысл и значение объективации феноменов окружающего мира. Более того, язык определяет место человека в социуме и привносит в жизнедеятельность личности значимые объекты [8. Р. 301].

По мнению М. Фуко, применение одинаковых или схожих языковых конструкций задает определенную картину мира [9. С. 98]. Языковая норма бессознательно формирует языковую поведенческую модель, в результате чего оказывает влияние на мышление личности. Создание реальности идет вербальными методами в процессе осознания и обсуждения конкретного объективного феномена. В результате возник интерес к дискурсивным практикам. В рамках концептуализации необходимо акцентировать внимание не на абстрактном вопросе «что?», а на философски определенном вопросе «кто сказал?». К указанному списку вопросов рекомендуется также добавить еще один: «какими словами говорит?». В итоге, суть окружающего мира зависит от людей (представителей социума), так как они становятся активным субъектом формирования желаемой реальности.

Жители городов также отдают предпочтение исключительно значимым, по их субъективному мнению, феноменам и фактам повседневной жизни. На основании взаимодействия возникают дискурсивные практики и практическая деятельность по преобразованию окружающего мира.

- 2. Критический дискурс-анализ (представитель Н. Фэркло [10. Р. 21]). Дискурсивная практика входит в состав социальной практики. Ее специфика заключается в том, что она формирует социальную реальность и вместе с тем, находится в прямой зависимости от нее. По мнению Н. Фэркло, дискурсивную практику следует изучать в трех аспектах:
 - в качестве социальной практики;
 - как разновидность языка в конкретной сфере знаний;
- как инструмент, передающий жизненный опыт посредством речевой формы [11. P. 38].

Дискурс является важным механизмом создания социальной идентичности, различных отраслей знаний, социального взаимодействия. В итоге для него характерен ряд функций: идентичности, отношения и означивания. С помощью метода можно проследить, как язык и социальная культура оказывают воздействие друг на друга.

В данном контексте дискурсивная практика представляет собой форму социальной практики. Посредством этого инструмента одновременно формируется социальная реальность и зависимость от нее. На основании дискурсов вырабатывается отношение к окружающему миру, социальным трудностям, с их помощью реальные ситуации получают значимость.

- Н. Фэркло классифицирует дискурсы на две категории:
- 1. Идеология, которая является дискурсом власти (навязывания мнения).
- 2. Индивидуальные дискурсы, находящиеся в состоянии конкуренции [10. Р. 81].

Дискурсивные практики жителей города являются вербальным формированием поведенческих норм и «мероприятий» социальной жизни в населенном пункте. Специфика видения местными жителями своего города, а также его отдельных локаций кристаллизуется непосредственно в дискурсах горожан. С нашей точки зрения, вербальные практики напрямую воздействуют и предопределяют городскую среду, корректируют ее, исходя из насущных потребностей, мировоззрения, ценностей. На основании критического дискурса-анализа можно определить связь между дискурсивной практикой и окружающей действительностью. Данный метод фокусируется на связи указанных категорий и нацелен непосредственно на изучение социальных проблем, к которым примыкает уровень комфорта городской среды.

3. Гуманитарная география (представители – Д.Н. Замятин [12. С. 12], [13. С. 21], [14. С. 277], И.И. Митин [15. С. 2], [16. С. 9], [17. С. 15]). Основным предметом изучения гуманитарной географии является взаимосвязь между мыслительными категориями (образами, символами и т.д.) личности или социальной группы и их пониманием реальности, формированием пространственных практик. Для совершенствования управления городом правильная интерпретация его символики, анализ представлений о населенном пункте (конкретных локациях) местных жителей, понимание отношения горожан к месту своей жизнедеятельности имеют важное значение. Гуманитарная география – это эффективный инструмент, с помощью которого можно

детально изучить ментально-географические представления и осознать мировоззрение определенного социума (моногорода).

- В гуманитарной географии выделяют несколько направлений. Среди них:
- имажинальная (образная), основная специализация которой заключается в исследовании географических образов;
- сакральная, которая акцентирует внимание на исследовании пространственных представлений в рамках религиозных систем;
- когнитивная, в спектр задач которой входит создание информационной географической базы;
- мифогеография исследует процесс выработки современных мифов, а они, в свою очередь, становятся основой для городской идеологии и воздействуют на общую идентичность местных жителей и образа населенного пункта [16. С. 233].

В нашей работе упор сделан на мифогеографию, поскольку с его помощью появляется возможность найти взаимосвязь визуальных географических образов и идентичности жителей города.

Под термином «мифогеография» подразумевается процесс идентификации, исследования и синтеза различных контекстов (реальностей) локации. В представленном понятии часть «география» предполагает описание конкретных географических мест, а часть «мифо» предусматривает использование образов и представлений местных жителей. В данном контексте важно найти индивидуальные характеристики для каждой локации и объединить их на базе внутренних и внешних текстуальных связей.

Образ определенного исторического места представляет собой способ его осмысления, причем каждый человек применяет индивидуальные механизмы интерпретации. В повседневной жизнедеятельности горожане, сами того не осознавая, постоянно интерпретируют информацию об окружающем мире и конкретных локациях. В итоге формируются мифы и дискурсы о пространстве. «Место» в аспекте «мифогеографии» является не только результатом интерпретации и восприятия. Его следует понимать как сложную систему, т.е. совокупность переплетенных между собой смыслов, контекстов, представлений.

Отметим, что когда локация наделяется смыслом различными личностями и посредством разных точек зрения (интерпретаций), то она реализуется в пространстве. И, наоборот, при отсутствии у локаций общих смыслов она не существует в жизненных мирах жителей города, следовательно, для нее необходимо использовать термин «не-место».

Мифогеография может быть полезна в плане методологии. В рамках данной работы она предоставляет целый спектр возможностей. Например, в ходе исследования локаций необходимо выделять их основные характеристики, т.е. наиболее значимые сведения.

В научной среде используется понятие «доминанта», под которым подразумевается основа для интерпретации всех характеристик локации. Это значит, что у каждого места имеется скрытый смысл, порожденный в результате взаимодействия индивидуальных представлений (мифов) и их объединения в систему [15. С. 9]. Миф места является дискурсом жителей города и базой для интерпретации информации о нем, следовательно, выработки к локации определенного отношения. С точки зрения мифогеографии, миф места изучается для установления различных реальностей конкретной локации.

Что касается управления, то установление различных реальностей конкретной локации позволяет выявить проблемные, по мнению жителей города, характеристики места, уровень его востребованности, специфику отношения к нему и т.д.

В итоге возникает возможность своевременно ввести меры, в последующем использовать адекватные инструменты организации системы «личность - среда» и управления средовым развитием определенных локаций городского пространства.

4. Географическая герменевтика (представители – Х.Г. Гадамер [18. С. 111], В.Л. Каганский [19. С. 201], И.Н. Корнев [20. С. 4]).

Основная суть теоретико-методологического подхода заключается в интерпретации геокультурного пространства, как осознания и метода познания в гуманитарной географии. По мнению Х.Г. Гадамера, основным герменевтическим механизмом становится понимание, вследствие чего исследователь обязан культивировать смыслы, учитывая цели и культурные границы, а не скупо отображать представления информанта [21. С. 89]. Другими словами, понимание - это способность применять предоставленные сведения в соответствии с собственными целями и интересами. Более того, уровень понимания детерминирован культурными рамками, в которых существует исследователь. С позиции географической герменевтики геокультурное пространство наделено духовной составляющей, что проявляется в выработке значения для человека определенной локации и продуцировании эмоционального фона.

Геокультурное пространство является итогом совместного творческого процесса природы и личности, т.е. уникальным художественным произведением, которое сформировали многочисленные поколения и интерпретируемое ими как собственное место развития. Применительно к нашему исследованию можно сказать, что когда геокультурное пространство имеет свойства целостности и «здоровья», то у горожан отсутствует ценностно-смысловая маргинальность по отношению к определенным локациям. В таком случае «не-места» не возникают.

По мнению М. Оже, геокультурное пространство представляет собой совокупность локаций в определенной интерпретации [22. С. 40]. Опишем ряд свойств геокультурных пространств в рамках нашей работы:

- 1) системность в локациях структурные компоненты находятся в тесной взаимосвязи между собой, поэтому они устойчивы и относительно самостоятельны;
- 2) динамичность для локаций характерна непрерывная изменчивость и восприятие в сознании жителей города;
- 3) уникальность любая локация обладает неповторимостью, так как наделена оригинальным перечнем смыслов;
- 4) информативность локация транслирует человеку, который в ней существует, сведения, предоставляет импульс к деятельности.
- Экоантропоцентрическая парадигма (представитель Т.М. Дридзе [23. С. 50], [24. С. 30]). В качестве основных идей данного теоретико-методологического подхода используются:

- принцип социального участия он является базовым в рамках указанного подхода и наделяет жителей возможностью участвовать в преобразовании городской среды;
- идея активного субъекта в качестве главного субъекта оценки выступают люди, а не группы, следовательно, только жители города могут проанализировать текущую ситуацию в населенном пункте и задать вектор совершенствованию городской среды;
- идея необходимости коммуникации идентификация состояния окружающего мира и деятельность по его преобразованию невозможны без общения между заинтересованными субъектами.

Подводя итоги, отметим, что:

- 1. Городские пространства обладают характеристикой, следовательно, любую локацию необходимо изучать отдельно на базе той социокультурной обстановки, которая существует в городе.
- 2. Формирование образа города процесс, осуществляемый непосредственно жителями города (группами). Он является непрерывным, а для его организации требуется постоянное взаимодействие горожан, выступающих в качестве субъектов преобразований окружающего мира.
- 3. Дискурсы выступают в виде механизмов выработки отношения к городу посредством указания релевантных предметов. Они же становятся основой для практических преобразований городского пространства.
- 4. «Место», или «геокультурное пространство», гарантирует ценностносмысловую составляющую городских локаций. Каждое место следует понимать не с позиции физических и функциональных свойств, а как ценностносимволическое представление жителей города.
- 5. Мифогеография является наиболее релевантной применительно к изучаемой теме, поскольку с ее помощью можно вывести характеристику локациям посредством знаков, символов, смыслов и т.д.

Философские подходы к пониманию города

В целостном восприятии города важно установить действенные механизмы и формы осознания данного понятия. В научной среде существует три главных подхода в интерпретации термина: функциональный, социокультурный и дискурсивный. Далее предоставим описание каждого из них.

- 1. Функциональный. Он основывается на описании города как локации для реализации витальных и социальных потребностей. В качестве основного принципа устройства города выступает детальная планировка. Среди задач градостроителя размещение объектов (зданий), промышленных и других территорий согласно функциям, возлагаемым на этот населенный пункт (в том числе заранее определенных). Задача города выполнение возложенных на него функций, т.е. населенный пункт является машиной, осуществляющей витальные составляющие жизнедеятельности. Этот подход упускает из виду возможность динамики и возникновения новых функций. Другими словами, город в функциональном подходе это замкнутая система, функционирующая по заданному алгоритму, т.е. определенные этапы развития цикличны.
- В 1993 г. IV Международным конгрессом современной архитектуры СІАМ одобрена Афинская хартия. В документе отражены принципы градостроительства, которые приняты на основании функционального подхода [25.

С. 46]. Основным целесообразным вариантом жилья длительное время являлся многоквартирный дом. Также предусматривалось деление городского пространства на функциональные зоны, например, на жилые кварталы, промышленные территории, локации отдыха и транспортную инфраструктуру. Представленная классификация на элементы упрощала планирование городского пространства, но не учитывала многочисленных проблем. Пространства использовали часть дня, а оставшийся временной отрезок оставались разгруженными. В результате спальные районы города были заселены криминальными элементами днем, а ночью они перемещались в центр города. Произошло разделение города на «точки», т.е. локации, в которых преимущественно осуществлял жизнедеятельность человек: дом, работа, зоны отдыха и приобретения благ. Такие «островки» размещались в другом пространстве, добраться до которого требовалось по определенным путям. В результате количество времени, чтобы проехать из одной зоны в другую увеличивалось пропорционально размерам города. Это было сопряжено с рядом трудностей (лишений), что постепенно накапливало недовольство у местных жителей. В городе становилось меньше возможностей для пересечения различных отраслей жизнедеятельности, а гражданская активность людей постепенно снижалась. Принцип свободной застройки стал причиной стирания черты между публичным и приватным пространством. Это привело к неопределенности принадлежности локаций: какие относятся к дому, а какие - к городу. Улицы потеряли статус типично общественных мест, постепенно преобразовывались в транспортные магистрали. К дворовым территориям получило доступ все большее количество людей, следовательно, безопасное пространство уменьшилось до метража квартиры. Жильцам такое положение дел определенно не нравилось, поэтому жилища получали все большее количество ограждений (заборы, жалюзи и др.), поскольку люди пытались обозначить этим способом собственную территорию [26. С. 295]. Мысль понимания города с позиции функционального подхода прослеживается в литературных трудах А. Лефевра [27. С. 251]. Город является не только способом витальных и социальных нужд, но и возможностью сохранения капиталов.

По мнению А. Лефевра, каждая зона городского пространства выполняет конкретные функции [Там же. С. 255]. Данная идея утратила актуальность, когда городское пространство начали воспринимать в культурно-символическом аспекте.

Основываясь на результатах изучения восприятия городского пространства, можно сделать вывод, что местные жители оценивают не только функциональную сторону городских пространств, но в своих оценках ориентируются и на ценностно-мировоззренческую специфику собственного сознания [28. С. 145]. Более того, классификация города по функциональным территориям стирается, в результате чего прогнозирование развития теряет смысл.

Результатом видения города как замкнутой системы, основной задачей которой является реализация определенных функций, становится развитие враждебной среды, уменьшение гражданской активности жителей города, утрата идентичности. В итоге перечисленные факторы приводят к трудностям прогнозирования и неэффективности управления. Если город, устроенный на базе функционального подхода, расширяется (растет как количество населения, так и территория), то он становится «мегамашиной». Это понятие

введено Л. Мамфордом для структур, где утрачена позиция сохранения целого и ответственности за целое [29. С. 321].

Понятие «мегамашина» применительно к мегаполису, поскольку город уже не прослеживается целиком, т.е. в нем невозможно выявить закономерности и взаимосвязи, следовательно, отсутствуют ответственные за последствия субъекты. Жители мегаполисов тратят значительные финансовые ресурсы исключительно за опцию проживания в таких населенных пунктах, причем уровень жизни по мере роста не только не улучшается, а наоборот, снижается. Городом необходимо управлять, однако по мере расширения его пространства возникает этап, при котором развитие протекает независимо, экспоненциально, стихийно. Как следствие, появляется огромное количество проблем в городской жизнедеятельности. Степень разрозненности городского сообщества в мегаполисах достаточно высокая, оно формируется из мелких социальных групп, которые объединены общим началом. Управление в таком сообществе приобретает авторитарный характер и не принимает во внимание специфику небольших общностей. Тем не менее город – это сложная система, проходящая через саморазвитие, вследствие чего требуется анализировать его динамику, принимая к сведению всех значимых субъектов. Стандартный перенос опыта из прошлого на будущее здесь неуместен.

Функциональный подход не учитывает интересы жителей города, создает помехи на пути формирования удобной среды, упускает из вида возможности его саморазвития. Это привело к тому, что данный подход в научной среде признан устаревшим [30. С. 33; 31. С. 280; 32. С. 57]. Тем не менее он еще превалирует в российских городах, но все более отчетливо просматривается вектор понимания городского пространства в культурно-символическом аспекте. Начиная с 1960-х гг. западные эксперты начинают противодействовать формальному технократическому планированию, которое в конечном итоге порождает мегамашины. В качестве альтернативных были выбраны принципы человеческой ценности и учета личностных потребностей. Коммуникационная власть (данное понятие ввел Ю. Хабермас) стала альтернативой авторитаризму, а урбанистика была выбрана как антипод стандартному проектированию городского пространства [33. С. 132].

Возникло мощное движение, основной целью которого считалось налаживание связей проектантов (архитекторов) с жителями города, т.е. создание двухсторонних отношений. В результате население получало информацию о преобразованиях городского пространства и возможность участвовать в процессе обсуждения таких изменений. Проектирование и управление городами начало осуществляться в социокультурном аспекте.

Переход от модели социотехнического проектирования, которую можно сформулировать как «люди для города», к вектору социокультурного проектирования под названием «город для людей» осуществляется исключительно в рамках четкого понимания взаимовлияния образа населенного пункта и жизненными потребностями его жителей [34. С. 32].

2. Социокультурный (средовой). Представленный подход имеет ряд принципиальных отличий от функционального, которые заключаются в нарастании роли рядовых жителей, выступающих субъектами городских преобразований. В данном подходе горожане являются заинтересованными в формировании векторов развития города лицами. Взаимодействие жителей

города и властей предусматривает непрерывность, равнозначность, интенциональность и коммуникативность. Другими словами, процесс взаимодействия должен быть выстроен на принципе партнерства.

С одной стороны, катализатором преобразования города являются местные жители, их интересы, нужды. С другой стороны, в развитии городской среды участвуют властные структуры, наделенные определенными полномочиями и располагающие требуемыми ресурсами. При наличии реального сотрудничества указанных субъектов развитие города идет по идеальному сценарию. На практике все происходит с точностью наоборот: столкновение интересов субъектов неизбежно, что приводит к нарастанию социальной напряженности и становится главной причиной принятия неправильных решений [35. С. 4].

Как механизм ликвидации приведенной негативной тенденции используется социальная диагностика. При изучении общественного мнения управленцы получают актуальную информацию о текущих интересах народа. Возросшая популярность социологических опросов свидетельствует об осознании властями города необходимости учитывать мнение местных жителей в вопросе изменения городского пространства [36. С. 65]. Видение города у горожан и городских сообществ отличается, поскольку он становится субъективным феноменом, т.е. имеет индивидуальные характеристики для каждого человека. В список главных задач управленцев входит согласование представлений о населенном пункте. Общее понимание городского пространства вырабатывается только при взаимодействии жителей и городских сообществ. Как следствие, управление обязано учитывать коммуникативные процессы, просчитывать интерсубъективные представления о городском пространстве, предвидеть социальное поведение при принятии определенных решений.

Функциональный и социокультурный подходы рассматриваются с позиции факторов разработки и инструментов совершенствования городского пространства. С условной точки зрения функциональный подход можно обозначить, как «город влияет на население», а социокультурный подход определить, как «население влияет на город» [37. С. 33].

Функциональный подход исследует объективное физическое пространство (размещение, предназначение объектов, трасс, парковых комплексов и т.д.), а его природа становится основной причиной, детерминирующей коммуникативную среду и интересы горожан [38. С. 486].

Преобразования города влекут изменения для местных жителей, в том числе коммуникативного городского пространства, которое становится иным вследствие возведения новых жилых кварталов, прокладки дорог, развития инфраструктуры и т.д. Это значит, что физическое пространство города превалирует над коммуникативным. По факту оказывать воздействие на городское пространство имеют право только урбанисты, проектировщики и управленцы. Основной проблемой данного подхода является различная специфика коммуникативных пространств, несмотря на то, что многие города имеют схожие внешние характеристики. На практике отсутствует взаимосвязь физической и коммуникативной среды города.

В качестве основного тезиса социокультурного подхода выступает следующая фраза: «по людям можно определить, в каком городе они живут». Преобразования в области социальной структуры неизбежно влекут трансформацию городского коммуникативного пространства.

Логику социокультурного подхода можно объяснить следующим образом. Горожане имеют собственные ценности и нужды, мировоззрение, на которых власти играют в процессе политического противостояния, возводя объекты, характеризующиеся определенным значением для местных жителей. Тем самым происходит преобразование городского пространства. В качестве главного тезиса здесь выступает формулировка, что по городу определяется специфика местного населения.

3. Дискурсивный. В рамках социокультурного подхода функционирует дискурсивный подход к интерпретации факторов создания и совершенствования городской среды. Дискурсивный подход основан на понятии языка, который предопределяет исследовательскую оптику. Мы видим те объекты, которые поддаются визуализации, поскольку описываем это так, как умеем [39. С. 111]. В процессе фиксации объекта в сознании и речи он получает несколько функций, которые в дальнейшем пытается выполнять.

Два различных описания идентичного объекта могут внести значительные коррективы в его суть. Дискурсы, т.е. определения ситуаций посредством языковых средств, приобретают важное значение в развитии населенного пункта, так как вырабатывают отношение жителей города к перспективам преобразования городского пространства.

В итоге существуют три главных теоретико-методологических подхода к интерпретации сущности города. К ним относятся: функциональный, социокультурный и дискурсивный.

Перечисленные подходы имеют ряд принципиальных отличий друг от друга. В первую очередь, отличие заключается в функциях, которые выполняют управленцы города (использование ресурсов и функций между структурными компонентами города или согласование потребностей городских групп). Также отличается понимание природы города (как перечень функциональных территорий и материальных объектов или как перечень представлений и деятельность жителей города). Третье отличие — в возможностях совершенствования городского пространства (преобразование зависит от деятельности властных институтов или преобразование основывается на согласовании интересов городских групп и институтов власти).

Функциональный подход утратил актуальность, поскольку власти городов используют преимущественно социокультурный подход. Это значит, что мнение местных жителей в развитии городского пространства неизменно учитывается при принятии управленческих решений.

В социокультурном подходе отдельно существует дискурсивный подход. Он акцентирует внимание на важности исследования дискурсивных практик местных жителей. Данный подход выбран в качестве основного в данной работе.

Еще одним важным аспектом работы является понятие комфортности городской среды. Большинство жителей испытывают потребность в комфортном городском пространстве, а это сопряжено с постоянным улучшением уровня жизни населения.

Функциональный подход предусматривает, что комфорт в городе полностью зависит от управленцев, которые предвидят значимые, по их мнению,

функции и свойства городского пространства. Социокультурный и дискурсивный подходы предполагают, что комфорт зависит от горожан, деятельность которых регламентирована повседневными практиками и коммуникациями.

Далее в исследовании будет подробно описан феномен комфортности городской среды, который прослеживается на государственном и индивидуальном уровне.

Социальное и публичное пространство в философии города

Важное значение в городе отводится социальным пространствам. По сути, они создают сам город. По мнению П. Бурдье, социальное пространство представляет собой абстрактную категорию, в состав которой входят поля. На структуру этих полей оказывает влияние распределение капиталов людей, используемых в ходе непрерывного взаимодействия жителей города [40. C. 521.

По мнению Г. Зиммеля, социальное пространство представляет собой часть социума, к которой личность относит себя и проводит условную грань, чтобы ограничить от влияния других индивидов и групп [41. С. 54]. С точки зрения П. Сорокина, социальное пространство является вселенной, в которую вклеены все люди, населяющие планету. Пространство относится к социальному типу, когда в нем происходит взаимодействие людей, т.е. здесь должны находиться как минимум двое индивидов. Установить статус личности в социальном пространстве можно только по отношению к другим личностям [42. C. 231].

А. Лефевр разработал неомарксистскую концепцию пространства. Специалист высказал мысль о производстве городского пространства, суть которой состоит в том, что оно формируется вследствие экономических, культурных, социальных взаимодействий. Исходя из этой теории, город является социокультурной, аутопойетической, саморазвивающейся системой [43. C. 234].

По мнению А. Лефевра, пространство изменчиво, поэтому во многом предопределяется социальными отношениями. В своем исследовательском труде «Производство пространства» автор аргументирует связь между физическим, ментальным и социальным пространством [Там же. С. 321].

В нашей работе под социальным пространством подразумевается сфера социальных отношений и взаимодействий. Оно классифицируется по двум основным категориям: публичное и приватное. Различия между ними – это разница между объектами, которые выносятся или не выносятся на всеобщее ознакомление, т.е. требуют или не требуют потаенности (интимности).

В публичном и приватном пространствах существуют места, но требования, которые предъявляют к ним жители города, значительно отличаются. Далее опишем каждое из указанных пространств.

1. Приватное пространство. Рамки приватного пространства находятся в доме, личном жилище человека. Здесь осуществляется частная жизнедеятельность, которая недоступна посторонним лицам. Данный вид пространства находится в распоряжении индивидов, поэтому они вправе изменять его, исходя из своих предпочтений и потребностей. Приватное пространство длительное время оставалось малоисследованным, поскольку его часто относили к разновидности публичного.

В большинстве случаев приватное пространство противопоставлялось публичному виду, поскольку в нем протекает отдельный от социума вариант жизнедеятельности. Многие эксперты сходятся во мнении, что приватное пространство представляет собой другую социальную действительность, создаваемую в процессе освобождения личности от существующих в публичном пространстве законов и привычных моделей поведения [44. С. 44].

С точки зрения 3. Баумана и У. Бека, приватизация пространства становится причиной общественного кризиса, деструктивных процессов в обществе, деградации больших социальных групп, упадка общественных ценностей [45. С. 41]. Например, 3. Бауман в своем исследовании «Текучая современность» высказывает мысль о том, что приватное пространство вызывает стратификацию общества, т.е. сковывает дискурс социума [Там же. С. 47].

Более того, стремление жить на личной территории способствует выработке у людей массы негативных качеств [46. С. 152]. Они не сочувствуют другим индивидам, теряют социальную эмпатию. Приватное пространство оправдывает позицию непричастности к решению чужих проблем, вырабатывает отстраненность от многочисленных событий в обществе. Тем не менее человеческая природа устроена таким образом, что иногда ему требуется почувствовать себя частью чего-то большого и значимого. В этом заключена двойственность человеческой натуры, которая четко прослеживается в современных условиях. Например, жители города не желают приносить в жертву собственное благополучие для реализации общих целей, однако у них постоянно возникает необходимость чувствовать родственные или близкие связи, что предопределяет степень открытости [47. С. 87].

В итоге приватное пространство в России проходит через стадию становления и выработки адекватного отношения к нему. «Места» в рамках приватного пространства считаются приватизированными, т.е. заключают в себе специфическое значение, поскольку эта территория настраивается под индивидуальные нужды каждого владельца.

В данном типе пространства проблема «не-мест» отсутствует, так как о нем помышляет каждый человек, следовательно, оно не покидает его жизненный мир. Тем не менее на вопрос о требованиях к приватным местам ответ так и не предоставлен, ведь отношение к ним не имеет прямой связи с интерпретацией городского пространства.

Изучим категорию публичного пространства города. Данное понятие возникло в научной среде в середине XX в., однако по-настоящему популярным термин стал в 1990-е гг., что обусловлено переосмыслением общественных пространств в Европе. Однозначная трактовка представленного понятия не выведена, поэтому мы приведем наиболее распространенные дефиниции. Либеральная теория подразумевает под публичными пространствами территории (области), на которые не распространяется государственный контроль. Здесь граждане могут свободно вести жизнедеятельность, например экономическую. В узкой трактовке под публичным пространством либералы понимают рынок [48. С. 51].

Социально-демократическая теория располагает противоположным взглядом на публичные места. Она не вносит рынок в сферу публичных пространств, так как экономические интересы неизменно носят частный характер, т.е. рынок контролируют лица, стремящиеся получить личную выгоду, а область публичного - это, прежде всего, частная категория, которая создает возможность охраны общего блага и интересов [49. С. 459].

По мнению Ю. Хабермаса и Х. Арендт, публичное пространство является областью свободной коммуникации и социального взаимодействия жителей города [50. Р. 128; 51. С. 121]. Точки соприкосновения затрагивают общезначимые вопросы, которые не относятся к частным интересам субъектов. На базе этого взаимодействия решается огромный перечень социальных проблем и вырабатывается единая позиция по ним. В итоге этот подход прослеживает взаимосвязь публичного пространства с выработкой политических решений.

Учитывая приведенное мнение, в качестве публичного пространства могут выступать городские площади, места общественного питания, средства массовой информации, т.е. все места, где можно организовать обмен общественными мнениями. По мнению И. Гоффмана и Р. Сеннета, публичное пространство является местом различных встреч, общественных контактов, но не имеющих определенной цели (в этом заключается основное отличие от предыдущего подхода) [52. С. 223; 53. С. 47]. В данном контексте публичное пространство выступает как область множественных незапланированных взаимодействий.

На основании этого подхода публичными являются любые места для встреч незнакомых лиц. Однако главной характеристикой публичной сферы является то, что в ней происходит. Взаимодействие незнакомых лиц активизирует определенный вид жизнедеятельности, поскольку он невозможен в приватном пространстве.

Нами выведен ряд критериев публичного пространства. Для него характерны следующие свойства: опция управления обществом, свободный доступ для всех желающих, наличие общественных целей у взаимодействующих людей.

По мнению В. Аккончи, публичное пространство представляет собой конкретное место, т.е. территорию, на которой собираются люди [54]. Специалисты классифицируют публичное пространство на две основные категории:

- 1) Публичные априори. Подразумеваются территории, созданные специально для сбора людей, а само право собраний предоставлено «свыше». В большинстве случаев публичное пространство размещено в центре города, но вместе с тем является изолированным от оставшихся зон населенного пункта. Оно выделяется контрастно, т.е. в нем есть, например, уличные тупики или укромные аллеи.
- 2) Созданные горожанами пространства. Изначально право свободного сбора людей в нем отсутствует, поэтому его приходится завоевывать. Эти локации не принадлежат общественности, и представляют собой закрытые частные пространства [55. С. 10]. Жители города чувствуют себя обделенными, так как у них отсутствует свободное пространство. При его захвате оно в течение определенного времени все равно становится частным, что объясняется формированием новой иерархии общества [56. С. 10]. Частное пространство приобретает публичный статус, ведь у общественности созрела потреб-

ность в этом. Обратный процесс наблюдается, если обосновавшаяся общественность стремится сохранить это место.

Публичное понимание пространств оформлено еще в прошлом столетии. Главная роль в нем отводится двум аспектам: осознанию потребности взаимодействия индивидов в конкретной локации и противопоставлению частного общему [57. С. 145]. Тем не менее сегодня эксперты отмечают эрозию публичности, поскольку современные города испытывают нехватку мест, которые ранее относились к публичным [58. С. 74; 59. Р. 10; 60. Р. 282]. Как следствие, произошла трансформация многих публичных пространств или, как отмечают некоторые специалисты, они вовсе исчезли с городских локаций [61. Р. 320]. С нашей точки зрения, верным является первое утверждение.

На самом деле в эпоху информационных технологий преобразуются не только публичные пространства, но и повседневная жизнедеятельность горожанина.

В первую очередь, на указанное преобразование оказывает влияние возросший фактор мобильности. Ежедневно человек посещает огромное количество локаций, в том числе в различных уголках планеты. Темп жизни ускоряется, поэтому многие объекты претерпевают значительные изменения. В результате мысль о том, что публичное место является территорией сбора и нахождения там определенное количество времени людей, становится неактуальной.

Жители города все реже предпочитают задерживаться в одной определенной локации, поскольку мобильность становится залогом выживания и успешности в современном мире [62. С. 85]. Для обсуждения вопроса или проблемы отсутствует потребность встречи в конкретном месте, поскольку существует множество виртуальных приспособлений для реализации этой задачи. В итоге публичные места в старой интерпретации выбиваются из привычного представления о мире.

В современном мире личные ценности превалируют над социальными, вследствие чего уровень эгоистичности жителей города постепенно возрастает. Однако в этом процессе есть позитивная сторона: например, чем успешнее каждая отдельная личность в обществе, тем более успешным будет социум в целом. У людей формируются такие качества, как рационализм, практичность, поэтому особую ценность приобретают краткосрочные результаты операций, а не абстрактные категории, необходимые для общества. В итоге общественный интерес, который ранее был базой для проведения публичных собраний, утрачивает свою актуальность. Сегодня ценностными считаются общие интересы, которые вырабатываются в области соприкосновения личных интересов человека или социальных групп. Представленные интересы постоянно претерпевают изменения и становятся неактуальными, если цель достигнута.

Можно утверждать, что в современных городах формируются новые публичные пространства, полностью соответствующие потребностям местных жителей. Ранее приватное пространство тщательно ограждали от публичного пространства, поскольку считали, что таким образом оно станет общим и не будет использоваться в личных интересах владельца.

Сегодня многие осознают, что публичное пространство основывается на частных интересах людей. Публичный статус реализуется только за счет ука-

занных интересов, инициирующих социальное взаимодействие. Только в рамках публичного пространства возможен обмен капиталами для реализации личных интересов.

Итак, публичное пространство представляет собой открытую территорию, которая адаптирована для размещения жителей города и постоянных взаимодействий между ними. В первую очередь, это место для людей. Основной характеристикой такой локации должна стать комфортность вне зависимости от возрастной категории, половой принадлежности, социального статуса людей.

Уровень комфорта человека в приватных местах, как правило, высокий, поэтому планка оценки публичных мест находится высоко. Более того, публичные пространства обязаны что-то предоставлять своим посетителям.

Другими словами, при намерении посетить публичное место возникает определенная цель, например, приобретение товара, общение, встреча и др. При возможности реализации этой цели публичное пространство становится актуальным.

Публичное пространство – это локация, в которой люди находятся определенное время и регулярно посещают ее с целью взаимодействия между собой. Например, на многих европейских площадях размещены места общепита или торговые площади.

Существуют различия между публичными и общественными местами. В общественных местах личность остается малозаметной, поскольку основная функция таких локаций заключается в удовлетворении физических потребностей (речь идет, например, о залах ожидания, остановках общественного транспорта, общественных уборных и т.д.).

Что касается публичных пространств, то они ориентированы на самопрезентацию личности, т.е. обладают возможностью театрализации взаимодействий. Модель поведения людей в публичном пространстве носит демонстративный характер. Здесь личность стремится быть на виду, выставить на всеобщее обозрение свои способности или потребности.

Таким образом, у публичного пространства есть ряд принципиальных отличий.

Во-первых, это место, в котором могут собираться горожане, или локация, где они желают находиться. Реальный или виртуальный статус места в данном случае не имеет значения.

Во-вторых, в данном месте происходит обмен мнениями, общение, взаимодействие двух и более людей. Специфика цели взаимодействия (личная или общая) не оказывает влияния на характеристики самого места.

В-третьих, данное место изменчиво, особенно в свете возросшей мобильности горожан.

В-четвертых, место обладает элементами театрализации, т.е. в нем жители города могут провести демонстрацию или обнародование своего мнения (позиции).

В-пятых, горожане посещают данное место чаще всего с частными интересами.

Публичные пространства имеют особое значение в жизнедеятельности горожан, поскольку делают ее более насыщенной и комфортной. Тем не менее в последнее время это место подвергается значительным преобразовани-

ям, поскольку цель существования этих локаций заключается в удовлетворении частных интересов. Количество людей, использующих такие места, постепенно уменьшается, что связано с растущими возможностями виртуальных публичных пространств.

Горожане оказывают воздействие на публичные пространства, однако они в данном процессе являются не единственными субъектами. Значительные преобразования в рассматриваемый вид локаций вносят институты власти и бизнес сообщества, поскольку они аккумулируют ресурсы для видоизменения публичного пространства.

Понятие «место» обычно сопряжено с термином «пространство». Пространство – это значительная территория, в состав которой входит несколько мест. Однако указанные понятия отличаются. Например, под пространством подразумевают абстрактную категорию, которая поддается осмыслению, но не визуализации, в то время как место тесно связано с реальным миром, т.е. оно визуально и физически определено.

По мнению Γ . Башляра, место обладает первичным значением в сравнении с пространством [63. С. 201]. Изначально личность осознает собственную локацию, после чего соотносит свое местонахождение в пространстве.

Место – это пространство, где проявляется идентичность человека, происходит его жизнедеятельность. Место одновременно является протестом, направленным против бесперспективной гонки за пространством. Сегодня существует два основных подхода к пониманию «места» – функциональный и интерпретативный.

Функциональный подход основывается на том, что место обладает определенными размерами и расположением в пространстве, а также оказывает различные блага для человека (общества) — пища, сон, развлечения и т.д. Количественное восприятие места видится вполне логичным, поэтому типологизация места в зависимости от объективных признаков также стала привычным событием. Функциональный подход не акцентирует внимания на идентичности места, его значении для жителей города, которое иногда отличается. Данный подход не брал в расчет конкретное «здесь», наделенное идентичностью.

Интерпретативный подход описывает место в качестве локуса пространства, которое имеет смысл и душу. При наличии особой связи с местом у жителей города оно получает указанные характеристики. В связи с этим вопрос о сущности места утрачивает актуальность, а уместнее интересоваться местами, связанными с определенной локацией. Другими словами, данный подход берет за основу интенциональную связь человека и места, акцентирует внимание на индивидуальных ценностях и ожиданиях наряду с средовой и культурной спецификой. В подходе отсутствует момент усреднения и типологизации, идентификации общего, объективного, нейтрального значения, так, при таком векторе теряется из виду повседневный мир жителей города. Место не проецируется в человеческом создании как простая категория, оно обладает характеристиками субъективности и, следовательно, интерпретируется по-разному, исходя из перспектив наблюдения.

В нашем исследовании использован этот подход. Изучим представление о «месте» приверженцами интерпретативного подхода. Например, М. Оже указывал на три основных свойства места:

- 1) идентификация: благодаря месту личность определяет себя и характеризует локацию;
- 2) наличие особой связи между объектами и людьми: место выступает связующим элементом, причем несколько структурных компонентов могут находиться в одной и той же локации. Между объектами и людьми в одном месте формируется уникальная связь.
- 3) историчность сохранение в исторической памяти значимых событий [22. С. 25]. По мнению М. Оже, основным свойством места становится его связь между прошедшим и будущим. В результате возникает историчность, при которой местные жители могут увидеть знакомые детали. Историчность устанавливает связь между поколениями и позволяет людям осознать свою идентичность. Гуманистическая география исследует место не с позиции географических координат, а на основании связи людей с конкретной локацией в пространстве, т.е. в аспекте различного континуума отношений.

Наличие указанных связей создает из точки место, идентифицируя ее среди остальных. В гуманистической географии места наделено хоретическим размером, а не топографическим, это значит, что она определяется не столько с помощью географических координат, сколько посредством полученного от людей значения.

По мнению Д. Харви, справедливо утверждение о том, что место является таковым только после придания ему определенного смысла [64. С. 50]. Тем не менее специалист указывает на то, что смыслы не обладают самостоятельностью, поскольку навязаны превалирующим дискурсом, а он, в свою очередь, транслируется политической и символической властью. На смыслы также влияют экономические и социальные условия, в которых существуют создатели. Под каждым местом Д. Харви понимает временной отрезок «постоянства» в процессе непрерывного континуума, неизбежно преобразующего все вокруг [Там же. С. 51].

Движение капиталов, людей, мыслей, различных ресурсов отходит на второй план и останавливается, вследствие чего у этой среды вырисовывается «место», под которым подразумевают населенный пункт или другую локацию. Физическая оболочка места возникает на базе коммуникативного пространства. Теорию непостоянства мест поддерживает Р.В. Дмитриев. С точки зрения эксперта место представляет собой динамическую конструкцию, которая непрерывной формируется и видоизменяется [65. С. 34]. По мнению О.И. Якушиной, местами являются пространства, которые могут использоваться пешеходами. Под ними подразумеваются общественные места для осуществления прогулок, приобретения товаров и т.д. [66. С. 34] В этом аспекте важно обратить внимание на то, что пространство вырабатывается на основе взаимодействия — зачастую незаметного, однако для его создания требуется соглашение, определенная модель поведения в конкретном «месте».

Под физическими местами в городе подразумевают, прежде всего, кофейни, парки, личное жилище. Они являются мини-проводниками в виртуальный мир, а их существование обусловлено временем выполнения данной функции. Указанный факт изменил смысл места окончательно, однако текущее понимание места не вступает в конфронтацию с мыслью о том, что место выражает ценность для жителей города. Если ценностная ориентация трансформировалась на необходимости выйти в Сеть, то места подстроились под запрос. Интернет сегодня функционирует во всех общественных местах, именно поэтому не стоит утверждать, что «места умерли», по мнению, например, М.А. Васильевой [67. С. 7]. В этой связи логично утверждать, что библиотеки связаны с миром героев в литературных произведениях.

Интернет не стал первым изобретением человечества, который выбил людей из окружающей действительности, однако по масштабу ему не было равных в истории. По мере его распространения физические места получили ценность, но никак не вымерли, при этом фактор мобильности негативно не сказался на местах. Теперь мировое пространство намного шире. Безусловно, актуально говорить о возникновении виртуальных мест. По мнению В.И. Щерова, понимание места в современном мире трансформировалось. Специалист указывает на то, что место идентифицируется не по аутентичности, историчности и прочим факторам, а по локализации в сети и тех потоков, которые через него проходят. Место ориентируется не внутрь, а на внешние источники, преимущественно через отношение к другим локациям [68. С. 105]. В итоге выделяются два подхода к пониманию места в рамках интерпретативного подхода:

- 1. М. Оже, Д. Харви, О.И. Якушина, Г.З. Каганов: место становится связующим компонентом между физическим пространством города и его жителями. Оно формируется в результате непрерывных практик, включая коммуникативный вид. Как следствие, место изменчиво, а процесс его формирования зависит от общих дискурсов. Пространство выступает в качестве места, когда жители города наделяют его смыслом, что является основополагающим условием. Отдельное внимание следует акцентировать на том, что место обязано быть аутентичным, т.е. способствовать самоидентификации личности и иметь связь с важными событиями в ее жизнедеятельности.
- 2. В.И. Щеров, М. Кастельс: место является точкой пространства, через которую проходят потоки и движения. Для нее необязательны характеристики историчности, идентификации, аутентичности и т.д. Достаточным для этой точки является то, чтобы она имела взаимную связь с другими элементами сети и занимала в ней определенное место. Термин «место» может быть заменен термином «пространство потоков». Для перечисленных подходов характерно, что как реальное, так и виртуальное место должно быть наделено смыслом и отвечать потребностям горожан в комфорте. Находиться «в месте» означает иметь с ним связь, говорит о вовлеченности в него, принадлежности к нему, а не только лишь о наблюдении за ним. Пространство может называться «местом» тогда, когда люди, находящиеся в нем, переходят от роли наблюдателя к роли участника. В этом случае место обретает форму, больше не является только пейзажем или фоном, а становится самостоятельным организмом с присущими ему контактами, переговорами, столкновениями людей и вещей.

Анализ существующих подходов к концептуализации «не-мест» города

Перейдем к рассмотрению концепции «не-мест». Понятие «не-место» введено французским антропологом М. Оже в начале XX в. С точки зрения автора, местом может называться пространство, способное выступать диалоговым или связующим, в свою очередь, пространство, которое не может быть

определено как диалоговое или связующее, можно определить как не-место [22. С. 25]. По мнению М. Оже, не-места не способны оказывать влияние на идентичность горожан, так как они не имеют связи с жителями города и не объединяют в себе элементы прошлого и современности. М. Оже называет местом, например, перекресток, так как пространство перекрестка позволяет людям встречаться в определенной точке и коммуницировать, при этом транспортные развязки он называет не-местами в соответствии с его классификацией. Анализируя подход М. Оже, можно отметить, что под не-местами он понимает такие пространства, где люди находятся либо временно, либо вынужденно: гостиницы, залы ожидания на вокзалах и в аэропортах и т.п, т.е. это пространство, где индивид не живет постоянно, их функция — транзит, часто они бывают связаны с путешествиями и обеспечением мобильности, что лишает их формирования особенного к ним отношения среди посетителей, аутентичности и наличия характерной идентичности.

Современные продолжатели идей М. Оже из числа исследователей городского пространства согласны с ним в его основных положениях, рассмотренных ранее, и предполагают, что к не-местам помимо перечисленных можно отнести магистрали, автодороги, зоны парковок, т.е. места, не предназначенные для пешеходов [69. Р. 70].

С точки зрения 3. Баумана, главной характеристикой не-мест является отсутствие коммуникации и взаимодействия между горожанами на их территории. В своих трудах он называет не-места «местами пожирающими», иллюстрируя свое видение примером некомфортных и неприветливых городских пространств Франции, таких как La Defense в Париже, или приводя в пример масштабные торгово-развлекательные комплексы [45. C. 61].

Хотя термин «не-место» изначально негативно окрашен, так как способствует разрушению целостности городского пространства, З. Бауманом выделены две позитивные функции «мест пожирающих»: контраст с бессмысленностью не-мест наделяет значением остальные пространства городской среды; не-места позволяют горожанам ограничить себя от «чужих» или «незнакомцев», так как контакты в «местах пожирающих» сведены к абсолютному минимуму [Там же. С. 65].

Отметим, что 3. Бауман критически высказывается о том, что для горожан характерно все более автономное существование: «современные индивиды, живущие в больших городах, катастрофически не умеют сосуществовать в условиях неустранимых различий, а безопасность оказывается для них превыше свободы» [Там же. С. 67].

Философская проблема концептуализации «не-мест» является достаточно новой, при этом взгляды на причины ее возрастающей актуальности достаточно разнообразны.

М. Оже связывает возникновение «не-мест» с понятием сверхсовременности, характерными чертами которой он называет постоянно возрастающее количество социальных событий, возможность свободного выбора горожанами пространств и траекторий перемещений в них, возможность индивидуального истолкования происходящих событий, т.е. способность оценивать происходящее без опоры на мнение общественности [22. С. 12].

В свою очередь, 3. Бауман считает, что эта тенденция связана с «текучей современностью», для которой характерно наличие личной свободы и «сла-

бых связей» между горожанами, как считает автор, связи людей в городе поверхностны и кратковременны. 3. Бауман указывает на самоочевидный факт увеличения скорости социальных взаимодействий и процессов, что, как считает автор, говорит о том, что пространство утрачивает свою ценность [45. С. 24]. Помимо этого, 3. Бауман говорит о смещении ценностных приоритетов от коллективных к индивидуальным [Там же. С. 116].

Индивидуальный комфорт, собственные ценности и интересы горожан все более доминируют над общественными. Подобная ситуация предполагает, что город теряет характерную для него ранее роль места обсуждения коллективных интересов, а горожане в общественных пространствах, утратив единую цель общения, стараются минимизировать коммуникацию друг с другом. «Истинные» социальные интеракции теперь возникают только в случае, когда оба участника коммуникации могут получить личную выгоду в результате диалога. В противном случае горожане стремятся к минимизации контактов, т.е. они больше не являются «гражданами», а становятся лишь «незнакомцами», которые принимают участие в общественной жизни, скрываясь под «маской вежливости», необходимой для амортизации череды случайных «столкновений» друг с другом.

При этом необходимо отметить, что в городах существуют пространства, где горожане могут не использовать «маску вежливости» и где каждый из них может существовать автономно. Именно такие места 3. Бауман называет «пожирающими». В качестве примера такого места можно привести торговоразвлекательные центры. 3. Бауман пишет: «Современные торговые моллы отличаются от прежних «бакалейных лавок на углу» не только размерами. Подобно средневековым карнавалам, они помогают горожанам совершать символические путешествия за пределы повседневности. Но люди собираются здесь в огромные толпы лишь для того, чтобы сильнее насладиться природой собственной индивидуальности» [Там же. С. 156]. 3. Бауман считает, что идеальной моделью современного индивида и горожанина является именно потребитель.

В рамках системной теории Н. Лумана предполагается, что «не-места» возникают как результат нарушения аутопойезиса места [70. С. 68]. Аутопойетичность места предполагает, что каждое из них имеет собственный смысл и аутентичный образ, который постоянно воспроизводится ими. Высказывания «душа места» или «дух места» отражают архитектонику городского пространства — идею того, что смыслы, заложенные создателем объекта или пространства, воплощены в этом пространстве и транслируются через него.

То есть до тех пор, пока у места есть смысл, люди приходят к нему с какой-либо целью, предъявляют ему требования, а место может их выполнять оно остается значимым и не теряет ценностно-смысловую определенность. Например, телефонные будки в Лондоне. Изначально они были предназначены для звонков по телефону, который в них находится, т.е. имели вполне конкретный смысл. Будки с неисправным телефоном вполне могли бы получить статус ненужности, однако люди стали назначать возле них встречи или заходить, чтобы поговорить по сотовому телефону, таким образом реабилитировав существование будок в городском пространстве. Конечно, смысл их существования несколько скорректировался, но они по-прежнему могут отвечать запросам горожан. В целом можно сказать, что воспроизводство смыслов – самая важная характеристика места, и совершенно неважно, какие средства оно при этом использует.

В современной урбанистической философии понятие «не-место» чаще всего ассоциируют с той частью городского пространства, которая исключена из социально активной среды города, «не-место» — слепое пятно на карте города и в жизненных мирах горожан [71. Р. 190]. Сегодня «non-places» — это не только вокзалы или аэропорты; это также улицы и площади городов, пустыри, транзитные территории и глобальные места шопинга, вроде торговоразвлекательных комплексов, неотличимые одно от другого.

Заключение

По результатам проведенного анализа мы пришли к выводу, что при изучении городского пространства возможно обращение как к функциональному, так и к социокультурному подходам, однако идеи последнего нам видятся более актуальными в современном социуме, что связано с возрастающей ролью ценностных ориентаций, связанных с необходимостью самореализации, активного образа жизни горожанина, а значит, с растущей необходимостью пересмотра взглядов и подходов к тому, кто может и должен принимать участие в развитии городской среды.

Социокультурный подход ориентирован на предположение о наличии взаимосвязи между ценностями и смыслами горожан, которые выражены в их дискурсах, и физическими пространствами городской среды. В рамках данного подхода горожане выступают активными действующими субъектами изменений, при этом их дискурсивные практики выступают частью общих социальных практик города и находят воплощение в социальном пространстве города, которое делится на приватное и публичное.

Говоря о приватном пространстве, включающем в себя места проживания горожан, проблема «не-мест» не возникает, так как приватное пространство априори ценно и значимо для его обитателей.

В публичном же пространстве проблема «не-мест» стоит наиболее актуально, что обусловлено возможностью выбора, которая есть у горожан, они не зависят от публичных пространств, на такие пространства могут оказывать влияние различные акторы жизни города, что означает, что место, изменяясь, может потерять какую-то часть своей аудитории, а иногда даже ее всю.

Нами было рассмотрено понимание термина «место» с различных точек зрения, а также было выделено два подхода к пониманию этого термина – функциональный и интерпретативный.

В нашем исследовании мы остановились на интерпретативном подходе, в рамках которого нами было выделено два понимания категории «место»: как точки пространства, которая способна пропускать через себя движения и потоки, и как связующего звена между горожанами и физическим пространством города.

Точка соприкосновения этих подходов заключается в том, что место, как виртуальное, так и реальное, должно быть наделено смыслом и отвечать запросам граждан, касающимся комфортности городской среды. Находиться в месте — это иметь с ним связь, быть вовлеченным в процессы, проходящие в нем, а не только наблюдать его.

Далее в статье были рассмотрены варианты трактовки термина «неместо», который мы определяем для себя как часть пространства города, которая исключена из общей среды города и является «слепым пятном» на его карте и в жизненных мирах горожан.

Комфортность городской среды является актуальным притязанием горожан, при этом важность тех или иных направлений развития не всегда одинакова для населения и представителей власти. Выражение представлений о комфорте со стороны властных структур происходит в основном через презентацию и реализацию политических программ и инвестирование в развитие определенных областей городской экономики и социального сектора; при этом горожане выражают свои представления иначе — через коммуникацию, социальное взаимодействие в вербальной форме, т.е. через конструирование дискурсивных практик.

Именно дискурсивные практики горожан выступили предметом нашего исследования, так как в них отражены представления о комфорте городской среды. Только взаимодействие позволяет достичь согласования в дискурсах активных субъектов развития городской среды – власти и горожан, городских сообществ, а также позволяет сосредоточить усилия на разработке совместных действий для достижения желаемого результата.

Литература

- 1. Berger P.L., Kellner H. Sociology reinterpreted: An Essay on Method and Vocation. London: Penguin Books, 1981. 176 p.
- 2. Бергер Π ., Лукман T. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания: пер. с англ. M. : Academia-Центр, 1995. 323 с.
- 3. Raskin J.D. Constructivist theories. Comprehensive handbook of personality and psychopathology. New York, NY: John Wiley, 2006. 229 p.
- 4. *Luckmann T.* The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence // Qualitative Sociology Review. 2013. Vol. 9(2). P. 40–46.
- 5. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Колледж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.
- 6. Merton R. The Thomas Theorem and The Matthew Effect // Social Forces. 1995. Vol. 74, № 2. P. 379–422.
 - 7. Evans P. Social constructionism, stories and culture. London: Routledge, 2020. 42 p.
- 8. *Miller G.* Reconsidering social constructionism: debates in social problems theory. London: Routledge, 1993. 572 p.
- 9. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : A-cad, 1994. 408 с.
- 10. Fairclough N. Critical discourse analysis as a method in social scientific research. London: Sage, 2001. 138 p.
 - 11. Fairclough N. Critical discourse analysis. London: Continuum, 2001.
- 12. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 331 с.
- 13.3амятин Д.Н. Метагеография : Пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. 512 с.
- 14. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / сост., отв. ред. Д.Н. Замятин; авт. Е. Андреева, С. Белоусов, Т. Галкина и др. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 276–323.
- 15. *Митин И.И.* Гуманитарная география: Проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1, № 1. С. 1–10.

- 16. Митин И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого; Южный федеральный университет. Ростов н/Д: Изд-во Южного федер. ун-та, 2014. 536 с.
- 17. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004. 160 с.
 - 18. Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
- 19. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.
- 20. Корнев И.Н. Географическая герменевтика в контексте концепции геокультурного пространства // Региональные исследования. 2008. № 1 (16). С. 3–9.
- 21. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- 22. *Оже М.* Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / пер. с фр. А.Ю. Коннова. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 136 с.
- 23. Дридзе Т.М. Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон: в 2 кн. / РАН. Ин-т социологии. Центр соц. упр., коммуникации и соц.-проектных технологий; отв. ред. Т.М. Дридзе. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1998. 492 с.
- 24. Дридзе Т.М. Градоустройство: методология исследования городского конфликта // В контексте конфликтологии. Диагностика и методология управления конфликтной ситуацией: Антология / под ред. Т.М. Дридзе, Л.Н. Цой. М.: Ин-т социологии РАН, 2001. 176 с.
- 25. *Ле Корбюзье*. Три формы расселения. Афинская хартия / пер. с фр. Ж. Розенбаума; послесл. Ю. Бочарова и А. Раппапорта. М.: Стройиздат, 1976. 136 с.
- 26. *Кирпичников В.М.* Функциональный подход к стратегическому управлению городом в современных условиях // В мире научных открытий. 2012. № 3–1 (27). С. 293–310.
- 27. *Лефевр А.* Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
- 28. Суховская Д.Н. Анализ взаимосвязи ценностно-смысловых установок резидентов и нерезидентов креативных пространств и индекса человеческого потенциала городов СКФО и ЮФО // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 8. С. 143–151.
- 29. $\mathit{Мамфорд}$ Л. Миф машины / пер. Б. Скуратов, Т. Азаркович. М. : Директ-Медиа, 2007. 800 с.
- 30. *Мокрова Н.В.* Концептуальный подход к проблематике умных городов // Промышленное и гражданское строительство. 2020. № 7. С. 32–40.
- 31. $\mathit{Ленц}$ A.A. Формирование градостроительной концепции «исчисляемый город» // Архитектура и современные информационные технологии. 2019. № 1 (46). С. 278–289.
- 32. Зазуля В.С. Проблематика и тенденции развития общественных пространств: отечественный и зарубежный опыт // Урбанистика. 2021. № 1. С. 56–72.
- 33. *Хабермас Ю*. Рационализация права и диагноз современности / пер. с нем. Т.В. Тягуновой. Источник: *Habermas J*. Rationalisierung des Rechts und Gegenwartsdiagnose // Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. S. 332–366 // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 131–154.
- 34. $\Phi e domo ba$ $\Gamma.O.$ Понятие «генетический код» в контексте городской исторической среды // Охрана и реставрация памятников культурного наследия: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции / под ред. С.В. Семенцова. 2018. С. 150.
- 35. *Баранов А.В., Котлярова О.В.* Практические исследования креативных городских пространств: региональный аспект // Вестник экспертного совета. 2020. № 2–3 (21–22). С. 3–10.
- 36. Попов Е.А. Основные возможности исследования города в современной социологической науке // Социодинамика. 2021. № 2. С. 65–72.
- 37. *Мокрова Н.В.* Концептуальный подход к проблематике умных городов // Промышленное и гражданское строительство. 2020. № 7. С. 32–40.
- 38. Серегина Т.Н. Город как пространство трансформации // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 485–487.
- 39. Гусейнова И.А. Цифровизация и ее моделируемые последствия (на примере социокультурного взаимодействия в институциональной коммуникации) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26, № 4. С. 89–117.

- 41. 3иммель Γ . Большие города и духовная жизнь : пер. с нем. М. : Strelka Press, 2018. 112 с.
 - 42. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Изд-во полит. лит., 1992. 554 с.
- 43. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
- 44. Смирнов С.А. Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 4. С. 44.
 - 45. Бауман 3. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- 46. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
- 47. *Ермакова Л.И.*, *Суховская Д.Н.* Роль креативной среды российского города в формировании ценностных ориентаций личности горожанина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 86–89.
- 48. Петрова В.А. Роль и функции публичного пространства в малом городе (опыт наблюдения на примере города Вязьмы) // Научное сообщество студентов : сб. материалов XIII Междунар. студ. науч.-практ. конф. 2017. С. 51.
- 49. *Борисова О.А*. Публичное пространство города как реализация горожан «права на город» // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, № 4. С. 459.
- 50. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge Massachusetts: The MIT Press, 1991. 328 p.
 - 51. Арендт X. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
- 52. Гоффман И. Поведение в публичных местах : Заметки о социальной организации сборищ / пер. с англ. А.М. Корбута ; под ред. М.М. Соколова. М. : Элементарные формы, 2017. 384 с.
- 53. Сеннет Р. Плоть и камень. Тело и город в западной цивилизации. М.: Strelka Press, 2016. 504 с.
- 54. Публичное пространство в личное время: Вито Аккончи о городе и паблик-арте. URL: https://special.theoryandpractice.ru/vito-acconci (дата обращения: 21.06.2021).
- 55. $\it Paduohoвa$ $\it Л$. Публичное пространство города в социально-философской перспективе: методология исследования // Схід. 2013. № 6 (126). С. 273.
- 56. Штомпель Л.А. Делокализация публичных пространств современного города: культурологический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 10.
- 57. *Николаева Ж.В.* Черта идентичности: становление города // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6, № 1 (21). С. 144–159.
- 58. Дунаева С.Л. Философия культурной памяти горожан как субъект ее формирования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2021. № 1. С. 73–82.
- 59. Sabogal A. Introduction: Definition of City and Public Spaces // Urban Ecology. 2021. № 3. P. 1–15.
 - 60. Deutsche R. The Question of "Public Space" // Public Space Reader. 2021. № 3. P. 280–289.
 - 61. Mehta V. Public Space Infrastructures // Public Space Reader. 2021. № 3. P. 319–323.
- 62. *Ермакова Л.И., Суховская Д.Н.* Психологические аспекты формирования личности «креативного горожанина» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 8. С. 84–92.
- 63. Башляр Γ . Избранное : Поэтика пространства : пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 376 с.
 - 64. Харви Д. Социальная справедливость и город. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 140 с.
- 65. Дмитриев Р.В. Метрика пространства и теории центральных мест: старые проблемы, новые решения // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 24–34.
- 66. Якушина О.И. Организация социального пространства современных городов в свете концепций «открытого» и «умного» города // Теория и практика общественного развития. 2021. № 4 (158). С. 33–42.
- 67. Васильева М.А. Пространство бытования образа. Что общего у Интернета, античного города и средневекового храма? // Дискурс. 2020. Т. 6, № 5. С. 5–15.
- 68. Щеров В.И. Виртуальное пространство и понятие «места» в современной философии // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 1. С. 104–107.
- 69. Rezaei M. Place and Non-place Theories // Reviewing Design Process Theories. 2021. № 1. P. 69–74.

- 70. Кукарников Д.Г. Теория общества, аутопойезис и коммуникация в социологической концепции Никласа Лумана // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2011. № 38. С. 68.
- 71. Benyahia S. Between Place and Non-place // Narratives of Place in Literature and Film. 2018. № 12. P. 188-201.

Larisa I. Ermakova, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation).

E-mail: ermakova@pgu.ru

Daria N. Sukhovskaya, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation).

E-mail: daria.sukhovskava@vahoo.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 77-104.

DOI: 10.17223/1998863X/64/9

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE DISCURSIVE REPRESENTATION OF URBAN IDENTITY

Keywords: city philosophy; urban identity; non-places; city space; living space; discursive practices of city

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-111-50331.

The aim of the article is a socio-philosophical analysis of the theoretical and methodological foundations of the discursive representation of urban identity in the scientific works of domestic and foreign authors. The following tasks were set and solved in the work: (1) analysis of theoretical and methodological approaches to understanding the city in philosophy; (2) analysis of existing approaches to the philosophical conceptualization of urban space as a living environment; (3) analysis of existing approaches to the conceptualization of the concept "city space" as a construct of places significant for citizens; (4) nalysis of existing approaches to the conceptualization of the concepts "place" and "nonplace" of the city. To solve the problem associated with the study of theoretical and methodological approaches to understanding the city, the following theoretical and methodological approaches to the study of the problem were analyzed: social constructionism (P. Berger, T. Lukman, M. Foucault); critical discourse analysis (N. Fairclough); humanitarian geography (D.N. Zamyatin, I.I. Mitin); geographical hermeneutics (H.-G. Gadamer, V.L. Kagansky, I.N. Kornev); ecoanthropocentric paradigm (T. Dridze). The study analyzes the main approaches to the study of the city that are relevant for modern social philosophy: the functional approach (H. Lefebvre, L. Mumford, J. Habermas); the socio-cultural or environmental approach (V.L. Glazychev, T. Dridze). In the part of the article devoted to solving the problem of conceptualizing the concept "city space", the results of the sociophilosophical analysis of the theory of social space based on the works of P. Bourdieu (the concept "social space" and the principle of vision and separation of spaces developed by him), H. Lefebvre (the concept of space reproduction), M. Foucault (the concept "disciplinary space") are presented. When solving the problem, to address the existing approaches to the conceptualization of the notions "place" and "non-place" of the city, the article presents an analysis of the points of view of domestic and foreign authors, divided us into two groups: (1) M. Augé, D. Harvey, G.Z. Hagan (the place of the city as the connecting link between the physical space of the city and citizens) and (2) B.I. Serov, M. Castells (place as the point in space that passes through flows and movements, it does not have to be historical, identifying, binding, or authentic). The research material presented in the article allows forming a holistic understanding of the philosophy of the city as an independent philosophical direction, clarifying and detailing the theoretical and methodological resources of the theory of perception of urban space and representation of urban identity in order to find answers to topical questions in modern urban space research. The conclusions and materials presented in the work can be used in the preparation of lecture courses on the philosophy of the city and the phenomenology of space, theoretical urban studies, writing textbooks in the designated areas and conducting subsequent theoretical research.

References

- 1. Berger, P.L. & Kellner, H. (1981) Sociology reinterpreted: An Essay on Method and Vocation. London: Penguin Books.
- 2. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1995) Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Translated from English. Moscow: Academia-Tsentr.

- 3. Raskin, J.D. (2006) Constructivist theories. Comprehensive handbook of personality and psycho-pathology. New York, NY: John Wiley.
- 4. Luckmann, T. (2013) The Communicative Construction of Reality and Sequential Analysis. A Personal Reminiscence. *Qualitative Sociology Review.* 9(2). pp. 40–46. DOI: 10.18778/1733-8077.09.2.04
- 5. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of Different Years]. Translated from French. Moscow: Kastal'. 1996. S. 47–97.
- 6. Merton, R. (1995) The Thomas Theorem and The Matthew Effect. *Social Forces*. 74(2). pp. 379–422.
 - 7. Evans, P. (2020) Social constructionism, stories and culture. London: Routledge.
- 8. Miller, G. (1993) Reconsidering social constructionism: debates in social problems theory. London: Routledge.
- 9. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
- 10. Fairclough, N. (2001) Critical discourse analysis as a method in social scientific research. London: Sage.
 - 11 Fairclough, N. (2001) Critical discourse analysis. London: Continuum.
- 12. Zamyatin, D.N. (2003) Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov [Geohumanities: Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 13. Zamyatin, D.N. (2004) *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: Space of Images and Images of Space]. Moscow: Agraf.
- 14. Zamyatin, D.N. (2005) Lokal'nye istorii i metodika modelirovaniya gumanitarno-geograficheskogo obraza goroda [Local history and technique of modeling of humanitarian and geographic image of the city]. In: Andreeva. E., Belousov. S., Galkina. T. et al. *Gumanitarnaya geografiya: Nauchnyy i kul'turno-prosvetitel'skiy al'manakh* [Geohumanities: Scientific and Educational Almanac]. Vol. 2. Moscow: Institut naslediya. pp. 276–323.
- 15. Mitin, I.I. (2012) Geohumanities: terminology & (self-)identity problems in Russian & international contexts. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya Cultural Geography & Geohumanities*. 1(1). pp. 1–10. (In Russian).
- 16. Mitin, I.I. (2014) Mesto kak palimpsest: mifogeograficheskiy podkhod v kul'turnoy geografii [Place as a palimpsest: a mythogeographical approach in cultural geography]. In: Druzhinin, A.G. & Streletsky, V.N. (eds) Fenomen kul'tury v rossiyskoy obshchestvennoy geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty [The phenomenon of culture in Russian public geography: expert opinions, analytics, concepts]. Rostov-on-Don: South Federal University.
- 17. Mitin, I.I. (2004) Kompleksnye geograficheskie kharakteristiki. Mnozhestvennye real'nosti mest i semiozis prostranstvennykh mifov [Complex geographical characteristics. Multiple realities of places and semiosis of spatial myths]. Smolensk: Oykumena.
- 18. Gadamer, H.G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo.
- 19. Kaganskiy, V.L. (2001) *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet habitable space]. Moscow: NLO.
- 20. Korney, I.N. (2008) Geographical germenevtics in the context of the concept of geocultural space. *Regional'nye issledovaniya*. 1(16), pp. 3–9. (In Russian).
- 21. Gadamer, H.G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German by B.N. Bessonov. Moscow: Progress, 1988, 704 s.
- 22. Auger, M. (2017) *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity]. Translated from French by A.Yu. Konnov. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
- 23. Dridze, T.M. (1998) *Gradoustroystvo: ot sotsial'noy diagnostiki k konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon: v 2 kn.* [Urban planning: from social diagnostics to a constructive dialogue of stakeholders: in 2 vols]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
- 24. Dridze, T.M. (2001) Gradoustroystvo: metodologiya issledovaniya gorodskogo konflikta [Urban planning: methodology for the study of urban conflict]. In: Dridze, T.M. & Tsoy, L.N. (eds) *V kontekste konfliktologii. Diagnostika i metodologiya upravleniya konfliktnoy situatsiey: Antologiya* [In the context of conflictology. Diagnostics and methodology of conflict management: Anthology]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

- 25. Le Corbusier. (1976) Tri formy rasseleniya. Afinskaya Khartiya [Three forms of settlement. The Athens Charter]. Translated from French by Zh. Rozenbaum. Moscow: Stroyizdat.
- 26. Kirpichnikov, V.M. (2012) The functional approach to strategic management of the city in modern conditions. V mire nauchnykh otkrytiv – In the World of Scientific Discoveries. 3–1(27), pp. 293–310.
- 27. Lefebvre, A. (2015) Proizvodstvo prostranstva [Production of Space]. Translated from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press.
- 28. Sukhovskaya, D.N. (2020) On Interrelation of Value and Meaningful Orientations of Residents and Non-Residents of Creative Spaces and Human Potential Indexes of the North-Caucasian and Southern Federal Districts Cities. Manuskript – Manuscript. 13(8). pp. 143–151. (In Russian). DOI: 10.30853/manuscript.2020.8.26
- 29. Mumford, L. (2007) Mif mashiny [The Myth of the Machine]. Translated from English by B. Skuratov, T. Azarkovich. Moscow: Direkt-Media.
- 30. Mokrova, N.V. (2020) Kontseptual'nyy podkhod k problematike umnykh gorodov [Conceptual approach to the problems of smart cities]. Promyshlennoe i grazhdanskoe stroitel'stvo. 7. pp. 32-40.
- 31. Lents, A.A. (2019) Formation of the urban-planning concept "the calculated city". Arkhitektura i sovremennye informatsionnye tekhnologii – Architecture and Modern Information Technologies. 1(46). pp. 278–289. (In Russian).
- 32. Zazulya, V.S. (2021) Problems and trends in the development of public spaces: Russian and foreign experience. Urbanistika - Urban Studies. 1. pp. 56-72. (In Russian). DOI: 10.7256/2310-8673.2021.1.34516
- 33. Habermas, Ju. (2011) The rationalization of law and diagnosis of the times. Translated from German by T.V. Tyagunova. Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review. 10(3), pp. 131-154. (In Russian).
- 34. Fedotova, G.O. (2018) The concept of "genetic code of the city" in analysis of the city historical environment. In: Sementsov, S.V. (ed.) Okhrana i restavratsiya pamyatnikov kul'turnogo naslediya [Protection and Restoration of Cultural Heritage Monuments]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. pp. 150–152.
- 35. Baranov, A.V. & Kotlyarova, O.V. (2020) Practical research of creative urban spaces: regional aspect. Vestnik ekspertnogo soveta. 2–3(21–22). pp. 3–10. (In Russian).
- 36. Popov, E.A. (2021) Basic options of studying cities in the modern sociological science. Sotsiodinamika - Sociodynamics. 2. pp. 65-72. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2021.2.34838
- 37. Mokrova, N.V. (2020) Conceptual Approach To Smart Cities Problems. *Promyshlennoe i* grazhdanskoe stroitel'stvo - Industrial and Civil Engineering. 7. pp. 32-40. (In Russian). DOI: 10.33622/0869-7019.2020.07.32-40
- 38. Seregina, T.N. (2020) The city as a space of transformation. Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal. 9(148). pp. 485–487. (In Russian).
- 39. Guseynova, I.A. (2020) Digitalization and its simulated consequence (based on sociocultural interaction in institutional communication). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science. 26(4). pp. 89–117. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-89-117
- 40. Bourdieu, P. (2005) Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology.
- 41. Simmel, G. (2018) Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Big Cities and Spiritual Life]. Translated from German. Moscow: Strelka Press.
- 42. Sorokin, P.A. (1992) Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo [Man, Civilization, Society]. Moscow: Izd-vo polit. lit.
- 43. Lefebre, A. (2015) Proizvodstvo prostranstva [Production of Space]. Translated from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press
- 44. Smirnov, S.A. (2019) City-campus, or educational space of the city. Methodological construct. Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia. 28(4). p. 44. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-44-59
- 45. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 s.
- 46. Beck, U. (2000) Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk Society: Towards a New Modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.
- 47. Ermakova, L.I. & Sukhovskaya, D.N. (2016) The role of Russia's creative urban environment when forming the citizen's value orientations. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 10(72). pp. 86–89. (In Russian).

- 48. Petrova, V.A. (2017) Rol' i funktsii publichnogo prostranstva v malom gorode (opyt nablyudeniya na primere goroda Vyaz'my) [The role and functions of public space in a small city (a case study of Vyazma)]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov* [The Students' Research Community]. Proc. of the 18th International Conference. p. 51.
- 49. Borisova, O.A. (2018) Public space of the city as the realization of the citizens' "right to the city". *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otno-sheniya Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations.* 2(4). p. 459. (In Russian).
- 50. Habermas, J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
- 51. Arendt, H. (2000) *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita Activa, or About Active Life]. Translated from German by V.V. Bibikhin. St. Petersburg: Aleteyya.
- 52. Goffman, E. (2017) *Povedenie v publichnykh mestakh: Zametki o sotsial'noy organizatsii sborishch* [Behavior in public places; notes on the social organization of gatherings]. Translated from English by A.M. Korbut. Moscow: Elementarnye formy.
- 53. Sennett, R. (2016) *Plot' i kamen'. Telo i gorod v zapadnoy tsivilizatsii* [Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization]. Translated from English. Moscow: Strelka Press, 2016. 504 s.
- 54. Acconci, V. (n.d.) *Publichnoe prostranstvov lichnoe vremya: Vito Akkonchi o gorode i pablik-arte* [Public space in private time: Vito Acconci on the city and public art]. [Online] Available from: https://special.theoryandpractice.ru/vito-acconci (Accessed: 21st June 2021).
- 55. Radionova, L. (2013) Publichnoe prostranstvo goroda v sotsial'no-filosofskoy perspektive: metodologiya issledovaniya [Public space of the city in the socio-philosophical perspective: research methodology]. *Skhid*. 6(126). p. 273.
- 56. Shtompel, L.A. (2018) Delocalization of public spaces of a modern city: a cultural analysis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv.* 6(86). p. 10. (In Russian).
- 57. Nikolaeva, Zh.V. (2021) The Identity Feature: the Emergence of the City. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy Journal of Frontier Studies*. 6(1). pp. 144–159. (In Russian). DOI: 10.46539/jfs.v6i1.258
- 58. Dunaeva, S.L. (2021) Filosofiya kul'turnoy pamyati gorozhan kak sub"ekt ee formirovaniya [Philosophy of the cultural memory of the townspeople as the subject of its formation]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1. pp. 73–82.
- 59. Sabogal, A. (2021) Introduction: Definition of City and Public Spaces. *Urban Ecology*. 3. pp. 1–15.
 - 60. Deutsche, R. (2021) The Question of "Public Space". Public Space Reader. 3. pp. 280–289.
 - 61. Mehta, V. (2021) Public Space Infrastructures. *Public Space Reader*. 3. pp. 319–323.
- 62. Ermakova, L.I. & Sukhovskaya, D.N. (2019) Psychological aspects of "creative citizen" personality formation. *Kontsept.* 8. pp. 84–92. (In Russian).
- 63. Bachelard, G. (2004) *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected Works: The Poetics of Space]. Translated from French. Moscow: ROSSPEN.
- 64. Harvey, D. (2018) Sotsial'naya spravedlivost' i gorod [Social Justice and the City]. Translated from English.Moscow: NLO.
- 65. Dmitriev, R.V. (2019) Metrics of urban settlement systems in terms of the central place theory: constancy vs variability. *Geograficheskiy vestnik Geographical Bulletin*. 2(49). pp. 24–34. (In Russian).
- 66. Yakushina, O.I. (2021) Organizing public space in the contemporary city within "open" and "smart" city framework. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* Theory and Practice of Social Development. 4(158). pp. 33–42. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2021.4.5
- 67. Vasilieva, M.A. (2020) The Space of an Image Existence. What do the Internet the Ancient City and the Medieval Temple Have in Common? *Diskurs*. 6(5). pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-5-15
- 68. Shcherov, V.I. (2020) Virtual Space and "Place" Conception in Modern Philosophy. *Manuskript Manuscript*. 13(1), pp. 104–107. (In Russian). DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.21
- 69. Rezaei, M. (2021) Place and Non-place Theories. Reviewing Design Process Theories. 1. pp. 69–74.
- 70. Kukarnikov, D.G. (2011) Teoriya obshchestva, autopoyezis i kommunikatsiya v sotsiologicheskoy kontseptsii Niklasa Lumana [Theory of society, autopoiesis and communication in the sociological concept of Niklas Luhmann]. Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera. 38. p. 68.
- 71. Benyahia, S. (2018) Between Place and Non-place. Narratives of Place in Literature and Film. 12. pp. 188–201.

УДК 140.8

DOI: 10.17223/1998863X/64/10

С.В. Оболкина

«ЭЛЕКТРОННЫЕ БОГИ» У.С. БЕЙНБРИДЖА: НА СТРАЖЕ БУДУЩЕГО ИЛИ ПРОШЛОГО?

В статье анализируется проект цифрового будущего человечества, связанный с тотальной «геймификацией», а также концепция «цифровой религии» в качестве его важнейшего элемента. Показано, что эвристический потенциал этой футурологической гипотезы связан с исключением наиболее специфичных феноменов как для игрового, так и для религиозного опыта, а интенции обновления оказываются обновленным вариантом старых культурных стратегий.

Ключевые слова: У.С. Бейнбридж, цифровая утопия, религия, «техномагия», компьютерная игра

«Цифровое будущее» и «цифровая религия» — это концепты, активно пробующие свои силы в качестве прогнозов о будущем культуры. «Цифровая религия» отсылает к очень широкому спектру идей и образов: от функционирования традиционных религий онлайн до наиболее радикальной части спектра значений: идеи о том, что «всезнающий» и «вездесущий» — это характеристики искусственного интеллекта (ИИ) и, соответственно, именно ИИ должен выступать технологической «божественной сущностью» В этом русле ктото из футурологов, развивающих идею «дигитальной» стадии развития культуры, с почти религиозным трепетом относится к идее сильного ИИ, а кто-то, наоборот, надеется на глобальные изменения под руководством технореальности, но «малой кровью». В данной работе мы обратим внимание на один из вариантов последнего решения — это работа американского философа, социолога религии и геймдизайнера У.С. Бейнбриджа (William Sims Bainbridge) «ЕGODS: вера против фантазии в компьютерных играх» (2013) [2].

Проект У.С. Бейнбриджа развивается в русле тех техноутопий, которые связывают благополучие человечества с возможностью «покинуть» опостылевшую реальность благодаря «оцифровке». Идея не нова: в работе Э. Дэвиса «Техногнозис» [3] показано, что техноутопии не представляют собой чего-то принципиально нового; «цифровое» или «виртуальное» будущее — это один из вариантов гностических чаяний развоплощения. Бейнбридж, однако, предлагает нечто отличное от «гностического» решения: с одной стороны, одобряя, а с другой — критикуя технорадикалов [2. Р. 232–233], он не поддерживает идею буквального развоплощения. Он считает, что людям стоит переместить в виртуальное измерение свои экзистенциальные ресурсы: жить по преимуществу в качестве аватаров некой мега-игры (или игр). Конечно, эта ситуация уже реализуется в форме игровой зависимости, но Бейнбридж на основе «частного» эскапизма выстраивает общую перспективу, надеясь на создание такой игровой реальности, которая будет, в некотором смысле, более реальной, чем та, в которой мы живем.

¹ Примером может выступать предложенный Э. Левандовски культ «Way of the Future» [1].

106 С.В. Оболкина

«Протеиновое Я» не отменяется, но становится менее значимым по сравнению с «мультиплексным Я», предполагающим смену аватаров и возможность проживать множество жизней. Таким образом, Бейнбридж предлагает «мягкий» переход жизни человека в цифровой формат, когда человек просто реализует свои обычные устремления, но при этом получает, например, социальный статус посредством достижений аватара: «Достижения в игре могут компенсировать отсутствие достижений в "реальном мире". Возможно, они могут стать реальными, если другие люди воспримут их всерьез и воздадут игроку честь за них» [2. Р. 159]. Конечно, данная футурологическая перспектива имеет смысл лишь в условиях масштабной или полной вовлеченности человечества в такой игровой опыт.

Легко допустить, что подобный «лайт-трансгуманизм» может уже сегодня заинтересовать менеджеров в сфере геймдизайна и найти поддержку у подрастающих поколений. Тем более, что развитие игровых платформ и движков по степени обновления опережают, возможно, и самые «серьезные» технологические области; «игровой» вариант техноутопии имеет больше шансов, нежели гностические идеи развоплощения или концепции всеобщей киборгизации.

Главный тезис нашего исследования заключается в том, что подход У.С. Бейнбриджа эпистемологически уязвим, поскольку не учитывает важные моменты описываемых им феноменов культуры. Однако утопии совершенно необязательно быть эпистемологически безупречной, чтобы оказаться валидной праксиологически. Научный подход требует определенной беспристрастности, поэтому выбор позиции в отношении этой футурологической перспективы остается открытым решением. Но он же требует открытости в отношении тех феноменов, присутствие или, что важнее, *отсутствие* которых дает концептуальный шанс предлагаемому нам будущему.

«Электронные боги» и их футурологическая роль

Анализируя уже существующие нарративы, механики и специфические черты геймплея конкретных игровых миров, Бейнбридж приходит к выводу, что именно религии в компьютерных играх (КИ¹) имеют шанс наделить игровой мир полноценным чувством реальности. Основой этой идеи выступает религиоведческая позиция, согласно которой религия когда-то была всего лишь игрой, фантазией, но затем переродилась в религиозную веру и наделила «персонажей» религии самым высоким онтологическим статусом — эту идею Бейнбридж совместно с другими авторами развивают в качестве религиоведческой концепции «Новая парадигма» [4]: «Вера была подвижна и неотделима от фантазии в начале человеческой истории, но ближе к середине человеческой истории социальные условия, связанные с сельскохозяйственными империями, способствовали появлению религиозной бюрократии, которая требовала веры» [2. Р. 4]. Поэтому, по мнению Бейнбриджа, следует создать такую религию, которая поможет «мультиплексному Я» укорениться в искусственных мирах.

Тем самым Бейнбридж выступает последователем многих творцов секулярных религий, не вторгаясь, впрочем, в полемику о демаркации религии и

 $^{^{1}}$ В данном случае под КИ подразумеваются любые игровые программы с графическим интерфейсом.

секулярных верований: «Описывать секуляризацию как разрушение религиозной веры — слишком негативный способ ее определения. Лучше сказать, что секуляризация — это форма культурного прогресса, которая освобождает игривое человеческое воображение» [2. P. 24]. «ЕGODS» — неологизм, которым Бейнбридж обозначает персонажей КИ, чья божественность выступает диегетическим компонентом конкретной игры. «Электронные боги», по мысли Бейнбриджа, должны рано или поздно «разрушить четвертую стену» и стать в будущем объектами религиозного отношения, а их культ поможет поддерживать онтологический статус виртуальной реальности.

Нашей задачей не является полемика в отношении исходной установки тождества фантазии и религии — она сама по себе выступает вопросом веры. Подчеркнем лишь, что в суждениях Бейнбриджа в отношении религиозной веры очевидно смешение понятий «религиозная вера» и «религиозная лояльность». В исследовании Л. Мойжелса, также посвященном религии в КИ, подчеркивается эта распространенная ошибка: «Вера — явление, удивительно редко представленное в фэнтези RPG, если учесть, как часто в этом жанре встречаются сюжеты и персонажи, связанные с религией. <...> В условиях, когда их существование является непреложным фактом, разговор о вере уступает место выбору лояльности» [5. С. 53].

Однако даже такое справедливое религиоведческое уточнение не может «фальсифицировать» обаяние простоты и ясности развиваемых в «EGODS» идей «игрового будущего». Поэтому рациональная аргументация важна, скорее, в рефлексивном отношении, чтобы обратить внимание на то, за счет чего выстраивается довольно устойчивая «архитектоника» данной концепции.

В первую очередь, подчеркнем нюанс психокогнитивного свойства: любая картина реальности созидается за счет вытеснения. Что-то не берется во внимание, вытесняется из зоны «видимости» сознания — это характерно как для физиологического уровня (до осознания доводится лишь малая часть воспринятого), так и для научной картины мира. Это нормальный процесс, но только если он не оказывается фактором избыточного игнорирования сложности, ведь чем более активна эта избирательность, тем меньше противоречий, неоднозначностей и когнитивного риска; «все складывается» лучше; вопрос в том, насколько важным является то, что вытесняется. Главными «героями» «ЕGODS» выступают религия и игра в КИ. Действительно ли та «простота» в отношении этих феноменов, которая свойственна обсуждаемой концепции, не означает определенного концептуального «воровства» в отношении новаторского потенциала культуры?

Особенности религии «EGOTS»

Самые общие требования Бейнбриджа к новой религии звучат в качестве конкретных характеристик и задач. Например, переосмысляется в оптике личности-аватара связь с предками. На собственном примере Бейнбридж по-казывает осуществление своего рода цифровой версии «общего дела» Н.Ф. Федорова: он «воскрешает» умерших родственников, создавая в различных играх аватаров с именами и конкретными чертами этих людей, тем самым воздавая им должное. «Все, что требуется сейчас, — это культурный сдвиг, чтобы уважать людей, которые хотят создать почитание аватаров» [2. Р. 105], говорит автор.

108 С.В. Оболкина

Этой идее можно противопоставить доводы феноменологической социологии — например, идею А. Щюца о несводимости «миров»: «Мир сновидений, грез и фантазий, особенно мир искусства, мир религиозного опыта, мир научного созерцания, игровой мир ребенка и мир сумасшедшего — суть конечные области значения» [6. С. 426]. Но следует подчеркнуть: положения теории Щюца применимы к тому, что можно назвать «естественным режимом» сознания. Но как долго преграда между мирами повседневности и игры будет этически нейтральна, если вопрос будет стоять примерно так: «Ты не отыграл 1 000 часов в качестве аватара своего дедушки? Видимо, он не был тебе дорог». «Врезка» миров может стать актуальной в качестве когнитивного усилия — если, конечно, у игрока не окажется важного повода для сохранения резистентности к «растворению» в игровой реальности.

Исследования в отношении джедаизма или, к примеру, религиозных элементов сообщества «азеркинов» показывают один из путей, которым осуществляется глубокое погружение в мир, созданный чьим-то художественным творчеством. Сознание не игнорирует «созданность» этого мира, но за счет перманентного усилия «расширенного производства» фанатами создается то, что Д. Кирби называет «фантастической средой» [7]; фантазийный мир имеет локусы своего существования в повседневности азеркина благодаря, например, атрибутике (одежда, аксессуары, предметы быта и т.п.).

Но это не тот путь, который предлагает концепция Бейнбриджа в качестве «отмены» метапозиции игрока. Он не хочет «помутнения» способности к различению «конечных областей значения» игры и повседневности. Ставка делается не столько на состояние игрока, сколько на характер предлагаемой религии и особое понимание трансцендентности.

Выход из «обычной реальности» в трансцендентное измерение по определению должен быть окрашен чувством радости. Но ведь игра и есть то, что противостоит повседневности, так почему бы мега-игре не выступить новой формой трансцендентного измерения? В новой утопии виртуальный (игровой) мир и есть «мир горний». Но рассчитывать на то, что радость будет сопровождать игру просто потому, что это игра, трудно; Бейнбридж больше рассчитывает на свойство КИ поддерживать заинтересованность с помощью достижений. Поэтому религия – это вопрос помощи игроку в такого рода деятельности и дисциплины по отношению к правилам: «Религия часто стремится дисциплинировать человеческие чувства <...> Онлайн-игры могут быть больше похожи на религию, чем на другие виды искусства, потому что только следуя правилам, игрок может продвигаться к все большей трансцендентности. Это повышает радикальную вероятность того, что виртуальные игровые миры будущего могут предложить очень существенную субъективную трансцендентность» [2. Р. 235].

Религиозные элементы в подавляющем большинстве КИ функционируют в качестве инструмента получения «здоровья», «маны», «выносливости» и т.п., и Бейнбридж не просто делает акцент на таком инструментальном понимании религий в КИ, но и обобщает в качестве представления о религии как таковой: «Религия, служит социально поддерживаемым компенсатором, который психологически компенсирует людям отсутствие желаемых наград»

¹ От Otherkin, т.е. представителей «другого рода», чаще всего «эльфов».

[2. Р. 154]. Но, продолжает Бейнбридж, в обычном мире эта тактика постоянно «дает сбой», тогда как религии виртуальных миров избавлены от этого недостатка: «Жрецы в WoW имеют реальную возможность сделать что-то эффективное: они могут исцелять» [Ibid. Р. 121]. Религии, таким образом, позволяют человеку «удерживаться» в трансцендентном (игровом) измерении, выступая «работающими» тактиками.

«EGOTS» предлагает усилить эти, по его мнению, главные функции религии. Во-первых, новая религия должна быть политеистической, поскольку концептуально удобнее связывать различные формы компенсации с различными источниками. Во-вторых, для Бейнбриджа именно магия выступает самой очевидной перспективной трансформацией религии в ее цифровом формате. «Вместо того, чтобы быть просто набором конкретных компенсаторов, она (магия. – C.O.) предлагает реальное вознаграждение, но средствами, которые кажутся невозможными с точки зрения естественных законов, управляющих нормальным миром, в котором мы все живем» [Ibid. P. 165].

Однако та магия, которая связана с игрой, может иметь разный облик. Бейнбридж делает ставку на то, что магия связана с желанием мира, в котором возможно все, но строго в пределах желаемого – т.е. на то, что у Э. Дэвиса [3] получает характеристику «техномагии» и характеризуется как психологическая потребность человека в контроле над реальностью. Главенствующей интенцией техномагии выступает потребность снизить способность реальности к неожиданным эффектам, вооружившись какими-то средствами – магическими или техническими (их различие не так и важно).

Но насколько техномагия, которая выступает «солью» предлагаемой новой религии, связана с игрой как таковой? Дж. Агамбен, говоря о магииволшебстве, подчеркивает детские ожидания необыкновенного и чудесного — т.е. как раз игрового состояния сознания: «Но если у кого-то выйдет оседлать фортуну при помощи обмана, если счастье зависит не от него самого, а от заколдованного ореха или от "сезам, откройся!", то тогда и только тогда он может в самом деле считать, что достиг блаженства» [8. С. 19–20]. В данном случае понятия «магия», «волшебство» используются в качестве метафоры, описывающей чаяние невозможного, немыслимого — т.е. сверхъестественного как чего-то такого, что помимо «нормального» и ожидаемого. И это тот контрагент «обыденному», который полностью остается за скобками «ЕGOTS».

Возможно, для этого есть основания с точки зрения геймдизайна: технически созданная реальность порождает «немыслимое» и «неожиданное» лишь в качестве бага, глитча и т.п. Но проблема в том, что, согласно Бейнбриджу, игрока в принципе интересует лишь возможность остаться в игровой реальности, «растворившись» в ней. Однако возникает сомнение в том, что анализ игрового опыта, которому в «ЕGOTS» посвящены десятки страниц, действительно затрагивает суть игрового дела. Даже если «трансцендентное измерение» новой утопии воссоздаст игровую ситуацию (выступая глобальной КИ), становится ли оно от этого действительно *игрой*?

Онтологический «саботаж»

Удивительно, но в «EGOTS» ни разу не была упомянута такая форма игрового опыта, которая свидетельствовала бы одновременно о серьезной во-

110 С.В. Оболкина

влеченности человека в KU и о способности превосходить ее (сохранять метапозицию). Речь об опыте геймера 1 .

Игрок, преданно соучаствует геймплею, — это новичок или очень «средний» игрок в КИ либо некий отвлеченный образ. Большинство игроков изыскивает возможности «срезать углы» прохождения игры, не учитывая требования нарратива; ими признаются лишь те правила, которые они не в состоянии обойти или которые приносят выигрыш. В этом и силен геймер — «гуру, который владеет собственным желанием и перемещается по виртуальным перспективам, не отождествляясь полностью ни с одной из них, а также переключает онлайн- и офлайн-режимы собственного существования, в них не путаясь» [9. С. 171]. Геймер имеет в обязательном режиме оптику онтологической контингентности (или он не геймер): все в игровом мире ненеобходимо — и нарратив, и правила. Однако именно эта весьма распространенная манера игры в КИ полностью исключена из рассмотрения в «ЕGOTS».

Отсутствие даже упоминания о том, что подобный «онтологический саботаж» может заинтересовать людей, живущих в качестве аватаров в некой цифровой реальности, — недосмотр или концептуальное замалчивание? В любом случае оказывается, что цифровая утопия рассчитана на очень дисциплинированных или очень средних игроков.

Невозможно пройти мимо и того обстоятельства, что подобным же образом концепция Бейнбриджа учитывает только таких адептов религии, которые сохраняли бы свое рвение в пределах того, что в богословском тезаурусе носит название «естественных добродетелей».

Бейнбридж много говорит о том, насколько справедливо устроена религия в КИ по сравнению с религией в реальном мире — ведь «она работает», позволяя получать конкретные выгоды в соответствии с приложенными усилиями. То есть, по сути, абсолютизирует античные и средневековые представления о добродетелях. Наивысшей из них полагалась добродетель общественного характера iustitia (справедливость). Частным случаем iustitia выступает добродетель религии (поскольку она касается всякого сообщества, в том числе сообщества человека и Бога). Однако автор «EGOTS» останавливается там, где говорится, что iustitia — элемент «естественных» добродетелей, лишь предваряющий полное раскрытие религиозного опыта в рамках добродетелей «сверхъестественных»². Для всех религий уровень «сверхъестественных добродетелей», связанный с мистическими практиками, оказывается важнейшим. Но это именно та часть религиозного опыта, которая полностью исключена из концепции «Новой парадигмы» и техноутопии «EGOTS».

Таким образом, «сверх» оказывается в «EGOTS» всегда усеченным: как опыт игры «выше среднего уровня» или религиозный опыт. Предлагается настолько «усредненный» вариант, что возникает подозрение: а не создан ли

¹ Геймером мы называем человека, играющего в КИ достаточно успешно, чтобы обладать собственными тактиками во многих из них. При этом мы не касаемся темы игромании – темы важной и актуальной, но решения которой не могут влиять на выводы в отношении специфики игрового опыта, свойственного геймеру.

Бейнбриджем образ религии, игрока и нашего будущего только затем, чтобы «оттенить» (негативным образом) действительно важное?

Но, если «EGOTS» все же не является интеллектуальной провокацией, в заключение стоит поставить вопрос о том, почему для новой техноутопии не интересен опыт «сверх» среднего во многих смыслах? И специфично ли это именно для современности?

Один из главных создателей утопии модерна никогда не скрывал, что Государство-Левиафан – это, в первую очередь, инструмент защиты от опасностей и угроз социального бытия; Т. Гоббс называл себя и страх близнецами, поскольку мать разродилась им преждевременно, испугавшись прибли-Непобедимой армады. Наш современник (автор графических романов и монографии, посвященной «культу супергероев») также рисует картину своего взросления в условиях глобального страха: «По телевизору первые астронавты боролись за эфирное время с гнетущими сценами из Хиросимы и Вьетнама, и иного выбора не было – либо Атомная Бомба, либо Космический Корабль. Я-то свой выбор уже сделал, но холодная война, перетягивание каната между Апокалипсисом и Утопией становились невыносимы» [10. С. 6]. В отношении цифровой религии эти же интенции подчеркивает Г. Грив: «Цифровая религия уникальна в том смысле, что с помощью цифровых медиатехнологий она способствует канализации страхов, порождаемых текучей современностью, синтезируя в единое целое религиозные метанарративы и идеологию цифрового общества» [11. Р. 110]. И сам Бейнбридж, цитируя Лавкрафта о бесконечной вариабельности мироздания, тут же оговаривается: «Мы живем на спокойном острове невежества посреди черных морей бесконечности, но это не означает, что мы должны путешествовать далеко» [2. Р. 115]. Тогда как опыт «сверх» обычного – всегда риск: «риск веры» или пренебрежение данными механиками игры в поиске своих решений.

Современные утопии часто производят впечатление смелой мысли, а их критики обвиняются в консерватизме и зашоренности. Однако внимание к «исключенному» в концепции «геймификации» будущего показывает, что дело по-прежнему в страхе и попытках укрыться за некой «машиной» – в полном согласии с этимологией μηχανή: «обманка, уловка, заставляющая природу работать на человека». Новая утопия ведет очень «осторожную игру», не заглядывая в «темные области» неочевидного и неожиданного (hic sunt dracones!). Она исключает те потенции личности и культуры, которые связаны с принятием контингентности реальности и личности как всегда открытой возможности быть иным.

Несмотря на новые декорации, в которых человек ощущает головокружение от якобы безудержного обновления, этот футуристический сценарий предлагает старые ответы и, соответственно, возвращение на исхоженные культурой пути.

Литература

- 1. *Inside* the First Church of Artificial Intelligence. URL: https://www.wired.com/story/anthony-levandowski-artificial-intelligence-religion/ (accessed: 27.09.2020).
- 2. Bainbridge W.S. EGODS: Faith versus Fantasy in Computer Gaming. Oxford University Press, 2013.

112 С.В. Оболкина

- 3. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. URL: https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnuyu_epoh u.html#0 (дата обращения: 27.09.2020).
- 4. Bainbridge W.S. Religion for a Galactic Civilization // Institute for Ethics and Emerging Technologies. URL: https://ieet.org/index.php/IEET2/more/3330 (accessed: 27.09.2020).
- 5. *Мойжелс Л.* Dragon Age: Inquisition: христианское высказывание в постсекулярном мире // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 41–68.
- 6. Шюų А. О множественных реальностях / Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с., 2004. 1056 с.
- 7. Kirby D. Fantasy and belief: Alternative religions, popular narratives and digital cultures. Sheffield and Bristol, CT: Equinox, 2013.
 - Агамбен Д. Магия и счастье // Профанации. М.: Гилея, 2014. 112 с.
- 9. Корецкая M.A. § 9. Виртуальная война в терминах господства: в поисках утраченной суверенности // Медиафилософия XII. Игра или реальность? Опыт исследования компьютерных игр. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 498 с.
- 10. Моррисон Γ . Супербоги. Как герои в масках, удивительные мутанты и бог солнца из Смолвиля учат нас быть людьми. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 576 с.
- 11. *Grieve G.P.* Digital religion // Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds / ed. by H. Campbell. New York, 2013. P. 104–118.

Svetlana V. Obolkina, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: Obol2007@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 105–113.

DOI: 10.17223/1998863X/64/10

$\it EGODS$ BY WILLIAM SIMS BAINBRIDGE: GUARDING THE FUTURE OR THE PAST?

Keywords: William Sims Bainbridge; digital religion; digital utopia; transhumanism; computer game; gamer; "electronic gods"; "technomagic"

The article examines the relevant theme of "virtualization" of culture and religion, which is actively developing in the transhumanism. One of the concepts of the "digital future" is being developed by William Sims Bainbridge in his book EGods: Faith versus Fantasy in Computer Gaming; it is the main source of the analysis of digital utopia per se and the role of religion in it. The religious hypothesis of Bainbridge is considered, according to which the past of religion appears in the form of games and fantasies; therefore, the religious dimension in modern video and computer games is a prototype of the future "new religion". In the article, conclusions are drawn that modern utopia represents development in the spirit of the apocalypse, first, transforming it into a secular form and, second, offering a "lite" option that can now interest culture not only as an idea, but also as a business project. Therefore, the article identifies the conceptual conditions fulfilling which gives this utopia a chance to influence the development of culture. It is shown that these conditions are related to the methodological approach for the exclusion of a whole range of phenomena - in relation to both religious and gaming experience. It is substantiated that precisely the conceptually "excluded" turns out to be the most important and specific both for the experience of a computer game and for religion – this is one of the important conclusions that can be drawn from Bainbridge's arguments. It is shown that the concept, promising a radical renewal, in its essence acts as a variant of the old utopias; the "new religion" exploits the cognitive resources of the "techno-magic"; the intentions that bring to life the idea of virtualization are based on the rejection of the authentic. The active development of the new utopia is not caused by the needs of renewal, but by the intentions of returning to the "proven" versions of the past culture.

References

- 1. Levandowski, A. (2017) *Inside the First Church of Artificial Intelligence*. [Online] Available from: https://www.wired.com/story/anthony-levandowski-artificial-intelligence-religion/ (Accessed: 27th September 2020).
- 2. Bainbridge, W.S. (2013) EGODS: Faith versus Fantasy in Computer Gaming. Oxford University Press.

- 3. Devis, E. (n.d.) *Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnuyu epokhu* [Technognosis: Myth, Magic and Mysticism in the Information Age]. Translated from English. [Online] Available from: https://royallib.com/read/devis_erik/tehnognozis_mif_magiya_i_mistitsizm_v_informatsionnuyu epohu.html#0 (Accessed: 27th September 2020).
- 4. Bainbridge, W.S. (n.d.) *Religion for a Galactic Civilization*. [Online] Available from: https://ieet.org/index.php/IEET2/more/3330 (Accessed: 27th September 2020).
- 5. Moyzhels, L. (2019) "Dragon Age: Inquisition": Christian Message in a Post-Secular World. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom State, Religion and Church in Russia and Worldwide.* 3. pp. 41–68. (In Russian).
- 6. Schutz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A world that glows with meaning]. Translated from German and English. Moscow: ROSSPEN.
- 7. Kirby, D. (2013) Fantasy and belief: Alternative religions, popular narratives and digital cultures. Sheffield and Bristol, CT: Equinox.
- 8. Agamben, D. (2014) *Profanatsii* [Profanations]. TRanslated from Italian by K. Tokmachev. Moscow: Gileya.
- 9. Koretskaya, M.A. (2016) Virtual'naya voyna v terminakh gospodstva: v poiskakh utrachennoy suverennosti [Virtual war in terms of domination: in search of lost sovereignty]. In: Svachuk, V. *Mediafilosofiya XII. Igra ili real'nost'? Opyt issledovaniya komp'yuternykh igr* [Media Philosophy XII. Game or reality? Researching computer games]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
- 10. Morrison, G. (2019) Superbogi. Kak geroi v maskakh, udivitel'nye mutanty i bog solntsa iz Smolvilya uchat nas byt' lyud'mi [Supergods: What Masked Vigilantes, Miraculous Mutants, and a Sun God from Smallville Can Teach Us About Being Human]. Translated from English. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- 11. Grieve, G.P. (2013) Digital religion. In: Campbell, H. (ed.) *Digital religion: Understanding religious practice in new media worlds*. New York: Routledge. pp. 104–118.

УДК 177

DOI: 10.17223/1998863X/64/11

Л.В. Плюснин

МЕСТО МОРАЛИ В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЕКТАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Статья ставит своей целью определить ситуацию, при которой моральное содержание в современных практиках конструирования будущего может быть найдено. Исследуется вопрос того, можно ли найти деонтологическое моральное содержание в практиках конструирования будущего, и если да, то какое и в каких типах будущего.

Ключевые слова: мораль, науки о будущем, образ будущего, коммуникативная рациональность, философия языка

Введение

Проблематика будущего интересовала человека практически на всем протяжении его истории. Если раньше человек использовал разнообразные мистические и религиозные практики для того, чтобы проникнуть в тайну будущего и управлять им, то сегодня в его арсенале есть естественная наука и статистическое прогнозирование, и, что еще более важно, сегодня у него есть науки о будущем (futures studies). Несмотря на то, что науки о будущем – это достаточно молодые дисциплины (их история как направления насчитывает не более 60-70 лет [1. С. 9]), они проделали огромный путь до современного состояния. Сегодня они представляют будущее как древо возможных исходов развития событий [2. Р. 373], в рамках которого человек делает выбор между приемлемыми и неприемлемыми для него альтернативами [Ibid.], тогда как еще в 90-х гг. ХХ в. будущее воспринималось как в значительной степени детерминированная последовательность событий, сущность которых можно открыть посредством правильного метода научного исследования. Об этом свидетельствуют выбор в пользу методов прогностического характера и внимание к технологиям в ХХ в. [1, 3] и выбор в пользу методов, направленных на сценирование и внимание к социально-политическим трансформациям в XXI в. (в рамках форсайт-исследований) [4. Р. 17-19]. Долгосрочную тенденцию перехода от прогностических методов к методам конструирования (в частности, к методам, связанным со сценированием и картированием) подтверждают и исследования, анализирующие публикационную активность [5. Р. 7]. Иными словами, основной вопрос: «Как можно узнать будущее?» сменился на вопрос «Как можно построить будущее?».

Такая трансформация позволяет предположить, что будущее может быть наполнено моральным содержанием. Вполне вероятно, что именно имплицитное содержание морального смысла в том, как мы думаем и говорим о будущем, стало причиной этого сдвига на стыке веков, однако можно ли здесь говорить именно о моральности в классическом смысле — открытый вопрос, который нуждается в дополнительном осмыслении.

Моральное содержание (то, что считается содержательно морально значимым) в зависимости от принятой концепции морали будет отличаться. Для телеологических концепций морально значимым является понятие о благе, а для деонтологических — понятие морального долга. В рамках телеологических концепций благо определяется независимо от правильности [6. С. 35], что приводит к некоторым проблемам в области моральной оценки будущего (см. параграф 3). В этой связи основное внимание в этой статье будет уделено деонтологическим аспектам мышления о будущем.

Классиком деонтологической моральной теории безусловно является Иммануил Кант. В ключевом тексте «Критика практического разума» он проводит различие между гипотетическими и категорическими императивами. В первом случае императив «определяет условия причинности разумного существа как действующей причины только в отношении результата и достаточности для него» [7. С. 393]. Во втором случае императив «определяет только волю» вне всякого отношения к результату [Там же]. Таким образом, происходит разделение моральных поступков (совершенных в соответствии с категорическим императивом) и нормативно правильных, но в то же время не моральных (совершенных в соответствии с гипотетическим императивом). Изложенная Кантом точка зрения будет образцом классического деонтологического морального содержания в рамках настоящего исследования.

Для деонтологической традиции характерно понимание морального поведения как поступков, совершенных соразмерно с долгом, т.е. только из уважения к нравственному закону [Там же. С. 471]. Деонтологи, очевидно, столкнулись со значительными трудностями и многообразием точек зрения при попытке сформулировать содержание морального закона. В работе «Насколько разумна власть долженствования» Юрген Хабермас замечает, что «он (Кант) исходит из того, что при формировании морального суждения каждый с помощью своей фантазии способен в надлежавшей мере войти в положение каждого другого» [8. С. 99], однако это неизбежно полагает наличие трансцедентального взаимопонимания относительно однородных жизненных обстоятельств и интересов [Там же], иными словами, предполагает значительное подобие морального мышления. Плюрализм субъективного опыта и неоднородность субъективных характеристик делают наличие такого подобия весьма сомнительным.

Сложности с формулированием морального закона подтолкнули этику к поиску альтернатив, и, по всей видимости, такой альтернативой стали моральные конвенции. Хабермас пишет, что для того чтобы принцип категорического императива мог быть выполним (в отсутствие трансцендентального взаимопонимания), необходимо создать ситуацию, в которой моральные нормы могут быть проверены посредством публичной дискуссии [Там же]. Таким образом, фокус моральной дискуссии сместился с содержательных положений (норм) на принципы их установления. Джон Ролз, излагая теорию справедливости, писал, что «социальная ситуация справедлива, если в результате такой последовательности гипотетических соглашений мы могли бы договориться об общей системе правил, которые определяют ситуацию» [6. С. 27]. Важно здесь не то, какие принципы справедливости предлагает Ролз, но то, что в очередной раз мы сталкиваемся с необходимостью публичной моральной коммуникации.

116 Л.В. Плюснин

Потребность в организации, во всяком случае нормативной коммуникации, ощущают и практики в процессе конструирования будущего. Однако не совсем ясно, является ли это скрытой потребностью в практическом моральном конструировании или вектором на инструментальную регламентацию будущего.

Проблема заключается в том, что, как было отмечено ранее, еще совсем недавно наличие морального содержания в том, как мы говорим и думаем о будущем, не было предметом рассмотрения для исследователей будущего, хотя и могло скрыто содержаться в обсуждаемых понятиях. Сегодня можно увидеть методологический, но не теоретический фокус на моральную проблематику, что очевидным образом образует лакуну для исследователей проблем морали.

В этом смысле представляется значимым понять: можно ли найти моральное содержание в предложениях о будущем, и если да, то какое? Является ли оно утилитаристским следствием максимизации счастья при минимизации несчастья для всех или в этих предложениях есть место «кантианскому» долгу?

В качестве основного тезиса этой статьи мы примем следующее утверждение: моральное содержание в предложениях о будущем, безусловно, присутствует, однако представляет собой ослабленное кантианское долженствование в духе уважения к конвенциальному согласию (в духе Хабермаса или Ролза).

Чтобы обосновать заявленный тезис, потребуется обратиться, с одной стороны, к инструментарию современной моральной теории, а с другой стороны, к инструментарию философии языка. Во-первых, будет исследована природа перехода от эпистемологического взгляда на исследование будущего к онтологическому с целью определить ситуацию, при которой моральное содержание в принципе может быть найдено. Во-вторых, сами предложения о будущем будут исследованы на предмет наличия моральной составляющей. В-третьих, на основании выводов из первого и второго параграфа будет исследован характер морального долженствования в ситуациях конструирования будущего.

1. Почему моральный смысл в предложениях о будущем может быть найден?

Для современной науки о будущем, как было показано во введении, характерен достаточно серьезный методологический сдвиг. Этот сдвиг выражается в полемике между сторонниками онтологического и эпистемологического фокуса в области исследования будущего [9. Р. 24–25]. Сторонники первого фокуса стараются разработать наиболее корректный методологический аппарат для описания предмета исследования, а вторые разрабатывают наиболее эффективные методики для его прогнозирования. Академическое доминирование последних (особенно до 2000-х гг. XXI в.), фокус инвестиций крупных компаний и грантовой поддержки фондов привели тому, что будущее все еще в значительной степени воспринимается через вероятностные прогностические модели. Негативным следствием такого подхода является эффект «колонизации будущего», когда создается иллюзия контроля и предсказуемости будущего на основании фиксации каузальных связей, хотя неиз-

бежная ангажированность исследователя предшествующим опытом и опора на уже известные паттерны приводят к отражению прошлого в будущем, но никак не к открытию будущего как объективной реальности [9. Р. 28]. Риэл Миллер, комментируя работу Джея Огилви [10], предлагает онтологический бергсонизм и теорию антиципации как вариант ухода от прогностического колониализма: «Важно как мы думаем о будущем, а не что мы думаем о будущем» [9. Р. 30]. Ключевой элемент этой теории – это наличие образа будущего через особую сценарную позицию (раскрытия возможностей из настоящего). Важное отличие от эпистемологического подхода здесь заключается в том, что происходит отказ от точки зрения, что будущее можно знать, однако предполагается, что его можно строить посредством акта свободной воли.

Онтологический бергсонизм в рамках исследований будущего также привносит модус «возможного». Если раньше будущее воспринималось скорее как неизвестная часть сущего, то сегодня его находят скорее в модусе «возможного» с возможностью выбора альтернатив. Именно такая постановка вопроса позволяет говорить о каком-либо моральном содержании, поскольку исключительно в рамках модуса «сущего» моральное содержание отыскать проблематично. В свое время это породило объемную дискуссию, однако, в отличие от ситуации исследователей будущего, модус «сущего» противопоставлялся модусу «должного» в области конструирования морали. Свой след в этой дискуссии оставили такие известные философы, как Д. Юм, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, К.-О. Апель и Ю. Хабермас. Поскольку модус «возможного» неразрывно связан с «сущим» потенциально, его явно недостаточно для поиска морального содержания в том, как мы мыслим и говорим о будущем, в связи с чем анализ проблематики модуса «должного» представляется перспективным.

Проблема соотношения «сущего» и «должного» выглядела так: можно ли выстраивать интерсубъективную мораль на основании наших знаний «о сущем» (например, естественных законах природы) или мы неизбежно должны склоняться к моральному трансцендентализму и апеллировать к чисто интеллектуальному чувству долга [11. С. 91–92]? Сложность этой проблемы заключалась в том, что отказ от классического трансцендентализма, произошедший в начале XX в., привел к тому, что аргументация моральных трансценденталистов (в первую очередь, Канта) утратила убедительную силу, однако в то же время негативные последствия принятия аугментации моральных материалистов (в первую очередь, Гегеля и Маркса) были очевидны и даже убедительно продемонстрированы в реальном мире некоторыми политическими акторами [12. С. 263–277].

Эту проблему пыталась разрешить трансцендентальная прагматика К.-О. Апеля, обратив пристальное внимание на процедуры морального конструирования. Апель сосредоточился на выведении логически необходимых правил формирования морального законодательства, в частности, установив единственное логически приемлемое отношение смысла и намерения говорящего [13. С. 231]. В дальнейшем «коммуникативная рациональность» дедуцировала список правил нерепрессивной коммуникации и принципов универсализма для этического конструирования.

Хабермас, через концепцию «коммуникативной рациональности», в рамках которой признаются рациональными только те суждения, что отвечают 118 Л.В. Плюснин

требованиям дискурсивной теории D [14. С. 65–66] и универсалистской теории U [15. С. 103], конкретизировал апелевское стремление достигнуть идеальную речевую ситуацию в рамках идеального коммуникативного сообщества [12. С. 329–330]. Эта конкретизация хоть и остается в рамках заданного Апелем дуалистического подхода [Там же], но в то же время позволяет говорить о конкретном механизме принятия норм как общезначимых. В рамках дуализма Апеля нормы и суждения претендуют на этическую общезначимость как для реальных коммуникантов [7. С. 95–96], так и для трансцендентального коммуникативного сообщества [12. С. 329–330].

О совместимости данного рассуждения с проблематикой морального содержания мышления о будущем свидетельствует современный фокус исследований как последователей Хабермаса, так и его самого. Исследования касаются электоральных процедур в демократических государствах [16. Р. 141– 158; 17. Р. 546–557], которые, по мнению авторов, наиболее похожи на концепт «неограниченного коммуникативного сообщества».

Электоральные процедуры в данном случае просто пример, однако если обратиться к их смыслу, то станет ясно, что в рамках этих процедур происходит выбор из возможных альтернатив и аргументативная коммуникация с целью обосновать значимость того или иного варианта.

Таким образом, будущее пребывает в модусе «возможного» как отражение разных альтернатив «сущего» и содержит в себе акт свободного выбора из предложенных альтернатив. Акт выбора, по всей видимости, сопровождается коммуникацией особого рода, направленной на обоснование тех или иных моральных положений. Акт выбора может быть мотивирован как из чувства долга, так и из какого-либо другого мотива, например оценки результата. Эта простая модель оставляет место для поиска морального содержания в мышлении о будущем. Поскольку наше мышление наиболее показательно отражается в языке, далее следует перейти к анализу предложений о будущем.

2. Предложения о будущем и их моральное содержание

Предложения о будущем условно можно разделить на две основные группы. В первом случае мы имеем дело с описанием некоторого естественного положения вещей в будущем. Например, предложение «Завтра пойдет дождь» выражает некоторое естественное положение вещей, которое может быть в той или иной мере детерминировано климатическими факторами. В то же время предложение «Завтра будем строить дом.» естественное состояние не отражает (если вы не освоили технологию самостроящихся домов). Более того, дома как такового еще в природе нет (предположим, что его даже не начинали строить), следовательно, речь не идет о каком-то существующем объекте в физическом мире, иными словами, мы не имеем явного референта. В этом смысле эти предложения сильно ограничены с точки зрения референтивной семантики [2. Р. 372—373].

Обсуждение вопроса истинности выглядит перспективным, потому что в случае конвенций истинность (признание истинности) влияет на то, какие суждения мы принимаем и считаем достойными достижения, а в случае с классической моралью отсылает нас к поиску несомненных оснований.

Проблематика истинностного значения предложений о будущем имеет довольно давнюю историю в философии. Первым данную проблему поднял

Аристотель в знаменитом вопросе «Должно ли случиться завтра морское сражение?». Основным предметом исследования в этой задаче становятся «единичные высказывания о будущих событиях» [18. С. 261]. Может ли быть истинным высказывание о том, что завтра произойдет, например, «морское сражение»? Если ответ утвердительный, то следует либо поставить под сомнение общезначимость закона исключенного третьего в логике высказываний, либо признать неизбежный фатализм последовательности событий [Там же].

Данная проблема имеет пресуппозицию, что «истинность знания делает необходимым соответствующий факт» [19. С. 345]. Аристотель выходит из поставленной им проблемы следующим образом: он причисляет высказывания о будущем к «неопределенным», т.е. они не могут иметь истинностное значение до того, как произойдут» [Там же. С. 262]. Здесь он идет по пути ограничения общезначимости закона исключенного третьего для предложений о будущем. Однако, учитывая различие потенциального сущего и реального сущего, можно говорить о том, что (в примере у Аристотеля) закон исключенного третьего оказывается применимым для сущего потенциального, но не для реального сущего. Для него этот закон сохраняется в том, что либо «морское сражение произойдет, либо морское сражение не произойдет, третьего варианта не существует» [18. С. 263].

Эта логическая дилемма вызвала достаточно широкий спектр дискуссий о фатализме. В частности, Боэций, вслед за Аристотелем, рассуждал о темпоральных проблемах детерминации. «Он исходит из постулатов: во-первых, каузальная предопределенность событий во времени не абсолютна. То есть то, что солнце взойдет, предопределено для солнца еще до того, как оно взошло, но не предопределено для человека [20. С. 281]. Во-вторых, Бог как особая сущность объемлет в себе все возможные события, в том числе и будущее события, тем самым предвидя их [Там же. С. 276]. В-третьих, божественное знание не может быть ошибочным» [19. С. 340; 20. С. 278]. Исходя из этих посылок, Боэций приходит к выводу о том, что, несмотря на ограниченность каузальности, факт всезнания Бога приводит к эпистемологическому фатализму [19. С. 341; 20. С. 289-290]. Боэций выходит из этого затруднения через разрушение противоречия между первой и двумя последующими посылками. Как полагает Е.В. Борисов, Боэций делает это на основании того, что знание Бога имеет вневременной характер, и поэтому противоречия нет, как нет и эпистемологического фатализма» [19. С. 341]. Факт всезнания Бога не нарушает темпоральную каузальность, поскольку это знание не находятся во времени, тогда как знание человека и сама каузальность находятся во времени.

Очевидно, теологическая проблематика не является предметом нашего исследования, однако интересно то, как Гилберт Райл подошел к решению точно такой же проблемы, модифицировав дилемму Боэция. Райл исходит из положений, что, во-первых, следует отойти от теологической онтологии: для Райла не имеет значения, существовал ли прогноз в сознании Бога или в каком-либо ином сознании. Во-вторых, истина в варианте Райла имеет темпоральную локализацию и не является вечной. Таким образом, Райл более не может воспользоваться решением Боэция.

Райл предлагает понимание прогноза как некоторой пропозиции, истинностное значение которой может быть известно до того, как случится собы-

120 Л.В. Плюснин

тие, которое оно означает. «Если такое высказывание было истинно, то вполне вероятно, что оно было истинно в любой момент прошлого» [19. С. 344], что опять же приводит к эпистемологическому фатализму. Райл выходит из этого следующим образом: он утверждает, что семантическая связь между высказыванием и событием ограничена темпорально, т.е. невозможно высказать пропозицию о том, чего еще нет. Таким образом, любая пропозиция, содержащая прогноз, будет говорить нечто не о реальном событии, которое еще не произошло, а о его вымышленном двойнике» [Там же].

Что это дает нам в контексте проблемы статьи? В первую очередь, мы можем принять возражения Райла в отношении семантической связи предложения и предмета. Иными словами, предметом предложения о будущем будет вымышленный двойник реального события, даже если высказывание и событие совпадут в точности, поскольку невозможно высказать пропозицию о предмете без существования самого предмета. Этот тезис будет справедлив в случае, когда предложение описывает естественное состояние мира, но будет ли он справедлив в случае «неестественного» состояния мира? По всей видимости, да, поскольку мышление предшествует осознанному действию, а результат аффективных действий вполне можно отнести к «естественному состоянию».

Уже упомянутое морское сражение может быть предопределено явными или неявными фактами, которые вызывают его с необходимостью, но данными фактами могут быть не только силы природы (судьбы или порядка вещей), но и решения людей. Более того, в современном дискурсе о будущем человеческий фактор признается определяющим [2, 21, 22. Р. 69]. Как было сказано ранее, мы будем называть это «неестественным» состоянием, т.е. состоянием, где вмешательство человека неизбежно для того, чтобы та или иная пропозиция о будущем была бы истинной.

Что касается вопроса истинности у таких пропозиций, то Хабермас полагал, что «истина» и «ложь» для пропозиций, утверждающих некоторый факт, и для нормативных предложений с претензией на значимость – это не одно и то же [23. С. 93–98], поскольку речь идет не о наличии факта в реальном мире или о логической непротиворечивости предложения, а о принятии или непринятии некоторых положений субъектом. Очевидно, что эти термины в приложении к морали имеют значительно меньшие притязания на необходимость. Сложность здесь в том, что в случае с классической деонтологической моралью истинность этих содержательных положений необходимо истинна, тогда как в случае более современного конвенционального понимания их необходимость ограничена коммуникативным сообществом.

Логичным будет предположить, что предложения о «неестественном» состоянии будущего могут иметь моральную составляющую, поскольку имеют дело с актом свободной воли. Такое предложение своего рода гибрид, поскольку одна половина предложения состоит из морального высказывания, т.е. говорит о действии, а вторая половина утверждает некоторую дескрипцию о будущем. Например, нужно отдать приказ кораблям выдвигаться, чтобы завтра произошло морское сражение. В этом примере мы имеем моральную часть «нужно отдать приказ» и дескриптивную «завтра произойдет морское сражение». В этом контексте предполагается, что морское сражение с высокой долей вероятности не может произойти, если не будет отдан при-

каз кораблям выдвигаться. Невольно пример Аристотеля оказался крайне удачным, поскольку в нем огромную роль играют действия людей: очевидно, что если бы речь шла, например, о том, «будет ли завтра теплая погода?» то вряд ли можно было бы говорить о моральном содержании, так как речь бы шла о естественном состоянии.

3. Классическое и неклассическое моральное содержание предложений о будущем

Возвращаясь к обозначенной проблеме статьи и по совместительству к кантианской этике, важно помнить, что моральное содержание в классическом смысле содержится только в разуме и соотносится с моральным законом, но никак не черпается в физическом мире [6. С. 31]. С опорой на материал Райла можно говорить о том, что предложения о будущем этому критерию соответствуют.

Главным вопросом здесь является то, что же является мотивацией или соразмерно с чем выполняется действие. Если действие мотивировано исключительно нравственным законом (каким бы он ни был), то можно говорить о классическом деонтологическом моральном содержании. В противном случае можно говорить о нормативности, но не о морали (во всяком случае исходя из кантианства).

Как было сказано во введении, достаточно наивно полагать, что трансцендентальный моральный закон вообще может быть найден, однако, как показала дискуссия вокруг соотношения «сущего» и «должного», возможно построение процедуры (трансцендентальная прагматика и теория коммуникативного действия), которая будет выполнять функцию морального закона для реального коммуникативного сообщества. В этом смысле процедура моральной коммуникации (и ее результаты) может быть объектом кантианского чувства уважения к моральному закону, поскольку будет удовлетворять критериям универсальности и беспристрастности.

В то же время это, естественно, уважение не к универсальному моральному закону в чистом виде, а своего роду симулякру морального закона, что не позволяет назвать это моральное содержание классическим. Фактически речь идет о моральной оценке, которая формирует «царство ценностей» [24. С. 72] или «царство целей» [25], соразмерно которым в дальнейшем будет определяться, достойно ли будущее воплотиться в жизнь или нет.

Безусловно, в рамках этой моральной оценки будущее может быть оценено совершенно с разных позиций, и сама по себе оценка еще не наполнена моральным содержанием. В частности, можно оценивать будущее с позиции эффективности, однако эффективность далеко не всегда является основой справедливости (в данном случае справедливость и моральность взаимозаменяемы, и то и другое — суть соответствие некоторому необходимому порядку). Как отмечает Ролз, можно привести достаточно обширное число контрпримеров, когда система может быть эффективной, но не справедливой по самым разным причинам [6. С. 74]. Поскольку не каждая моральная оценка может быть справедливой, а следовательно, моральной, необходимо признать, что моральным содержанием наполнено только то будущее, которое оценивается с позиции или всеобщего блага или ценностей личности (как это

122 Л.В. Плюснин

делают некоторые виды утилитаризма, с одной стороны, и моральный трансцендентализм – с другой).

В этой связи будет полезно обратиться к аргументации, которую предлагает Ролз в свете этого различения. Он интерпретирует концепцию всеобщего блага в утилитаристском ключе. «Так как принцип (утилитаризма) для индивида заключается в наибольшем возможном достижении собственного благополучия, реализации его системы желаний, принцип для общества будет заключаться в преследовании наибольшего возможного благополучия группы, в реализации всеобъемлющей системы желаний, складывающихся из желаний индивидов» [6. С. 35]. В этом смысле то, что понимается под «благом», известно – следовательно, действия моральны, если ведут к заранее определенному благу. Это порождает проблему. Если удовлетворение от желаний ценно само по себе, можно представить социум, где люди получают удовольствие от страдания других. В рамках утилитаризма такие нормы должны быть отброшены, поскольку они социально деструктивны, а благополучие эффективнее максимизируется иным способом. Однако необходимость максимизации благополучия ничего не сообщает о том, что конкретно следует максимизировать, поскольку от субъекта к субъекту и, соответственно, от социума к социуму предмет будет отличаться [Там же]. В случае социальной экстраполяции «общественное благо» может быть найдено только апостериорно, например, только апостериорно мы понимаем, что наслаждаться страданиями людей социально деструктивно. Это вряд ли позволяет использовать такую концепцию применительно к конструированию будущего, поскольку будет способствовать эпистемологическому колониализму в отношении будущего. Таким образом, моральная оценка объектов конструирования с позиции ценности личности выглядит более перспективной, поскольку заранее позволяет определить характеристики конструирования.

Определенные механизмы работы с позиции ценности личности возможны в случае с «вероятным» и «возможным» будущим (обычно в рамках поиска наиболее приемлемых состояний в возможном будущем, исходя из наиболее вероятного сценария развития событий). Однако наиболее эффективна оценка с позиции «ценности личности» в отношении «предпочтительного (preferable) будущего, поскольку в этом типе будущего эти ценности могут быть репрезентированы. Данный тип будущего охватывает «нормативные варианты, признанные таковыми с учетом индивидуальных либо коллективных критериев» [5. Р. 6]. Для такой работы характерны методы, связанные с сценированием и ретрополяцией (движение от некоторой картины будущего к сегодняшнему дню) [Ibid.]. Важно для нас здесь то, что «предпочтительное» будущее, в отличие от «возможного» и «вероятного», принципиально может быть очищено от субъективных ощущений, интересов и необходимостей биологического выживания, поскольку является интеллигибельным. Из этого не следует, что оно необходимо очищается от этих характеристик, однако сама возможность этого позволяет говорить о процедурах, способных максимально эффективно обеспечить это очищение.

Иными словами, именно в рамках дискурса о «желаемом» будущем возможно интеллектуальное моральное конструирование, как это предполагала классическая деонтология (естественно, принимая во внимание историчность

субъекта и его включенность в мир, о чем замечали Хабермас и Мартин Хайдеггер).

Заключение

Подводя итог, заметим, что моральное содержание в том, как мы думаем и говорим о будущем, если и может быть найдено, то наиболее вероятно, оно, во-первых, будет носить конвенциональный характер, поскольку убедительная сила классического трансцендентализма и морального материализма сегодня выглядит сомнительной.

Во-вторых, процедура конвенции и соответственно ее результаты могут быть предметом кантианского чувства беспристрастного уважения к универсальной норме и таким образом наполнять будущее классическим моральным содержанием с определенными ограничениями, в том случае если удовлетворяют требованиям к такого рода процедурам, подробно изложенным в работах Апеля и Хабермаса.

В-третьих, моральная оценка, исходящая из принципа ценности личности, является наиболее предпочтительной для объектов, конструируемых в будущем, и наиболее полно репрезентируется в категории «предпочтительное будущее».

В-четвертых, нахождение морального содержания в категории «предпочтительного будущего» позволяет говорить о близости этого содержания к деонтологической этической концепции и принципиальной возможности универсального морального содержания, поскольку, во-первых, «предпочтительное» будущее всегда ментальная конструкция, с весьма условной связью с «сущим» и «возможным». Во-вторых, в предпочтительном будущем может быть наиболее полно репрезентированы ценности личности, которые в том или ином роде являются моральным содержанием для деонтологических концепций.

Таким образом, моральное содержание в современных проектах исследований будущего наиболее явно проявляется в рамках работы с «желаемым будущим» при условии построения и соблюдения требуемых коммуникативных процедур, к которым впоследствии можно проявлять чувство кантианского уважения на основании чувства универсальности и беспристрастности.

Литература

- 1. Соколов А.В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1, № 1. С. 8–15. URL: https://foresight-journal.hse.ru/data/2010/12/31/1208181000/01.pdf (дата обращения: 06.06.2018).
 - 2. Niiniluoto I. Futures studies: science or art? // Futures. 2001. № 33. P. 371–377.
- 3. *Кинен М.* Технологический Форсайт: международный опыт // Форсайт. 2009. Т. 3, № 3. С. 60–67. URL: https://foresight-journal.hse.ru/data/2010/12/31/1208184343/10-keenan.pdf (дата обращения: 06.06.2018).
- 4. *Popper R., Keenan M., Miles I., Butter M., Sainz G.* Global Foresight Outlook 2007: Mapping Foresight in Europe and the rest of the World, The EFMN Annual Mapping Report. European Commission, EFMN, 2007. 66 p. URL: http://projects.mcrit.com/foresightlibrary/attachments/article/1066/efmn.global.foresight.outlook_Popper.et.al.2007.pdf (accessed: 26.07.2021).
- 5. Kishita Y. Foresight and Roadmapping Methodology: Trends and Outlook // Foresight and STI Governance. 2021. T. 15. № 2. P. 5–11.
- 6. *Ролз Дж.* Теория справедливости : пер. с англ. / науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 536 с.
- 7. *Кант И*. Критика практического разума / пер. Н.М. Соколова // Собр. соч. в 8 т. / под общ. ред. А.В. Гулыги. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 373–566.

124 Л.В. Плюснин

- 8. *Хабермас Ю*. Насколько разумна власть долженствования // Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2008. С. 51–119.
- 9. *Miller R*. Being without existing: the futures community at a turning point? A comment on Jay Ogilvy's "Facing the fold" // Foresight The journal of future studies, strategic thinking and policy. 2011. Vol. 13, № 4. P. 24–34.
- 10. Ogilvy J. Facing the fold: from the eclipse of Utopia to the restoration of hope // Foresight The journal of future studies, strategic thinking and policy. 2011. Vol. 13, № 4. P. 7–23.
- 11. *Буланенко М.Е.* Понятие истины в современной науке и концепция коммуникативной рациональности // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2010. Т. 3, № 55. С. 90–99.
- 12. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики. К проблеме рационального обоснования этики в век науки // Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. С. 263–344.
- 13. Апель К.-О. Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. С. 193–237.
- 14. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск: ЗАО «Экономпресс», 2000. 224 с.
- 15. *Хабермас Ю*. Этика дискурса: замечания к программе обоснования // Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., под ред. Д.В. Скляднева. СПб. : Наука, 2001. С. 67–173.
- 16. Engelken-Jorge M. Two Approaches to Communicative Rationality: Analysing Democratic Deliberation and Collective Learning Processes. // Revista Española de Ciencia Política. 2016. № 41. P. 141–158
- 17. *Habermas J.* Democracy in Europe: why the development of the EU into a transnational democracy is necessary and how it is possible // European Law Journal. July 2015. Vol. 21, № 4. P. 546–557.
- 18. Спешилова Е.И. Истинностное значение высказываний о будущих единичных событиях у Аристотеля // ΣХОЛН. 2015. Т. 9. № 2. С. 260–264.
 - 19. Борисов Е.В. Боэций и Райл о фатализме // ∑ХОЛН. 2014. Т. 8, № 2. С. 339–347.
- 20. *Боэций*. Утешение философией // Утешение философией и другие трактаты / пер. В.И. Уколовой и М.Н. Цейтлина. М.: Наука, 1990. С. 190–291.
- 21. Бассей М. Концептуальные основы и эффекты форсайт-исследований: классификация и практика применения // Форсайт. 2013. Т. 7, № 3. С. 64–73. Электрон. версия печат. публ. URL: https://foresight-journal.hse.ru/data/2013/09/28/1277498603/6-Bussey-64-73.pdf (дата обращения: 10.06.2018).
- 22. *Voros J.* On the philosophical foundations of futures research // Knowing Tomorrow?: How Science Deals with the Future. Eburon Academic Publishers. Utrecht, 2009. 222 p.
- 23. *Хабермас Ю*. Этика дискурса: замечания к программе обоснования // Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем., под ред. Д.В. Скляднева. СПб. : Наука, 2001. С. 67–173.
- 24. *Антоновский А. Ю.* Коммуникативная рациональность внешняя и внутренняя // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 17, № 3. С. 71–77.
- 25. Blau A. Habermas on rationality: Means, ends and communication // European journal of political theory. SAGE Publishing, 2019. (6.c.)

Lev V. Plyusnin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: Levplusnin@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 114–126. DOI: 10.17223/1998863X/64/11

THE ROLE OF MORALITY IN CONTEMPORARY PROJECTS OF CONSTRUCTING THE FUTURE

Keywords: morality; futures studies; future vision; communicative rationality; philosophy of language

The article examines the phenomenon of morality in the framework of modern projects of construction and research of the future (futures studies). The article aims to determine the situation in

which the moral content in modern practices of constructing the future can be found. This issue is of interest since not so long ago the presence of moral content in how we speak and think about the future was not a subject of consideration for researchers of the future, although it could be implied in the discussed concepts. Today one can see a methodological, but not theoretical, focus on moral issues, which obviously forms a lacuna for researchers of moral problems. It seems important to understand whether it is possible to find moral content in statements about the future, and, if so, what content it is. Is it a utilitarian consequence of maximizing happiness while minimizing unhappiness for all, or is there a "Kantian" duty in these statements? The article proceeds from the fact that modern deontological philosophy was in a situation where the rejection of classical transcendentalism, which occurred at the beginning of the 20th century, led to the fact that the argumentation of moral transcendentalists (primarily Kant) lost its convincing force, but negative consequences of accepting the augmentation of moral materialists (primarily Hegel and Marx) still remain obvious. The second important premise is that difficulties with the formulation of a moral law made ethics seek alternatives, and, most likely, moral conventions became an alternative. Thus, the main thesis of the article is as follows: statements about the future possess moral content, but this content represents a weakened Kantian obligation in the spirit of respect for conventional consent (like Habermas or Rawls suggest). To substantiate the thesis, the article refers to the instruments of modern moral theory and the philosophy of language. Firstly, the article examines the nature of the transition from an epistemological view on the study of the future to an ontological one with the aim of determining the situation in which moral content can in principle be found. Secondly, the article examines statements about the future themselves for the presence of moral content in them. Thirdly, based on the conclusions from the first and second sections, the article investigates the nature of moral obligation in situations of constructing the future. The author comes to the conclusion that moral content in how we think and speak about the future, if it can be found, is most likely, firstly, to be of a conventional nature, since the persuasive power of classical transcendentalism and moral materialism today looks questionable. Secondly, the convention procedure and, accordingly, its results can be the subject of a Kantian sense of impartial respect for the universal norm and thus fill the future with classical moral content with certain restrictions if they satisfy the requirements for such procedures (detailed in the works of Apel and Habermas). Thirdly, a moral assessment proceeding from the principle of personality value is the most preferable for objects constructed in the future and is most fully represented in the category of a "preferable future". Fourthly, finding the moral content in the category of "preferred future" allows speaking about the proximity of this content to the deontological ethical concept and the fundamental possibility of universal moral content, since, firstly, the "preferred" future is always a mental construction, with a very conditional connection with the "existing" and the "possible". Secondly, in the preferred future, the values of the individual may be most fully represented; these values, in one way or another, are moral content for deontological concepts. Thus, moral content in modern projects of futures studies is most clearly manifested when working with the "preferable future" and observing the construction of and adherence to the required communication procedures, to which a feeling of Kantian respect can subsequently be shown based on a sense of universality and impartiality.

References

- 11. Sokolov, A.V. (2007) Foresight: a look into the future. *Forsayt Foresight and STI Governance*. 1(1), pp. 8–15. (In Russian). DOI: 10.17323/1995-459x.2007.1.8.15
 - 2. Niiniluoto, I. (2001) Futures studies: science or art? *Futures*. 33. pp. 371–377.
- 3. Keenan, M. (2009) Technology Foresight: International Experience. Forsayt Foresight and STI Governance. 3(3). pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17323/1995-459x.2009.3.60.68
- 4. Popper, R., Keenan, M., Miles, I., Butter, M. & Sainz, G. (2007) Global Foresight Outlook 2007: Mapping Foresight in Europe and the rest of the World, The EFMN Annual Mapping Report. European Commission, EFMN. [Online] Available from:http://projects.mcrit.com/fore-sightlibrary/attachments/article/1066/efmn.global.foresight.outlook_Popper.et.al.2007.pdf (Accessed: 26th July 2021).
- 5. Kishita, Y. (2021) Foresight and Roadmapping Methodology: Trends and Outlook. Forsayt Foresight and STI Governance. 15(2). pp. 5–11. DOI: 10.17323/2500-2597.2021.2.5.11
- 6. Rawls, J. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Translated from English by V.V. Tselishchev. 2nd ed. Moscow: LKI.
- 7. Kant, I. (1994) *Sobranie sochioneniy: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Choro. pp. 373–566.

126 Л.В. Плюснин

- 8. Habermas, J. (2008) *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory]. Translated from German by Yu.S. Medvedev. St. Petersburg: Nauka. pp. 51–119.
- 9. Miller, R. (2011) Being without existing: the futures community at a turning point? A comment on Jay Ogilvy's "Facing the fold". *Foresight.* 13(4). pp. 24–34. DOI: 10.1108/14636681111153940
- 10. Ogilvy, J. (2011) Facing the fold: from the eclipse of Utopia to the restoration of hope. *Foresight*. 13(4). pp. 7–23. DOI: 10.1108/14636681111153931
- 11. Bulanenko, M.E. (2010) Idea of truth in contemporary science and conception of communicative reality. *Vestnik tikhookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 3(55). pp. 90–99. (In Russian).
- 12. Apel, K.-O. (2001a) *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennaya, B. Skuratov. Moscow: Logos. pp. 263–344.
- 13. Apel, K.-O. (2001b) *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Translated from German by V. Kurennaya, B. Skuratov. Moscow: Logos. pp. 193–237.
- 14. Furs, V.N. (2000) Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa [The philosophy of unfinished modernity by Jürgen Habermas]. Minsk: ZAO "Ekonompress".
- 15. Habermas, J. (2001a) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka. pp. 67–173.
- 16. Engelken-Jorge, M. (2016) Two Approaches to Communicative Rationality: Analysing Democratic Deliberation and Collective Learning Processes. *Revista Española de Ciencia Política*. 41. pp. 141–158.
- 17. Habermas, J. (2015) Democracy in Europe: why the development of the EU into a transnational democracy is necessary and how it is possible. *European Law Journal*. 21(4). pp. 546–557. DOI: 10.1111/eulj.12128
- 18. Speshilova, E.I. (2015) The truth-value of future contingent propositions in Aristotle. ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition. 9(2). pp. 260–264. (In Russian).
- 19. Borisov, E.V. (2014) Boethius and Ryle on Epistemic Fatalism. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 8(2). pp. 339–347. (In Russian).
- 20. Boethius. (1990) *Uteshenie filosofiey i drugie traktaty* [Consolation in Philosophy and Other Treatises]. Translated by V.I. Ukolova, M.N. Tseytlin. Moscow: Nauka. pp. 190–291.
- 21. Bussey, M. (2013) Conceptual Frameworks of Foresight and Their Effects: Typology and Applications. *Forsayt Foresight and STI Governance*. 7(3). pp. 64–73. [Online] Available from: https://foresight-journal.hse.ru/data/2013/09/28/1277498603/6-Bussey-64-73.pdf (Accessed: 10th June 2018). (In Russian).
- 22. Voros, J. (2009) On the philosophical foundations of futures research. In: Duin, P. van der *Knowing Tomorrow?: How Science Deals with the Future*. Utrecht: Eburon Academic Publishers.
- 23. Habermas, J. (2001b) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka. pp. 67–173.
- 24. Antonovskiy, A.Yu. (2008) Kommunikativnaya ratsional'nost' vneshnyaya i vnutrennyaya [External and internal communicative rationality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki Epistemology & Philosophy of Science*. 17(3). pp. 71–77.
- 25. Blau, A. (2019) Habermas on rationality: Means, ends and communication. *European Journal of Political Theory*. August. DOI: 10.1177/1474885119867679

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334

DOI: 10.17223/1998863X/64/12

Н.А. Вялых

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СООБЩЕСТВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (НА МАТЕРИАЛАХ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № $20-04-60466^{1}$.

На основе интерпретации материалов глубинных интервью показаны особенности социального самочувствия медицинских работников Ростовской области и раскрыты доминанты социальной адаптации профессионального медицинского сообщества региона к новым условиям труда в контексте пандемии COVID-19. Обоснована необходимость методологической переориентации современных социологических исследований с изучения институциональных последствий новой коронавирусной инфекции на выявление социальных представлений, ценностей и установок медицинского сообщества, сдерживающих дисфункционализацию института здравоохранения в современной России и отдельных регионах страны.

Ключевые слова: социальное самочувствие, медицинское сообщество, институт здравоохранения, пандемия COVID-19, красная зона, Ростовская область

Введение

Социальное самочувствие является объектом исследования социальной философии, экономики, права, психологии и других наук, каждая из которых посредством специальной методологии и методического инструментария изучает свой срез отношений в сфере здравоохранения. Социология в отличие от других научных систем предлагает более широкий набор методов познания, позволяющих исследовать механизмы формирования социального самочувствия профессионального медицинского сообщества на микро- и макроуровне. В условиях усложнения эпидемиологической ситуации в России и в мире актуализируется значение социальной диагностики последствий эскалации коронавирусной инфекции COVID-19 для медицинского сообщества и региональных систем здравоохранения.

В статье предлагается анализ эмпирических данных, добытых научным коллективом Института социологии и регионоведения Южного федерального университета (руководитель — О.А. Нор-Аревян, исполнители: О.Ю. Посухова, О.С. Мосиенко, А.И. Черевкова, Н.А. Вялых) в рамках проекта РФФИ № 20-04-60466 «Социальное самочувствие профессионального медицинского

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-04-60466.

128 Н.А. Вялых

сообщества в сложной эпидемиологической ситуации». В данной публикации будут рассмотрены особенности социального самочувствия медицинских работников (врачей и среднего медперсонала больниц и клиник Ростовской области), в том числе непосредственно задействованных в так называемой красной зоне — специально оборудованных госпиталях для ведения пациентов с подтвержденной коронавирусной инфекцией.

Всего с октября 2020 г. по февраль 2021 г. было проведено 40 глубинных интервью – по 10 интервью в каждой группе (врачи, работающие с ковидпациентами; врачи, не работающие с ковид-пациентами; средний медперсонал, работающий с ковид-пациентами; средний медперсонал, не работающий с ковид-пациентами). Способ отбора респондентов – метод снежного кома по заранее определенным квотам (работающие и не работающие в красной зоне; врачи / средний медперсонал; региональный центр / периферия; молодые / опытные медработники). Таким образом, в составе выборочной совокупности половина информантов работала с подтвержденными ковид-пациентами на регулярной основе. Фактически же все респонденты сталкивались так или иначе в своей деятельности с инфицированными новым коронавирусом пациентами, о чем становится известно медработникам некрасной зоны, как правило, постфактум.

Также во вступительной части статьи хотелось бы прокомментировать использование термина «красная зона» — одного из ключевых в нашем исследовании. Исторически в массовом сознании и медиа-дискурсе это словосочетание ассоциировалось со специальными исправительными учреждениями для осужденных сотрудников силовых структур. Сейчас смысловые коннотации поменялись, поэтому мы будем использовать этот медийный штамп в его обновленном значении и без кавычек.

Проблема исследования в методическом аспекте заключается в противоречии между знанием и незнанием. На сегодняшний момент мы условно «знаем»: факторы и атрибутивные признаки социального самочувствия (безотносительно к каким-либо группам и общностям), экономико-правовые основы российской системы здравоохранения и точки напряженности в ее структуре. Однако мы почти ничего не знаем о жизненном мире и новой повседневности медицинских работников в условиях пандемии COVID-19. Социальный аспект проблемы социологического исследования видится в противоречии между ожиданиями, моделями адаптации медиков и обострившимся кризисом здравоохранения в сложной эпидемиологической ситуации.

Данные интервью, формулировки отдельных вопросов, методологические наработки, предварительные выводы могут быть полезны исследователям из других регионов, работающим по схожей тематике, как для сравнительного анализа, так и в качестве задела для собственных инициативных и грантовых научных проектов.

Есть ли методологические основания социологических исследований социального самочувствия медицинских работников в условиях пандемии?

Однозначно на вопрос в указанном выше подзаголовке ответить нельзя. С одной стороны, за последние лет двадцать успели сложиться научно-исследовательские традиции в отечественной социологии здравоохранения, с

обратной стороны, полтора года экспансии новой коронавирусной инфекции — не такой большой срок, чтобы говорить о прочных методологических основаниях. Социология — наука с ярко выраженным экстерналистским драйвером развития. Мировое социологическое сообщество моментально отреагировало на пандемию сотнями и даже тысячами научных публикаций (преимущественно эмпирического плана). Существенная доля этих статей как раз в той или иной степени связана с социально-психологическим самочувствием медицинских работников. Не во всех, но во многих публикациях смысл сводится к следующему: все очень плохо, и с этим «плохо» надо чтото делать.

Конъюнктурность познавательного интереса мирового и российского социологического сообщества (да и самого автора этой статьи, ставшего в 2020 г. соисполнителем гранта РФФИ под литером «Вирусы») особенно отчетливо проявляется в период пандемии нового коронавируса. За неприлично короткий срок появились бесчисленные научные публикации по данной проблематике, хотя для всех очевидно, что изобретение лекарств и вакцин, равно как и управление общественным здоровьем, находится вне компетенции социологов. В то же время из-за пандемии происходит системная перестройка социально-стратификационной структуры общества, активизируются процессы интеграции и дифференциации в институциональном поле здравоохранения, усиливаются риски депрофессионализации медицинских работников, поэтому социологи не могут и / или не должны закрывать на это глаза. В конце концов, наука — это такое же поле играизированных практик социального поведения, как и образование, политика, экономика, здравоохранение, семья, культура и пр.

Научный коллектив ростовских социологов, в который посчастливилось войти автору, сконцентрировался не на планетарном уровне рисков и угроз, а на детальном, преимущественно качественном, социологическом анализе процессов в Ростовской области — регионе, в самом начале пандемии вошедшем в пятерку лидеров по показателям заболеваемости и смертности от ковида и до момента написания текста статьи сохраняющим это опасное для социально-территориальной общности лидерство.

Теоретико-методологическими основаниями научного исследования послужили труды российских [1–6] и зарубежных ученых, в которых раскрываются концепт, индикаторы и факторы социального самочувствия, специфика его проявления в среде профессионального медицинского сообщества [7–9], в том числе в условиях пандемии COVID-19 [10–13]. Эти работы позволили найти точку опоры для эмпирического исследования, не имеющего по понятным причинам научно-исследовательских аналогов, и сформулировать рабочее определение центрального понятия. Итак, социальное самочувствие — субъективное восприятие и оценка личностью медицинского работника уровня своих достижений, степени реализации своих потребностей, эффективности жизненной стратегии с учетом социокультурного контекста (на микро- и макроуровне) и объективных факторов (вектора социальной политики государства, ситуации в здравоохранении и общественном здоровье, риторики средств массовой коммуникации, уровня просвещения и образованности в обществе).

130 Н.А. Вялых

Гайд глубинного интервью состоял из пяти смысловых модулей: 1) биографический портрет информанта, включая мотивы выбора медицинской профессии; 2) социально-экономическое положение, удовлетворенность условиями труда, зарплатой, самооценка жизненного уровня и жилищнобытовых условий (проблем); 3) перспективы профессионального развития и карьерные стратегии, ожидания, образование и самообразование до и в период пандемии; 4) влияние пандемии на повседневный образ жизни, круг общения, страхи, опасения, тревоги, досуговые практики, специфика работы в красной зоне, отношения в коллективе и с руководством; 5) медицинское обслуживание и социальная защита медицинских работников, самооценка здоровья, уверенность в завтрашнем дне, трудовые споры и профессиональные риски, отношение к вакцинации.

Методологическая матрица эмпирического исследования более обстоятельно очерчена в уже изданных публикациях автора и научной группы проекта [14, 15], поэтому мы остановимся лишь на ключевых методологических положениях исследования.

Объектом научного анализа стали представители профессионального медицинского сообщества как акторы системы институциональных отношений, поскольку социология имеет дело с типическими моделями социального поведения и факторами (экстернальными и интернальными), формирующими субъективно ощущаемый уровень социального самочувствия. Следовательно, новизна нашего ракурса состоит в том, что социальное самочувствие — это достигаемое состояние, а не статическая характеристика, ниспосланная человеку лишь внешними условиями его повседневности. При этом социология не интересуется уникальностью отдельно взятых людей, а стремится все упростить, систематизировать и классифицировать. Поэтому мы исходим из методологических принципов структуралистского конструктивизма П. Бурдье, согласно которым медицинские работники, занимающие близкие социальные позиции и обладающие схожими социальными представлениями, способны производить аналогичные поведенческие практики в пространстве здравоохранения и как следствие переживать схожие эмоциональные состояния.

Оптимальным методологическим основанием выступает интегративная матрица научного исследования социального самочувствия профессионального медицинского сообщества, включающая структурно-функциональный анализ и феноменологическое направление. Структурный функционализм дает возможность рассматривать медицинских работников в качестве участников стратификационной и институциональной структур российского общества и исполнителей определенных ролевых функций в системе общественной жизнедеятельности и в то же время в качестве носителей различных форм коллективной социальной субъектности. А в рамках феноменологического подхода социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества изучается уже не только как объективный индикатор положения данной профессиональной группы в социальной структуре общества, но и как ее субъективное восприятие и репрезентация в повседневной профессиональной и обыденной действительности.

Понятие социального самочувствия тесно связано с феноменом социальной адаптации. Как известно, Р. Мертон выделял пять типов социальной адаптации личности: конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж.

Четыре последних типа в большей или меньшей степени являются формами девиантного поведения. Целесообразно применить концептуальную схему социальной адаптации Р. Мертона (с незначительной корректировкой последовательности типов с акцентом на конструктивность поведения, а не его аномичность) для исследования моделей поведения медицинских работников в условиях сложной эпидемиологической ситуации (таблица). Впрочем, смысл, который вкладывается нами в характеристики поведения «инноваторов», «конформистов», «ритуалистов», «ретритистов», «мятежников», несколько отличается от значения, которое вкладывал Р. Мертон, так как мы заимствуем из его теории аномии (она же — теория социальной адаптации) только названия типов и их базовые параметры.

Тип модели	Основные характеристики модели поведения
Инновацион-	Стремление к максимизации личной выгоды от профессиональной деятельности и
ный	приращению капитала (экономического, социального, культурного, символического)
	вопреки экстернальным и интернальным ограничениям
Конформист-	Целерациональное, но вместе с тем пассивное приспособление к структурным пара-
ский	метрам функционирования системы здравоохранения
Ритуалистиче-	Слаборефлексируемое следование поведенческим паттернам медицинской деятель-
ский	ности, закрепленным в культурной традиции референтной профессиональной группы
Ретритистский	Сознательное (мотивированное) либо иррациональное (аффективное) уклонение от
	решения значимых профессиональных задач и достижения социального успеха
Мятежный	Стремление к замене существующих формальных и неформальных норм социально-
	го взаимодействия акторов в поле клинической практики (на микро- и макроуровне)
	иными регуляторами

Теоретическое значение типологизации моделей социальной адаптации состоит в сведении конгломерата поведенческих актов и индивидуальных жизненных миров медицинских работников к упрощенным научным конструктам для адекватного понимания текущей ситуации и разработки инструментов социальной работы с профессиональным медицинским сообществом, если в таковых есть реальная потребность. Концепт социальной адаптации позволяет рассматривать социальное самочувствие не как какуюто искусственную объективную реальность, но как динамическую характеристику профессионального мышления одной из главных, наравне с потребителями медицинской помощи, группы в системе здравоохранения.

Факторы и проблемный фон социальной адаптации медицинских работников к деятельности в сложной эпидемиологической ситуации

Несмотря на сложную (и без COVID-19) ситуацию в региональном здравоохранении, результаты опроса фиксируют в целом удовлетворительный уровень социального самочувствия врачей и среднего медперсонала, особенно в областном центре: «Противоречия есть всегда, иначе это была бы не жизнь. Устраивает стабильная работа, работа по специальности... что касается врачей, то без работы мы не остаемся» (муж., 35 лет, врачневролог городской больницы, г. Ростов-на-Дону). Как правило, опрошенные медицинские работники выбирали осознанно свою профессию, и если бы пришлось снова выбирать, то выбрали тот же самый путь. Однако были и исключения. Главная причина — падение авторитета в обществе и уважения:

132 Н.А. Вялых

«Мне иногда кажется, что я ощущаю себя официанткой. Важно, что ты ощущаешь: ответственность за жизнь или за тарелку? ...Медицинская профессия, конечно, престижная, высокоморальная и интеллектуальная, и, наверное, с улицы в этой профессии не должно быть никого. Но то, что она потеряла свой престиж, — с этим не поспоришь» (жен., 60 лет, врачотоларинголог, г. Ростов-на-Дону).

Медицинские работники, не взаимодействующие с подтвержденными ковид-пациентами, отмечают, что уровень заработной платы с началом пандемии никак не изменился или даже снизился. Что касается доплат за работу в красной зоне, то здесь мнения респондентов расходятся. Основной аргумент медработников, считающих несправедливой подобную дифференциацию оплаты труда, состоит в том, что рискуют все, ибо ковид-статус пациента заранее никому не известен: «Я считаю, что должно быть какое-то вычисление доли риска. Как в работе поликлиники, если при сдаче ПЦР-мазка — если он положительный, то фельдшерам, например, в поликлинике доплачивают за смену определенную сумму денег. Если бы у нас тоже такое было, возможно, я считала бы, что это справедливо, потому что иногда контактируешь и не знаешь, больной человек или просто у него ОРВИ» (жен., 38 лет, акушер послеродового отделения. г. Азов).

В период пандемии абсолютное большинство респондентов, независимо от сферы деятельности (ковид / нековид), провели продуктивно первые месяцы пандемии, повышая уровень своей квалификации как онлайн, так и очно, в том числе посредством прохождения курсов, связанных со спецификой работы в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Наряду с очевидными достоинствами (информативностью, многообразием, доступностью курсов) респонденты отмечали и существенные недостатки повышения квалификации: «...по большей части это формальность. Читают на лекциях одно и то же каждый раз. Ничего не меняется, одни и те же приказы, одна и та же информация... Чего-то нового мы не получаем» (жен., 45 лет, медсестра родильного отделения, г. Азов). Молодые информанты, совмещающие работу с учебой в медицинском университете, отмечали проблемы в развитии практических компетенций на начальном этапе пандемии: «Первый – третий курсы мы находимся в основном в стенах университета, изучаем теорию, а практика начинается с четвертого и по шестой курс. Получается, половину четвертого курса мы находились на кафедрах больниц и других профильных учреждений, где мы могли сталкиваться непосредственно с больными, могли проследить заболевание, видеть симптомы, применять какие-то практические навыки. Но с начала пандемии многие заведения закрылись, и осталось все на уровне теории, а знания без практики ни к чему хорошему не приведут» (муж., 22 года, медбрат перинатального центра, г. Ростов-на-Дону). Вдобавок большинство курсов повышения квалификации и переподготовки в здравоохранении - платные: «Они есть за счет средств ОМС (обязательного медицинского страхования. - Н.В.), но опять же очень мало мест. И сказать честно, попасть на них на бюджетной основе, ну это я не знаю, нереально, наверное, если в Ростове снег в августе пойдет, то ты попадешь...» (муж., 32 года, акушер-гинеколог, врач ковид-госпиталя, г. Ростовна-Дону); «Повышение квалификации – это очень дорого, порою до 70 тыс. за курс!» (муж., 27 лет, врач ковид-госпиталя, г. Миллерово).

Невзирая на ряд негативных оценок, на сегодняшний момент можно судить о комплементарности формальных институциональных изменений и неформальных норм в системе аттестации (сертификации) работников здравоохранения. Отрицательно о сложившейся системе повышения квалификации отзываются преимущественно представители среднего медперсонала и врачи скорой помощи, а положительно — врачи-специалисты. Негативные оценки, как считает О.Ю. Посухова, связаны прежде всего с отсутствием возможности обучения с отрывом от производства, нехваткой личного общения с преподавателями и недостатком практического компонента. Положительная характеристика онлайн-обучения обусловлена возможностью самостоятельно планировать свою учебную занятость и трудовую нагрузку, а также минимизировать финансовые и временные затраты на дорогу к базам повышения квалификации [16. С. 49].

Что касается желаемого уровня оплаты труда, то чаще всего называлась сумма в 70-100 тыс. руб. в месяц (среди врачей и фельдшеров скорой медицинской помощи) и 40-50 тыс. руб. среди представителей среднего медицинского звена (фельдшеров, акушеров, медсестер / медбратьев). Надо признать, что уровень притязаний опрошенных довольно адекватный, что косвенным образом говорит о завышенных статистических сведениях относительно зарплат медицинских работников по России и Ростовской области. По данным Росстата, в 2019 г. средняя заработная плата врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское образование, составила 80 756 руб. по РФ и 58 508 руб. по Ростовской области. По среднему медперсоналу данные более реалистичны, но тоже не близки к реальным доходам: 39 573 руб. по РФ и 30 154 руб. по Ростовской области [17. С. 246–247]. При этом медицинские работники (по крайней мере 2/3 респондентов) не рассчитывают на помощь государства в решении жилищных вопросов. Мало кто из опрошенных и их коллег принимал участие в специальных жилищных программах [18. С. 74].

Многие врачи, фельдшеры и медсестры (медбратья) отмечали, что не испытывают конкуренцию по месту работы и при этом чувствуют себя конкурентоспособными. Однако перспективы вертикальной социальной мобильности в сфере здравоохранения весьма туманны. Вот некоторые выдержки из различных интервью, связанные с карьерными ожиданиями: «Я так понимаю, что в медицинской среде понятие карьерного роста условное. Потому что, если рассматривать карьеру в поликлинике, перестать быть врачом и стать заведующим – это очень сомнительный карьерный рост в плане получения удовольствия и оплаты труда» (жен., 38 лет, самозанятый врачпедиатр, иммунолог, г. Ростов-на-Дону); «Только получение высшей категории при очередном повышении квалификации. От медсестры выше я уже никуда не подымусь» (жен., 45 лет, медсестра родильного отделения, г. Азов); «Выше двигаться, грубо говоря, – все места заняты. Можно повысить категорию с первой на высшую, но это ничего не даст. Пока что только из дежурных врачей в лечащие, и наоборот» (муж., 35 лет, врач-невролог городской больницы, г. Ростов-на-Дону). Впрочем, молодые респонденты в своих оценках были более оптимистичными и прагматичными: «Хочу стать врачом. Далее развиваться в государственной клинике и можно одновременно работать в частной. В дальнейшем уже можно стать главврачом или

134 Н.А. Вялых

свою клинику основать» (муж., 20 лет, студент медицинского университета, медбрат ковид-госпиталя, г. Ростов-на-Дону).

Важным индикатором социального самочувствия является уровень субъективного комфорта в работе в коллективе. Подавляющее большинство респондентов говорило об эффекте консолидации профессионального медицинского сообщества с началом пандемии: «Отношения в коллективе теплее стали, потому что часть наших коллег уходили... у нас же открывался ковидный госпиталь и часть сотрудников уходила туда. Поэтому мы им писали и переживали за них. И когда они вернулись, мы были очень рады!» (жен., 63 года, врач-кинезотерапевт в клинико-диагностическом центре, г. Ростовна-Дону). Хотя встречались и суждения критического плана, связанные с отношением руководства медицинских организаций: «Коллектив — очень дружный... Только отношение начальства к нам как к низшим людям хотелось бы поменять» (жен., 45 лет, медсестра родильного отделения, г. Азов).

Одним из безусловных показателей социального самочувствия является удовлетворенность условиями труда. Здесь все тоже очень гетерогенно. Медицинские работники среди недостатков в организации деятельности служб здравоохранения Ростовской области в период пандемии (и не только пандемии) чаще всего отмечали тотальную нехватку сотрудников (особенно медсестер и санитарок), ужесточение проверок и надзорных мероприятий, увеличение нагрузки и длительности трудового дня без дополнительной оплаты, низкую обеспеченность средствами индивидуальной защиты, снижение заработной платы, принуждение к уходу в отпуск (в том числе неоплачиваемый) на этапе тотальной самоизоляции в апреле-мае 2020 г. В число общих проблем здравоохранения Ростовской области, которые служат негативным фоном социального самочувствия медиков, респонденты включили дефицит узких специалистов в малых городах и селах, неудовлетворительный уровень материально-технического оснащения медучреждений, низкий уровень квалификации значительной части медработников, снижение доступности медицинской помощи (в организационном и экономическом плане), подрыв престижа медицинской профессии.

Что касается работников красной зоны, то большинство интервьюеров отмечало слаженность и профессионализм в организации деятельности ковид-госпиталей, повышенное внимание к здоровью самих врачей и представителей среднего медицинского звена: «Действия грамотные были. За тех людей, которые работали в красной зоне, руководство в действительности переживает. Даже больше скажу: для сотрудников, которые работали в красной зоне, руководство раз в месяц делало курсы реабилитации. Там был вакуумный массаж поясничного отдела, шейной зоны, кислородные коктейли, жемчужные ванны. Это очень приятно было, аж за сердце схватило, если так можно сказать. Тебя реабилитируют, чуть-чуть восстанавливают, и ты опять с полной силой идешь работать» (муж., 32 года, акушергинеколог, врач ковид-госпиталя, г. Ростов-на-Дону). Да и в целом работающие с ковид-пациентами медики выше оценивают степень развития здравоохранения в регионе.

Многие специалисты отмечали не столько низкий уровень оплаты труда (судя по интервью, сложилось ощущение, что с этим врачи и средний медперсонал как бы свыклись) или неудовлетворительные для деятельности

условия оказания медицинской помощи, сколько противоречивое отношение регионального социума и пациентов к здравоохранению: «...нет, все в целом нормально. Просто отношение пациентов, оно стало потребительским, и они считают, что мы обязаны. И вообще тенденция руководства – что врачи чем-то обязаны больному. Нет! больной обязан следить за своим здоровьем, обязан выполнять все назначения, соблюдать процедуры и мероприятия, которые нужны для него. А получается, что нам, врачам, навязали тактику, что мы должны следить за больным, за бумажками. У меня сейчас знакомая есть, работает она на Чукотке, тоже вынужденно покинула Ростовскую область именно из-за потребительского отношения к врачам. И ей буквально на днях высказало претензию руководство (там мамочка пьяная забыла семимесячного ребенка на улице в 40-градусный мороз), а врачу выдвинули претензию, что она плохо проводит разъяснительные работы с пациентами. Вот как. Население бухает, население забывает своих детей, а ругают врача. Это нормально? Как врач может быть доволен с такой системой? И так во всем, во всех структурах: и в онкологии, и в кардиологии... люди забывают принимать свои препараты, понятно, что цена там высокая. А всегда обвиняют врача – того, кто последним контактировал...» (муж., 38 лет, хирург-онколог, врач ковид-госпиталя, г. Ростов-на-Дону). Мы привели такой объемный фрагмент интервью для того, чтобы читатели понимали: подобное мнение и высказывания в различных модификациях сквозили в беседах как минимум с третью опрошенных.

Заключение

Несмотря на имеющиеся противоречия и парадоксы, связанные отнюдь не с пандемией COVID-19, а лишь обострившиеся с ее возникновением, респонденты продемонстрировали не только свою функциональность и адаптивность к изменениям, но и умеренно-позитивный настрой без выраженных признаков тревоги, беспокойства, неустроенности и подавленности. И только критичное нарушение прав и свобод могло бы заставить участвовать врачей и средний медперсонал в активных действиях в защиту своих прав и интересов. Одним из показателей и одновременно средством увеличения резерва социального самочувствия являются досуговые практики. Опрос показал, что медики по-разному проводят свободное время: кто-то отдыхает пассивно, а кто-то активно, стараясь при этом расширять свой кругозор и повышать общий уровень интеллекта. Существенным сдерживающим профессиональную деформацию фактором в сложной эпидемиологической ситуации выступает включенность медицинских работников в социальные круги. Прежде всего, речь идет о крепких социальных связях с коллективом, семьей и друзьями.

Пандемия нового коронавируса не повлекла за собой разрушения системы здравоохранения, скорее она лишь сорвала пломбы с закостенелых ее травм. К тому же массовое вовлечение врачей, медбратьев, медсестер, фельдшеров в противоковидное движение становится дополнительным фактором консолидации профессионального медицинского сообщества [19. С. 87–88], а для кого-то — каналом восходящей социальной мобильности, возможностью себя проявить и просто улучшить свое материальное положение [20. С. 95]. Нельзя умолчать и о том, что многие медицинские работники, занятые в

136 Н.А. Вялых

красной зоне на момент проведения социологического исследования, отчасти не готовы морально к окончанию пандемии, так как опасаются потерять дополнительные выплаты.

Если вернуться к адаптированной нами типологии Р. Мертона, можно сделать предварительный вывод о том, что преобладающими являются конформистская, ритуалистическая и инновационная стратегии поведения. Инновационный характер социальной адаптации в большей мере проявили медицинские работники, принявшие решение переквалифицироваться, чтобы трудиться в красной зоне. Конформисты и ритуалисты, обладая консервативным радикалом профессионального мышления, скорее адаптируются к изменяющимся условиям деятельности с меньшим проявлением субъектности. Стратегий ретритизма и тем более мятежа нами в ходе глубинных опросов не было обнаружено. Это отнюдь не значит, что таких стратегий вообще нет. Вероятно, выборка в 40 человек да еще и факт исследовательского вызова медиков на столь откровенный разговор просто исключили вероятность рекрутинга потенциальных ретритистов и мятежников.

Выявить статистическую распространенность той или иной модели социальной адаптации и ее влияние на социальное самочувствие можно только инструментарием количественной социологии. В связи с этим автор и его научный коллектив планируют на втором этапе реализации проекта (2021—2022 гг.) провести массовый анкетный опрос среди медицинских работников Ростовской области. Хочется верить, что после серии глубинных интервью, учитывая гигантские массивы полученной информации, нам самим стало несколько понятнее, что же мы изучаем на самом деле. В этом случае программирование социологического анкетирования будет осмысленным, а данные востребованы научным сообществом и экспертами.

Литература

- $1.\ {\it Горшков}\ {\it М.К.}$ Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект. М. ; СПб. : Нестор-История, 2011. 176 с.
- 2. Жегусов Ю.И. Влияние социального самочувствия населения на динамику деструктивных социальных процессов в России // Коммуникология. 2018. № 4. С. 15–26.
- 3. Суняйкина О.Н. Понятие «социальное самочувствие» в социологии // Вестник Мордовского университета. 2011. № 3. С. 98–101.
- 4. *Сысоев П.Г.* Оценка социально-психологического состояния врачей // Вестник Ивановской медицинской академии. 2011. № 4. С. 10–13.
- 5. *Усова Е.Н.* Социальное самочувствие: теоретико-методологические подходы к исследованию // Саратовский научно-медицинский журнал. 2017. № 13 (3). С. 554–559.
- 6. *Шлыкова Е.В.* Повседневный риск как фактор социального самочувствия (на примере молодежи мегаполиса) // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. С. 24–27.
- 7. *Осинский И.И.*, *Бутуева З.А.* Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 38–45.
- 8. Гареева И.А. Социальное самочувствие врачей в современной системе здравоохранения // Вестник ТОГУ. 2014. № 4 (35). С. 295–300.
- 9. *Соловей А.П.*, *Шухно Е.В.* Интерпретация и операционализация концепта «социальное самочувствие» // Синергия. 2018. № 4. С. 72–77.
- 10. Chang D., Xu H., Rebaza A., Sharma L., Dela Cruz C.S. Protecting health-care workers from subclinical coronavirus infection // The Lancet Respiratory Medicine. 2020. № 8 (3). e13. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32061333 (accessed: 11.09.2021).
- 11. Cox C.L. Healthcare Heroes': Problems with media focus on heroism from healthcare workers during the COVID-19 pandemic // Journal of Medical Ethics. 2020. № 46 (8). P. 510–513.

- 12. Dennerlein J.T., Burke L., Sabbath E.L., Williams J.A.R., Peters S.E., Wallace L., Karapanos M., Sorensen G. An integrative total worker health framework for keeping workers safe and healthy during the COVID-19 pandemic // Human Factors. 2020. № 62 (5). P. 689–696.
- 13. Dewey C., Hingle S., Goelz E., Linzer M. Supporting clinicians during the COVID-19 pandemic // Annals of Internal Medicine. 2020. № 172 (11). P. 752–753.
- 14. Вялых Н.А. Факторы социального самочувствия профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии нового коронавируса // Гуманитарий Юга России. 2021. № 1. С. 102—110.
- 15. Vyalykh N.A., Nor-Arevyan O.A., Posukhova O.Y., Mosienko O.S., Cherevkova A.I. Methodological matrix for sociological study of social well-being of the professional medical community during a complex epidemiological situation // Turismo: Estudos & Práticas (UERN). 2021. № 1. URL: http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/index (accessed: 15.09.2021).
- 16. Посухова О.Ю. Институциональные условия профессионального развития медицинских работников (по материалам социологического исследования в период борьбы с COVID-19) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6. С. 41–50.
- 17. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020 1242 с
- 18. *Мосиенко О.С.* Удовлетворенность медицинского сообщества мерами государственной поддержки в сложной эпидемиологической ситуации (на материалах глубинных интервью медиков Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2021. № 3 (49). С. 64–76.
- 19. *Нор-Аревян О.А*. Консолидация профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии коронавируса (на материалах глубинных интервью в Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2021. № 3 (49). С. 77–89.
- 20. *Черевкова А.И.* Профессиональное становление медиков в условиях пандемии коронавируса (по материалам глубинных интервью) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 95–101.

Nikita A. Vyalykh, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 127–139.

DOI: 10.17223/1998863X/64/12

SOCIAL WELL-BEING OF THE PROFESSIONAL MEDICAL COMMUNITY DURING THE COVID-19 PANDEMIC IN ROSTOV OBLAST (BASED ON THE MATERIALS OF INDEPTH INTERVIEWS)

Keywords: social well-being; medical community; healthcare institute; COVID-19 pandemic; red zone; Rostov region

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-04-60466.

After the World Health Organization recognized the situation with the spread of the new coronavirus infection as critical, a huge array of a wide variety of studies, mainly of applied value, appeared. Many of these studies are devoid of a methodological basis and semantic grounds because not enough time has passed for a fundamental understanding of what and how to study. For the correct understanding of the essence and real state of the social well-being of medical workers, a system of both internal and external control is required. Internal control is a key task of state health policy at the federal, regional, and municipal levels. External control is the prerogative of third-party public and scientific organizations capable of representing the quantitative and qualitative characteristics of social processes in the health care sector, giving them a neutral and objective assessment. A rational form of external control is the sociological diagnosis of the effects of the pandemic, both for public health and for the social and mental health of certain professional groups. The task of modern sociology is to quantitatively and qualitatively measure components of social health of the professional medical community, the integral criterion of which is social well-being as a subjective perception and assessment by an individual medical worker of the level of their achievements, degree of realization of their needs, and the effectiveness of their life strategy, taking into account the sociocultural context (at the micro- and macrolevel) and objective factors (vectors of social policy of the state, situation in health care and public health, rhetoric of the mass media, and level of education in society). The

138 Н.А. Вялых

concept of social well-being is closely related to the phenomenon of social adaptation. Merton's conceptual scheme of social adaptation (with a slight change in the sequence of types with an emphasis on the constructiveness of behavior models, rather than their anomalousness) is used to study the types of behavior of medical workers in a complex epidemiological situation. The theoretical significance of the typologization of social adaptation models is to reduce the conglomerate of behavioral acts and individual life worlds of medical workers to simplified scientific constructs for the correct understanding of the current situation and development of tools for social work with the professional medical community if there is a real need for them. The concept of social adaptation allows considering social well-being not as some kind of artificial objective reality, but as a dynamic characteristic of the actor's professional thinking.

References

- 1. Gorshkov, M.K. (2011) Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v usloviyakh reform: regional'nyy aspekt [Social wellbeing of the population under reforms: the regional aspect]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- 2. Zhegusov, Y.I. (2018) The Influence of Social Wellbeing on the Dynamics of Destructive Social Processes in Russia. *Kommunikologiya Communicology*. 4. pp. 15–26. (In Russian). DOI: 10.21453 / 2311-3065-2018-6-4-15-26
- 3. Sunyaykina, O.N. (2011) Ponyatie "sotsial'noe samochuvstvie" v sotsiologii [The concept of "social well-being" in sociology]. *Vestnik Mordovskogo universiteta*. 3. pp. 98–101.
- 4. Sysoev, P.G. (2011) Evaluation of sociopsychological status in therapeutists of ambulatory clinic. *Vestnik Ivanovskoy meditsinskoy akademii Bulletin of the Ivanovo Medical Academy.* 4. pp. 10–13. (In Russian).
- 5. Usova, E.N. (2017) Sotsial'noe samochuvstvie: teoretiko-metodologicheskie podkhody k issledovaniyu [Social well-being: theoretical and methodological approaches to research]. *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal Saratov Journal of Medical Scientific Research*. 13(3), pp. 554–559.
- 6. Shlykova, E.V. (2018) Everyday risk as a factor of social well-being (on the example of the youth of a megalopolis)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya Theory and Practice of Social Development*. 3. pp. 24–27. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2018.3.4
- 7. Osinsky, I.I. & Butueva, Z.A. (2015) Social wellbeing: concept, factors of formation, and indicators to measure. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 38–45. (In Russian).
- 8. Gareeva, I.A. (2014) Sotsial'noe samochuvstvie vrachey v sovremennoy sisteme zdravookhraneniya [Social well-being of doctors in the modern healthcare system]. *Vestnik TOGU*. 4(35). pp. 295–300.
- 9. Solovey, A.P. & Shukhno, E.V. (2018) Interpretation and operationalization of the concept "social well-being". *Sinergiya*. 4. pp. 72 77.
- 10. Chang, D., Xu, H., Rebaza, A., Sharma, L. & Dela Cruz, C.S. (2020) Protecting health-care workers from subclinical coronavirus infection. *The Lancet Respiratory Medicine*. 8(3). e13. DOI: 10.1016/S2213-2600(20)30066-7
- 11. Cox, C.L. (2020) Healthcare Heroes': Problems with media focus on heroism from healthcare workers during the COVID-19 pandemic. *Journal of Medical Ethics*. 46(8). pp. 510–513. DOI: 10.1136/medethics-2020-106398
- 12. Dennerlein, J.T., Burke, L., Sabbath, E.L., Williams, J.A.R., Peters, S.E., Wallace, L., Karapanos, M. & Sorensen, G. (2020) An integrative total worker health framework for keeping workers safe and healthy during the COVID-19 pandemic. *Human Factors*. 62(5). pp. 689–696. DOI: 10.1177/0018720820932699
- 13. Dewey, C., Hingle, S., Goelz, E. & Linzer, M. (2020) Supporting clinicians during the COVID-19 pandemic. *Annals of Internal Medicine*. 172(11). pp. 752–753. DOI: 10.7326/M20-1033
- 14. Vyalykh, N.A. (2021) Social Well-Being Factors of the Professional Medical Community in the Context of the New Coronavirus Pandemic. *Gumanitariy Yuga Rossii Humanities of the South of Russia*. 1. pp. 102–110. (In Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.1.9
- 15. Vyalykh, N.A., Nor-Arevyan, O.A., Posukhova, O.Y., Mosienko, O.S. & Cherevkova, A.I. (2021) Methodological matrix for sociological study of social well-being of the professional medical community during a complex epidemiological situation. *Turismo: Estudos & Práticas (UERN)*. 01. [Online] Available from: http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/index (Accessed: 15th September 2021).
- 16. Posukhova, O.Yu. (2021) Institutional conditions for the professional development of health professionals (based on a sociological study during the period of COVID-19). *Teoriya i praktika*

obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development. 6. pp. 41–50. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2021.6.6

- 17. Russian Federation. (2020) Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Moscow: Rosstat.
- 18. Mosienko, O.S. (2021) Satisfaction of the Medical Community with State Support Measures in a Complex Epidemiological Situation (on the Materials of In-Depth Interviews of Rostov Region Medicians). *Gumanitariy Yuga Rossii Humanities of the South of Russia*. 3(49). pp. 64–76. (In Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.3.5
- 19. Nor-Arevyan, O.A. (2021) Consolidation of the Professional Medical Community in the Context of the Coronavirus Pandemic (Based on In-Depth Interviews in the Rostov Region). *Gumanitariy Yuga Rossii Humanities of the South of Russia*. 3(49). pp. 77–89. (In Russian). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.3.6
- 20. Cherevkova, A.I. (2021) Professional becoming of medics in the context of the coronavirus pandemic (based on in-depth interviews). Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences. 3. pp. 95–101. (In Russian). DOI: 10.17213/2075-2067-2021-3-95-101

УДК 316.344.3

DOI: 10.17223/1998863X/64/13

В.В. Кашпур, Е.Ю. Петров, В.Л. Гойко, А.В. Фещенко

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ СТУДЕНТОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-51001.

В статье представлены результаты построения модели прогнозирования образовательных достижений студентов на основе данных из электронной образовательной системы TTV и их цифрового следа в ВКонтакте с использованием алгоритмов машинного обучения. Сделан вывод о специфике цифрового следа студентов с высокими образовательными достижениями, проявляющийся в подписках и количестве групп членства, друзей и подписчиков.

Ключевые слова: цифровой след, студенты, образовательные достижения, машинное обучение

Введение

Реализация образовательной политики в направлении выявления и поддержки талантов, профориентации и индивидуализации обучения формирует запрос как на анализ факторов, влияющих на образовательные достижения студентов, так и на разработку прогностических моделей их образовательной успешности, основанной на выявленных факторах. Традиционными источниками данных для решения этой задачи выступают данные, генерируемые в рамках систем электронного обучения образовательных учреждений, данные психологических тестирований и социологических опросов студентов, а также образовательная и социально-экономическая статистика. Чаще всего модели анализа и прогнозирования образовательных достижений используют данные о текущей академической успеваемости студентов [1]. Однако до сих пор мало используются возможности анализа данных, генерируемых студентами в интернете и социальных медиа, - цифровые следы. Под цифровым следом (англ. digital footprint) в данной статье понимается совокупность информации о пользователе и структуре и содержании его активности в онлайне.

Изучение цифрового следа студента позволяет повысить качество учебной аналитики и прогностики за счет следующих преимуществ. Во-первых, цифровой след содержит большое количество открытых пользовательских данных о персональных (когнитивных, мотивационных, психологических) характеристиках студентов. Важно отметить, что эти данные генерируются естественным образом самим респондентом, а не в искусственной ситуации тестирования или опроса. Во-вторых, анализ цифровых следов студентов позволяет оценивать образовательный потенциал «на входе» в университет. В отличие от существующих моделей прогнозирования образовательных до-

стижений, основанных на данных о текущей успеваемости, анализ цифровых следов дает возможность дать такой прогноз относительно студентов, только что поступивших в университет и еще не прошедших первые сессии. В-третьих, цифровые следы дают новую возможность для оценки и анализа образовательных достижений обучающихся — они позволяют оценить неформальные и информальные образовательные достижения студентов, которые не фиксируются в рамках образовательной программы по направлению обучения в университете.

Поэтому субъекты управления университетами уже сейчас и в ближайшем будущем будут генерировать запрос на разработку аналитических инструментов и моделей работы с цифровыми следами, которые позволят повысить качество управленческих решений в сфере управления образовательным процессом в целом и образовательными траекториями студентов в частности.

Данная статья резюмирует один из первых опытов использования анализа цифровых следов студентов для задач учебной аналитики, а именно прогнозирования формальных образовательных достижений обучающихся. В качестве исследовательских в данной статье рассматриваются следующие вопросы:

- какие конкретные компоненты цифровых следов можно использовать для прогнозирования образовательных достижений студентов?
- как можно дифференцировать студентов по уровню их формальных образовательных достижений?
- какие алгоритмы можно использовать для прогнозирования образовательных достижений студентов?

Рассмотрению ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Обзор литературы по тематике взаимосвязи интернет-активности и образовательных достижений обучающихся

Публикации по тематике взаимосвязи интернет-активности в социальных сетях и образовательных достижений обучающихся начали появляться относительно недавно — в начале 2010-х гг. Это связано с новизной самого изучаемого феномена цифровых следов в социальных сетях. Первая социальная сеть Classmates запустилась в 1995 г., самая распространенная социальная сеть в мире Facebook была основана в 2004 г. (причем как социальная сеть Гарвардского университета, затем ставшая открытой для любых пользователей). Выход на рынок смартфона Apple в 2007 г. резко ускорил рост численности пользователей социальных сетей благодаря удобным мобильным версиям социальных сетей и мобильному интернету. Поэтому в период с 2008 по 2012 г. наблюдался резкий рост количества пользователей социальных сетей и объема генерируемых ими цифровых следов [2].

Первые публикации по теме фиксировали негативную взаимосвязь между пользованием социальных сетей и образовательными достижениями обучающихся. В частности, в ряде исследований было отмечено негативное влияние частоты использования Facebook на вовлеченность студентов в образовательный процесс [3, 4]. Аналогичные выводы были сделаны и в отношении школьников. Так, более низкий результат образовательного тести-

рования и меньшее количество проведенных за учебой часов в неделю для школьников, пользующихся Facebook, были выявлены в исследовании П. Киршнера и А. Карпинского [5]. Однако результаты этих исследований были получены с использованием традиционных методов социальных наук — массового опроса и кейс-стади. Их общим недостатком можно считать выстраивание выводов о влиянии интернет-активности в социальных сетях на образовательные достижения не на основе фактической информации, а на основе репрезентации представлений студентов и школьников.

Начиная с 2015 г. стали появляться публикации, основанные на анализе цифровых следов обучающихся при помощи методов Data Mining и интеллектуального анализа данных с использованием алгоритмов машинного обучения. Практически все подобные публикации демонстрируют позитивную взаимосвязь между цифровым следом и интернет-активностью и образовательными достижениями студентов и школьников. В качестве примера можно привести следующие публикации: статьи И. Смирнова, фиксирующие положительную взаимосвязь между фактом присутствия студента в «ВКонтакте» и его средним баллом [6], а также положительную зависимость между объемом вокабуляра на странице социальной сети, частотой использования английских слов, слов, связанных с чтением, мышлением, запоминанием, длиной слов и постов и академической успеваемостью [7]; статья А. Красильникова и М. Семеновой, демонстрирующая положительную взаимосвязь между временем, проведенным в «ВКонтакте» перед экзаменами, и величиной оценки за экзамены [8]. Ряд исследований фиксируют взаимосвязь подписок, отражающих интересы школьников и студентов и их академическую успеваемость [9, 10]. Взаимосвязь интернет-активности и когнитивных (интеллект, креативность) и мотивационных особенностей личности обучающихся была зафиксирована в исследованиях коллектива под руководством А. Фещенко [11]. Эти исследования нашли значимое практическое применение – с помощью анализа цифрового следа в социальной сети «ВКонтакте» осуществляется рекрутинг абитуриентов в Томском государственном университете. С помощью применения методов искусственного интеллекта распознаются предметные интересы человека на основе его подписок в социальной сети, а также обучается модель машинного обучения для поиска «своего» абитуриента Томского государственного университета на основе результатов психологического тестирования, отражающего когнитивные способности студентов.

Отдельным значимым компонентом цифрового следа, имеющим взаимосвязь с образовательными достижениями, являются сетевые связи обучающихся. Исследования на материале иностранных и российских студентов зафиксировали структурацию сетевых связей в зависимости от образовательных достижений, показав наличие эффекта гомофилии среди студентов с высокими и низкими образовательными достижениями [12, 13].

Методы и источники данных

Достижение цели прогнозирования образовательных достижений на основе данных цифровых следов обучающихся базировалось на использовании современных методов сбора, обработки и анализа цифровых данных — Data Mining и машинное обучение.

Методы Data Mining использовались при получении данных цифровых следов студентов. В качестве входных данных использован цифровой след пользователя из социальной сети «ВКонтакте», а также данные об успеваемости студента в системе электронного обучения LMS Moodle.

Сбор данных осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе выгружались данные об успеваемости студентов ТГУ из LMS Moodle. Выгружены данные об успеваемости 9 360 студентов. Во избежание возникновения утечки персональных данных они были предварительно обезличены. Помимо среднего балла, были получены данные о факультете, уровне образования, статусе студента, направлении подготовки, а также идентификатор в системе Moodle.

Второй этап сбора данных — идентификация студентов в социальной сети. Данный этап проводился в полуавтоматическом режиме с использованием алгоритмов поиска, использующих открытое API ВКонтакте. С помощью метода ВК API-search выполнялся поиск пользователей в социальной сети. При совпадении ФИО и возраста пользователи добавлялись в результирующую выборку, после чего проводилась ручная валидация пользователей. Проверялись их подписки на наличие университетских или региональных сообществ, а также поля профиля, где указано место учебы. Отсеивались неактивные и заблокированные аккаунты. В итоге было идентифицировано 6 488 пользователей.

Заключительный этап сбора данных – выгрузка цифрового следа идентифицированных пользователей. Структура цифрового следа пользователя «ВКонтакте» состоит из следующих элементов:

- 1) Общая информация пол, город, количество друзей, подписчиков, постов на стене, фотографий, видеозаписей, аудиозаписей, информация об образовании, карьере. Эти признаки могут давать какую-то общую информацию о человеке и его активности в социальной сети.
- 2) Личная информация это информация, указываемая пользователем самостоятельно. Это жизненная позиция, интересы, любимые фильмы, музыка, цитаты, произвольная информация о себе. В теории это должно быть очень хорошим признаком для составления некоторого цифрового портрета человека, однако на практике эти поля заполнены подавляющим меньшинством пользователей.
- 3) Сообщества, на которые подписан пользователь (далее «подписки пользователя»). Сообщества «ВКонтакте» упорядочены в соответствии с частотой и характером взаимодействия пользователя с контентом. Очевидно, что пользователь подписан на те сообщества, которые ему интересны в силу тех или иных причин. Таким образом, если получить распределение тематик в сообществах пользователя, то можно узнать его интересы.

Все собранные данные объединялись в единую базу, необходимую для построения модели прогнозирования образовательных достижений студентов

Методы машинного обучения, которые использовались для построения модели прогнозирования образовательных достижений на основе данных цифрового следа, базировались на применении следующих алгоритмов: градиентного бустинга над решающими деревьями из библиотек CatBoost и LightGBM, а также стохастического градиентного спуска. Их применение

было обусловлено рамочными требованиями модели: масштабируемость — так как количество переменных цифрового следа пользователей довольно велико и необходимо, чтобы алгоритм мог без труда справляться с ними; быстрая обучаемость и минимальные требования к вычислительным ресурсам — алгоритм должен быстро реагировать для оперативного и своевременного получения прогноза.

Дифференциация обучающихся в зависимости от их образовательных достижений

Одним из важных результатов построения модели прогнозирования образовательных достижений на основе цифровых следов явилась разработка такого подхода к дифференциации обучающихся на студентов с высокими и низкими образовательными достижениями, который позволил бы использовать его в рамках применения инструментов машинного обучения.

Существует несколько подходов, которые используются в подобных задачах. В ходе исследования был оценен каждый подход путем подачи фиксированной выборки студентов в модель машинного обучения и по результатам F-меры делать выводы относительно точности и полноты модели.

- 1. Разбиение по 75-му перцентилю. Это был первый подход к дифференциации студентов. В рамках данного подхода считалось, что студенты, средний балл которых больше этой границы, обладают высокими образовательными достижениями (1), если средний балл меньше или равен границе низкими (0). При таком подходе возникают сильный дисбаланс классов и слабая разделимость между ними, что видно по результатам тестирования.
- 2. Выбор крайних границ с использованием полярных квартилей (1-й и 4-й квартили) [14]. Считаем, что высокими образовательными достижениями обладают студенты, средний балл которых выше 75-го перцентиля, низкими ниже 25-го перцентиля. Такой подход обеспечивает сбалансированность классов и хорошую разделимость между ними, однако теряется половина данных.
- 3. Система ECTS [15]. Европейская система оценивания учета работы студентов в рамках образовательной программы, которая имеет следующую градацию: А лучшие 10%, В следующие 25%, С следующие 30%, D следующие 25%, Е следующие 10%. В рамках системы ECTS считается, что высокими образовательными достижениями обладают студенты, имеющие оценки «А» и «В», остальные относятся к низкому уровню. При таком методе дифференциации имеем более сбалансированные классы, чем в 1-м методе, к тому же система ECTS предусматривает метод конвертирования оценок между университетами в разных странах, что расширяет границы применения предложенной методики. Однако при апробации данного подхода получается слабая разделимость между классами.
- 4. На основании анализа преимуществ и недостатков описанных методов в рамках данного исследования был предложен другой подход, заключающийся в разбиении по крайним границам системы ЕСТЅ. Было предложено считать, что высокими образовательными достижениями обладают студенты, чей средний балл выше границы 65-го перцентиля, а низкими ниже границы 35-го перцентиля. Тем самым получена сбалансированность классов, хо-

рошая разделимость между ними и меньшая потеря данных, чем в методе полярных квартилей.

Таким образом, резюмируя полученные результаты (табл. 1), получаем, что лучше всего по каждому из направлений обучения (гуманитарное, естественное, техническое) себя показал метод, при котором берутся крайние границ по ECTS.

Направление подготовки	Метод 1. Разбиение по 75-му перцентилю	Метод 2. Разбиение по полярным квартилям. 1-й квартиль – низкий, 4-й – высокий	Метод 3. Система ECTS	Метод 4. Крайние границы по ECTS (высокий >=65%, низкий <=35%)
Гуманитарное	0,43	0,62	0,60	0,65
Техническое	0,46	0,66	0,62	0,69
Естественное	0.43	0.63	0.58	0.72

Таблица 1. Результаты тестирования методов дифференцирования обучающихся по академической успеваемости (значение метрики F-score)

В дальнейшем этот метод использован для построения модели прогнозирования образовательных достижений студентов на основе цифровых следов.

Структура модели прогнозирования образовательных достижений на основе цифровых следов

На первом этапе построения модели прогнозирования образовательных достижений данные цифровых следов разделялись на три части: обучающая выборка (70% студентов), валидационная (10% студентов) и тестовая (20% студентов). Для построения модели были отобраны наиболее значимые для определения образовательных достижений компоненты цифровых следов обучающихся. Наиболее значимыми переменными оказались: пол, количество друзей, направление обучения, интересы пользователей – подписки.

Подбор подходящих параметров модели осуществлялся с помощью метода GridSearchCV из библиотеки Scikit-Learn. Обучение модели происходило на самом большом массиве данных — обучающей выборке, после чего выполнялось тестирование на данных, которые алгоритм еще не видел, — тестовой выборке. По результатам тестирования лучше всего себя показал алгоритм градиентного бустинга над решающими деревьями реализации Catboost (табл. 2). Он был использован в качестве основного алгоритма модели прогнозирования образовательных достижений студентов на основе цифровых следов.

Направление	SGD	LGBM	Catboost
Гуманитарное	0,41	0,62	0,65
Техническое	0,43	0,66	0,69
Естественное	0,41	0,63	0,72

Таблица 2. Результат тестирования алгоритмов (значение метрики F-score)

Применение модели прогнозирования с учетом подписок пользователей осложнялось чрезмерно большим количеством признаков — при первой итерации в базе данных было 55 469 подписок, поэтому была выполнена процедура отбора наиболее значимых признаков, известная как «feature selection». Для каждого признака была выделена его значимость. На первой итерации использовались все параметры, на них обучалась модель и делалось предска-

зание на тестовых данных. Далее последний по значению важности параметр отбрасывался. Эти операции повторялись, пока не был достигнут наилучший результат. Таким способом удалось повысить значение F-меры модели на 2% для студентов всех направлений обучения.

Еще одним инструментом повышения точности и полноты прогнозной модели стала тематическая классификация подписок пользователей. Все подписки пользователей были классифицированы по следующим укрупненным категориям:

- 1. Духовная жизнь, эзотерика.
- 2. Образование, наука.
- 3. Развлечения, юмор.
- 4. Искусство.
- 5. Здоровый образ жизни, спорт.
- 6. Общественно-политические группы.
- 7. Бизнес, работа.
- 8. Хозяйство, техника.
- 9. Мусорные подписки.

После добавления тематической классификации подписок в модель машинного обучения для прогнозирования образовательных достижений ее качество повысилось на 4%. Таким образом, F-мера финальной модели стала равной 78% для студентов естественных, 73% для технических и 69% для гуманитарных направлений обучения. Такие значения точности и полноты прогнозной модели считаются достаточными для решения задачи прогнозирования образовательных достижений студентов.

Таким образом, была разработана конечная структура модели представленная в виде схемы на рис. 1.

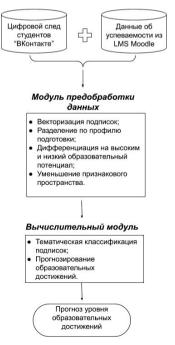

Рис. 1. Модель прогнозирования образовательных достижений студентов

После построения окончательной структуры модели с использованием метрики прироста информации (Information gain) была оценена степень влияния конкретных переменных на прогнозное значение (в нашем случае прогноз наличия высоких образовательных достижений у студента). Для каждой функции метрика прироста информации показывает, насколько в среднем прогноз изменяется при изменении значения функции. Чем больше значение важности, тем в среднем больше будет изменение значения прогноза.

Значение метрики прироста информации («Information gain»)	Название переменной
24,46969292	Пол
3,272388456	Доля в подписках сообществ из категории «образование, наука»
2,922822125	Количество друзей
1,761577834	Количество подписчиков
0,607760814	Количество групп
0,130184106	Доля в подписках сообществ из категории «бизнес, работа»

Таблица 3. Наиболее значимые переменные модели прогнозирования образовательных достижений студентов на основе цифрового следа

Заключение

Разработка модели прогнозирования образовательных достижений студентов на основе цифрового следа имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Теоретическая значимость определяется тем, что апробация модели прогнозирования образовательных достижений студентов позволяет сделать вывод о специфике цифрового следа студентов с высокими формальными образовательными достижениями и его отличии от цифровых следов других обучающихся. Эти отличия связаны с личными интересами, отражающимися в их цифровом следе в виде подписок. Но также на них влияют и структурные характеристики интернет-активности студента, такие как количество групп, в которых он состоит, количество друзей и подписчиков.

Фиксация полученного результата позволяет сделать заявку на дополнение ключевой теории образовательных исследований, объясняющую студенческую успеваемость, – геометрической модели студенческой устойчивости и достижений У. Свейла [16. Р. 12–15]. Данная теория относительно ситуации двадцатилетней давности указывает на три типа факторов, влияющих на академическую успешность и вероятность отчисления студента: институциональные (связанные с условиями обучения в университете), когнитивные (связанные с мотивационными и личностными компетенциями и способностями) и социальные (связанные со статусом, социальным окружением и культурными нормами). Анализ влияния цифровых следов на образовательные достижения показал, что в настоящее время на стыке когнитивных и культурных факторов формируется новый тип факторов, влияющих на образовательные достижения – коннективные, связанные с особенностями онлайн-среды существования студента.

Практическая значимость разработки модели прогнозирования потенциальных образовательных достижений студентов на основе анализа данных цифрового следа заключается в возможности ее использования университе-

тами как инструмента поиска талантливых студентов, а также для тьюторской работы по профилактике студенческих задолженностей и отчислений.

Литература

- 1. Горбунова Е.В. Выбытия студентов из вузов: исследования в России и США // Вопросы образования. 2018. № 1. С. 110–131. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-1-110-131
- 2. *Kitchin R*. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts // Big Data & Society. 2014. № 1 (1). P. 1–12. DOI: 10.1177/2053951714528481
- 3. Junco R. The relationship between frequency of Facebook use, participation in Facebook activities, and student engagement // Computers and Education. 2012. № 58 (1). P. 162–171.
- 4. *Paul J., Baker H., Cochran J.* Effect of Online Social Networking on Student Academic Performance // Computers in Human Behavior. 2012. № 28. P. 2117–2127. DOI: 10.1016/j.chb.2012.06.016
- 5. Kirschner P., Karpinski A. Facebook® and academic performance // Computers in Human Behavior. 2010. № 26 (6). P. 1237–1245. DOI: 10.1016/j.chb.2010.03.024
- 6. Смирнов И.Б., Сивак Е.В., Козьмина Я.Я. В поисках утерянных профилей: достоверность данных ВКонтакте и их значение в образовательных исследованиях // Вопросы образования, 2016. № 4. С. 106–122. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-4-106-122
- 7. Smirnov I. Estimating educational outcomes from students' short texts on social media // EPJ Data Sci. 2020. № 9 (27). DOI: 10.1140/epjds/s13688-020-00245-8
- 8. Krasilnikov A., Semenova M. Do social networks help to improve student academic performance? The case of Vk.com and Russian students // Economics Bulletin. 2014. № 34. P. 718–733.
- 9. *Поливанова К.Н., Смирнов И.Б.* Что в профиле тебе моем данные «ВКонтакте» как инструмент изучения интересов современных подростков // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 134–152. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-134-152
- 10. *Ихсанов И.*, *Шахова И*. Применение методов машинного обучения для выявления взаимосвязи академической успеваемости и данных профиля социальной сети // Russian Digital Libraries Journal. 2019. № 2. С. 95–118. DOI: 10.26907/1562-5419-2019-22-2-95-118
- 11. Гойко В.Л., Киселев П.Б., Мацута В.В., Суханова Е.А., Степаненко А.А., Фещенко А.В. Методы и инструменты выявления перспективных абитуриентов в социальных сетях // Открытое и дистанционное образование. 2017. № 4 (68). С. 45–52.
- 12. Flashman J. Academic Achievement and Its Impact on Friend Dynamics // Sociology of Education. 2012. № 85. P. 61–80. DOI: 10.1177/0038040711417014
- 13. Smirnov I., Thurner S. Formation of homophily in academic performance: Students change their friends rather than performance // PLoS ONE. 2017. № 12 (8):e0183473. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0183473 (accessed: 15.09.2021).
- 14. Lu O.H.T., Huang A.Y.Q., Lin A. J.Q., Ogata H., Yang S.J.H. Applying Learning Analytics for the Early Prediction of Students' Academic Performance in Blended Learning // Educational Technology & Society. 2018. № 21 (2). P. 220–232.
- 15. Sousa A., Oliveira C., Borges J. Using Academic Performance to Predict College Students Dropout: a case study // Educação e Pesquisa. 2018. № 44. URL: https://doi.org/10.1590/s1678-4634201844180590 (accessed: 18.09.2021).
- 16. Swail W.S. The Art of Student Retention. A handbook for practitioners and administrators // Educational Policy Institute. 2014. URL: https://secureservercdn.net/50.62.198.97/68g.645.myftpupload.com/wp-content/uploads/2020/01/Artofstudentretention_2008.pdf (accessed: 20.09.2021).
- Vitaliy V. Kashpur, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Sirius University of Science and Technology (Sochi, Russian Federation).

E-mail: vitkashpur@mail.ru

Evgeniy Y. Petrov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Sirius University of Science and Technology (Sochi, Russian Federation).

E-mail: petrov@data.tsu.ru

Viacheslav L. Goiko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Sirius University of Science and Technology (Sochi, Russian Federation).

E-mail: goiko@data.tsu.ru

Artem V. Feshchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Sirius University of Science and Technology (Sochi, Russian Federation).

E-mail: goiko@data.tsu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 140–150. DOI: 10.17223/1998863X/64/13

POSSIBILITIES OF USING DIGITAL FOOTPRINTS TO PREDICT EDUCATIONAL ACHIEVEMENTS OF STUDENTS

Keywords: digital footprint; students; educational achievement; machine learning

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-31-51001.

The article summarizes one of the first experiences of using the analysis of students' digital footprints for educational analytics tasks, namely, predicting the formal educational achievements of students. Prediction of educational achievement based on digital footprint data was based on the use of Data Mining and Machine Learning methods. Data Mining methods were used to obtain student digital footprint data. As input data, the user's digital footprint from the social network Vkontakte, as well as data on student academic performance in the LMS Moodle of Tomsk State University, was used. Machine Learning methods were based on the application of the gradient boosting algorithm on decision trees from the CatBoost library. Data were obtained on 6,488 students of Tomsk State University. The sample set was divided into three parts: a training sample (70% of students), a validation sample (10% of students), and a test sample (20% of students). To build the model, the most significant components of the digital footprints of students were selected for determining educational achievements: gender, number of friends, direction of study, user interests – subscriptions. As part of building a predicting model, the following procedures were performed: a) differentiation of students into students with high (average score above the 65th percentile border) and low (average score below the 35th percentile border) educational achievements was implemented; b) the procedure for selecting the most significant features, known as "feature selection", was performed; c) a thematic classification of user subscriptions was carried out according to the following enlarged categories: spiritual life, esotericism; education, science; entertainment, humor; art; healthy lifestyle, sports; socio-political groups; business, work; economy, technology; junk subscriptions. The final quality metric (F-measure) of the final model for predicting high educational achievements became 78% for natural, 73% for technical and 69% for humanitarian areas of study. The conducted research has fixed the specifics of the digital footprint of students with high formal educational achievements. It manifests itself in personal interests, reflected in their subscriptions, as well as in some structural characteristics of the student's Internet activity: the number of membership groups, the number of friends and subscribers. As a result, the analysis of the influence of digital footprints on educational achievements showed that now, at the junction of cognitive and cultural factors, a new type of factors is being formed that affects educational achievements - connective, associated with the peculiarities of the student's online environment.

References

- 1. Gorbunova, E.V. (2018) Elaboration of Research on Student Withdrawal from Universities in Russia and the United States. *Voprosy obrazovaniya Educational Studies*. 1. pp. 110–131. (In Russian). DOI: 10.17323/1814-9545-2018-1-110-131
- 2. Kitchin, R. (2014) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Big Data & Society*. 1(1). pp. 1–12. DOI: 10.1177/2053951714528481
- 3. Junco, R. (2012) The relationship between frequency of Facebook use, participation in Facebook activities, and student engagement. *Computers and Education*. 58(1). pp. 162–171.
- 4. Paul, J., Baker, H. & Cochran, J. (2012) Effect of Online Social Networking on Student Academic Performance. *Computers in Human Behavior*. 28. pp. 2117–2127. DOI: 10.1016/j.chb.2012.06.016
- 5. Kirschner, P. & Karpinski, A. (2010) Facebook® and academic performance. *Computers in Human Behavior*. 26(6). pp. 1237–1245. DOI: 10.1016/j.chb.2010.03.024
- 6. Smirnov, I.B., Sivak, E.V. & Kozmina, Ya.Ya. (2016) In Search of Lost Profiles: The Reliability of VKontakte Data and Its Importance for Educational Research. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 106–122. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-4-106-122
- 7. Smirnov, I. (2020) Estimating educational outcomes from students' short texts on social media. *EPJ Data Sci.* 9(27). DOI: 10.1140/epjds/s13688-020-00245-8
- 8. Krasilnikov, A. & Semenova, M. (2014) Do social networks help to improve student academic performance? The case of Vk.com and Russian students. *Economics Bulletin*. 34. pp. 718–733.

- 9. Polivanova, K.N. & Smirnov, I.B. (2017) What's in My Profile: VKontakte Data as a Tool for Studying the Interests of Modern Teenagers. *Voprosy obrazovaniya Educational Studies*. 2. pp. 134–152. (In Rusisian). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-134-152
- 10. Ikhsanov, I. & Shakhova, I. (2019) Primenenie metodov mashinnogo obucheniya dlya vyyavleniya vzaimosvyazi akademicheskoy uspevaemosti i dannykh profilya sotsial'noy seti [Application of machine learning methods to identify the relationship between academic performance and social network profile data]. Russian Digital Libraries Journal. 2. pp. 95–118. DOI: 10.26907/1562-5419-2019-22-2-95-118
- 11. Goyko, V.L., Kiselev, P.B., Matsuta, V.V., Sukhanova, E.A., Stepanenko, A.A. & Feshchenko, A.V. (2017) Metody i instrumenty vyyavleniya perspektivnykh abiturientov v sotsial'nykh setyakh [Methods and tools for identifying promising applicants in social networks]. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie*. 4(68). pp. 45–52.
- 12. Flashman, J. (2012) Academic Achievement and Its Impact on Friend Dynamics. *Sociology of Education*. 85. pp. 61–80. DOI: 10.1177/0038040711417014
- 13. Smirnov, I. & Thurner, S. (2017) Formation of homophily in academic performance: Students change their friends rather than performance. *PLoS ONE*. 12(8):e0183473. DOI: 10.1371/journal.pone.0183473
- 14. Lu, O.H.T., Huang, A.Y.Q., Lin, A.J.Q., Ogata, H. & Yang, S.J.H. (2018) Applying Learning Analytics for the Early Prediction of Students' Academic Performance in Blended Learning. *Educational Technology & Society*, 21(2), pp. 220–232.
- 15. Sousa, A., Oliveira, C. & Borges, J. (2018) Using Academic Performance to Predict College Students Dropout: a case study. *Educação e Pesquisa*. 44. DOI: 10.1590/s1678-4634201844180590
- 16. Swail, W.S. (2014) *The Art of Student Retention. A handbook for practitioners and administrators.* [Online] Available from: https://secureservercdn.net/50.62.198.97/68g.645.myftpupload.com/wp-content/uploads/2020/01/Artofstudentretention 2008.pdf (Accessed: 20th September 2021).

УДК 364.124 (316.42)

DOI: 10.17223/1998863X/64/14

Е.В. Красова

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена осмыслению гуманистических проблем современного общества, решение которых во многом зависит от понимания роли человека в текущих социально-экономических процессах. Основываясь на исторически обусловленной зависимости человека от техноэкономики, актуализируются такие фундаментальные общечеловеческие проблемы, как отчуждение, экономическая несвобода, дегуманизация. Данная проблематика описывается и анализируется через позиционирование и самооцущение человека в нынешней экономике.

Ключевые слова: человек в экономике, гуманистические проблемы, техноэкономика, отчуждение, дегуманизация, человеческий капитал

Постановка научной проблемы

В основе сегодняшнего экономического мейнстрима лежит инновационная парадигма, объясняющая динамику капиталистической экономики внедрением в общественное производство инноваций – новых элементов, повышающих результативность человеческой деятельности. Основанная на теории нововведений Й. Шумпетера, инновационная парадигма органично вписалась в ряд фундаментальных концепций цивилизационного развития. По определению А. Тойнби, современная нам западная цивилизация является техногенной и предполагает рациональный подход к изучению окружающего мира, приоритет технологий и ценность личности как преобразователя природы [1. С. 239].

С одной стороны, ценность личности указывает на человека как на источник трансформации реальности во всем ее многообразии. С другой стороны, приоритет технологий автоматически обесценивает личность, если рассматривать ее непосредственно, вне рамок инновационного процесса. Такая «предельная парадоксальная форма противоречия», наблюдаемая во многих областях исследования человеческой сущности, «порождает условия для невротизации и стресса социального субъекта» [2. С. 99], однако для инновационной парадигмы это вполне естественное явление. Феномен инноваций, концептуализированный в рамках экономической теории, - это взаимная интеграция лишь двух компонент - технологий и экономики, которая создает доминантную для общества технико-экономическую систему (техноэкономику), обеспечивающую на текущем этапе развития цивилизации выживаемость человечества как вида. Управленческое звено этой диады формирует особые ценностно-целевые установки в обществе, в которые не входят ценностные ориентиры самого человека, его личности: из-за своей глубины и широты последние просто не могут быть втиснуты в узкие рамки предметновещественного мира техноэкономики.

Вместе с тем доминирование ценностных установок техноэкономики оказывает влияние на экзистенцию человека, моделируя его сознание на решение узкого диапазона материальных проблем и, в определенной степени, дискредитируя самоценность личности. На протяжении более чем 300-летней истории капиталистического развития мы можем наблюдать перманентно рецидивирующие признаки антропологического кризиса, отражающие явно заниженную ценность человека де-факто. В настоящее время наблюдаемый многими диссонанс между восприятием себя как личности с присущими ей интеллектуально-творческим потенциалом и местом, занимаемым в социально-экономической иерархии, недостижение справедливости в меритократическом смысле, хроническая отягощенность материальными проблемами и нравственными выборами — далеко не полный перечень явлений, проблематизирующих экономику и общество с позиций гуманизма.

Роль человека в общественном производстве, направления самореализации личности, «человеческое измерение» бытия всегда находились в авангарде исследований общественных наук, но сегодня они выходят прямо на острие дискуссий. С конца XX в. наука и практика пытаются осмыслить и преодолеть крайнюю нечеткость, связанную с перспективами мирового развития, что порождает противоречивые подходы к феномену человека настоящего и будущего. В классической литературе преобладает взгляд об исторически обусловленной зависимости человека и его труда от промышленнофинансового капитала [3, 4]. В корпоративных сообществах раздаются мнения о неизбежном ужесточении конкуренции между людьми и окончательном превращении человека в Ното Есопотісия [5]. Философы и социологи рассматривают современного человека как порождение общества постмодерна, существующее в условиях эксплуатации и навязанных коммуникаций [6], как антипода гуманистической сущности человека [7].

Ряд экономистов называют человека двигателем научно-технического прогресса и прогнозируют скорое наступление «эры без работы», «эпохи изобилия, наслаждения жизнью», дающей каждому возможность раскрытия своих высших творческих способностей [8, 9]. Другие подвергают такие взгляды критике [10–12], а третьи и вовсе опасаются возникновения общества без человека в таком виде, в каком мы наблюдаем его сейчас [13, 14]. Каждый автор в своей оценке роли человека исходит из собственных представлений о траектории социально-экономического развития. Принимая плюрализм как основу для поиска истины, в данном исследовании делается попытка представить существующее положение дел через призму проблематики позиционирования и самоощущения человека в современной техноэкономике. Неоднозначные по своим последствиям процессы в экономике и социуме актуализируют гуманистическую составляющую прогресса с целью решения важнейших проблем человечества.

Человек в техноэкономической системе

Согласно классической политэкономии, главной целью экономического развития при капитализме является накопление и эффективное размещение капитала. Закон капиталистического накопления, сформулированный К. Марксом, не исчерпывает свою историческую тенденцию и сегодня: ме-

няются условия, технологии, направления движения капитала, роль различных ресурсов, но его сущность остается неизменной.

Между капиталом и технологиями существует неразрывная связь. Стремящийся к самовозрастанию капитал под действием «невидимой руки» направляется в сферы с наибольшей производительностью труда, которую могут обеспечить только новые технологии. Накапливаемый за счет роста производительности капитал предъявляет спрос, специфицирует состав и качественные характеристики ресурсов, включая рабочую силу. Таким образом, жизненный уклад людей, являющихся носителями рабочей силы, определяется во многом динамикой технологических и связанных с ними экономических процессов.

Зависимость человека и его интеллектуально-личностного потенциала от данных процессов ясно показал еще К. Маркс в «Очерках критики политической экономии» 1857—1859 гг., определив овеществленный труд как господствующую силу, противостоящую живому труду в самом процессе труда. «Деятельность рабочего всесторонне определяется и регулируется движением машин, а не наоборот... Живой труд — всего лишь живой придаток системы машин, средство ее деятельности...» [3. Т. 46, ч. 2. С. 122]. Выражаясь марксовым языком, власть капитала превратила человека сначала в придаток станка, потом — конвейера, затем — компьютера и т.д. Так называемый «креативный класс», воспринимаемый многими как двигатель прогресса, «оказался ограничен узким горизонтом общества потребления и рутинной деятельностью "офисного планктона"» [4. С. 129].

Рынок как форма хозяйства стремится к самовоспроизводству на основе предельной рационализации, которой подчиняются все экономические и социально-культурные процессы. В результате экономика как совокупность общественных отношений представляет собой не «живое творчество народных масс» [15. С. 273], а механизм использования капиталом труда, которое попадает под классическое понятие эксплуатации. Несмотря на многолетнюю критику марксизма, большинство российских и западных ученых сегодня признают уместность его диагностики капитализма как ущербной для личности экономической системы. «Она <буржуазия, т.е. класс собственников капитала> превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место пожалованных и приобретенных свобод одну свободу торговли... Эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям» [16. C. 426, 445]. Та, «другая», часть заинтересована в сохранении такого положения дел: усиливающаяся дифференциация позволяет накапливать капитал и контролировать остальных членов общества. Меньшинство, обладая экономической властью, активно культивирует свои установки большинству.

Экономическая наука, отвечая на запросы хозяйственной практики, исследует свой определенный срез реальности в контексте производительности и накопления капитала и не затрагивает, за некоторым исключением, аксиологические аспекты человеческого бытия. Закономерным следствием развития капиталистической формы хозяйства явилось появление теории человеческого капитала, предложившей понятный методологический инструментарий эффективного использования человека. Данная теория сделала весьма успешную попытку уйти от щепетильного для науки вопроса, связанного с опреде-

154 — Е.В. Красова

лением человека как «полезного материального объекта», такого же, как «лошадь или бык» [17. С. 51], разделив понятия «человек» и «человеческий капитал». Вот уже шестьдесят лет ученые с энтузиазмом исследуют инвестиции в человеческий капитал, их отдачу, рентабельность, влияние на экономический рост, рассчитывают степень износа и стоимость человеческого капитала и даже предлагают вставить человеческий капитал в систему национальных счетов. Все предельно рационально: «Основными видами вложений в человека считаются образование, производственная подготовка, охрана здоровья, миграция, поиск информации на рынке труда, рождение и воспитание детей. Образование и подготовка увеличивают объем человеческого капитала, охрана здоровья продлевает срок его службы, миграция и поиск информации способствуют повышению цен за его услуги, рождение и воспитание детей воспроизводят его в следующем поколении» [18. С. 7]. Роль самого человека сводится к носителю человеческого капитала: он должен по-хозяйски распорядиться последним, чтобы повысить производственную эффективность и получить как можно больше выгод.

Чем свежее литература, тем жестче риторика: новая экономика требует новых людей. «Современная экономика не прощает промедлений..., она требует формирования новой системы профессионального обучения... Не человек вообще, а человек, обладающий профессиональными компетенциями в области новых технологий... Изменилась роль человека, потому что он стал главным ресурсом модернизации» [19. С. 16]. «Человек вообще» выпадает из системы общественных отношений за ненадобностью. Многие авторы фокусируют внимание на преобразовании содержания личностных характеристик в процессе капитализации человеческих способностей, например в [20, 21]. «Все избыточные по отношению к созданию стоимости способности выводятся за пределы развития личности и не обеспечиваются из фонда жизненных средств; в составе человеческого капитала остаются, воспроизводятся и закрепляются только те созидательные возможности, которые востребованы процессом создания стоимости» [22. С. 83]. Человек позиционируется исходя из его функциональной привязки к техноэкономическим процессам, расщепляется на множество компонентов с целью поиска наиболее полезных и выгодных, остальные же просто «выводятся за пределы» рыночной экономики, которая рассматривается как «наиболее эффективная из всех существовавших форм организации общественного производства, как общечеловеческая ценность» [9. С. 110].

«Человек представал в разных ипостасях, в том числе единицей населения, элементом рабочей силы, генератором научно-технического прогресса, потребителем и т.п., но так и иначе рассматривается как часть экономического механизма, как средство достижения экономических целей» [23. С. 7]. Основой для «поддержания нынешней социально-экономической системы и организации общества является не человек-творец, а человек-функция (М. Фуко), или человек-место (А.В. Павлов), человек-потребитель (Ж. Бодрий-яр)» [6. С. 22]. В независимости от профессии, квалификации, социального статуса и даже от содержания заключенного в нем человеческого капитала, человек в техноэкономике — это средство, ресурс, фактор. По остроумному замечанию С. Платонова, «в составе технологии человек играет малопочтенную роль лошади в чигире — роль производителя мышечной энергии. Хотя совре-

менное общество склонно окружать романтическим ореолом фигуры инженера и банкира – они оба не более чем агенты процессов производства информации и стоимости, порабощенные чуждыми силами экономических законов» [24].

Отчуждение, несвобода и дегуманизация

Зависимость человека от техноэкономики порождает отчуждение – одну из самых обсуждаемых междисциплинарных проблем в общественных науках. В силу своей фундаментальности проблема отчуждения имеет множество форм проявлений, одна из которых - отчуждение человека от своей человеческой сущности, от личной творческой свободы. Несмотря на очарование ноосферизма, теории о торжестве человеческого разума и апологетику интеллектуального труда, часто встречающихся в литературе, следует отметить, что представители творческих, интеллигентных профессий подвергаются отчуждению так же, как и рабочие или фермеры. В общедоступной интернет-энциклопедии «Википедия» можно прочесть, что в инновационной экономике «основную прибыль создает интеллект новаторов и ученых, а не материальное производство и не концентрация финансов (капитала)»¹. Хочется ответить авторам из «Википедии», что именно капитал (в лице его собственника), используя интеллект и труд ученых, производит инновационный продукт и извлекает прибыль от его реализации. Отчуждение зависит не от вида и характера труда, а от сложившейся системы хозяйственных отношений.

Современной формой отчуждения можно считать упомянутое выше разделение понятий «человек» и «человеческий капитал». Неотделимость человеческого капитала от человека при всей ее очевидности — чисто декларативная черта, фактически не укладывающаяся в существующую методологию теории человеческого капитала. Некоторые ученые рассматривают неотделимость человеческого капитала от личности-носителя как проблему в учете и измерениях, как, например, в [18], но большинство экономистов просто игнорируют данный аспект. «В процессе становления капитала наемный рабочий лишь формально представлен как личность, которая кое-что значит сама по себе» [22. С. 85]. Исследователи подчеркивают, что человек не продается (он свободен априори), сдается лишь в аренду его человеческий капитал, «устанавливается лишь плата за использование его личных способностей, употребляемых им по собственному усмотрению за соответствующее вознаграждение» [25. С. 166].

Между тем «собственное усмотрение» человека подчинено целям и задачам техноэкономической системы: по словам Г. Беккера, «свобода действий человека ограничивается его доходом, временем, несовершенством памяти и вычислительных способностей и другими ограниченными ресурсами, а также возможностями, которые предоставляет ему экономика. Широта этих возможностей определяется действиями других индивидов и их организаций» [26. С. 585]. Отсюда следует, что свобода человека (его выбора и действий) — условная, относительная категория: она существует, но в тех пределах и на тех условиях, которые задают человеку техноэкономика и общество, ею создаваемое. Такая относительная свобода делает выбор каждого из нас, по сути, предопределенным.

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Инновационная экономика.

«Широта возможностей» современной экономики диктует четкие и быстро меняющиеся характеристики рабочей силы – знания, умения, навыки, опыт, которые выступают ориентирами для человека, делающего выбор направления обучения, места работы, места жительства, количества детей в семье, модели социального поведения, самореализации и т.д. Общество измеряет и отождествляет человека с его социально-экономическими позициями, в силу чего свои интересы и цели индивидуум вынужден встраивать в ценностно-целевую модель экономики. «Общественное воспроизводство рыночной модели, где природа и человек являются не целью, а средством, довлеет над человеком, предлагая ему главную цель и предназначение» [27. С. 151]. Это может входить в диссонанс с личностными устремлениями человека, поэтому возникает ряд значимых для него проблем, среди которых наиболее очевидные - это работа не по призванию, отсутствие собственной миссии и сопутствующие им «тревога, страх, тоска и скука» [7. C. 75]. Современный свободный человек далеко не свободен от условностей социально-экономических отношений, материальных проблем, болезней, разочарований, социальной несправедливости, страха бедности и т.п. По словам К. Маркса, «сама жизнь оказывается лишь средством к жизни. Человек превращает свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования» [3. Т. 42. С. 66].

Рассуждая о дихотомии существования человека, Э. Фромм писал: «Человек – единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться» [28. С. 445]. Преломляя данную мысль через призму нашего исследования, можно сказать, что человек не может освободиться от своего духа (т.е. совокупности данных природой личностных качеств и устремлений), даже если бы он этого хотел, и не может освободиться от своего тела (т.е. от желания выжить и обеспечить себе комфортное существование). Двойственность и противоречивость такого состояния приводят к «постоянной неизбежной неуравновешенности» человека, находясь в которой, очень трудно достичь «подлинного самоотождествления».

«Человек – единственное существо на Земле, которое работает, остальные просто живут. Где же хваленая "разумность"? Где воспетое превосходство над другими формами жизни? Каким же извращенным мышлением надо обладать, чтоб искусственно создать систему, где необходимо платить за право на существование, проживая на такой сказочно обильной и богатой планете», – текст без авторства в одной из соцсетей в интернете ¹. Такие мысли отражают общее интуитивное понимание людей о тупиковости человеческого пути в техноэкономике, которая, с одной стороны, использует продукты человеческого разума, с другой стороны, ограничивает его проявления узкими рамками потребностей капитала.

Экономическая несвобода в условиях осознаваемой личностной свободы — отнюдь не новая черта общества, но сегодня она усугубляется в силу активного наступления техноэкономики на все сферы жизни человека. Развитие информационных технологий и связанные с этим изменения образа жизни и труда еще больше низводят живой труд до «бесконечно малой величи-

¹ URL: https://vk.com/topic-903174 39857312

ны». «Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство» [3. Т. 46, ч. 2. С. 127], расширяется за счет вовлечения в производственный процесс личного времени человека, его личных ресурсов и личностных качеств. Ученые говорят о размывании границ личного и общественного, конвергенции личностных и профессиональных качеств, смешении личной и профессиональной идентификации. «Человек становится частью производственного процесса в большей степени, чем на фордистском конвейере: фордистский капитал интересовался механической функцией работника, в постфордистскую эру капиталу нужно подчинить себе личность работника со всеми ее навыками, знаниями и квалификациями, психологическими особенностями и индивидуальными чертами» [29. С. 152]. «Могут существовать дополнительные производительные характеристики индивидов... (упорство, мотивация, склонность к риску, самооценка, самоконтроль)... которые прямо влияют на заработки... Границы между навыками, способностями и личностными чертами стираются» [30. С. 7]. В «современном информационном обществе отчуждение не только усилилось, оно стало всеохватывающим». Меняется не только уровень подчиненности человека капиталу, но и отношение к подлинному производительному труду: «труд рабочего и крестьянина становится невидимым для общества, поэтому и кажется незначительным по сравнению с трудом менеджеров и торговых агентов, не говоря уже о звездах шоубизнеса» [7. С. 77]. Основным мотивом трудовой деятельности является не столько желание принести пользу людям, сколько стремление победить в межличностной профессиональной конкуренции, которая становится все более агрессивной в условиях усиливающейся несвободы труда, навязанных целей, ценностей и коммуникаций.

Наиболее гротескной формой отчуждения и несвободы человека является описанное живым языком Андрэ Горца «самопредпринимательство», возникающее на основе «тотальной мобилизации» способностей и склонностей, полного устранения границ и различий между работой и жизнью. «Личность должна стать предприятием для самой себя, она должна рассматривать себя как капитал, требующий непрерывного воспроизводства, модернизации, расширения и утилизации» [5. С. 33]. Такая неолиберальная утопия в условиях распространенных технотронных иллюзий приводит к превращению самой жизни в бизнес, поскольку «вся жизнь оказывается в плену экономического расчета и стоимости» [Там же. С. 35]. Тотальная мобилизация означает тотальную ответственность человека за свое материальное благополучие и тотальную экономию затрат на рабочую силу для предприятий. Несоответствие между требуемыми и предлагаемыми характеристиками рабочей силы автоматически обесценивает личность как капитал. Концепция капитализированной личности ликвидирует острейшую социальную проблему - безработицу: ведь люди «сами виноваты в том, что остались без работы, рабочее место нужно им самим для самоуважения, однако они просто не умеют его заслужить» [Там же. С. 38].

Таким образом, в настоящее время постепенно происходит метаморфоза самоидентификации человека в сторону неких суррогатов его же собственной личности. Из человека выделяются одни качества, необходимые техноэкономической системе, одновременно выхолащиваются другие, которые могут помешать рассматривать индивидуум как объект подчинения капиталом, —

158 *Е.В. Красова*

качества, которые обычный человек назвал бы культурой, человечностью, гуманистическими ценностями. Человеческая культура замещается корпоративной культурой, в которой трудолюбие, честность, ответственность и т.д. также приветствуются, но с точки зрения их рыночной ценности, в рамках достижения целей и задач корпорации, в виде определенных некогнитивных компонент человеческого капитала. Хороший человек, как говорится, это не профессия, но перспективное направление для капитализации личности, объект для манипулирования в социально-экономических отношениях. «Культ homo economicus – довольно сомнительное отражение действительности, поскольку изображает индивида как "счетную машину", как "высушенного, сморщенного гомункулуса" (К. Бруннер), как "монстра" (П. Вайзе), наконец, "как нечто несуществующее" (К. Лаваль)» [15. С. 273-274]. Стадия развития общества, когда капиталом станет сам человек, - квинтэссенция развития капитализма, достигаемая за счет тотальной дегуманизации. «Экономика гордится тем, что называется общественной наукой, но в действительности она не признает даже отдельного человека» [31. C. 404].

Сужение значимых характеристик человека до отдельных составляющих и рассмотрение последних в качестве факторов социально-экономического развития — это черта технократического подхода. Наше время называют эпохой гуманистического технократизма, когда экономика использует не какието выборочные физические способности человека, а те, которые были получены в результате личностного роста. Вот только личностных проблем человека это не решает и духовных запросов личности не удовлетворяет.

Нивелирование значимости гуманистического подхода в пользу капитализации личности ведет к парадоксальной ситуации: развитие интеллектуальных способностей и технологий на фоне снижения культурно-нравственного уровня будет способствовать экономическому регрессу и инволюции социума. Вопреки всем установкам на рационализацию, капиталистическую систему характеризует расточительность ресурсов вследствие монополизации отраслей, а вовсе не эффективность их использования. «Рациональные решения в технократическом обществе могут приводить к непредсказуемым результатам», в результате чего «правильные решения рождают общий иррационализм» [32. С. 10]. Современные коучи с просторов интернета уверяют о нормальности присутствия в нашей жизни несправедливости, ведь «рай никто нам не обещал». «Новые» экономисты уверяют о нормальности «новой» экономики с отрицательными темпами роста, кризисами и дифференциацией уровня жизни. В связи с этим некоторые ученые обращают внимание на опасный для цивилизации характер разрыва между научным прогрессом и отсутствием нравственного прогресса [33. С. 10; 34. С. 63], считают, что в рыночной системе невозможно положить нравственные принципы в основу отношений между людьми [4, 23]. Информационно-цифровая экономика с уклоном на самопредпринимательство «может привести к непредсказуемым последствиям разрушения психики человека», в результате чего будущий мир «может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов» [1. C. 359, 307].

Во избежание цивилизационных кризисов и для восстановления доверия человечества к экономике, которое было существенно поколеблено за время

пандемии, необходима концептуализация гуманистического направления развития информационной экономики. Информация и объекты, составляющие материальную базу экономики, могут быть использованы как во благо, так и против человека — все зависит от доминирующих приоритетов общества. Подлинно гуманистическая, развитая экономика, ориентированная на рост общественного благосостояния, может быть достигнута только в процессе ослабления отчуждения и несвободы.

Литература

- 1. *NBIC*-технологии. Инновационная цивилизация XXI века / А.К. Казанцев, В.Н. Киселев, Д.А. Рубвальтер, О.В. Руденский. М.: ИНФРА-М, 2014. 384 с.
- 2. Шкарин Д.Л., Шелествок Е.В. Качественные трансформации социального субъекта в общем контексте изменений современного общества: теоретико-методологические подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 95–107.
 - 3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1975–1981. Т. 40–50.
- 4. *Бузгалин А.В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
- 5. Γ ори A. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Γ ос. ун-та ВШЭ, 2010. 208 с.
- 6. Лёвкина А.О., Лёвкин В.Е. Роль гуманистических ценностей в самоидентификации субъектов инновационного развития общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. № 1 (33). С. 16–25.
- 7. Гришин В.В. Марксистский проект человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 74–79.
- 8. *Хайнс* Э. Как подготовиться к «безработному» будущему // Форсайт. 2019. Т. 13, № 1. С. 19–30.
 - 9. Новиков А.М. Постиндустриальное образование. М.: Эгвес, 2008. 136 с.
 - 10. Кэмпбелл Я. Будущее сферы труда // Идеи и новации. 2019. Т. 7, № 1. С. 27–33.
- 11. Афанасов Н.Б. Парадоксы свободного времени в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 57–65.
- 12. Koroleva E.V., Volynchuk Ya.A. Syndrome of contemporary socium success: olympus or defeat? // Turkish Online Journal of Design Art and Communication. 2018. Vol. 8. P. 494–501.
- 13. Φ орд M. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. M. : Альпина Диджитал, 2015. 430 с.
 - 14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, Ермак, 2005. 592 с.
- 15. *Ивашковский С.Н.* Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ // Вестник МГИМО Университета. 2017. № 3 (54). С. 268–290.
- 16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Сочинения: 2-е изд. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. С. 419–459.
 - 17. Фишер И. Покупательная сила денег. Гл. 1. Пар. 1. М.: Дело, 2001. 320 с.
- 18. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? М.: Изд. Дом ВШЭ, 2012. 76 с.
- 19. Григорьев С.Г., Лукин В.В., Лукин Д.В. Развитие человеческого капитала в условиях цифровизации // E-Management. 2018. Т. 1, № 2. С. 13–19.
- 20. Reich R. The work of nations: preparing ourselves for 21st century capitalism. New York: Vintage Books, 1992.
- 21. Nedoluzhko O.V., Nigay E.A. Educating the ontological model of intellectual capital development using the method categorial series // Propositos y Representaciones. 2020. Vol. 8, № 3.
- 22. Ермоленко А.А., Брижак О.В. Новые формы отношений, возникающие в движении капитала // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 80–102.
 - 23. Федоренко Н.П. Гуманистическая экономика. М.: Экономика, 2006. 188 с.
- 24. *Чернышев С.Б.* Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн. М. : Полит. энциклопедия, 2018.392 с.
- 25. *Авдеев Е.В.* Сущность и особенности формирования человеческого капитала // International Agricultural Journal. 2020. Т. 63, № 1. С. 159–169.
- 26. Беккер Γ . Экономический взгляд на жизнь // Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 582–614.

- 27. Кармаев Н.А. Труд в условиях поиска смыслов // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2017. № 4. С. 151–155.
- 28. *Фромм* Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии: Переводы / общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 443–482.
- 29. *Квачев В.Г., Юдина М.А.* Индустрия 4.0: поражение работы или победа творческого труда? // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 140–158.
- 30. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А., Капелюшников Р.И. Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные // Вопросы экономики. 2020. № 11. С. 5–31.
- 31. Жак Л., Циганов В.В. Возможные пути будущего общественного развития // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 4. С. 403-408.
- 32. *Кутырев В.А.* Любовь к мудрости на пороге Нового века // Вестник МГУ: Философия. 1998. № 3. С. 3–16.
- 33. *Бахтиярова Е.З., Черникова И.В.* Проблема концептуализации стратегий развития человечества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 5–14.
 - 34. Кулюткин Ю.Н. Технократия и гуманизм // Человек и образование. 2005. № 2. С. 61–65.

Elena V. Krasova, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation).

E-mail: elena krasova@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 151–162.

DOI: 10.17223/1998863X/64/14

HUMANISTIC PROBLEMS OF MODERN ECONOMICS

Keywords: human in economics; humanistic problems; techno-economics; alienation; dehumanization; human capital

The article aims to comprehend humanistic problems in modern society, the solution of which largely depends on understanding the human being's role in current socio-economic processes. Various and ambivalent processes in economics are rather unclear in their consequences and make our society enhance the importance of the humanistic component of progress to promote both the material wellbeing growth and the humanity's personal, spiritual development. The theoretical and practical problem of the research is the contradiction between a human's self-perception as a person with their special intellectual and creative potential and the role a person plays in modern economics. On the basis of economic development logic, the human's secondary role and dependence of people's lifestyle on technological and economic processes are explained. In the context of the human's role as a production resource, such fundamental universal human problems as alienation, economic unfreedom and dehumanization are actualized. These problems are investigated in the following patterns: separation of the human capital from human being, the impact of techno-economics on an individual's choice in almost all life spheres, the blurred personal and social boundaries, the mixed personal and professional identification, the increasing interpersonal competition in the labor world, and personality's capitalization. Alienation and unfreedom are great contributors to the suppressed human feeling, to the dissonance between personal aspirations and environmental foundations. The described problems determine the expediency of reorienting the innovation paradigm of socio-economic development into a humanistic one with fundamentally different target guidelines. The most urgent scientific task in this sense is the conceptualization of the humanistic direction under the information economy concept, which is a modern form of innovative development.

References

- 1. Kazantsev, A.K., Kiselev, V.N., Rubvalter, D.A. & Rudenskiy, O.V. (2014) *NBIC-tekhnologii*. *Innovatsionnaya tsivilizatsiya XXI veka* [NBIC technologies. Innovative civilization of the 21st century]. Moscow: INFRA-M.
- 2. Shkarin, D.L. & Shelestyuk, E.V. (2020) Qualitative Transformations of the Social Subject in the General Context of Changes in Modern Society: Theoretical and Methodological Approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 53. pp. 95–107. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/53/10
- 3. Marx, K. & Engels, F. (1975–1981) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. lit.

- 4. Buzgalin, A.V. (2018) Zakat neoliberalizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) [Decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)]. *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 122–141.
- 5. Gorts, A. (2010) *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i capital* [The Intangible. Knowledge, value and capital]. Translated from French. Moscow: HSE.
- 6. Lyovkina, A.O. & Lyovkin, V.E. (2018) The role of humanistic values in self-identification of the actors of innovation development in society. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 1(33). pp. 16–25. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-16-25
- 7. Grishin, V.V. (2011) K. Marxs's project of the human being. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences. 2(22). pp. 74–79. (In Russian).
- 8. Hines, E. (2019) Getting Ready for a Post-Work Future. Forsayt Foresight and STI Governance. 13(1). pp. 19–30. (In Russian). DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.19.30
- 9. Novikov, A.M. (2008) *Postindustrial'noe obrazovanie* [Post-industrial education]. Moscow: Egves.
- 10. Campbell, J. (2019) Budushchee sfery truda [The future of the labor sphere]. *Idei i novatsii*. 7(1). pp. 27–33.
- 11. Afanasov, N.B. (2020) The time-pressure paradoxes in the digital age. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 57–65. (In Russian). DOI: 10.21146/0042-8744-2020-10-57-65
- 12. Koroleva, E.V. & Volynchuk, Ya.A. (2018) Syndrome of contemporary socium success: Olympus or defeat? *Turkish Online Journal of Design Art and Communication*. 8. pp. 494–501. DOI: 10.7456/1080MSE/158
- 13. Ford, M. (2015) *Roboty nastupayut: Razvitie tekhnologiy i budushchee bez raboty* [Robots are coming: Technology development and a future without work]. Moscow: Al'pina Didzhital.
- 14. Fukuyama, F. (2005) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Translated from English. Moscow: AST, Ermak.
- 15. Ivashkovsky, S.N. (2017) Economy as a phenomenon of culture: theoretical and methodological analysis. *Vestnik MGIMO Universiteta The MGIMO Review of International Relations*. 3(54). pp. 268–290. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290
- 16. Marx, K. & Engels, F. (1955) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German. Moscow: Politizdat. pp. 419–459.
- 17. Fisher, I. (2001) *Pokupatel'naya sila deneg* [The Purchasing Power of Money]. Translated from English. Moscow: Delo.
- 18. Kapelyushnikov, R.I. (2012) *Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii?* [How much is Russia's human capital worth?]. Moscow: HSE.
- 19. Grigoriev, S.G., Lukin, V.V. & Lukin, D.V. (2018) Razvitie chelovecheskogo kapitala v usloviyakh tsifrovizatsii [Development of human capital in the context of digitalization]. *E-Management*. 1(2). pp. 13–19.
- 20. Reich, R. (1992) The work of nations: preparing ourselves for 21st century capitalism. New York: Vintage Books.
- 21. Nedoluzhko, O.V. & Nigay, E.A. (2020) Educating the ontological model of intellectual capital development using the method "Categorial Series". *Propositos y Representaciones*. 8(3). DOI: 10.20511/pyr2020.v8n3.518
- 22. Ermolenko, A.A. & Brizhak, O.V. (2018) Novye formy otnosheniy, voznikayushchie v dvizhenii kapitala [New forms of relations arising in the movement of capital]. *Filosofiya khozyaystva Philosophy of Economy*. 6. pp. 80–102.
- 23. Fedorenko, N.P. (2006) *Gumanisticheskaya ekonomika* [Humanistic Economics]. Moscow: Ekonomika.
- 24. Chernyshev, S.B. (2018) *Tekhnoekonomika. Komu i zachem nuzhen blokcheyn* [Technoeconomics. Who Needs Blockchain and Why?]. Moscow: Polit. entsiklopediya.
- 25. Avdeev, E.V. (2020) Human capital formation: its essence and features. *International Agricultural Journal*. 63(1). pp. 159–169. (In Russian).
- 26. Becker, G. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskiy podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoy teorii* [Human Behavior: Economical Approach. Selected Works on Economic Theory]. Translated from English. Moscow: HSE. pp. 582–614.
- 27. Karmaev, N.A. (2017) Trud v usloviyakh poiska smyslov [Labor in the context of the search for meanings]. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: nauka i praktika.* 4. pp. 151–155.

- 28. Fromm, E. (1988) Puti iz bol'nogo obshchestva [Ways out of a sick society]. In: Popov, Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress. pp. 443–482.
- 29. Kvachev, V.G. & Yudina, M.A. (2017) Industry 4.0: A Loss for Labor or a Victory for Creative Work? *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik Public Administration. E-Journal.* 64. pp. 140–158. (In Russian).
- 30. Gimpelson, V.E., Zudina, A.A. & Kapelyushnikov, R.I. (2020) Non-cognitive components of human capital: Evidence from Russian data. *Voprosy ekonomiki*. 11. pp. 5–31. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-5-31
- 31. Zhak, L. & Tsiganov, V.V. (2016) Possible ways of future social development. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal The Liberal Arts in Russia*. 5(4). pp. 403–408. (In Russian). DOI: 10.15643/libartrus-2016.4.7
- 32. Kutyrev, V.A. (1998) Lyubov' k mudrosti na poroge Novogo veka [Love for wisdom on the threshold of the New Age]. *Vestnik MGU: Filosofiya*. 3. pp. 3–16.
- 33. Bakhtiyarova, E.Z. & Chernikova, I.V. (2019) The problem of conceptualization of human development strategies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 47. pp. 5–14. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/47/1
- 34. Kulyutkin, Yu.N. (2005) Tekhnokratiya i gumanizm [Technocracy and Humanism]. *Chelovek i obrazovanie Man and Education*. 2. pp. 61–65.

УДК: [298+314.727.3]:316.4.063 DOI: 10.17223/1998863X/64/15

Н.Н. Позаненко, А.А. Позаненко

ДВА УЧЕНИЯ, ДВА УКЛАДА: АНАСТАСИЙСКИЕ И РЕРИХОВСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Рассматриваются последователи анастасийского и рериховского движений, по идеологическим соображениям переселившиеся из городов в сельскую местность. Показано, как особенности соответствующих двух учений задают принципиальные различия в жизненных укладах переселенцев. Сопоставляются их ценности и образ жизни, потенциал для принимающей территории, отношения с местным населением, перспективы развития.

Ключевые слова: *анастасийцы, поселения родовых поместий, рериховцы, развитие* территорий, сельская местность

Все больше и больше горожан, уставших от суеты мегаполисов, ощущают потребность в переосмыслении ценностей и изменении среды своего обитания (см., напр., [1]). Одни переезжают в сельскую местность, движимые просто желанием быть ближе к природе. Для других же переселение на землю сопряжено с примыканием к какому-либо из новых религиозных движений (НРД), часть которых также предполагает в том или ином виде дистанцирование от цивилизации и общества. Опыт наших социологических исследований в местах, куда переезжают последователи НРД, показывает, что локальное сообщество не всегда четко понимает, что представляют собой приезжие. Хорошо, когда переселенцев по крайней мере встречают спокойно, считая просто городскими чудаками, а не воспринимают в штыки, и различия во взглядах не выливаются в конфликты. Так или иначе местными жителями зачастую не осознается тот факт, что за общими для большинства НРД и уже прочно связываемыми с ними атрибутами (вегетарианство, отказ от алкоголя и табака, интерес к эзотерической литературе и т.д.) могут стоять фундаментальные идеологические различия.

В своих исследованиях мы зафиксировали подобные различия на примере движения «Звенящие кедры России», также известного как анастасийское движение, и движения последователей учения Николая и Елены Рерихов¹. Оба движения относятся к наиболее популярным и значимым для современной России (см., напр., [4, 5]). Идеологические принципы и образ жизни анастасийцев были подробно изучены нами в ряде поселений, основанных сторонниками движения, и в ходе нескольких организованных ими в Москве

¹ Выявление указанных различий не было целью отдельного исследования. Это непредвиденный результат, который мы получили уже спустя некоторое время после работы над разными проектами разных лет. Обсуждая анастасийских и рериховских переселенцев, мы обратили внимание на контрастность этих двух групп и решили их детально сопоставить. Подробные эмпирические описания групп сделаны нами ранее (см.: [2, 3]).

мероприятий¹. Изучение идеологии и образа жизни рериховцев проводилось в Уймонской долине Республики Алтай² и в селе Владимирском Нижегородской области³ (обе локации – места массового заселения последователями учения). Выводы основаны на данных нескольких десятков глубинных полуструктурированных интервью (преимущественно с переселенцами, также с прочими местными жителями) и данных наблюдения, в том числе включенного (в виде проживания в течение нескольких дней в анастасийских домохозяйствах).

Ценности и образ жизни

Движение анастасийцев связано с идеей создания так называемых родовых поместий, где предполагается основывать или воссоединять свой род, который будет жить на этой земле вечно, получая от нее «родовую энергию». Основоположником учения является писатель Владимир Мегре; в его книгах (серия «Звенящие кедры России», 1996–2010) приводятся подробные инструкции по обустройству своего поместья и обретению на этой почве счастья. Почти всегда сторонники движения селятся группами, образуя поселения родовых поместий. Такие поселения в большинстве своем концентрируются в относительной близости к большим городам - анастасийцы, будучи исходно горожанами, не рвут окончательно связей с городом и соответствующим образом жизни. Многие продолжают работать удаленно или вести свой бизнес, выезжать за покупками, навещать родственников и т.д. Они поддерживают связь с внешним миром, пользуются сотовой связью и интернетом. При этом в их образе жизни много архаичных элементов. Молодые анастасийские семьи почти всегда многодетны⁴. Сторонники движения стремятся к полной самодостаточности своих домохозяйств, в том числе продовольственной (хотя многие и признают, что это утопия), разбивают сады и огороды (скот и птицу в силу вегетарианства и незнания принципов ухода держат немногие). Некоторые переселенцы, в том числе, зарабатывают на жизнь производством продукции из сырья, выращенного на участке или собранного в окрестностях. В соответствии с идеями учения, анастасийцы стараются собрать в своем поместье максимальное биологическое разнообразие: высаживают деревья и растения, роют пруды. Еще один архаичный элемент – более активная, чем в городе, общественная жизнь⁵: в развитых поселениях

¹ В рамках исследовательского проекта «Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти», при финансовой поддержке Фонда «Хамовники», рук. А.А. Позаненко, 2012–2014 гг., а также в рамках экспедиции «Жизнь покинувших город на примере поселений родовых поместий» по программе студенческих экспедиций НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», рук. А.А. Позаненко, 2018 г.

² В рамках летней школы «Этноконфессиональные аспекты организации местного самоуправления» кафедры местного самоуправления ФГМУ НИУ ВШЭ, рук. С.Г. Кордонский, 2012 г.

³ В рамках экспедиции «Трансформирующее воздействие фактора "места силы" на структуру местного общества» по программе студенческих экспедиций НИУ ВШЭ «Открываем Россию заново», рук. А.А. Позаненко, 2018 г.
⁴ Основу движения составляют семейные пары с детьми, что обусловлено самой идеей родового

⁴ Основу движения составляют семейные пары с детьми, что обусловлено самой идеей родового поместья. Одинокие, пожилые и бездетные присутствуют, но их меньшинство.

⁵ Фердинанд Тённис отмечал, что активная общественная жизнь является чертой общности, Gemeinschaft (в противоположность чертам общества, Gesellschaft): «...всякая похвала деревенской жизни всегда указывала на то, что общность между людьми там более крепка, в ней больше жизни: общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь» [6]. Так как общность по отношению к обществу архаична, то и о ее чертах можно говорить как об архаичных.

практикуется проведение общих праздников и собраний, лекций и мастерклассов, физкультурных занятий и кружков для детей и взрослых. Можно видеть, что их образ жизни носит подчеркнуто деятельный и созидательный характер. Связано это с лежащим в основе анастасийской идеологии представлением о том, что в рай человек попадает не после смерти, а путем создания его самостоятельно в своем родовом поместье. Последователи учения ориентированы на настоящую проживаемую жизнь, которую они стараются максимально наполнить смыслом и содержанием.

Рериховство основывается на идеях Агни Йоги, или Живой этики, - синкретического религиозно-философского учения, разработанного Николаем и Еленой Рерихами. Учение основывается на представлении о необходимости постоянного самосовершенствования и духовного развития, которое позволит человеку перейти в высшие миры. Ключевая роль в этом процессе отводится созданию и распространению культурных ценностей, а также сохранекультурного наследия. Последователи рериховского ориентированы, с одной стороны, на личностное саморазвитие, с другой стороны, на развитие окружающего мира в целом. При этом проживаемая в данный момент жизнь («человеческий земной мир») считается только плацдармом для будущих более совершенных жизней, перейти в которые без постоянного развития невозможно. Рериховцы переселяются ближе к природе, стремясь очистить сознание, обрести гармонию духа, найти источники вдохновения для творчества, внести вклад в Культуру, что в итоге поспособствует перерождению в более высоком мире. Отличительной особенностью движения является большое число организаций, нацеленных на творческую и культурно-просветительскую деятельность. И в Уймонской долине, и во Владимирском рериховцы заняты в сфере культуры и дополнительного образования, причем не столько внедрившись в имеющиеся учреждения, сколько создав собственные: музеи, туристические комплексы, центры детского творчества, центры культуры. У них свои мастерские и гостевые дома, они проводят экскурсии, выставки, конференции, мастер-классы, фольклорные мероприятия.

Можно видеть, что ценностная позиция сторонников этих двух учений существенно различается: у анастасийцев она базируется на созидательности, полноте бытия и стремлении к счастью конкретному; у рериховцев – на созерцательности, развитости сознания и стремлении к счастью абстрактному. И те и другие переселенцы являются преимущественно людьми инициативными, с активной жизненной позицией, при этом деятельность первых нацелена в большей степени на создание ценностей материальных, осязаемых, тогда как деятельность вторых – на создание ценностей культурных, духовных.

Потенциал для развития территории

Анастасийцы выбирают место для родового поместья с учетом нескольких обстоятельств. Во-первых, как уже говорилось, важна если не близость, то во всяком случае доступность большого города, чаще всего — места прежнего проживания человека. Во-вторых, для создания поселения необходим цельный участок земли площадью от нескольких десятков до нескольких сотен гектаров, поэтому чаще всего они основываются на заброшенных землях сельскохозяйственного назначения (подробнее о проблемах узаконивания

поселений, основанных на таких землях, см. [7]). В-третьих, место должно нравиться потенциальному переселенцу и в идеале быть для него чем-либо примечательным, т.е. человеку нужно почувствовать особую энергетику места, или, например, получить знак, что это именно то, что он ищет.

Рериховское учение, в отличие от анастасийского, не предписывает обязательного переезда на землю. Тех же рериховцев, которые считают, что внегородская жизнь способствует саморазвитию, притягивают конкретные территории - «места силы», связанные с жизненным путем художника и его семьи. Уймонская долина является одним из самых «рериховских» мест в мире. В 1926 г. Рерихи в ходе Центральноазиатской экспедиции проезжали по Алтаю и останавливались на несколько дней в одном из сел долины; художник был впечатлен красотой и величием здешних мест и пророчил им большое будущее. Это дало последователям учения основание считать долину священной, и с 1970-х гг., на волне пробуждения интереса к новым религиозным течениям, сюда стали стягиваться рериховцы со всей страны. Особо популярным центром притяжения Уймонская долина стала на рубеже веков, в свете разговоров о грядущем апокалипсисе; место слывет ковчегом, которого это не коснется. Второе ключевое для последователей место – легендарное озеро Светлояр, в воды которого, по преданию, ушел град Китеж. На протяжении многих веков считается, что озеро святое, что оно обладает необыкновенной энергетикой, водоему и окружающей местности приписываются чудодейственные свойства. Последние 30 лет Светлояр притягивает переселенцев с разными религиозно-философскими взглядами, и на сегодняшний день они составляют до трети жителей стоящего у озера села Владимирского и ближайших деревень. Последователи учения Рерихов являются среди них наиболее заметной группой.

Анализируя сказанное, можно заключить, что с точки зрения распоряжения пространством деятельность анастасийцев и рериховцев имеет разные эффекты. Анастасийцы обживают новые территории либо возрождают жизнь на заброшенных. С учетом идеи о закреплении участка за родом, а также культа семьи и многодетности последователи движения «Звенящие кедры России» дают пустующим землям шанс на развитие. Рериховцы, переселяясь в и так действующие населенные пункты, поддерживают их существование, но не более - в отличие от анастасийцев, они не стремятся «закрепить» на этой территории своих детей и внуков. В то же время, так как в их случае решающую роль играет сам факт «места силы», рериховцы прикладывают усилия, чтобы не допустить возможного его разрушения. Так, один из рериховцев, переехавших во Владимирское, целенаправленно организовал создание в окрестностях Светлояра природного парка с точками туристической активности; сделано это было для того, чтобы оттянуть внимание от самого озера, так как атмосфера и экосистема последнего страдают от чрезмерного наплыва туристов. Из этих же соображений он препятствует распространению любой информации об озере как о достопримечательности. Или, например, когда в Уймонской долине власти решили строить мини-ГЭС, которая поставила бы под угрозу локальную экосистему, рериховцы активно выступили против и совместно с местными жителями предотвратили строительство. Таким образом, можно сказать, что анастасийцы дают потенциал в большей степени для освоения нового, рериховцы – для сохранения существующего.

Отношения с местным населением

Сторонники и того и другого учения в значительной степени отчуждены от принимающего сообщества. Поселения родовых поместий, будучи фактически отдельными населенными пунктами, так или иначе обособлены от окрестных сел и деревень, и это ограничивает контакты анастасийцев с местными. Рериховцы же, селясь в сложившихся населенных пунктах, в большей степени вынуждены пересекаться с их исконными обитателями; однако держатся они все равно особняком, «варясь в собственном соку» и общаясь, в основном, только с некоторыми другими переселенцами (не со всеми, так как единой общины они не образуют – равно как и анастасийцы). Во Владимирском информанты из местных, рассказывая об одной рериховке, отметили: приходя в магазин – центр сельского общения, та никогда не остановится поговорить, просто купит продукты и уйдет; для них такое поведение непривычно и непонятно.

И вообще взаимодействие переселенцев с местными жителями – процесс сложный, так как в его ходе сталкиваются антагонистичные картины мира и идеологии. Местные считают себя носителями традиционных, «правильных» ценностей, а переселенцев - людьми с искаженными ценностями. В то же время некоторые переселенцы, напротив, полагают, что большинство селян ушли от традиционных ценностей, придерживаются их лишь в глухих деревнях. Есть случаи, когда приезжие относятся к местным с долей презрения, обвиняя тех в пьянстве и невежестве. Или, например, подчеркнуто считают себя активными, а местных - пассивными (доля истины в этом есть: в частности, во Владимирском новые рабочие места и объекты размещения созданы преимущественно приезжими). Местные, в свою очередь, зачастую воспринимают переселенцев с настороженностью, считая их избалованными городской жизнью чудаками или сектантами. Большое непонимание вызывает сам переезд состоявшихся людей из больших городов в сельскую местность, ведь большинство селян, напротив, хотят либо переехать в город, либо, во всяком случае, отправить туда детей. Деревенские соседи анастасийцев недоумевают, почему некоторые из тех носят косоворотки и сарафаны, прилюдно купаются голыми и хоронят умерших родственников на своем усадебном участке. При благоприятном же раскладе такое соседство может быть полезным для обеих сторон. По аналогии с классическими дачными практиками, переселенцы имеют возможность нанимать местных для выполнения строительных или хозяйственных работ и покупать у них продукцию личных подсобных хозяйств. Иногда селяне перенимают у бывших горожан технологии, облегчающие ведение хозяйства (например, устанавливают солнечные батареи).

Рериховцев односельчане поначалу воспринимали враждебно, считая, что они пытаются навязать свое учение. При этом обычно сторонники этого движения пропаганды не ведут; скорее всего, дело в том, что, как уже говорилось, они реализуют себя в сфере культуры и просвещения, а это так или иначе связано с выражением идеологических взглядов. На конфликт провоцируют и некоторые бытовые ситуации: рассказывали, как одна из переселенок, подрядившая местных строить себе дом, запрещала им курить и выпивать на его территории, что вызвало недовольство строителей. Селянам также непонятна, например, избалованность детей некоторых рериховцев. Учителя

считают их более шумными и непоседливыми; когда школьники из местных спокойно слушают экскурсию, их товарищи из приезжих постоянно задают вопросы. Еще одной причиной конфликтов становится требовательность переселенцев к условиям жизни. Представители муниципальной власти во Владимирском отмечают, что от них постоянно поступают жалобы — на состояние асфальта, на благоустройство, на соседей. При этом недовольные не готовы ждать и идти на компромиссы. По мнению чиновников, проблемы и нагрузка перевешивают отдачу от создания рабочих мест и роста поступлений в бюджет. В то же время часть местных жителей признают, что под влиянием деятельности рериховцев в селе повысился культурный уровень; некоторые даже полагают, что распространение их знаний и ценностей необходимо для общего развития духовности в стране. И практически все признают заслуги рериховцев в организации секций и кружков для детей.

Перспективы

Движение анастасийцев приобретает все большую популярность в России. Количество поселений родовых поместий, находящихся на разных стадиях (от инициативной группы до развитого поселения), исчисляется, по крайней мере, сотнями [8, 9], общая численность их жителей, по оценкам активистов движения, - десятками тысяч, количество последователей движения и, соответственно, потенциальных переселенцев - сотнями тысяч, читателей книг - миллионами [10]. Связано это, как можно предположить, с востребованностью идей учения, с доступностью их изложения и легкостью распространения - через книги, интернет, многочисленные фестивали и форумы. При этом есть ряд проблем, ставящих под угрозу существование многих поселений и, отчасти, всего движения, основные из которых - неофициальность построек, так как земля под ними не предназначена для этих целей, и недоверие к переселенцам со стороны жителей окрестных населенных пунктов, с которыми могут возникать конфликты и которые могут писать жалобы в органы власти, обвиняя анастасийцев в сектантстве. С учетом масштабов группы эти проблемы требуют решения, необходима институционализация движения и основанных его последователями поселений. Анастасийцы, будучи группой хоть и достаточно разобщенной, но активной и движимой одной идеей, прикладывают много усилий для узаконивания своего положения.

Позиции последователей Рерихов выглядят также неопределенными, но по другим причинам. С одной стороны, это движение с более длинной историей, к нему привыкли. Их общественная деятельность институционализирована, относительно понятна и воспринимается положительно. С другой стороны, сконцентрированность на духовных поисках ведет к отсутствию далеко идущих планов по развитию сообщества. Тем более, что рериховские переселенческие группы нельзя назвать сплоченными. У анастасийцев тоже много внутренних противоречий, но представляется, что они ставят перед собой более четкие и конкретные цели. В любом случае, благодаря несопоставимо меньшим масштабам рериховского переселения на землю и привязке к устоявшемуся кругу локаций, вопрос о налаживании конструктивных отношений с местными жителями стоит не так остро.

Анастасийские и рериховские переселенцы по своей идеологии и укладу жизни разнятся, в некоторых отношениях кардинально. Первые в своих ценностях отталкиваются от материального мира, вторые — от идеального. Первые ориентированы на развитие места своего проживания, вторые — на его сохранение. Первые привносят в принимающее сообщество возможности для заработка и технологии, вторые — возможности для творчества и культурного развития.

И анастасийское, и рериховское движение определенно вносит оживление в действительность российских провинции и периферии (прежде всего, внутренней [11]). И те и другие закрепившиеся переселенцы – люди с активной жизненной позицией (пытаются переехать многие, но не все способны приспособиться к новым условиям и образу жизни, значительная часть возвращается) и могут способствовать возрождению села. Если бы местные жители лучше представляли, с какого рода переселенцами имеют дело, это позволило бы правильнее с ними взаимодействовать и использовать их потенциал. В данный момент большую актуальность этот вопрос имеет для анастасийских сообществ (переселение рериховцев имеет более давнюю историю, сторонники движения уже «притерлись» к местным и к тому же речь о каких-либо новых точках их притяжения пока не идет). Анастасийцам же, продолжающим активно переселяться на землю, пока не удалось в полной мере корректно выстроить свой образ и нормализовать отношения с селянами. По представлениям многих из них, медиатором в этих отношениях могло бы выступить государство: активисты движения продвигали идею принятия федерального закона о родовых поместьях, на протяжении нескольких лет функционировала «Родная партия» (подробнее см.: [7]). Однако пока их усилия мало к чему привели. В этих условиях особую важность приобретает грамотная самопрезентация переселенцев в каждом отдельном поселении.

Благодарности

Авторы выражают благодарность организаторам и участникам экспедиции в Уймонскую долину, а также студентам, участвовавшим в экспедиции на озеро Светлояр, за подмеченные детали, позволившие сделать этот текст более фактурным.

Литература

- 1. *Мельникова Е.А.* Деревня в городских проекциях современных россиян // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 5–11.
- 2. Позаненко А.А. Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25, № 1. С. 129–153.
- 3. Позаненко А., Жидкевич Н. Воплотить Звенигород. История рериховцев Уймонской долины / Заповедник. Россия за пределами столиц [сайт]. URL: https://zapovednik.space/material/voplotit-zvenigorod (дата обращения: 29.09.2021).
- 4. *Ожиганова А.А.* Дети New Age: утопический проект движения «Анастасия» («Звенящие кедры России») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 262—286.
- 5. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Рериховское движение: уникальный феномен постсоветской духовности // Рерихи: мифы и факты. СПб.: Нестор-история, 2011. С. 235–258.
- 6. $\ T\ddot{e}$ ннис $\ \Phi$. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб. : Владимир Даль, 2002. С. 11–12.

- 7. *Позаненко А.А.* Попытки институционализации поселений родовых поместий в России // Поиск постурбанистических моделей жизнеустройства / отв. ред.: А.В. Ермишина, Л.В. Клименко. Ростов н/Д: Изд-во Фонд науки и образования, 2016. С. 183–191.
- 8. Список поселений, состоящих из родовых поселений России / Официальный сайт Фонда «Анастасия». URL: https://anastasia.ru/static/patrimony list.php (дата обращения: 10.04.2021).
- 9. Статистика. Экопоселения, родовые поселения, родовые поместья / Сайт Поселения.py. URL: https://www.poselenia.ru/statistic (дата обращения: 29.09.2021).
- 10. Биография Владимира Мегре / Официальный сайт Владимира Мегре. URL: https://vmegre.com/biography/ (дата обращения: 10.04.2021).
- 11. *Каганский В.Л.* Внутренняя периферия новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия Российского академии наук. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.

Natalia N. Pozanenko, Independent Researcher (Moscow, Russian Federation).

E-mail: natalia.pozanenko@gmail.com

Artemy A. Pozanenko, HSE University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: apozanenko@hse.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 163–171.

DOI: 10.17223/1998863X/64/15

TWO TEACHINGS, TWO WAYS OF LIFE: ANASTASIAN AND ROERICH SETTLERS IN THE COUNTRYSIDE

Keywords: Anastasians; family homestead settlements; Roerichism; territorial development; rural areas

Several new religious movements (NRMs) imply certain distancing from civilization and society; due to this, some of their followers relocate from cities to the countryside. Perceptions and practices common for most NRMs may be based on fundamental ideological differences, and the settlers' way of life directly depends on the teachings they follow. We have recorded striking differences in the ideology and life patterns of two large-scale and significant Russian NRMs: The Ringing Cedars of Russia, or Anastasianism, and Roerichism - a movement uniting followers of Nicolas and Helena Roerich and their teachings. (1) Values and lifestyles. In Anastasianism, a person can create paradise in their ancestral estate (family homestead) rather than wait for death to attain it. Anastasians focus on the family and activity pertaining to the arrangement of their house and land. In Roerichism, the purpose of existence is transition to higher worlds, which implies personal growth and spiritual development. Roerich's followers settle closer to nature to achieve harmony of spirit and contribute to culture, which should facilitate their rebirth in a better world. (2) Potential for the development of the area. Anastasians establish family homestead settlements in vacant areas. It is assumed that the homestead will become home for all future generations of the family. Roerich's followers move to existing settlements connected with the life of the artist and his family. They do not seek to "bind" their children and grandchildren to the area but strive to prevent the possible destruction of the "place of power" important for them. 3) Relations with the local population. Proponents of both teachings are alienated from the host community. Anastasian settlements are isolated from the surrounding localities, while Roerich's followers keep aloof from the other villagers. Both are often perceived by locals as eccentrics spoiled by urban life or as sectarians. Anastasians find no understanding among the locals and often annoy them with their alien and seemingly irrational behavior, lifestyle and thinking. Roerich's followers are criticized for being inappropriately demanding of conditions, as well as for unconventional approaches to education. 4) Prospects. Anastasians face problems (informal construction, lack of understanding on the part of local residents), which can be resolved only through institutionalizing their movement and the settlements they have established. They are putting a lot of effort into legitimizing their position. Roerich's followers live legally in existing settlements, and their social activities are more understandable to local residents. At the same time, their focus on the spiritual quest entails uncertainty regarding the further development of the community.

References

- 1. Melnikova, E.A. (2020) The village in urban projections of modern Russians. *Etnograficheskoe obozrenie Ethnographic Review.* 6. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.31857/S086954150013117-8
- 2. Pozanenko, A.A. (2016) Self-isolated communities-he social structure of kin domain settlements. *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya Universe of Russia: Sociology, Ethnology.* 25(1). pp. 129–153. (In Russian).

- 3. Pozanenko, A. & Zhidkevich, N. (n.d.) Voplotit' Zvenigorod. Istoriya rerikhovtsev Uymonskoy doliny / Zapovednik. Rossiya za predelami stolits [Realizing Zvenigorod. History of the Roerichs of the Uimon Valley. A Reserve. Russia outside the capitals]. [Online] Available from: https://zapovednik.space/material/voplotit-zvenigorod (Accessed: 29th September 2021).
- 4. Ozhiganova, A.A. (2015) The Children of New Age: a Utopian Project of Anastasia Movement. Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom - State, Religion and Church in Russia and Worldwide. 2(33). pp. 262–286. (In Russian).
- 5. Lunkin, R.N. & Filatov, S.B. (2011) Rerikhovskoe dvizhenie: unikal'nyy fenomen postsovetskoy dukhovnosti [Roerich movement: a unique phenomenon of post-Soviet spirituality]. In: Andreev, A.I. & Saveliy, D. (eds) Rerikhi: mify i fakty [The Roerichs: myths and facts]. St. Petersburg: Nestor-istoriya. pp. 235-258.
- 6. Tönnies, F. (2002) Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii [Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal', pp. 11–12.
- 7. Pozanenko, A.A. (2016) Popytki institutsionalizatsii poseleniy rodovykh pomestiy v Rossii [Attempts to institutionalize the settlements of family homesteads in Russia]. In: Ermishina, A.V. & Klimenko, L.V. (eds) Poisk posturbanisticheskikh modeley zhizneustroystva [Search for post-urban models of life]. Rostov on the Don: The Fund for Science and Education. pp. 183-191.
- 8. The Anastasia Foundation. (n.d.) Spisok poseleniy, sostoyashchikh iz Rodovykh poseleniy Rossii [List of settlements consisting of Ancestral Settlements of Russia]. [Online] Available from: https://anastasia.ru/static/patrimony list.php (Accessed: 10th April 2021).
- 9. Poseleniya.ru. (s.n.) Statistika. Ekoposeleniya, rodovye poseleniya, rodovye pomest'ya [Statis-Ecosettlements, family settlements, family homesteads]. [Online] Available from: https://www.poselenia.ru/statistic (Accessed: 29th September 2021).
- 10. Vladimir Megre Official Website. (n.d.) Biografiya Vladimira Megre [Biography of Vladimir Megre]. [Online] Available from: https://ymegre.com/biography/ (Accessed: 10th April 2021).
- 11. Kaganskiy, V.L. (2012) Vnutrennyaya periferiya novaya rastushchaya zona kul'turnogo landshafta Rossii [Inner periphery – a new growing zone of the cultural landscape of Russia]. Izvestiya Rossiyskogo akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 6. pp. 23–34.

УДК 316.4

DOI: 10.17223/1998863X/64/16

И.З. Чимитова

О ПОЛИЭТНИЧНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Рассматриваются понятие, основные типы полиэтничности и характер ее восприятия как реакции на различия. В контексте полиэтничности России анализируются ее особенности в Республике Бурятия: традиционность полиэтничности как следствие ее долговременности, статус нормы жизни местного населения, численное доминирование двух основных этносов – русских и бурят, возрастание в последние годы этнической мозаичности в результате притока мигрантов из постсоветских стран. Ключевые слова: полиэтничность, Республика Бурятия, буряты, русские, полиэтничный регион

Одной из основных характеристик современного общества является полиэтничность. Обозначающий это явление термин часто употребляется в ряду близких к нему понятий, таких как многонациональность, интернациональный состав и т.п.

Полагаем, что в основе восприятия полиэтничности лежит имманентно присущая человеку (и образующимся из людей сообществам) реакция на различия, инаковость, в данном случае — на различия этнокультурные. Как известно, различия как основа разнообразия и богатства социальной реальности — важное условие разностороннего развития личности в плане ее адекватной социализации, образования, приобретения компетенций, творческой самореализации и т.д., они являются одной из базовых характеристик социума (см.: [1]).

Несмотря на то, что интерпретация полиэтничности в современном социогуманитарном дискурсе имеет дискуссионный характер, ряд положений могут быть приняты как основа для дальнейших исследований. К ним относится следующее определение: «Полиэтничность представляет сложное, противоречивое свойство... социальной системы, разновекторный потенциал которого проявляется в повседневных практиках населения на определенной территории, поведенческих стратегиях населения, определяющих конфликтную / толерантную / солидарную... среду» [2. С. 41–42].

Разумеется, полиэтничность той или иной социальной общности, проживающей на определенной территории, предполагает наличие в ее структуре представителей двух или более этнических групп. Так, в качестве одного из критериев полиэтничного региона предлагается такой: наличие в таких регионах национальных групп, за исключением русских, в количестве, составляющем более чем 5% [3. С. 7].

Качеством полиэтничности может обладать и среда – пространство жизнедеятельности полиэтничного сообщества, где осуществляется этническая, гражданская и т.п. идентификация индивида, протекают процессы развития этнических культур, общероссийской культуры и т.п., а также межэтническая интеграция их носителей.

Анализируя ситуацию в Бурятии начала 1990-х гг., С.Д. Батомункуев пишет, что «сложившаяся в советский период полиэтничность стремительно утрачивала статус безусловной ценности...» [4. С. 30]. Не отвлекаясь сейчас на утверждение об утрате полиэтничностью статуса ценности, которое увело бы обсуждение в сторону, в порядке уточнения остановимся лишь на вопросе о времени сложения полиэтничности в Бурятии, так как именно этот регион вынесен в название труда этого автора.

Прежде всего следует отметить, что полиэтничность есть, как правило, следствие объективных социальных процессов и, в отличие от идеологии, искусственно внедрить ее в социум за короткое время довольно проблематично, но советская политическая элита приложила к этому немало усилий, по крайней мере, в организационном плане.

Опираясь на документы, П.К. Варнавский, показывает, что еще в первые десятилетия новой власти в Бурятии при проведении коренизации тщательно соблюдался интернационалистский подход: «Так, из органов Наркомпроса республики была уволена группа работников во главе с заместителем наркома Широковским за то, что они игнорировали идущие сверху директивы по коренизации... был выявлен целый букет великодержавных шовинистов, и многие из них, в том числе и Широковский, были сняты с работы»... Автор цитирует также фрагменты монографии А.А. Елаева, приводящего суть критики и по адресу персонала бурятской национальности: «переоценка своих сил и возможностей... нежелание подчиняться русскому товарищу, руководителю учреждения (уклон в национализм)...». Далее П.К. Варнавский делает логичный вывод, что политика коренизации изначально включала в себя принцип полиэтничности (интернационализма) [5. С. 46].

С.Д. Батомункуев также обоснованно отмечает незыблемость в советское время «принципа полиэтничного представительства» в органах власти, «интернациональный характер бюрократической субкультуры, что во многом определило и соответствующие принцип и характер функционирование сетей распределения, контактов и общения в них людей» [Там же. С. 12–13].

И хотя полиэтничность может сформироваться и за семь десятилетий, применительно к Бурятии речь должна идти о более продолжительном времени в несколько веков, и огромный массив трудов по истории Бурятии, а также по социально-философским, социологическим и политологическим аспектам региональной этнонациональной проблематики подтверждает это (см., напр.: [6, 7]).

Сформировавшись, полиэтничность становится одним из качеств образа жизни социальной общности, влияющим на другие аспекты ее жизнедеятельности.

Российская Федерация – и традиционно, в соответствии с буквой ее Конституции, полиэтничное государство. При этом, к сожалению, и сегодня есть те, кто держится за представление о России как об исключительно восточнославянской стране, и об этом заблуждении справедливо пишет В.А. Тишков, отмечая, что «совместное проживание носителей многих культур и языков в пределах одной страны и в составе одного российского народа было характерно для нашего государства на протяжении всей его истории. Многообразие населения стало источником постоянного и взаимообогащающего общения, условием развития страны. Трудно вообразить, что представляло бы

174 И.З. Чимитова

собой российское государство, если бы оно развивалось столетиями только на территориальной, демографической и культурной основе одного или нескольких восточнославянских племен» [8. С. 17].

С этой позицией в начале 2010-х гг. солидаризовался и Президент РФ, не только подтвердив многовековую полиэтничность России, но и подчеркнув, что «попытки проповедовать идеи построения русского "национального", моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. Более того, это кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности. Да и любой дееспособной, суверенной государственности на нашей земле» [9. С. 1].

Сейчас практически все субъекты $P\Phi$, в том числе такие автономные территориальные образования, как республики, полиэтничны.

Наличие в Российской Федерации этнических территориальных автономий (ЭТА) в форме «национальных республик» (несмотря на заслуживающие лучшего применения упорство и регулярность высказываний политических деятелей типа В. Жириновского о якобы «неравноправии» субъектов РФ, мотивированных непонятными задачами и адресованные этнически гетерогенному населению такой территориально протяженной, а за Уралом — слабо заселенной страны, как Россия) имеет огромное политическое, культурносимволическое и международное значение, особенно для титульных этносов, многие из которых относительно малочисленны, их статуса и самосознания.

Как справедливо отмечают П.В. Панов и Ю.Е. Филиппова, «в строго юридическом смысле» они (российские республики. – U.3.) не имеют статуса этнических территориальных автономий (поскольку все субъекты РФ по Конституции равны), фактически они соответствуют... критериям этнических территориальных автономий, так как обладают некоторыми "особыми" полномочиями (могут принимать собственные конституции, устанавливать государственные языки и т.д.» [10. С. 34].

Очевидно, что отечественные ЭТА если и придают некоторую иерархичность структуре Федерации, то она скорее символическая, нежели реальная, и сколько-нибудь существенно не влияет ни на экономическое, ни на социальное благосостояние субъектов РФ. Что касается «особых» полномочий этих ЭТА, но и они находятся в правовом поле и гарантированы Основным Законом страны. Отметим, что ЭТА есть не только в федеративных, но и в унитарных государствах.

Что касается конкретной ситуации в плане полиэтничности в каждой из республик РФ, то она характеризуется своеобразием. Тем не менее предпринимаются попытки классификации республик в плане соотношения в них коренного и некоренного (в подавляющем большинстве, как правило, русского) населения.

Такая типология представлена, во-первых, теми, в которых значительно (более 80%) преобладает титульный этнос (как, к примеру, в Тыве); вовторых, в некоторых из них наблюдается приблизительно такое же доминирование некоренного сегмента (образцом этого является Хакасия); в-третьих, субъектами РФ с явным перевесом (от 50 до 65%) титульного народа (такая ситуация в Калмыкии); в-четвертых, этническими территориальными автономиями с аналогичным преобладанием некоренного населения (как в Бурятии); в пятом типе ЭТА, как в Мордовии, наблюдается паритет этих групп;

наконец, в некоторых такого рода образованиях ни одна из более чем двух крупных этнических групп не составляет большинства, как в Дагестане [10. С. 35].

В самосознании жителей нашей страны в постсоветский период сформировались и укрепились, наряду с этнической идентичностью, и ряд других: гражданская, общероссийская, региональная, городская и т.д. Кроме того, у выросших в смешанных браках людей этнических идентичностей может быть больше одной, если к тому же их родители сами — дети из межэтнических семей.

Двойное этническое самосознание как атрибут части членов полиэтничного сообщества постепенно признается и массовым сознанием, что показали исследования, осуществленные в ряде регионов РФ под руководством В.А. Тишкова и В.В. Степанова. Относительно «идеи, что этническая принадлежность человека может иметь сложный характер и подвергаться изменениям», – пишет В.В. Степанов, – есть разные мнения, но «в целом по регионам, где мы провели исследование, совокупная доля тех, кто настаивает на однозначной этнической принадлежности (48%), оказалась ниже, чем представлялось специалистам", а общее число тех, кто признает и скорее признает сложность такой принадлежности, составило 69%» [8. С. 66–67].

Полиэтничность как качество поселения нуждается в дифференциации. Прежде всего, есть поселения с богатым опытом полиэтничности, большим числом старожилов разного этнического происхождения, общими усилиями сформировавшими, выражаясь словами Ю.В. Арутюняна (см. ссылку ниже), его полиэтничное ядро. В РФ к таким традиционно полиэтничным образованиям относятся, кроме Москвы и культурной столицы, Санкт-Петербурга, многие приграничные территории, а также места длительных межэтнических контактов: на юге, севере, северо-западе, в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и т.д.

В описании одной из южных российских областей, Астраханской, интересно обоснование полиэтничности, позволяющей автору назвать ее «чрезвычайно полиэтническим регионом», с давних пор являющимся «точкой пересечения этнических, культурных и политических интересов Европы и Азии, ареной драматических событий, отчасти влиявших в свое время на ход российской истории», а сегодня — «южным форпостом России, входящим в число стратегически важных государственных зон, испытывающих серьезную культурную экспансию извне» [11. С. 268–269].

Существуют и поселения, ставшие таковыми не так давно, в основном в XX в., которые логично назвать новыми в плане полиэтничности.

Приблизительно такую же градацию в зависимости от опыта пребывания жителей в полиэтничной среде можно провести между ними: старожилы и новоприбывшие.

Уже продолжительное время назад Ю.В. Арутюнян отметил, что у москвичей-старожилов столицы азербайджанского и армянского происхождения больше черт схожести друг с другом, чем с земляками, живущими в Москве недавно [12. С. 33].

Полагаем, что образ жизни поселения и обусловливает определенную схожесть его коренных жителей независимо от их этнического происхождения. Кроме того, как полагает этот автор, раньше мигрировали в Москву са-

176 И.З. Чимитова

мые активные представители народов, создавая ее полиэтничное ядро, а в начале нынешнего столетия – ущемленные, не приспособленные к столичной жизни люди [12. C. 30].

Думается, под ущемленностью ученый имеет в виду неадаптированность вчерашнего жителя малого поселения к условиям не просто большого города, а сразу мегаполиса. Любой индивид в такой ситуации испытывает стресс, но у имеющего опыт жизни в крупном городе он меньше, чем у того, кто сразу из глубинки попал в мегаполис, так как он должен одновременно адаптироваться и по линии село / город, и в плане освоения компетенции «жить в мегаполисе», включающей среди прочих и умение жить среди этнически Других.

Следовательно, фактор длительности оказывает весьма сильное влияние на характер взаимодействий людей. Если окружение человека традиционно полиэтнично, оно определяет естественность его позитивного восприятия людей иного этнического происхождения. Этническая мозаичность среды, в традиционно полиэтничных поселениях воспринимаемая как нечто привычное, в недавних по стажу полиэтничности поселениях выглядит новой, а иногда и чуждой; для старожилов многое стало нормой, а новоприбывшие только адаптируются к ситуации с разной степенью успешности.

Известно, что скорость и интенсивность полиэтнизации прямо пропорциональны величине поселения.

Хотя полиэтничны и отдельные поселения, и административные районы, и регионы, самой большой степенью полиэтнизации отличаются города от больших до сверхкрупных благодаря таким качествам урбанистической среды, как быстрый темп жизни, высокая плотность и этническая мозаичность населения, приоритет универсальных ценностей, ориентация людей на все самое передовое не только в стране, но и в мире, самоощущение индивида как личности, имеющей право свободного выбора во многих отношениях по сравнению с традиционалистским укладом жизни на селе. В малых городах он обычно принципиально не отличается от села.

Процесс полиэтнизации нельзя представить как какое-то достигнутое состояние поселения. Сама по себе мобильность людей, а также конкретные обстоятельства разных периодов жизни страны, региона, поселения без эффективного управления и своевременного предупреждения конфликтов чреваты противоречиями. Особого внимания официальных структур и аналитиков требуют новые в аспекте полиэтничности поселения, а также притягательные как цель миграции мегаполисы.

К ним относится Москва, являющаяся лидером России по приему приезжих. Проведенный в 2014 г. замер установок ее жителей показал их довольно высокую (46%) готовность к межэтническому общению в деловой и профессиональной сфере, что обусловлено распространенностью полиэтничных трудовых коллективов. На основе анализа отдельных сегментов опрошенных Л.М. Дробижева заключает, что «уверенная готовность к межэтническим контактам у русских москвичей в целом сдержанная, а по намерениям в поведении (готовы и скорее готовы) в ряде сфер — трудовой, соседской — достаточно открытая (68—73%). Готовность принять иноэтничных граждан в качестве жителей своего города проявили 69% русских и 89% нерусских респондентов [13. С. 89].

Обратимся теперь к полиэтничности Бурятии. В отличие от С.Д. Батомункуева, мы исходим, как и многие другие исследователи, из положения о многовековой, традиционной полиэтничности территории Бурятии. В прошлом столетии здесь имело место совпадение внедряемой советским государством политики интернационализма с издавна сложившимся в этом регионе трендом межэтнического взаимодействия.

Поэтому полиэтничность была, в том числе и в годы перестройки, и в течение всего постсоветского периода, вполне жизнеспособной. Таковой она остается и ныне. Более того, ее можно назвать позитивной, так как она характеризуется межэтнической толерантностью и согласием проживающих здесь народов.

Всероссийская перепись населения 2002 г., зафиксировавшая наличие в Республике Бурятия 145 национальностей, подтвердила установившееся в Западном Забайкалье (в настоящее время это основная часть территории республики) с XIX в. доминирование двух самых значительных по численности народов – русских (67,8%) и бурят (27,8%) – которые в совокупности насчитывали 95,6% ее жителей. Остальные этнические группы, которые составили 4,7 и 0,1%, не указали данную принадлежность. Заметными сегментами населения этой территории являются эвенки и сойоты (потомки племен, издавна проживавших здесь и в силу этого имеющих статус коренных малочисленных народов), а также татары, украинцы и представители других менее многочисленных этнических групп (немцы, поляки, евреи, армяне, азербайджанцы и др.) [14. Приложение «Национальный состав населения Республики Бурятия»].

К началу 2010-х гг. при наличии в республике более 130 национальностей лидировал по количеству тот же русско-бурятский сегмент: по итогам аналогичной переписи 2010 г. он в общей сложности составил 96,09% населения республики: русские составили 64,9%, буряты — 29,5%. Суммарная численность прочих этнических групп — 3,8%, не указавших свою национальную принадлежность было 1,8%. Некоторое уменьшение численности русских и заметное татар, украинцев, белорусов, немцев, евреев и др. объясняется в основном их миграцией за пределы региона [15. С. 61–62].

Наряду с представителями титульного этноса «численно возросли этнические группы, представляющие коренное население южных республик России, государств СНГ... и соседних зарубежных стран: тувинцев и киргизов (в 2,2 раза за 2002–2010 гг.), узбеков (в 2,1 раза), китайцев (в 1,6 раза), монголов (на 22,4%), таджиков, армян и др.» [16. С. 18].

Как видим, республика соответствует указанным выше критериям полиэтничного региона.

Специфика полиэтничности Бурятии в целом состоит в том, что ее ядром выступают два основных этноса: русские и буряты. Не случайно участники одного из опросов 2009 г. сводили «межнациональное взаимодействие главным образом в плоскость русско-бурятских отношений» [17. С. 85].

В силу малочисленности в структуре населения, вплоть до постсоветского времени, других этнических групп, у местных определенных мнений о них, за исключением украинцев и евреев, не сложилось: «...бурятами все приезжие европейской внешности автоматически причислялись к русским, а для русских все люди с азиатской внешностью виделись бурятами» [Там же].

Традиционно полиэтничная Бурятия характеризуется как благоприятный для проживания представителей разных народов регион. Опрос экспертовпредставителей русского, бурятского и ряда других этносов в 2017 г. выявил «высокий уровень взаимной открытости». Так, отвечая на вопрос: «Какие взаимоотношения с представителями других национальностей для вас приемлемы?», 81,9% респондентов выбрали вариант личной дружбы, а 80,17% – быть коллегами по работе [18. С. 173].

Как видим, эти данные превосходят приведенные выше результаты исследования готовности москвичей к контактам с иноэтничными приезжими.

В доброжелательных межэтнических отношениях некоторые авторы видят одну из причин притягательности Бурятии «для современных мигрантов, в частности из стран бывшей Средней Азии. На... европейско-азиатском фоне выделяются только «лица кавказской национальности», которым сложно примкнуть к какой-либо группе» [17. С. 85].

Следует заметить, что восприятие жителей республики, особенно представителей старших возрастов, в целом привычно к расовой и этнической инаковости. Как известно, в советский период наблюдалась заметная иммиграция в Бурятскую АССР представителей тех народов, которых Л.М. Дробижева называет «видимыми другими» [13. С. 82], а мы, поскольку «видимость» может быть разной, предлагаем обозначать их как «видимых этнических Других».

Потомки части специалистов, в том числе упомянутых М.М. Содномпиловой «лиц кавказской национальности», приехавших по распределению и другим причинам, остались и укоренились в республике, и примером тому является знаменитая в конце советского времени и позже инженерная династия Пруидзе.

Кроме того, уровень и объективные условия жизни большинства населения региона в 1970—1980-е гг. позволяли желающим активно путешествовать, особенно в пределах Союза и стран так называемого социалистического блока, массово учиться в ведущих вузах страны, и это тоже влияло на формирование стереотипов реагирования на этническую и расовую инаковость.

Думается, описанная М.М. Содномпиловой ситуация, когда «лица кавказской национальности» и некоторые другие мигранты становятся «видимыми этническими Другими» на привычном общем европейско-азиатском фоне, присуща, скорее всего, восприятию маломобильных и далеко не массово обучавшихся в вузах по экономическим причинам представителей социальных слоев ниже среднего, молодого и среднего возраста, социализировавшихся в основном в постсоветский период и в полной мере испытывающих трудности жизни в таком отдаленном от столиц, ставшем дотационным, экономически и социально далеко не процветающем, а попросту бедном регионе, каким Бурятия стала в последние десятилетия.

Ныне трудовые иммигранты из-за рубежей РФ прибывают в Бурятию по государственным программам и самостоятельно. Как и в большинстве российских регионов, они в своей совокупности, по мнению А.В. Дмитриева и Г.А. Пядухова, «образуют единый полиэтничный поток, который активно взаимодействует с полиэтничным российским социумом» [19. С. 87].

В целом исследователи характеризуют самочувствие в республике всех групп мигрантов как позитивное, отмечают, что «они ощущают себя ком-

фортно в нашем регионе. Этнокультурное взаимодействие с местными жителями характеризуется положительными отношениями, часть мигрантов получили от местных жителей помощь [20. С. 263–264].

Весьма затруднительно изменить к лучшему тенденцию старения населения России. Под вопросом и решение в обозримой перспективе проблем на рынке труда постсоветских стран и регионов $P\Phi$, поставляющих сейчас рабочую силу в Бурятию. Вследствие обоих этих факторов не исключено, что в недалеком будущем приезжие из этих мест могут составить более заметную, чем ныне, часть ее жителей.

Остается надеяться на мудрость властей и традиционную полиэтничность Бурятии, во многом обусловившую прочность традиций, нормативность и стереотипность позитивного межэтнического взаимодействия ее населения, высокий уровень межэтнической интеграции, который ощущается большинством нынешних мигрантов и, вероятно, будет чувствоваться приезжими в будущем и положительно повлияет на их адаптацию.

Таким образом, полиэтничность Республики Бурятия сложилась традиционно и характеризуется следующими особенностями: тем, что она стала нормой жизни для местного населения, численным доминированием двух основных этносов, русских и бурят, возрастанием в последние годы этнической мозаичности из-за притока мигрантов из постсоветских стран.

Литература

- 1. *Толерантность* в обществе различий / под ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова, А.Ю. Зенковой. Екатеринбург : Полиграфист, 2005. Вып. 15. 232 с.
- 2. Дроздова Ю.А., Лысенко Г.В. Полиэтничный регион в современном исследовательском дискурсе // Власть. 2017. № 10. С. 41–46.
- 3. *Молодежь* в полиэтничных регионах Южного федерального округа: экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. М.; Ростов н/Д, 2014. 84 с.
- 4. *Батомункуев С.Д.* О полиэтничности Бурятии и проблеме этнической идентичности современных бурят // Традиции и инновации в этнической культуре бурят. Сибирь: Этносы и культуры. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 1999. Вып. 5. С. 30–41.
- 5. Скрынникова Т.Д., Батомункуев С.Д., Варнавский П.К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / сост. Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 216 с.
- 6. *Бураева О.В.* Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII середине XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. 207 с.
- 7. *История* Бурятии: в 3 т. Т.II. XVII начало XX в. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. науч. центра CO PAH, 2011. 624 с.
- 8. Этическое и религиозное многообразие России / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 551 с.
 - 9. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. С. 1-4.
- 10. Панов П.В., Филиппова Ю.Е. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 3. С. 33–47.
- 11. *Фролова Ю.С.* Ценностные трансформации в современной российской полиэтнической провинции // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4. С. 268–276.
- 12. *Арутнонян Ю.В.* О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 27–40.
- 13. Дробижева Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 80–90.
- 14. Национальный состав постоянного населения Республики Бурятия: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (часть II). Улан-Удэ: Бурятстат, 2005. 260 с.
- 15. *Основные* итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Бурятия: статистический сборник № 02-03-24. Улан-Удэ: Бурятстат, 2014. 112 с.

180 И.З. Чимитова

- 16. *Население* Республики Бурятия: от переписи к переписи: аналитическая записка № 02-03-14. Улан-Удэ: Бурятстат, 2015. 23 с.
- 17. Со∂номпилова М.М. Принимающее общество и мигранты: факторы формирования культуры межэтнических отношений (на примере Байкальского региона) // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. № 4 (20). С. 78–90.
- 18. *Бильтрикова А.В.* Факторы межнационального согласия: некоторые результаты экспертного опроса в Республике Бурятия // Республике Бурятия 95 лет: сб. науч. ст. / науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 173–174.
- 19. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Этнические группы трудящихся-мигрантов и принимающее общество // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 86–94.
- 20. Чукреев П.А., Саргаев А.В. Мигранты-интеллигенты и их роль в процессах социальнокультурной и правовой адаптации иностранных граждан в российском обществе // Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире: материалы XI Междунар. научной конференции: в 2 т. / отв. ред. И.И. Осинский. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016. Т. 2. С. 258–266.

Irina Z. Chimitova, Buryat State Agricultural Academy (Ulan-Ude, Russian Federation).

E-mail: rindaol@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 172–181.

DOI: 10.17223/1998863X/64/16

ON THE POLYETHNICITY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Keywords: polyethnicity; Republic of Buryatia; Buryats; Russians; polyethnic region

The perception of polyethnicity as an important feature of modern society is based on the subject's reaction to differences. Polyethnicity implies a presence in the structure of the social community of representatives of two or more ethnic groups. Usually polyethnicity is a result of objective social processes, which happened in Russia too. Today the Russian Federation is a polyethnic country, and almost all subjects of the federation are polyethnic. The main types of polyethnicity are traditional (a rich experience of interethnic interaction of people, large number of old residents with different ethnic origins that formed the polyethnic core of the settlement/region) and new, formed in the 20th century. It is advisable to differentiate individuals living in polyethnic environments as old residents and newcomers according to the criterion of duration. The polyethnicity of Buryatia was formed during several centuries and gradually became one of the features of people's lifestyle. The internationalist course of the Soviet state's politics coincided with the long established trend of interethnic interaction and was loyally received by the population. The polyethnicity of this region may be called positive, as it is characterised by interethnic tolerance and consent of peoples. The specificity of Buryatia's polyethnicity is that its core is two ethnoses: Russians and Buryats. Interethnic tolerance and consent are among the causes of Buryaria's attractiveness for contemporary migrants from post-Soviet countries. Although, in general, migrants' well-being in the republic and interaction with local residents is assessed as positive, there is some difference in the perception of newcomers, on the one hand, by old residents, especially indigenous townspeople belonging to older age groups adapted to racial and ethnic otherness since Soviet times, and, on the other hand, by local residents of the first generation and rural residents. The latter socialized in the post-Soviet period and are fully experiencing the difficulties of living in a remote, subsidized, economically and socially nonprosperous, or simply poor, republic; they do not have much experience of communicating outside their habitual environment of ethnic groups dominating in the republic; for them visitors from afar are sometimes the "visible ethnic Others". Due to factors of an objective nature, visitors from the countries of Central Asia, the Caucasus, and, possibly, some republics of southern Russia, in the near future can make up a more noticeable part of the inhabitants of Buryatia. With such a forecast, much depends on the level of public administration in the country and the region, and, of course, on the preservation of the traditional positive polyethnicity of Buryatia.

References

- 1. Kemerov, V.E., Kerimov, T.Kh. & Zenkova, A.Yu. (eds) (2005) *Tolerantnost' v obshchestve razlichiy* [Tolerance in a Society of Differences]. Ekaterinburg: Poligrafist.
- 2. Drozdova, Yu.A. & Lysenko, G.V. (2017) Multiethnic Region in Contemporary Research Discourse. *Vlast' The Authority*. 10. pp. 41–46. (In Russian).

- 3. Tishkov, V.A. (ed.) (2014) *Molodezh' v polietnichnykh regionakh Yuzhnogo Federal'nogo okruga: ekspertnyy doklad* [Youth in the multi-ethnic regions of the Southern Federal District: an expert report]. Moscow: Rostov-on-Don: [s.n.].
- 4. Batomunkuev, S.D. (1999) O polietnichnosti Buryatii i probleme etnicheskoy identichnosti sovremennykh buryat [On the multi-ethnicity of Buryatia and the problem of the ethnic identity of modern Buryats]. In: Sokolova, E.P. (ed.) *Traditsii i innovatsii v etnicheskoy kul'ture buryat. Sibir': Etnosy i kul'tury* [Traditions and Innovations in the ethnic Culture of the Buryats. Siberia: Ethnoses and Cultures]. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture. pp. 30–41.
- 5. Skrynnikova, T.D., Batomunkuev, S.D. & Varnavskiy, P.K. (2004) *Buryatskaya etnichnost' v kontekste sotsiokul'turnoy modernizatsii (sovetskiy period)* [The Buryat ethnicity in the context of sociocultural modernization (the Soviet period)]. Ulan-Ude: SB RAS.
- 6. Buraeva, O.V. (2000) *Khozyaystvennye i etnokul'turnye svyazi russkikh, buryat i evenkov v XVII seredine XIX v.* [Economic and ethno-cultural relations of Russians, Buryats and Evenks in the 17th mid-19th centuries]. Ulan-Ude: SB RAS.
- 7. Bazarov, B.V. (ed.) (2011) *Istoriya Buryatii. V 3 t.* [History of Buryatia. In 3 vols]. Vol. 2. Ulan-Ude: SB RAS.
- 8. Tishkov, V.A. & Stepanov, V.V. (eds) (2017) *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Moscow: RAS.
- 9. Putin, V.V. (2012) Rossiya: natsional'nyy vopros [Russia: the national question]. *Nezavisima-va gazeta*. 23rd January, pp. 1–4.
- 10. Panov, P.V. & Filippova, Yu.E. (2015) Practices of Allocating Offices in Russian "National Republics": the Issues of Inter-Ethnic Balance. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya Bulletin of Perm University. Political Science.* 3. pp. 33–47. (In Russian). DOI:
- 11. Frolova, Yu.S. (2007) Tsennostnye transformatsii v sovremennoy rossiyskoy polietnicheskoy provintsii [Value transformations in the modern Russian polyethnic province]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4. pp. 268–276.
- 12. Arutyunyan, Yu.V. (2001) O potentsiale mezhetnicheskoy integratsii v moskovskom megapolise [. On the potential of interethnic integration in the Moscow metropolis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 5. pp. 27–40.
- 13. Drobizheva, L.M. (2015) Potentsial mezhnatsional'nogo soglasiya: osmyslenie ponyatiya i sotsial'naya praktika v Moskve [The potential of interethnic harmony: understanding the concept and social practice in Moscow]. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 11. pp. 80–90.
- 14. Russian Federation. (2005) Natsional'nyy sostav postoyannogo naseleniya Respubliki Buryatiya: Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g. (chast' II) [Ethnic composition of the resident population of the Republic of Buryatia: Results of the All-Russian population census of 2002 (Part II]. Ulan-Ude: Buryatstat.
- 15. Russian Federation. (2014) Osnovnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g. v Respublike Buryatiya: statisticheskiy sbornik № 02-03-24 [Main results of the 2010 All-Russian Population Census in the Republic of Buryatia: Statistical Collection No. 02-03-24]. Ulan-Ude: Buryatstat.
- 16. Russian Federation. (2015) *Naselenie Respubliki Buryatiya: ot perepisi k perepisi: analitich-eskaya zapiska № 02-03-14* [Population of the Republic of Buryatia: from census to census: Analytical note No. 02-03-14]. Ulan-Ude: Buryatstat.
- 17. Sodnompilova, M.M. (2015) Host Society and Migrants: Factors of the Development of an Interethnic Relations Culture (A Case Study of the Baikal Region). *Vestnik BNTs SO RAN The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.* 4(20). pp. 78–90. (In Russian).
- 18. Biltrikova, A.V. (2018) Faktory mezhnatsional'nogo soglasiya: nekotorye rezul'taty ekspertnogo oprosa v Respublike i Buryatiya [Factors of interethnic harmony: some results of an expert survey in the Republic and Buryatia]. In: Bazarov, B.V. (ed.) *Respublike Buryatiya* 95 *let* [The Republic of Buryatia 95 years]. Ulan-Ude: SB RAS. pp. 173–174.
- 19. Dmitriev, A.V. & Pyadukhov, G.A. (2006) Etnicheskie gruppy trudyashchikhsya-migrantov i prinimayushchee obshchestvo [Ethnic groups of migrant workers and the host society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya Sociological Studies*. 9. pp. 86–94.
- 20. Chukreev, P.A. & Sargaev, A.V. (2016) Migranty-intelligenty i ikh rol' v protsessakh sotsial'no-kul'turnoy i pravovoy adaptatsii inostrannykh grazhdan v rossiyskom obshchestve [Migrants-intellectuals and their role in the processes of socio-cultural and legal adaptation of foreign citizens in Russian society]. In: Osinsky, I.I. (ed.) *Intelligentsiya, ee grazhdanskie pozitsii v sovremennom mire* [Intelligentsia and Its Civil Positions in the Modern World]. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat State University. pp. 258–266.

политология

УДК 322

DOI: 10.17223/1998863X/64/17

Е.Г. Аванесова

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

В статье автор показывает сложное и неоднозначное отношение к политическому насилию, сложившееся в христианской традиции, уделяя особое внимание теории справедливой войны, которая строится на идее нежелательности, но все же допустимости применения насилия в общественной жизни, и объявляет справедливость главным мерилом этой допустимости.

Ключевые слова: политическое насилие, христианство, моральное обоснование насилия, проблема легитимации насилия, пацифизм, справедливая война

Тема «политического насилия в современном мире» является одной из самых парадоксальных. С одной стороны, насилие принимает такие масштабы и формы, что не говорить о нем и не исследовать данный феномен невозможно, свидетельством чему являются многочисленные научные статьи. С другой стороны, исследователи признаются, что «политической теории почти нечего сказать о насилии» [1. С. 283]. Представляется, что одной из причин наличия такого радикального мнения является сложность объекта исследования, понимание природы которого требует изучения всех его составляющих: политической, правовой, моральной. Существующие подходы к определению насилия, при всем их различии, не отменяют общего, а именно, представления о насилии как принуждении, воздействии, силе, направленных на чужую свободную волю. Разница начинается там, где адепты этих подходов пытаются оценить это воздействие, легитимировать его и дать ему моральное обоснование. Тема морали возникает неизбежно, поскольку «насилие – одно из тех слов, которые уже как бы содержат в себе некоторое моральное осуждение» [2]. Представляется, что самым простым решением проблемы взаимодействия морали и насилия является определение насилия как нарушения правил морали [3. С. 62]. Несмотря на кажущуюся «очевидность» такого определения, оно вызывает массу вопросов, и одним из первых является вопрос морального обоснования политической деятельности, ибо, по справедливому замечанию Б.Г. Капустина, «по отношению к категории политики насилие является не акциденцией, а составляющей ее субстанции» [Там же. С. 43]. И если признание того, что власть и политика не осуществляются без насилия, не приводят нас к анархизму, значит, должны существовать такие доводы, которые позволяют «принять» политическое насилие как нечто неизбежное и этически допустимое.

Для поиска таких доводов автор обращается к христианской традиции, которая характеризуется своим неоднозначным отношением к насилию вообще и политическому насилию в частности. Достаточно сказать, что упоминание христианства при рассмотрении темы насилия приводит к прямо противоположным рассуждениям, основанным на обращении к Библии: от того, что христианство не приемлет насилие вообще - «...все взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52), до того, что христианская Церковь не стоит на позициях пацифизма - «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...» (Мф. 10:34). Кажущаяся внутренняя «противоречивость» текста Священного Писания провоцирует исследователя на поиски истины, но уже заранее можно сказать, что представление о том, что «христианство отрицает всякое насилие», является слишком упрощенным. Иначе логичным было бы считать, что христианство не признает и отрицает власть и политику, так как таковые хотя и не сводятся к насилию, но без него не осуществляются. Между тем, христианство не только признает значимость власти, но и заявляет о том, что ее источником является Бог. К классическим новозаветным текстам, определяющим отношение христиан к власти, относится тринадцатая глава Послания апостола Павла к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти Богом установлены» (Рим 13:1). Признание христианством божественности происхождения власти не равнозначно признанию им того, что власть сакральна. Для пояснения данного тезиса хотелось бы обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, в христианстве доминирует точка зрения об опосредованном происхождении власти от Бога (ее разделяли, например, такие мыслители и создатели политической теории христианства, как блаженный Августин и Фома Аквинский) [4. С. 109, 139]. Бог «задает» определенные принципы устройства человеческого общежития, которые являются не внешними, а внутренними ориентирами человека в его «строительстве» общественной жизни. Иными словами, «власть, как способность приказывать и подчиняться, вложена в человека Богом» [5. С. 21], и в существе своем она - Божественное установление, между тем как «в своих формах власть - человеческое создание» [Там же. С. 33]. Во-вторых, существование власти и политики имеет начало во времени и не есть изначально установленная Богом реальность. Грехопадение человека, или самоопределение его вне Бога, породило грех, с которым и призвана бороться власть земная. По сути дела, власть есть божественный дар утратившему святость человечеству. Однако дар этот во многом «вынужденный», поскольку человек, реализовывая свободу воли, отказывается от власти Бога, предпочтя ей власть земную (см.: 1 Цар 8:7). Поэтому власть заключает в себе особого рода «противоречие»: с одной стороны, она есть дар Божий, а с другой - у нее наличествует указанный выше мотив отвержения Бога.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что христианство говорит о необходимости уважения власти, «ибо она – Божий слуга, тебе на благо» (Рим. 13:4), но речь вовсе не идет о поклонении ей. Более того, принятие власти как таковой не отменяет критического отношения к ее действиям. И если эти действия противоречат нормам христианской морали и предполагают вероотступничество, то долг верующего не подчиняться ей: «...судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» (Деян. 4:19).

184 Е.Г. Аванесова

Традиционное христианство (в отличие от некоторых течений христианского толка, разделяющих идеи модернистской теологии) не призывает в этом случае действовать революционным путем, но путем законным, а в случае, если это «невозможно или неэффективно, занимать позицию гражданского неповиновения» [6]. Во всех остальных случаях христианство однозначно говорит о необходимости послушания светской власти: «противящийся власти восстал против Божьего установления; а восставшие навлекут на себя осуждение» (Рим 13:2).

Проблема христианской легитимации политического насилия обретает особую остроту, когда речь идет «о такой крайней форме насилия, как война» [3. С. 65]. Одна из библейских заповедей гласит: не убей (Исх. 20:13). Но, как известно, христиане не отказывались участвовать в военных действиях, где убийство одними людьми других - неизбежно, а святые благословляли на борьбу с врагом. Достаточно вспомнить такой яркий пример, как благословение на битву Сергием Радонежским Дмитрия Донского и, что особенно показательно, двух монахов. Но как «совместить» заповедь и благословение на военные действия? В христианской традиции сформировались различные взгляды на возможность такого «совмещения», благодаря которым сложились и различные практики. Речь идет о тех, кто стоит на позициях христианского пацифизма (от радикального - непротивления злу насилием до умеренного) и о тех, кто считает его ересью. Свою правоту и те и другие доказывают ссылками на Священное Писание. На практике позиции пацифизма отстаивают в основном представители различных протестантских деноминаций: квакеры, меннониты, пятидесятники и др. Католическая и православная церкви, крупные протестантские деноминации эту позицию не разделяют, и их члены полагают, что в общественной жизни применение насилия в качестве оружия в борьбе со злом допустимо и не противоречит абсолютной этике Евангелия.

Обе практики опираются на богословские традиции, формирование которых началось еще в первые века существования христианства и в рамках которых по-разному оценивают роль политического насилия в мировой истории. В ранней церкви доминировал пацифистский подход к осмыслению проблемы насилия. Так, христианский апологет IV в. Лактанций писал, что благочестив тот, кто «не приемлет войны, кто хранит со всеми мир» [7]. Лактанций не видит никаких этически оправданных причин нарушать заповедь «не убей», поскольку «из этого предписания Бога нельзя делать никакого исключения» [8]. Он не делает различия между жизнью личной и общественной. Христианину нельзя служить в армии, дабы избежать убийства человека. И даже такой аргумент для оправдания войны, как защита веры, не является для Лактанция убедительным. По его мнению, «религию следует защищать не убивая, а умирая, не жестокостью, а терпеливостью, не преступлением, но верностью» [7]. Лактанций не одинок в своих рассуждениях. Этой же точки зрения придерживались многие авторитетные церковные деятели первых веков христианства. Но такая позиция, доведенная до логического конца, с неизбежностью должна привести к отрицанию государства и законности его действий, так как «государство является орудием насилия» [9. С. 29]. Именно к такому выводу и пришел Л.Н. Толстой, который развил идеи христианских пацифистов и заявил о том, что «человек, который хочет быть христианином,

не может служить государству», поскольку «государство есть насилие» [10]. Своим отказом от государственной и военной службы христианин будет способствовать, в ближайшей перспективе, уничтожению христианской опоры государства, а в конечном счете и разрушению государства и его власти. «...Надо не уставать повторять «Carthago delenda est», и Carthago непременно разрушится» [Там же]. По мнению Л. Толстого, ситуация не изменится сама собой, она требует усилий всего общества и личных усилий каждого человека и, в первую очередь, его способности проявить волю и не вставать «в ряды убийц, называемых войском» [11]. Некоторые исследователи творчества Л. Толстого полагают, что его идеи близки к анархистским, но подобного рода идеи традиционное христианство, как известно, никогда не разделяло. Парадокс состоит в том, что прямолинейное толкование библейских заповедей приводит к умозаключениям весьма сомнительным с христианской точки зрения.

Христианский пацифизм, отвергающий возможность морального оправдания насилия, не стал доминирующей идеологией в христианстве. Более того, «противники пацифизма пытаются доказать, что пацифизм – epecь» [12. С. 142]. По их мнению, главная «ошибка» пацифистов состоит в том, что они в определенной степени «игнорируют» реальность этого мира, который «...лежит во зле» (1Ин. 5:19). Представляется, что дело вовсе не в «игнорировании», поскольку «злую реальность» этого мира видят как пацифисты, так и их критики. Другое дело, что первые полагают, что отвечая на зло насилием, человек не только не борется с ним, но преумножает его, в то время как другие считают, что сила – это важный инструмент борьбы со злом. Известный американский протестантский теолог Р. Нибур пишет, что «один из аспектов современного христианского пацифизма представляет собой просто вариант христианского перфекционизма» [12. С. 143]. Пацифисты полагают, что идеал достижим, в то время как их оппоненты уверены, что человечество в массе своей не способно «вместить» абсолютные нормы и абсолютную этику христианства. Но, по мнению Р. Нибура, христианство – это как раз и есть та «религия, которая определяет всю полноту человеческого существования не только с точки зрения окончательной нормы поведения, выраженной законом любви, но также и с точки зрения человеческой греховности» [Там же. С. 142].

Еще одна традиция, отдавая дань христианским идеалам, строится на идее нежелательности, но все же допустимости применения насилия в общественной жизни, и главным мерилом этой допустимости становится справедливость. В христианстве получила развитие идея справедливой войны, которая зародилась благодаря трудам античных философов, в первую очередь, Платона, Аристотеля и Цицерона. Спорным остается вопрос начала формирования этой традиции. Одни исследователи связывают ее появление с изменением статуса христианства, которое становится в IV в. государственной религией в Римской империи, другие говорят о том, что первые века существования христианства вовсе не характеризуются тотальным пацифизмом и говорить можно скорее об «амбивалентном отношении первых христианских теологов к войне и военной службе» [13. С. 115]. Введя критерий справедливости в ситуации морального обоснования политического насилия, новая традиция во многом «сняла» ту библейскую «противоречивость», о которой речь шла выше. В Библии содержатся не противоречащие друг другу запове-

186 Е.Г. Аванесова

ди, а по сути две заповеди, которым христиане должны следовать одновременно: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44) и «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Первая касается личной жизни верующего, которая должна строиться по законам любви, вторая – жизни общественной, когда речь идет о ближнем, борьба за справедливое существование которого может быть морально оправдана [6].

Одним из создателей теории справедливой войны традиционно считается Августин, яркий представитель христианской интеллектуальной традиции. Он признает, что применение силы может быть использовано во благо, поскольку «ведя войну, всякий добивается мира» [14]. Однако и мир, и война могут быть разными. Далеко не каждая война может быть оправдана, но только та, которая ведется для достижения справедливого мира: «несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны» [Там же]. Конечно, не все войны являются справедливыми, есть «войны худшего свойства» [Там же], но даже справедливые войны несут бедствия. Эти рассуждения позволили Августину сформулировать один из важнейших критериев теории справедливой войны: война – это крайнее средство.

Фома Аквинский развил идеи Августина и сформулировал еще ряд критериев справедливой войны: «полномочность правителя, по приказу которого ведется война», наличие справедливой причины и справедливое намерение [15]. Последний критерий особенно важен, так как «злое намерение» может войну, начатую по справедливым причинам, превратить в несправедливую в случае, например, несоразмерности применения силы. Важно понимать, что для начала и ведения справедливой войны необходимо наличие всех указанных выше критериев. Но не только это. Фома Аквинский, вслед за Августином, сформулировал важнейшую идею, которая повлияла на последующее развитие вопросов гуманизации политического насилия: «и в состоянии войны будь миротворцем» [Там же]. Представляется, что в рамках современного дискурса справедливой войны, затрагивающего вопросы культуры насилия, эта идея является одной из ключевых. Данная идея базируется на христианских представлениях о ценности человеческой жизни, необходимости отделять грех от грешника и понимании того, что «любая человеческая жизнь имеет право на уважение» [16. С. 164]. Не случайно христианскую интеллектуальную традицию называют одним из истоков того варианта теории справедливой войны, который «строится на признании главным элементом jus ad bellum ценности прав человека» [17. С. 120].

Идеи теории справедливой войны, обосновывающей «нравственную приемлемость некоторых войн» [18. С. 6], в том или ином виде вошли во многие христианские «программные документы». Так, например, в «Аугсбургском вероисповедании» упоминается о том, что христиане могут «вести справедливые войны и принимать в них участие» [19. С. 134], а в «Основах социальной Концепции Русской Православной Церкви» сказано, что «признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попранной справедливости» [6]. В пастырской конституции о Церкви в современном мире «Gaudium et Spes», одном из итоговых документов Второго Ва-

тиканского собора, также упоминается справедливость как фактор морального оправдания ведения военных действий: война допустима, «чтобы справедливо защищать народ» [20. С. 411]. Хотя это допущение позиционируется как вынужденное и временное, до того момента, когда человечество «дорастет» до «установления некой универсальной общественной власти», которая будет обладать легитимностью в глазах всех народов и силой, обеспечивающей всем «и безопасность, и соблюдение справедливости, и уважение прав» [Там же. С. 414]. Но даже на современном этапе, когда справедливая война может считаться этически допустимой, есть ограничения — «далеко не все позволено между воюющими сторонами» [Там же. С. 411]. Таким образом, христианская традиция, признающая возможность легитимации политического насилия в ситуации необходимости восстановления справедливости, позиционирует его как неизбежное зло, которое, что очень важно, должно быть соразмерным.

Нельзя сказать об исключительно христианских корнях теории справедливой войны, но в то же время невозможно не признать его огромный вклад в развитие этой идеи. Тема справедливости и насилия, актуализированная ранним и средневековым христианством, во многом спровоцировала современные дискуссии по вопросам морали и насилия, войны и добродетели, возможности осуществления гуманитарной интервенции и, в целом, по вопросам «культуры насилия», «гуманизации насилия», обоснования важности и в условиях войны не пренебрегать определенными этическими нормами. Данная проблематика не только не теряет своей актуальности, но, напротив, становится все более злободневной в силу того, что современный мир не только не встал на путь преодоления насилия, но, напротив, «образуются все более сложные формы насилия» [21. С. 43].

По сути дела, теория справедливой войны, актуализированная христианскими богословами, в определенной степени опровергает вполне логичное мнение о том, что «если война, то о какой справедливости может идти речь?» [22. С. 57], формулируя базовые принципы, реализация которых способна внести нравственные, а затем и нормативные ограничения в применении насилия. Идея, выработанная теоретиками справедливой войны и состоящая в том, что даже во время войны «некоторые вещи ни в коем случае нельзя делать по отношению к другим» [16. С. 165], стала не только причиной политических дискуссий, но и фактором принятия нормативных документов, устанавливающих границы применения насилия в современном мире, вследствие чего «...государствам все труднее открыто игнорировать гуманистические принципы и, следовательно, теорию справедливой войны» [9. С. 392]. Конечно, проблема насилия в современном мире остается острой и требует самого серьезного к себе отношения. Как пишет С.А. Кравченко, «точка невозврата в раскрутке спирали усложнения насилия не пройдена, но мир близко подошел к ней» [21. С. 51]. По его мнению, чтобы этого не случилось, необходима гуманизация всего современного знания и выработка гуманистической политики, которые станут основой для успешной борьбы со все усложняющимся насилием. Представляется, что вопросы, касающиеся проблемы нравственного ограничения насилия, выработанные в различных культурных традициях, могут быть востребованы при формировании основ современной гуманистической политики, и христианская традиция не является

188 Е.Г. Аванесова

исключением, поскольку идеи, сформулированные на протяжении двух тысячелетий ее существования, не только не устарели, но, напротив, могут быть интересны для мира, который хочет иметь будущее.

Литература

- 1. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. 496 с.
- 2. Свенцицкий В., прот. Христианское отношение к власти и насилию // Азбука веры: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005–2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Valentin_Sventsitskij/hristianskoe-otnoshenie-k-vlasti-i-nasiliyu/ (дата обращения: 06.07.2021).
- 3. Капустин Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 424 с. (Серия: Университетская библиотека Александра Погорельского).
- 4. *Майка Ю*. Социальное учение Католической церкви: Опыт исторического анализа. Рим; Люблин: Изд-во Св. Креста, 1994. 480 с.
- 5. *Мусин А., диакон*. Церковь. Общество. Власть: Опыт патрологического исследования (Взаимные отношения Церкви, общества и государства по учению ранних отцов Церкви и церковных писателей I–III веков). СПб.; Петрозаводск: Кругозор, 1997. 192 с.
- 6. Основы социальной Концепции Русской Православной Церкви // Азбука веры: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005–2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0 16 1 (дата обращения: 12.07.2021).
- 7. Лактанций. Божественные установления. Книга V // Азбука веры: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005-2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/bozhestvennye-ustanovlenija/5 (дата обращения: 29.07.2021).
- 8. Лактанций. Божественные установления. Книга VI // Азбука веры: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005–2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/bozhestvennye-ustanovlenija/6 (дата обращения: 29.07.2021).
- 9. *Нравственные* ограничения войны: Проблемы и примеры / под ред. М. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М.: Гардарики, 2002. 407 с.
- 10. Толстой Л.Н. Письмо Эугену Генриху Шмитту от 12 октября 1896 г. // Лев Толстой: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2000–2021. URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1896/letter-109.htm (дата обращения: 03.08.2021).
- 11. Толстой Л.Н. По поводу конгресса о мире (письмо к шведам) // Лев Толстой: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2000–2021. URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/publicistika-12.htm (дата обращения: 03.08.2021).
- 12. Нибур Р. Почему церковь не стоит на позициях пацифизма? // Социально-политическое измерение христианства. М.: Наука, 1994. С. 142–159.
- 13. Прокофьев А.В. Идея справедливой войны в западной этической традиции (от античности до середины XVIII в.) // Этическая мысль. 2019. Т. 19, № 2. С. 112–127.
- 14. *Блаженный Аврелий Августин*. О граде Божьем. Кн. 19 // Азбука веры: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005–2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/19https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (дата обращения: 12.07.2021).
- 15. Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. VII // Азбука веры: сайт. Электрон. дан. [Б.м.], 2005–2021. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/ (дата обращения: 15.07.2021).
- 16. Сисе X. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. М. : Весь мир, 2007. 176 с.
- 17. *Бугров К.Д., Логинов А.В.* Назад к субъекту: теории справедливой войны в современной политической мысли // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29, № 5. С. 114–129.
- 18. *Куманьков А.* Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фо-ушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб. : Алетейя, 2021. 268 с.
- 19. *Меланхтон Ф*. Аугсбургское вероисповедание // М. Лютер. 95 тезисов. СПб. : Роза мира, 2002. 720 с.
- 20. Второй Ватиканский собор. Конституции, Декреты, Декларации. Брюссель, 1992. 573 с.
- 21. Кравченко С.А. Спираль усложнения насилия: востребованность гуманистической политики // Полис. Политические исследования. 2019. Т. 28, № 5. С. 43–55.
- 22. *Апресян Р.Г.* Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 57–71.

Elena G. Avanesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 182–190.

DOI: 10.17223/1998863X/64/17

THE PROBLEM OF JUSTIFICATION FOR POLITICAL VIOLENCE IN THE CHRISTIAN TRADITION

Keywords: political violence; Christianity; moral justification of violence; problem of legitimizing violence; pacifism; just war

The article examines the complex and ambiguous attitude of Christianity to political violence. The author shares the point of view of those researchers who believe that the concept of Christianity's denial of all violence is too simplistic. After all, otherwise it would be necessary to admit that Christianity denies all power and politics since, although they are not reduced to violence, they cannot be realized without it. However, this is not true. There are two traditions developed in Christianity, which are characterized by their specific attitude to the issue of legitimizing political violence: those who take the positions of Christian pacifism (from radical – non-resistance to evil by violence – to moderate) and those who consider it heresy. Radical Christian pacifism denies the possibility of a moral justification for violence, and its adherents believe that there is no ethically justified reason for it, including even the defense of faith. Another tradition, paying tribute to Christian ideals, is built on the idea of undesirability, but admissibility of the use of violence in public life, and justice becomes the main measure of this admissibility. This topic acquires particular relevance in the conditions of war, where one of the commandments of Christianity, "do not kill", is inevitably violated. Justice requires the protection of loved ones, and given the realities of the world, which "lies in evil", Christians conclude that violence is inevitable and it can be ethically justified, however, under certain conditions. These conditions are harsh and they are integral parts of the theory of just war, which was developed in the named Christian tradition. The theme of justice and violence, actualized by early and medieval Christianity, largely provoked modern discussions on the issues of morality and violence, war and virtue, and in general on the "culture of violence", justifying the importance of not neglecting certain ethical norms in a war. The topic of these discussions is extremely important for the modern world, which is characterized by the increasing complexity and the emergence of new forms of violence that gives rise to the need to combat it and form a humanistic policy that contributes to its moral and normative limitation. It seems that the "developments" of such a policy have been carried out for centuries and are formulated in many cultural traditions, including the Christian one, and can be in demand when forming the foundations of modern humanistic politics.

References

- 1. Kapustin, B.G. (2004) *Moral'nyy vybor v politike* [Moral Choice in Politics]. Moscow: KDU; MSU.
- 2. Sventsitskiy, V. (2005–202) *Khristianskoe otnoshenie k vlasti i nasiliyu* [Christian attitude to power and violence]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Valentin_Sventsitskij/hristianskoe-otnoshenie-k-vlasti-i-nasiliyu/ (Accessed: 6th July 2021).
- 3. Kapustin, B.G. (2010) Kritika politicheskoy filosofii: Izbrannye esse [Critique of Political Philosophy: Selected Essays]. Moscow: Territoriya budushchego.
- 4. Mayka, Yu. (1994) Sotsial'noe uchenie Katolicheskoy tserkvi: Opyt istoricheskogo analiza [Social Teaching of the Catholic Church: An Experience of the Historical Analysis]. Rome; Lyublin: Sv. Krest.
- 5. Musin, A. (1997) Tserkov'. Obshchestvo. Vlast': Opyt patrologicheskogo issledovaniya (Vzaimnye otnosheniya Tserkvi, obshchestva i gosudarstva po ucheniyu rannikh ottsov Tserkvi i tserkovnykh pisateley I–III vekov) [Church. Society. Power: Experience of Patrological Research (Mutual Relations of the Church, Society and the State According to the Teachings of the Early Church Fathers and Church Writers of the 1st–3rd Centuries)]. St. Petersburg: Petrozavodsk: Krugozor.
- 6. Azbuka very. (2005–2021) Osnovy sotsial'noy Kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi [Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0 16 1 (Accessed: 12th July 2021).
- 7. Lactantius. (2005–2021) *Bozhestvennye ustanovleniya* [The Divine Institutes]. Vol. 5. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/bozhestvennye-ustanovlenija/5 (Accessed: 29th July 2021).

190 Е.Г. Аванесова

- 8. Lactantius. (2005–2021) *Bozhestvennye ustanovleniya* [The Divine Institutes]. Vol. 6. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/bozhestvennye-ustanovlenija/6 (Accessed: 29th July 2021).
- 9. Koppiters, M., Foushin, N. & Apresyan, R. (eds) (2002) *Nravstvennye ogranicheniya voyny: Problemy i primery* [Moral Limits of War: Problems and Examples]. Moscow: Gardariki.
- 10. Tolstoy, L.N. (2000–2021) *Pis'mo Eugenu Genrikhu Shmittu ot 12 oktyabrya 1896* g. [Letter to Eugen Heinrich Schmitt dated October 12, 1896]. [Online] Available from: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1896/letter-109.htm (Accessed: 3rd August 2021).
- 11. Tolstoy, L.N. (2000–2021) *Po povodu kongressa o mire (pis'mo k shvedam)* [Concerning the Peace Congress (a letter to the Swedes)]. [Online] Available from: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/publicistika-12.htm (Accessed: 3rd August 2021).
- 12. Niebuhr, R. (1994) Pochemu tserkov' ne stoit na pozitsiyakh patsifizma? [Why does the church not stand on the positions of pacifism?]. In: Lezova, S.V. & Borovoy, O.V. (eds) *Sotsial'no-politicheskoe izmerenie khristianstva* [Socio-Political Dimension of Christianity]. Moscow: Nauka. pp. 142–159.
- 13. Prokofiev, A.V. (2019) Ideya spravedlivoy voyny v zapadnoy eticheskoy traditsii (ot antichnosti do serediny XVIII v.) [The Idea of a Just War in the Western Ethical Tradition (from Antiquity to the Middle of the 18th Century)]. *Eticheskaya mysl' Ethical Thought*. 19(2), pp. 112–127.
- 14. Blessed Aurelius Augustine. (2005–2021) *O grade Bozh'em* [About the City of God]. Book 19. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/19https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/ (Accessed: 12th July 2021).
- 15. Thomas Aquinas. (2005–2021) *Summa teologii* [Summa theologiae]. Vol. VII. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-7/ (Accessed: 15th July 2021).
- 16. Syse, H. (2007) Spravedlivaya voyna? O voennoy moshchi, etike i idealakh [Just War? On military power, ethics and ideals]. Translated from Norwegian by C. Khorkina. Moscow: Ves' mir.
- 17. Bugrov, K.D. & Loginov, A.V. (2020) Back to Subject: The Theory of Just War in Contemporary Political Thought. *Polis. Politicheskie issledovaniya Polis. Political Studies*. 29(5). pp. 114–129. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.09
- 18. Kumankov, A. (2021) Sovremennye klassiki teorii spravedlivoy voyny: M. Uoltser, N. Foushin, B. Orend, Dzh. Makmakhan [Modern classics of the theory of just war: M. Walzer, N. Foushin, B. Orend, J. McMahan]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 19. Melanchthon, F. (2002) Augsburgskoe veroispovedanie [The Augsburg Confession]. In: Luther, M. 95 tezisov [95 Theses]. St. Petersburg: Roza mira.
- 20. Vatican. (1992) *Vtoroy Vatikanskiy sobor. Konstitutsii, Dekrety, Deklaratsii* [Second Vatican Council. Constitutions, Decrees, Declarations]. Brussels: [s.n.].
- 21. Kravchenko, S.A. (2019) Spiral of the Complication of Violence: a Demand for a Humanistic Policy. *Polis. Politicheskie issledovaniya Polis. Political Studies*. 28(5). pp. 43–55. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.05.04
- 22. Apresyan, R.G. (2002) Metanormativnoe soderzhanie printsipov spravedlivoy voyny [Metanormative content of the principles of a just war]. *Polis. Politicheskie issledovaniya Polis. Political Studies*. 3. pp. 57–71.

УДК 32.019.52

DOI: 10.17223/1998863X/64/18

О.А. Игнатьева

МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ НА ПЛАТФОРМАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации».

В связи с развитием цифровизации анализ текста выходит за пределы традиционных источников, вторгаясь в сферу социальных сетей и коммуникативных платформ. Следуя этому тренду в ходе решения методологических задач в рамках проекта, поддержанного РФФИ и АНО ЭИСИ, нами была разработана методология дискурсанализа политических суждений на платформах коммуникации с региональными властями, представленная в данной статье.

Ключевые слова: политические суждения, платформы региональных проблем, А. Круглянски, профанная эпистемика, дискурс-анализ

Введение

Развитие методологии по анализу текста на информационно-коммуникационных платформах и социальных сетях становится насущной потребностью не только для современных социальных и гуманитарных наук, но и для практической сферы проведения эмпирических исследований. Дискурс-анализ в отличие от контент-анализа предполагает не просто частотный подсчет слов в их контексте, но и контекстуальный анализ речевых актов в целом с учетом их структурных особенностей. В настоящее время не существует единой методологии дискурс-анализа. Разные школы выбирают разный объект анализа при использовании данного метода. Школа континентальной Европы сосредоточивается на анализе письменных текстов, англосаксонская школа на анализе устной речи и дискурсов. Первой попыткой провести дискурсанализ письменной речи в социальных сетях была попытка российского исследователя Ю.Г. Мисникова [1. С. 325-330; 2. Р. 133-144]. Мы продолжаем развитие методологии дискурс-анализа применительно к цифровой сфере. Целью данной статьи является разработка нового подхода к дискурс-анализу небольших текстов и делибераций в форме суждений, размещаемых на цифровых платформах коммуникации с региональной властью, а также в социальных сетях, связанных с данными платформами. При написании данной статьи использованы методы структурно-функционального анализа, дискурсанализа, общенаучные методы анализа и синтеза. Рабочей гипотезой нашего проекта является утверждение, что на современных российских платформах коммуникации с властью преобладает информационный тип суждений, основанный на взаимодействии по типу «стимул-реакция». Разработка инструментария предполагает обращение к существующим методикам проведения дискурс-анализа, выбор концептуальной рамки для содержательного обоснования новой методологии дискурс-анализа, подготовку на ее основе инструментария и его последующее тестирование на основе суждений, размещенных на цифровой платформе коммуникации с региональными властями.

Параметры суждений по А. Круглянски

В основу разработки методологии дискурс-анализа политических суждений на платформах региональных проблем в рамках реализации гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации» положена параметрическая модель социальных суждений американского социального психолога А. Круглянски. В своей работе «О параметрах суждений» [3. Р. 265–276] он выделяет пять типов параметров, которые характеризуют разные аспекты суждений. Это параметры субъективной релевантности информации, трудности задачи вывода, ресурсы обработки информации, ненаправленная и направленная мотивация. В основе данной работы лежит теория «профанной эпистемики» (обыденного познания) А. Круглянски [4. Р. 940–945]. Ее ключевой идеей является утверждение К. Поппера о том, что научное познание формируется так же, как и обыденное [5. С. 28]. При этом базовой предпосылкой данной теории является то, что знания получаются из доказательств с использованием импликации «если, то», где вывод можно также рассматривать как гипотезу, подтвержденную доказательствами.

Первый параметр «Субъективная релевантность информации» описывает степень веры познающего в суждение на основе конкретизации информации о ситуации. Степень релевантности информации X для суждения Y определяется как степень, которую индивид приписывает утверждению (если X, то Y) или главная предпосылка силлогизма. В некоторых случаях импликация может восприниматься как довольно сильная, так что подтверждение X (второстепенная посылка) создает сильное ощущение, что Y тоже имеет место. Правила-выводы могут быть в значительной степени упорядочены постоянной практикой, получены из личного опыта или основываться на провозглашении эпистемического авторитета.

Полезно различать потенциальную релевантность, которую данный элемент информации (X) имеет по отношению к данному суждению (Y), и его воспринимаемую релевантность в конкретной ситуации. Потенциальная релевантность представляет степень веры познающего в суждение. Если человек не может сосредоточиться на X, то в этих условиях воспринимаемая релевантность может отличаться от ее потенциальной релевантности.

Второй параметр – это «Трудности задачи вывода». Поставленная задача может определять, насколько легко или сложно определять потенциальную релевантность информации для вопроса суждения. Можно выделить два источника сложности задачи:

- трудности подтверждения второстепенной предпосылки силлогизма, т.е. определение того, что X является случаем;
- трудности активации (если то) правила-вывода (основной предпосылки), которое X может создавать.

Пакет стимулов, в который встроена информация X, может быть сложным и длинным. Он может содержать значительный шум, а соответствующий сигнал (соответствующие доказательства) могут быть слабыми и недостаточ-

но заметными, чтобы привлечь внимание познающего. Длина и сложность / порядок предоставления информации могут сделать аргументы сообщения более трудными для обработки информации, чем эвристические подсказки.

Третий параметр, определяемый как «Ресурсы обработки», характеризует степень склонности коммуникатора к специфическому или неспецифическому закрытию [6. Р. 250–256]. Можно выделить два основных класса факторов возможностей, связанных с данным параметром:

- доступность правил;
- способность внимания.

Чем более доступно правило вывода суждения, тем выше готовность к его применению, тогда как использование менее доступных правил может потребовать кропотливой работы по поиску информации.

Человек, чья способность к вниманию подвергается нагрузке (например, из-за когнитивной занятости другими вопросами), может быть менее способным к тщательной обработке информации и, следовательно, к подбору релевантной информации, предоставленной в условиях высоких требований. Исследования Petty et al.) [7. Р. 874–884] подтвердили, что в условиях отвлечения люди были менее чувствительны к качеству аргументов сообщения. Когнитивные способности могут зависеть от циркадного ритма, умственной усталости и алкогольного опьянения. Эти факторы могут снизить обрабатывающую способность отдельных лиц, следовательно, повысить сложность подбора потенциальной релевантности информации, используемой для выносимого суждения.

Четвертый параметр — это «Ненаправленная мотивация», определяемая как степень усилий, затрачиваемых на обработку информации. Степень ненаправленной мотивации людей к тщательной обработке информации определяется их различными целями обработки информации, такими как цель точности, подотчетности, когнитивной активности [8. Р. 53–58]. Трудность сбора информации может быть компенсирована мотивацией осмыслить информацию.

И, наконец, последний параметр — это «Направленная мотивация», определяемая как степень усилий, которую люди готовы вложить в обработку информации на пути вынесения суждения с учетом личной заинтересованности. Направленная мотивация определяет веса, присвоенные разной информацией элементам в зависимости от их совместимости с различными желаниями людей. Направленная мотивация отражает степень, в которой данное содержание суждения желательно для человека. Разный вес, придаваемый информационным элементам в зависимости от их соответствия заданной мотивации, может привести к смещению, направленному на приведение суждения к желаемому выводу.

По мере развертывания оценочной деятельности величина мотивации обработки информации может определяться желательностью сформированных суждений. Если это было бы желательно, то человек не был бы склонен участвовать в дальнейшей обработке информации, чтобы текущие выводы не были бы опровергнуты дополнительными данными. С другой стороны, если первоначальные убеждения были бы нежелательными, человек был бы склонен обрабатывать дополнительную информацию, которая могла бы помочь избавиться от первоначальных неприятных представлений. Итак, направлен-

ная мотивация может определять степень работы, которую люди готовы вложить в обработку информации на пути вынесения суждения.

Разработка инструментария для дискурс-анализа политических суждений

Использование дискурс-анализа позволяет вскрыть социокультурный контекст, произвести «археологию» дискурса. По мнению Л.Дж. Филлипс и М.В. Йоргенсен [9. С. 15], дискурс представляет собой организацию языка, в соответствии со структурами высказывания людей в разных сферах деятельности. В свою очередь, дискурс-анализ можно определить как критический анализ дискурса для определения его смысла в соответствии со структурами и контекстом высказываний. В концепции М.Л. Макарова ТРУД (транскрипция устного дискурса) основными единицами дискрус-анализа выступают речевой акт, репликовый шаг, обмен, трансакция и событие [10. С. 111–120].

Суждение, являющееся логическим понятием, может быть сопоставлено с репликовым шагом в разговорном дискурсе, т.е. участком текста между меной ролей. Однако иногда такой «участок текста» может состоять из нескольких суждений, маркерами которых служит ввод специфических тем обсуждения. В нашей методике дискурс-анализа в качестве единиц анализа выступают реплики участников делиберации, состоящие из посылок и выводов. Х. Арендт понимает суждение в контексте античного понятия «phronesis» (греч. благоразумие, практическая мудрость. – Примеч. автора) как высшую добродетель государственного мужа. «Суждение – один из важных видов деятельности (если не самый важный), посредством которых осуществляется это совместное с другими пребывание в мире» [11. С. 298]

Цель предлагаемой методологии дискурс-анализа политических суждений на цифровых платформах городских (региональных) проблем заключается как в разделении данных суждений на основные типы (информационные, общие делиберативные и когнитивные делиберативные), так и в последующем контекстуальном анализе данных суждений по параметрам, предложенным А. Круглянски и его коллективом.

Информационные суждения – это суждения, которые выражают информацию о каких-либо наблюдаемых фактах и могут содержать логические связки (что, если, потому что, следовательно, поэтому). Термин «делиберация» берет начало в работах Ю. Хабермаса [12. С. 108-119]. Для выделения делиберативных суждений мы ориентируемся на дискурсивы, которые обычно сопровождают данный тип суждений [13-15]. Делиберативные суждения суждения, содержащие текст, открытый для дальнейшего обсуждения, и нахождение общей позиций. Утверждения внутри подобных суждений могут быть связаны дискурсивами общего типа: только, жуть, очень плохо, тогда о кей, все равно, аналогично, естественно, может быть, вообще, достаточно, супер, интересно, очень сложно, нормально, реально и т.д. Суждения, содержащие текст, открытый для дальнейшего обсуждения и нахождение общей позиции, направленные на поиск дополнительного знания. Утверждения внутри когнитивных делиберативных суждений могут быть связаны дискурсивами когнитивного типа: знаю, думаю, считаю, не исключено, надеюсь, предполагаю, действительно, интересно, важно учесть, короче говоря, на мой

взгляд, к счастью, просто, так называемый, по-моему, наверное, понятно, мне кажется, я уверен, я понимаю, понятно, получается, например.

Данные типы суждений рассматриваются в контексте их использования посредством применения параметров суждений А. Круглянски [3. Р. 265–276]. В качестве дополнительного параметра суждения мы вводим параметр «Эпистемический авторитет», который также разрабатывался данным исследователем, но в других его работах и позволяет охарактеризовать степень доверия населения власти, исходящей от разных лиц [4. Р. 945–947].

Таким образом, для характеристики контекста мы используем следующие параметры политических суждений на платформах региональных проблем: а) Субъективная релевантность; б) Трудности задачи вывода; в) Ресурсы обработки; в) Ненаправленная мотивация; г) Направленная мотивация; д) Эпистемический авторитет.

В зависимости от типа суждений данные параметры проявляют себя поразному. Так, в случае субъективной релевантности информационное суждение носит нейтральный характер без выражения его субъективной значимости. Если мы рассматриваем общее делибератвное суждение, то, согласно рассматриваемому параметру, суждение содержит менее субъективно значимую для индивида информацию и выражается через общие дискурсивы: естественно, интересно, вообще, нормально. Если речь идет о когнитивных делиберативных суждениях, то субъективная релевантность означает, что суждение содержит более субъективно значимую для индивида информацию, выражаясь через когнитивные дискурсивы: на мой взгляд, по-моему, я считаю, я думаю, я уверен.

Параметр «Трудности задачи вывода» в случае информационных суждений никаких сложностей не представляет. Суждение конкретизируется фактами, импликация «если, то» очевидна. Однако в случае общих делиберативных суждений возникает сложность в определения импликации («если, то»), нарушается логика в дискурсе в связи с эмоциональным характером обсуждения и желанием каждого отстоять свою позицию. В случае с когнитивным делиберативным суждением данный параметр проявляется в сложности формирования импликации из-за недостаточного количества информации для обоснования суждения, но логика «если, то» сохраняется, хотя данное выражение может и не использоваться.

Параметр «Ресурсы обработки» в случае с информационными суждениями проявляется в высокой степени склонности к специфическому закрытию, обосновании принятого решения фактами. В отношении общих делиберативных суждений существует высокая степень готовности к неспецифическому закрытию, т.е. принятию любого решения в связи с желанием просто высказать свою точку зрения. В случае с когнитивным делиберативным суждением данный параметр проявляется как готовность к длительному обсуждению в поисках нового знания и общего решения, в низкой степени готовности к неспецифическому закрытию.

В информационных суждениях параметр «Ненаправленная мотивация» выражается в значительной степени усилий, направленных на обработку информации в связи с реализацией внутриорганизационной цели точности и подотчетности. В отношении общих делиберативных суждений данный параметр проявляется в низкой степени усилий, затрачиваемых на обработку

информации в связи со стремлением просто высказать свою точку зрения. Для когнитивных делиберативных суждений характерна средняя степень усилий, направленных на обработку информации для получения нового знания без апелляции к числам, фактам, с переносом ответственности на организацию.

Параметр «Направленная мотивация» в случае с информационными суждениями выражается в тщательной обработки информации под влиянием внешнего заказчика (другой организации, подведомственной структуры). В случае с общими делиберативами данный параметр характеризуется готовностью к тщательной обработке информации, основанной на личной заинтересованности. В случае с когнитивными делиберативными суждениями данный параметр подразумевает готовность произвести тщательную обработку информации для подтверждения своей позиции фактами, цифрами в связи с личной заинтересованностью в получении нового знания.

Введенный нами дополнительный параметр «Эпистемический авторитет» означает власть эксперта, экспертного знания. В отношении информационных суждений данный авторитет выражается как всеобъемлющий, например авторитет государственной власти. В отношении когнитивных делиберативных суждений данный параметр проявляется, если власть исходит от эксперта в конкретной области знания, профессиональной деятельности. В случае с общими делиберативными суждениями существует неприятие внешнего эпистемического авторитета, в процессе делиберации формируется авторитет публичного разума.

Таким образом, предлагаемая методология дискурс-анализа предполагает контекстуальное рассмотрение разных типов политических суждений в размере репликового шага, формируемых на платформах коммуникации с органами власти, на основе аналитической модели, предложенной А. Круглянски и его коллективом.

Тестирование инструментария с использованием платформы региональных проблем Ленинградской области «Народная экспертиза»

Для тестирования нашего инструментария, созданного для анализа политических суждений на цифровых платформах городских (региональных) проблем, была выбрана платформа региональных властей Ленинградской области «Народная экспертиза» (https://народнаяэкспертиза.рф/). Основные типы суждений были закодированы по принципу «0 — Информативный тип политических суждений», «1 — Общие делиберативные суждения», «2 — Когнитивные делиберативные суждений». Для идентификации данных типов суждений тщательно изучалась структура дискурса, характерная для них с учетом параметров суждений А. Круглянски.

Выборка для пилотного проекта составила двести суждений. В результате проведенного дискурс-анализа выяснилось, что 68% из них составили информационные суждения, 15,5% — общие делиберативные суждения и 16,5% — когнитивные делиберативные суждения. Наиболее частыми параметрами, встречающимися при анализе данных суждений, являлись «Субъективная релевантность», «Ресурсы обработки» и «Направленная мотивация». Распределение суждений на основании параметров показано на рис. 1.

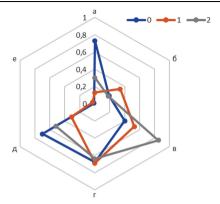

Рис. 1. Распределение политических суждений на платформе «Народная экспертиза» по параметрам

Статистический анализ сопряженности типов суждений и их параметров на основе критериев Хи-квадрат, Фи и V Крамера с использованием таблиц сопряженности показал следующие результаты [16. С. 123–135]:

1. Выявлена значимая умеренная связь между переменной «тип суждения» и параметром «Субъективная релевантность», о чем свидетельствует критическое значение Хи-квадрат, уровень значимости ниже 0,001 и значения коэффициента V Крамера (табл. 1, 2).

Таблица 1. Значение Хи-квадрат для переменных «тип суждения» и параметра «Субъективная релевантность»

Критерии хи-квадрат			
	Значение	Ст. св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	45,977a	2	,000
Отношения правдоподобия	48,274	2	,000
Линейно-линейная связь	30,035	1	,000
Количество допустимых наблюдений	200		

 $^{^{\}rm a}$ Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 13,33.

Таблица 2. Значения Фи и V Крамера для переменных «тип суждения» и параметра «Субъективная релевантность»

Симметричные меры			
Значение Приблизи:			Приблизительная значимость
Номинал / номинал	Фи	,479	,000
	V Крамера	,479	,000
Количество допустим	ых наблюдений	200	

2. Выявлена значимая умеренная связь между переменной «тип суждения» и параметром «Ресурсы обработки» (табл. 3, 4).

 $\it Tаблица~3$. Значение Xu-квадрат для переменных «тип суждения» и параметра «Ресурсы обработки»

Критерии хи-квадрат			
	Значение	Ст. св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	23,691 ^a	2	,000
Отношения правдоподобия	25,387	2	,000,
Линейно-линейная связь	23,143	1	,000
Количество допустимых наблюдений	200		

 $^{^{\}rm a}$ Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 15,04.

198 О.А. Игнатьева

Таблица 4. Значения Фи и V Крамера для переменных «тип суждения» и параметра «Ресурсы
обработки»

Симметричные меры			
		Значение	Приблизительная значимость
Номинал / номинал	Фи	,479	,000
	V Крамера	,479	,000
Количество допусти	имых наблюдений	200	

3. Выявлена значимая умеренная связь между переменной «тип суждения» и параметром «Направленная мотивация» (табл. 5, 6).

Таблица 5. Значение Хи-квадрат для переменных «тип суждения» и параметра «Направленная мотивация»

Критерии хи-квадрат			
	Значение	Ст. св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	34,636a	2	,000
Отношения правдоподобия	32,038	2	,000
Линейно-линейная связь	33,659	1	,000
Количество допустимых наблюдений	200		

 $^{^{\}rm a}$ Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 5,89.

Таблица 6. Значения Фи и V Крамера для переменных «тип суждения» и параметра «Направленная мотивация»

Симметричные меры			
		Значение	Приблизительная значимость
Номинал / номинал	Фи	,416	,000
	V Крамера	,416	,000
Количество допусти	мых наблюдений	200	

Отсутствие значимой связи между переменными в отношении трех других параметров не означает, что они не могут быть использованы в качестве контекстуальных характеристик политических суждений. Возможно, требуется провести еще некоторое количество эмпирических исследований, чтобы установить связь между данными переменными. Сами параметры суждения тестировались А. Круглянски не один десяток лет, прежде чем они были включены в модель [3. Р. 255–303]. Сложность нашего исследования была в том, что мы использовали не один тип суждений, как в случае с моделью А. Круглянски, а несколько, усложнив дифференциацию первоначальных критериев.

Заключение

Результатом работы над методологией проведения эмпирического исследования в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31361 «Аутсорсинг политических суждений: критический анализ информационной парадигмы сетевой публичной коммуникации» стала разработка уникальной методологии дискурс-анализа. Данная методология позволяет классифицировать суждения на цифровых платформах взаимодействия граждан с региональными властями с учетом контекстуальных параметров суждений, предложенных американским социальным психологом А. Круглянски. Пилотажное исследование, проведенное на основе платформы региональных проблем Ленинградской области

«Народная экспертиза», позволило выявить значимые взаимосвязи между типом суждения и параметрами «Субъективная релевантность», «Ресурсы обработки», «Направленная мотивация». Также была частично подтверждена гипотеза о преобладании информационного типа суждения на данной платформе (68% от общего числа суждений). Однако однозначно подтвердить или опровергнуть данную гипотезу мы сможем только в ходе дальнейших исследований с выборкой более значительного размера.

Литература

- 1. *Мисников Ю.Г.*, *Филатова О.Г*. Интернет-дискуссия как форма электронного участия: российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2019. № 5. С. 320–340. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.15
- 2. *Filatova O., Kabanov Y., Misnikov Y.* Public Deliberation in Russia: Deliberative Quality, Rationality and Interactivity of the Online Media Discussions // Media and Communication. 2019. Vol. 7, № 3. P. 133–144. https://doi.org/10.17645/mac.v7i3.1925
- 3. Kruglanski A.W., Pierro A., Mannetti L., Erb H., Young Chun W. On The Parameters of Human Judgment // Advances in Experimental Social Psychology. 2007. Vol. 39. P. 255–303.
- 4. *Kruglanski A., Orehek E., Dechesne M., Pierro A.* Lay Epistemic Theory: The Motivational, Cognitive and Social Aspects of Knowledge Formation // Social and Personality Psychology Compass. 2010. Vol. 10, № 4. P. 939–950. https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2010.00308.x
 - 5. Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 447 с.
- 6. Dijksterhuis A., Knippenberg A. van, Kruglianski A., Schper C. Motivated Social Cognition: Need for Closure Effects on Memory and Judgment // Journal of Experimental Social Psychology. 1996. Vol. 32, article № 0012. P. 254–270.
- 7. Petty R.E., Wells G.T., Brock T.C. Distraction can enhance or reduce yielding to propaganda: Thought disruption versus effort justification // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. № 34. P. 874–884.
- 8. Kruglianski A. Motivation, Cognition and Realty: Three Memos for the Next Generation of Research // Psychological Inquiry. 1999. Vol. 10, № 1. P. 53–58. https://doi.org/10.1207/s15327965pli1001 8
- 9. Φ иллипс \overline{J} ., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
 - 10. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
- 11. Арендт X. Кризис в культуре // Арендт X. Между прошлым и будущим. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. С. 291–333.
- 12. *Хабермас Ю*. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Маркова. М.: Наука, 2001. 382 с.
- 13. Паршина О.Н. Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте // Филологические науки. 2012. № 3. С. 83–90.
- 14. *Шаронов И.А.* Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференциии «Диалог 2016». Москва: 1–4 июня 2016.
- 15. Викторова Е.Ю. Дискурсивы, специфические для устной научной речи (на материалах лекций) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 36, № 4. С. 55–65.
- 16. $\it Hacnedos~A.Д.~SPSS~15$: профессиональный статистический анализ данных. СПб. : Питер, 2008. 416 с.

Olga A. Ignatjeva, St Petersburg State University (St Petersburg, Russian Federation).

E-mail: olga7919@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 191–201.

DOI: 10.17223/1998863X/64/18

METHODOLOGY OF DISCOURSE ANALYSIS OF POLITICAL JUDGMENTS ON PLATFORMS OF REGIONAL PROBLEMS

Keywords: political judgments; platforms of regional problems; A. Kruglanski; lay epistemics, discourse analysis

200 О.А. Игнатьева

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 20-011-31361.

The development of a methodology for text analysis on information and communication platforms and social networks is becoming an urgent need not only for modern social and human sciences, but also for the practical field of empirical research. Discourse analysis, as opposed to content analysis, involves not only frequency calculation of words in their context, but also contextual analysis of speech acts as a whole, taking into account their structural features. At present, there is no uniform methodology for discourse analysis. Different schools choose a different object of analysis when using this method. The School of Continental Europe focuses on the analysis of written texts, the Anglo-Saxon School on the analysis of oral speech and discourse. The first attempt to conduct a discourse analysis of written speech in social networks was made by the Russian researcher Yu.G. Misnikov. I continue to develop the methodology of discourse analysis in its application to the digital sphere. The aim of this article is to develop a new approach to discourse analysis of small texts and deliberations in the form of judgments placed on digital platforms of communication with regional authorities, as well as in social networks related to these platforms. The methods of structural and functional analysis, discourse analysis, and general scientific methods of analysis and synthesis have been used in writing this article. The working hypothesis of my project is the statement that, on modern Russian platforms of communication with the authorities, the information type of judgments based on the interaction of the "stimulus-reaction" kind prevails. The development of the toolkit implies reference to the existing methods of conducting discourse analysis, selection of a conceptual framework for substantive justification of the new methodology of discourse analysis, preparation of the toolkit based on it and its subsequent testing on the basis of judgments posted on the digital platform of communication with regional authorities. The conceptual framework for the discourse analysis toolkit became the concept of lay epistemics by American social psychologist A. Kruglanski and the parameters his research team and he used in the parametric model of social judgment.

References

- 1. Misnikov, Yu.G. & Filatova, O.G. (2019) Online discussion as a form of e-participation: Russian specifics. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal.* 5. pp. 320–340. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.15
- 2. Filatova, O., Kabanov, Y. & Misnikov, Y. (2019) Public Deliberation in Russia: Deliberative Quality, Rationality and Interactivity of the Online Media Discussions. *Media and Communication*. 7(3), pp. 133–144. DOI: 10.17645/mac.v7i3.1925
- 3. Kruglanski, A.W., Pierro, A., Mannetti, L., Erb, H. & Young Chun, W. (2007) On The Parameters of Human Judgment. *Advances in Experimental Social Psychology*. 39. pp. 255–303. DOI: 10.1016/S0065-2601(06)39005-3
- 4. Kruglanski, A., Orehek, E., Dechesne, M. & Pierro, A. (2010) Lay Epistemic Theory: The Motivational, Cognitive and Social Aspects of Knowledge Formation. *Social and Personality Psychology Compass*. 10(4). pp. 939–950. DOI: 10.1111/j.1751-9004.2010.00308.x
- 5. Popper, K. (2005) *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Descovery]. Translated from German. Moscow: Respublika.
- 6. Dijksterhuis, A., Knippenberg, A. van, Kruglianski, A. & Schper, C. (1996) Motivated Social Cognition: Need for Closure Effects on Memory and Judgment. *Journal of Experimental Social Psychology*. 32. Art. 0012. pp. 254–270.
- 7. Petty, R.E., Wells, G.T. & Brock, T.C. (1976) Distraction can enhance or reduce yielding to propaganda: Thought disruption versus effort justification. *Journal of Personality and Social Psychology*. 34. pp. 874–884. DOI: 10.1037/0022-3514.34.5.874
- 8. Kruglianski, A. (1999) Motivation, Cognition and Realty: Three Memos for the Next Generation of Research. *Psychological Inquiry*. 10(1). pp. 53–58. DOI: 10.1207/s15327965pli1001_8
- 9. Fillips, L. & Yorgensen, M.V. (2004) *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr.
- 10. Makarov, M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow: Gnozis.
- 11. Arendt ,H. (2013) *Mezhdu proshlym i budushchim* [Between Past and Future]. Translated from English. Moscow: The Gaydar Institute. pp. 291–333.
- 12. Habermas, J. (2001) *Moral noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Translated from German by D.V. Sklyadnev. Moscow: Nauka.

- 13. Parshina, O.N. (2012) Diskursivy kak sredstvo verbalizatsii rechemyslitel'nykh protsessov v ustnom politicheskom tekste [Discursives as a means of verbalization of speech-thinking processes in an oral political text]. *Filologicheskie nauki*. 3. pp. 83–90.
- 14. Sharonov, I.A. (2016) Diskursivnye slova i kommunikativy [Discursive words and communicatives]. In: Selegey, V.P. (ed.) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intellectual technologies]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
- 15. Viktorova, E.Yu. (2015) Discourse markers specific for spoken academic speech (based on texts of lectures). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki University proceedings. Volga region. Humanities.* 36(4). pp. 55–65. (In Russian).
- 16. Nasledov, A.D. (2008) SPSS 15: professional'nyy statisticheskiy analiz dannykh [SPSS 15: Professional Statistical Data Analysis]. St. Petersburg: Piter.

УДК 327+322

DOI: 10.17223/1998863X/64/19

Б.А. Исаев, И.Ф. Игнатьева

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ГЕОКОНФЕССИОЛОГИИ. ЧАСТЬ 1. НАУЧНО-ПРОБЛЕМНАЯ И НАУЧНО-ДИСЦИПЛИНАРНАЯ СТРУКТУРА ГЕОКОНФЕССИОЛОГИИ

В статье рассматриваются содержание и структура геоконфессиологии как структурного элемента современной геополитики. Сформулированы понятия объекта и предмета геополитики в широком и узком смысле, определяется предмет геоконфессиологии. Рассмотрена структура геоконфессиологии, включая научно-проблемную и научно-дисциплинарную части. Исследуется географическая часть геоконфессиологии. Оценивается влияние географического фактора на развитие религий, подчеркивается роль географической науки для геополитических выводов.

Ключевые слова: геоконфессиология, геополитика, объект и предмет геополитики и геоконфессиологии, научно-проблемная и научно-дисциплинарная структуры геоконфессиологии

1. Предмет, объект и структура геополитики и геоконфессиологии

Объектом современной геополитики в широком смысле является все природное и искусственное, созданное трудом человечества, пространство нашей планеты. Объектом в узком смысле, на который непосредственно направлены усилия геополитиков-исследователей и геостратегов-преобразователей геополитических пространств, выступают различные структурные элементы современного мира: среды природы (суша, ее рельеф, почва и недра, морская поверхность и линии ее соприкосновения с сушей, морские глубины и дно морей, воздушная и космическая среда), сферы общества и человеческой деятельности (политическая, экономическая, социальная, культурная, военная, религиозная и др.), субсферы (например, в экономической сфере явно выделяются финансовая, производственная, торговая субсферы) [1. С. 73-86; 2. С. 307-315], субсубсферы (например, в производственной субсфере можно выделить субсубсферы по производству самых разных товаров) [3. С. 75–99], потоки продуктов человеческой деятельности (данных науки, информации, рекламы, товаров) и самих людей (рабочей силы, мигрантов, туристов, ученых и студентов, деятелей искусства, спортсменов и др.), а также зоны влияния государств в этих средах, сферах, субсферах, субсубсферах и потоках.

Исходя из вышесказанного, предметом современной геополитики в широком смысле следует считать борьбу государств за влияние в этих средах, сферах и потоках, конфликты между странами, нормы и правила, формирующиеся в ходе этой борьбы, т.е. мировой порядок и расстановку геополитических сил, образующуюся в результате этой борьбы, т.е. мировую геополитическую систему. Смысл геополитической борьбы состоит в том, чтобы не только определять силу и мощь, т.е. геополитический статус каждого государства, не только в том, чтобы сформировать мировой порядок и мировую геополитическую систему, но и в том, чтобы изменять их в соответствии с национальными интересами борющихся государств. Тогда предметом современной геополитики в узком смысле следует признать борьбу наиболее влиятельных и мощных государств — великих держав за раздел и передел мира.

Современную геополитику большинство политологов понимают как научную дисциплину или часть политологии, занимающуюся исследованиями взаимоотношений между великими державами, соотношений их сил и влияний на мировые политические, экономические, культурные процессы. С этой точки зрения геополитика предстает перед нами как наука о разделе и переделе мира, построении и перестроении мировой политической системы и мирового порядка.

С противоположной точки зрения, объективно протекающие мировые экономические, политические и социально-культурные процессы сами оказывают влияние на изменение соотношения сил между великими державами, эволюцию мировой системы и мирового порядка. Чтобы исследовать этот суперпроцесс изменения соотношения сил и влияния ведущих акторов на структуру мира, понимаемую как соотношение сил великих держав, геополитика разбивает его (суперпроцесс) на несколько специальных процессов (или субпроцессов), которые исследуются разделами или составными частями геополитики. Складывающаяся таким образом процессная структура геополитики, как мы выяснили, состоит из:

- геоистории, изучающей геоисторический процесс, т.е. геополитические построения ученых и действия государств в далеком или не слишком отдаленном прошлом;
- геоэкономики, изучающей геоэкономический процесс или геополитические доктрины и действия государств под экономическим углом зрения, ставящей в основу разделения (объединения) мира экономические отношения держав (экономических союзов, ТНК и других акторов геоэкономического процесса);
- геоэтнополитики, исследующей геоэтнополитический процесс или геополитику как взаимодействие различных этносов;
- геоконфессиологии, исследующей геоконфессиологический процесс,
 т.е. разделение мира на географические регионы, в которых доминирует та или иная религиозная доктрина; всегда определяющей во всех видах взаимодействия между государствами (союзы, конфликты, войны и т.д.) степень воздействия конфессионального фактора;
- геоконфликтологии, исследующей конфликтологический процесс в мире, определяющей конфликтологическую составляющую в политике государств;
- геофутурологии, исследующей тенденции в геополитическом процессе и занимающейся предсказанием будущих конфигураций мировой геополитической системы и изменений в ней, составлением тех или иных футурологических сценариев, ситуаций, теоретически обоснованных гипотез по будущей реструктуризации мира [4. С. 66–74].

Исходя из такого понимания глобального геополитического процесса и специальных геополитических процессов (или субпроцессов), геополитической структуры мира, геоконфессиология представляется нам как часть геополитики, которая обеспечивает исследование и понимание возникновения и

распространения религий по земной поверхности, их борьбу за влияние на государственную политику, за то, чтобы стать доминирующей религией в наибольшем числе стран и в мире в целом.

Геоконфессиология как часть геополитики представляет собой политологическую, географическую, социологическую и религиоведческую дисциплину, имеющую свой объект и предмет исследования. Исходя из соотношения геополитики и геоконфессиологии, согласно которому последняя есть часть первой, объектом геоконфессиологии в широком смысле является все пространство сакрального, а в узком — процесс формирования религиозного пространства, т.е. процесс зарождения и распространения религий. Тогда предметом геоконфессиологии в широком смысле будет процесс взаимоотношений религии с государствами и обществами, а в узком — влияние церкви на геополитику и геостратегию на национальном уровне, борьбу религий за влияние и доминирование как на национальном уровне, так и на мировой арене. Предмет геоконфессиологии в узком смысле на самом деле не так уж узок. Он представляет собой процессы зарождения и распространения религий, взаимоотношений религий и государств, борьбу религий за влияние и доминирование.

Поскольку научная дисциплина геоконфессиология является частью геополитики, предмет геоконфессиологии составляет часть предмета геополитики. Если геополитика — это наука о структуре мировой политической системы и соотношении сил между главными соперниками, то геоконфессиология — это научная дисциплина о структуре, если так можно выразиться, международной системы конфессий и соотношении сил между мировыми и национальными религиями на мировой и национальной конфессиональной арене.

С точки зрения научно-проблемной структуры геоконфессиология состоит из следующих проблемных направлений, которые она призвана развивать:

- соотношение сил или структура мировой конфессионально-политической системы;
- изменение соотношения сил ведущих религий и церквей на мировой конфессионально-политической арене;
- борьба между национальными религиями за доминирование в общественном сознании верующих в каждой стране;
- влияние национальной церкви и религии вообще на политику национальных государств;
- борьба между национальными церквями за влияние в мировом масштабе;
- борьба между мировыми религиями за доминирование в общественном сознании верующих в мировом масштабе;
- борьба между национальными и мировыми религиями за доминирование в мировых державах, определяющих мировой порядок;
- борьба религий и церквей за доминирование в глобальном конфессионально-геополитическом пространстве.

Перечисленные нами проблемы на первый взгляд кажутся менее значительными для геополитики, чем, скажем, проблемы «чисто» политические, такие как взаимоотношения великих держав, геополитические конфликты, попытки перестроить мировой порядок. Действительно, «чисто» политические проблемы всегда выдвинуты на первый план и приковывают внимание

не только политического руководства, но и многих рядовых избирателей. Однако меньшая значимость геоконфессиональных проблем – явление скорее кажущееся, чем реальное. Как только подобная проблема приобретает остроконфликтный характер, она также выдвигается в центр общественного внимания. Например, проблема отделения Украинской православной церкви (УПЦ) от Русской православной церкви (РПЦ) весь 2019 г. находилась в центре мировой политики. Ее решением занимались и патриархи, и рядовые прихожане, и политики первой величины, и рядовые избиратели.

Научно-дисциплинарная структура геоконфессиологии должна состоять из географической, социологической, психологической и политической части.

В географическую часть этой научной дисциплины, очевидно, следует поместить:

- географические условия и факторы зарождения и распространения религий в различных географических регионах;
 - дифференциацию религий на мировые, региональные и национальные;
- современное географическое положение мировых, региональных и национальных религий или конфессиональную карту мира;
- влияние религий в современном мире: количество стран, где данная религия выступает как национальная, площадь земной поверхности, занимаемая этими странами, количество и качество их населения, геополитическое влияние самих стран в современном мире;
- перспективы дальнейшего распространения религий в различных географических регионах мира.

В социологическую часть геоконфессиологии следует включить постановку и решение следующих проблем:

- социальные условия мест зарождения религий;
- социологические характеристики обществ, в которых зародились значимые религии;
- черты национального характера, социальные характеристики людей носителей религий;
- социальные условия других стран и территорий, способствовавшие распространению религиозных учений;
- влияние социальных условий и социально-демографических характеристик на трансформацию и эволюцию религий.

Психологическая часть геоконфессиологии определяет влияние религий на конкретных людей в зависимости от состояния и типа их психики. Она подразделяет верующих на различные типы в зависимости от степени их веры, определяет силу и влияние религии не только ее географической распространенностью и количеством верующих, но и качеством их веры. Она объясняет психологические особенности верующих людей и поведение различных типов верующих. Она может быть расписана по следующим параметрам:

- условия зарождения каждой значимой религии с точки зрения ее влияния на психику людей;
- психологические факторы развития, распространения и роста влияния религий;
 - психологические причины секуляризации религий в современном мире;
- психологический аспект конкурентной борьбы между религиями за влияние на верующих;

– современное положение и влияние религий в мире: число сторонников, их приверженность вере, религиозным традициям, ценностям и нормам, ее преобладание над другими религиями на человеческом (психологическом) уровне.

Политическая часть геоконфессиологии состоит из:

- политических условий и факторов зарождения и распространения религий в различных странах;
- взаимоотношений государств и национальных церквей внутри каждой страны, особенно внутри каждой из великих держав;
- влияний национальных и мировых религий на политику отдельных государств, особенно великих держав;
- влияний национальных и мировых религий на политику международных организаций;
- влияний национальных и мировых религий на международные отношения и формирование мирового порядка;
- политического значения в мире и политического статуса региональных и мировых религий.

Географической, социологической, психологической и политической частями не ограничивается научно-дисциплинарная структура геоконфессиологии. Можно, например, сюда добавить философско-мировоззренческую часть, ибо от видения мира конкретных людей и обществ зависит генезис религий, военно-стратегическую часть, поскольку религии связаны с завоеванием и удержанием завоеванных территорий, и т.д.

2. Географическая часть геоконфессиологии

Географическая часть геоконфессиологии, или географическая конфессиология, должна исследовать географию мест зарождения мировых, региональных и национальных религий, географические (в том числе и климатические, ландшафтные, почвенные) условия и факторы распространения религиозных учений. Эта часть геоконфессиологии необходима для того, чтобы учитывать влияние географического положения общества, в котором зарождается религия, географические условия обществ, на которые она распространяется, географические факторы развития религиозного учения.

Географическое положение создает благоприятные или неблагоприятные условия для генезиса религий. Например, тот факт, что все три мировые религии зародились в Азии, которая не отделена от основного обитаемого пространства суши Земли (Евразии) непроходимой преградой в виде океана, говорит о ее удобном для религиозного генезиса местоположении.

На юге Азии благоприятный климат для проживания человека и как следствие этого достаточно большая концентрация людей, что необходимо для зарождения и успешного распространения религиозных идей. Как и все географы, мы признаем, климат существенно влияет на род занятий и систему верований проживающих в его условиях людей.

Почвы как одна из характеристик географического положения также оказывают влияние на род занятий проживающих на них людей, стимулируют развитие производства товаров и торговли, развитие коммуникаций и обмен идеями, в том числе религиозными.

Рельеф местности может быть благоприятным или не благоприятным для деятельности людей. Он, например, может создавать естественную оборонительную систему, что избавляет население от непродуктивной траты ресурсов, или не создавать таковой системы, что несет угрозу внезапного быстрого завоевания и уничтожения культуры и религии данной страны.

Недра территории (точнее, находящиеся в них природные богатства), на которой поселился данный народ, также могут способствовать быстрому развитию или торможению развития общества, развитию его культурных и религиозных идей.

Положение страны по отношению к морю играет важную развивающую роль для общества, которое может строить корабли не только для целей торговли и завоеваний, но и для миссионерской деятельности. Недаром рядом с конкистадорами, отвоевывавшими американские территории у индейцев, всегда шли миссионеры, обращавшие покоренные народы в христианство.

Если говорить о мировых религиях, которыми считаются, как известно, буддизм, христианство и ислам, то география их зарождения хорошо известна.

Буддизм зародился в северо-восточной части Индии, в середине I тысячелетия до н. э. Климат, почвы, недра, другие характеристики этой географической зоны были вполне благоприятны для развития общества, генерирования религии, а пограничное положение и доминирование государства Магадха в этой геополитической системе (Магадха, Кошала и Личчхави) способствовало быстрому распространению религиозного учения на другие страны.

Христианство зародилось в I в. в провинции Иудея Римской империи — территории с мягким морским климатом, весьма благоприятным для жизни и деятельности (в том числе религиозной) людей, обмена информацией, в том числе религиозными идеями. Развитая инфраструктура, в том числе сеть хороших дорог, способствовала распространению христианства не только на население империи, но и на население соседних стран. Дальнейшая история христианских стран, их колониальные завоевания привели к широкому распространению христианства практически на всех континентах Земли.

Мусульманская религия зародилась в VII в. на Аравийском полуострове, где климат континентальный, более жаркий и засушливый, чем средиземноморский климат Палестины, но вполне пригодный для проживания и развития общества, генерирования религиозных идей. Ускоренное государственное строительство и арабские завоевания, мореплавание и торговля способствовали развитию и распространению мусульманства на обширные территории Азии и Африки.

Географическая часть геоконфессиологии, как мы отметили выше, должна дать ответ на вопрос: «В каких географических условиях, в каких регионах Земли зародились различные верования? Под действием каких географических факторов религии распространялись по территориям Земли?

Все географические условия зарождения и факторы распространения религий можно свести к следующим:

- географическое положение страны или территории, где зарождается религия;
- климатические условия. Для зарождения и укоренения религии в умах людей необходим достаточно мягкий, теплый климат, позволяющий собираться на открытом пространстве большим группам людей для общения со

своим Учителем. Теплый климат позволил Пророкам всех мировых религий Будде, Христу и Магомету путешествовать в одиночестве, свободно общаться с разными людьми, набираясь знаний и опыта, формулируя свое учение. Видимо поэтому все мировые религии зародились в южных широтах. Да и другие региональные и национальные религии зарождались в странах с достаточно теплым климатом;

- различие природных условий влияет на эволюцию религиозной жизни, обрядовых установлений. Например, известное положение Корана о посте в священный месяц рамадан (нельзя есть до захода солнца) требует корректив для мусульман, живущих за полярным кругом, где в летний период, на который иногда выпадает рамадан, солнце практически не заходит;
- богатство природы, все природные ресурсы (в том числе полезные ископаемые, гидроресурсы, лес, почвы, количество солнечных дней в году и т.д.) способствуют распространению религии среди народов, обладающих достаточной территорией, одаренной природными богатствами;
- ландшафт. Ландшафтная доступность южных стран, наличие троп и дорог для перемещения людей-носителей новой религии, нарождающейся религиозной школы или целого племени со своим пантеоном также содействовала распространению религий;
- природные явления. Во многих религиях выбор почитаемых мест часто определяется их природной необычностью. Сакрализуются особенные, вызывающие страх, непонимание, почитание природные явления (например, гром и молния) или космические феномены (например, камень Кааба у мусульман), орографические (горы, хребты, долины, впадины и другие особенности рельефа) или гидрографические (реки, озера, водопады и др.) объекты;
- красоты природы. Важной составляющей религиозного восприятия мира является эстетика. Умение вписывать храмы, монастыри и религиозные символы в природный ландшафт дает дополнительный эстетический эффект для почитания и создания привлекательности религии;
- взаиморасположение ареалов распространения религий. Фактор взаиморасположения ареалов распространения различных религий создает возможности их влияния друг на друга, появление новых религиозных течений в зонах соприкосновения различных религий (например, возникновение в Северной Индии сикхизма, несущего в себе черты ислама и индуизма, появление на Ближнем Востоке учения алавитов, имеющего черты ислама и христианства).

Чтобы наглядно оценить влияние географического фактора на темпы формирования и распространения мировых религий достаточно взглянуть на карту (рис. 1), на которой видно, что все мировые религии зародились в благоприятных географических условиях Азии, что вышеперечисленные географические условия и факторы способствовали распространению религиозных учений и превращению их в мировые религии.

Географические факторы, влияющие на зарождение и распространение религий, оказывают неизбежное влияние и на религиозную жизнь. Наиболее распространенные религии, как правило, обладают и большим разнообразием форм религиозной жизни. Например, православие в России и православие в Африке при сходстве вероучения серьезно отличаются по приемам традиционного благочестия и обрядовой практики [6]. Ниже мы приводим результат действия указанных факторов (рис. 2).

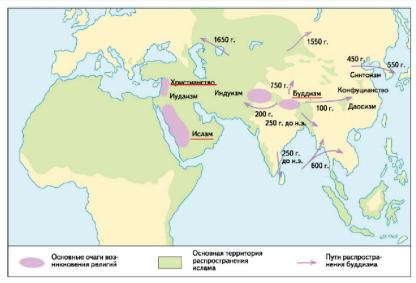

Рис. 1. География возникновения и распространения религий [5]

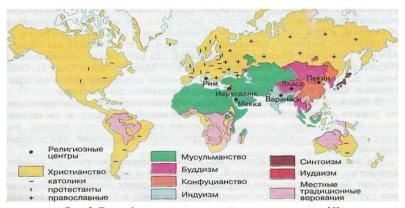

Рис. 2. География основных религий современного мира [5]

Кроме географической науки, основой для геополитических выводов применительно к развитию религии является такая дисциплина, как география религии, которая также исследует связи и взаимовлияния религии и географического положения территории ее распространения. В современной русскоязычной литературе география религии рассматривается как раздел религиоведения. Иногда для обозначения географии религии используют термин «сакральная география». Как отдельное направление исследований география религии возникла в конце XVIII – начале XIX в., хотя очевидно, что сакрально-географические знания можно найти в трудах ученых разных эпох. Уже классики геополитики применяли географическо-религиозные знания для своих исследований. Фридрих Ратцель в фундаментальном труде «География человека» (1882–1891), подробно рассмотрел влияние географической среды на культуру и религию многих народов, наглядно и аргументированно показал взаимодействие географии и религии. В этот период в географии религии преобладал методологический принцип географического детерминизма – объяснения всех фактов религиозной истории человечества

географическими условиями той территории, где они происходили [7]. Сегодня большинство исследований сочетает в себе лучшие традиции классической географии религии и идеи постмодернистских подходов [8].

В наши дни отечественные и зарубежные ученые (А.Б. Зубов [9], И.Н. Яблоков [10], Ким Кнотт [11], Томас Твид [12], Мануэль Васкес [13]), изучающие практику распространения религий и транснациональные миграции, оперируют термином «пространственность религии», который во многом перекликается с терминологией современных геоконфессиологов. Пространственные подходы в религиоведческих исследованиях позволяют осуществлять проекты по созданию сакральных пространств, в том числе и геополитической значимости. Формы религиозной пространственности имеют отличительные особенности, имманентные религиозному миру, не сводимые к географии и политике данной местности. Религия владеет не только локативными и транслокативными, но и супралокативным способами выражать трансцендентность, соединяя абсолютное пространство и пространство повседневной жизни, связанное с «геометрией» власти и преодолением границ. В этом смысле религия пространственна, а ее подходы позволяют влиять на экономические, социальные и политические процессы в широком геополитическом масштабе.

Такой подход позволяет анализировать конфликты, порождаемые взаимодействием религии с экономическими, политическими и социальными процессами. Мануэль Васкес и Ким Кнотт [14] иллюстрируют, в каких случаях и как религия может стать важным фактором функционирования разных политических режимов или даже бросать им вызов. Анализируя географический аспект положения мигрантских меньшинств, Васкес и Кнотт показывают, как религия предоставляет ресурсы, с помощью которых люди, стремящиеся к построению различных утопий, создают аффективно заряженные геополитические пространства.

Еще в начале 1990-х гг. тема религии вызывала мало интереса в географии, и было мало ученых, которые сосредоточивались бы на такой работе. Но в настоящее время эта область географической науки получила широкое распространение и признана важной подотраслью, субдисциплиной социальной и культурной географии. Большое количество работ географов в последнее время посвящается исследованию политики мусульманских геополитических пространств и символов, в том числе и на территории России [15]. Однако эта тенденция начинает меняться по мере того, как все больше географов интересуются различными формами религии и системами верований, а также связанными с ними проблемами социального и политического неравенства [16]. В наше время во многих странах мира издаются сборники, специально посвященные различным аспектам географии религии и убеждений в разных странах мира.

Геополитические аспекты в исследованиях зарубежных представителей географии религии зачастую связаны с их практическими выводами. Эндрю Макгрегор, в частности, утверждает, что для получения более эффективной помощи в различных развивающихся странах и слаборазвитых регионах необходимо учитывать местные религиозные проблемы и религиозные приоритеты. По его мнению, транснациональные сети и потоки должны признавать значение религиозного пространства для развития общества и подклю-

чать в этот процесс религиозные институты, а не пропагандировать культуру секуляризма. Он убежден, что западные подходы к разделению церкви и государства в области развития религии устарели [17].

Другой представитель западной географии религии Юстин Тсе утверждает, что секуляризация сама по себе может быть понята как теологический процесс. Он критикует дихотомию религия / секуляризация, выступая за «обоснованные теологии», с помощью которых можно исследовать географию религии в секулярную эпоху. Следует заметить, это и подобные исследования опираются на социокультурный и географический подход к исследованию религиозных взаимосвязей и критическую геополитику [18].

Наряду с научным арсеналом географии религии в геоконфессиологии также возможно применение научных наработок теографии [19]. Эта наука также занимает близкую позицию и тесно взаимодействует с географией религии, стремясь к более тонкому пониманию именно религиозного предмета. Обосновывая предмет теографии, Сатерленд Галлум исследует религиозную рефлексивность, которая направляет преимущественное внимание на теологические аспекты. Теография, по его мнению, продвигает пространственное воображение религиозного мыслителя, нацеливает его на экзистенцию с позиции постструктурального мышления и понимания трансцендентности.

Литература

- 1. *Игнатьева И.Ф.* Философия техники. Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, $2003.\,113$ с.
- 2. *Игнатывева И.Ф.* Многомерность туризма: философский, экономический, политический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, № 3. С. 307–315.
- 3. Исаев Б.А. Философия геополитики // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2018. № 3 (21). С. 75–99.
- 4. Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Структура геополитики // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 66–74.
- 5. *Карты* религий мира. URL: https://yandex.ru/images/search?text=%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B%20%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B8%D0%B8%D0%B9%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0&ncrnd=1586874848631-5833758485195624 (дата обращения: 12.04.2020).
- 6. Географические и демографические факторы формирования религиозной сферы. URL: http://moyuniver.net/geograficheskie-i-demograficheskie-faktory-formirovaniya-religioznoj-sfery/ обращения: 11.04.2020).
 - 7. География религии. https://studbooks.net/19544/religiovedenie/religiovedenie
- 8. Stump R.W. The Geography of Religion: Faith, Place, and Space. URL: https://www.amazon.com/Geography-Religion-Faith-Place-Space/dp/0742510808 (accessed: 18.04.2020).
- 9. Зубов А.Б. История религии. Курс лекций. Книга первая. Доисторические и внеисторические религии. М.: МГИМО-Университет, 2006. 433 с.
- 10. История религии : в 2 т. / под общ. ред. И.Н. Яблокова. М. : Высшая школа, 2004. Т. 1. 464 с.
- 11. *Knott K.* The Location of Religion: A Spatial Analysis. London: Routledge, 2015. 288 p. URL: https://books.google.ru/books?id=V75cCgAAQBAJ&pg=PR3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed: 18.04.2020).
- 12. Tweed T. Crossing and dwelling: A theory of religion.- Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. 278 p. URL: https://www.academia.edu/3598965/Crossing_and_dwelling_A_theory of religion (accessed: 17.04.2020).
- 13. Vásquez M.A. More than Belief: A Materialist Theory of Religion. New York: Oxford University Press, 2011, 392 p. URL: https://academic.oup.com/socrel/article-abstract/72/4/485/1615296 (accessed: 18.04.2020).
- 14. Knott K., Vasquez M.A. Three Dimensions of Religious Place Making in Diaspora, Global Networks, 2014, 14(3): 326–347. URL: https://www.semanticscholar.org/paper/Three-dimensions-of-

religious-place- making- in- V%C3%A1squez-Knott/64b3ab29a01f12e7c40882936d35bb1e198e72e6 (accessed: 18.04.2020).

- 15. *Todd M.L.* Political Geographies of Religions in Russia: Mosques, Churches, the State, and Social Movements in Moscow. Geography Graduate Theses & Dissertations. 2017.109. https://scholar.colorado.edu/geog_gradetds/109 https:// pdfs.semanticscholar.org / a748/0db076b68341064c0e 5e5d 53408fdedb7638.pdf (accessed: 14.04.2020).
- 16. Hopkins P. Geographies of Religion. URL: https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0106.xml (accessed: 18.04.2020).
- 17. McGregor A. Geographies of Religion and Development: Rebuilding Sacred Spaces in Aceh, Indonesia, after the Tsunami / Environment and Planning A: Economy and Space. First Published March 1, 2010 Research Article. URL: https://doi.org/10.1068/a4273. URL: https://journals.sa-gepub.com/doi/10.1068/a4273 (accessed: 19.04.2020).
- 18. *Justin K.H. Tse.* Grounded theologies: 'Religion' and the 'secular' in human geography. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0309132512475105 (accessed: 16.04.2020).
- 19. Sutherland C. Theography: Subject, theology, and praxis in geographies of religion. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0309132516644513 (accessed: 19.04.2020).

Boris A. Isaev, St. Petersburg State University of Aerospase Instrumentation (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: isaevboris@yandex.ru

Irina F. Ignatyeva, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: iifed@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 202–213.

DOI: 10.17223/1998863X/64/19

THE CONTENT AND STRUCTURE OF GEOCONFESSIOLOGY. PART 1. SCIENTIFIC-PROBLEM AND SCIENTIFIC-DISCIPLINARY STRUCTURE OF GEOCONFESSIOLOGY

Keywords: geoconfessiology; geopolitics; object and subject of geopolitics and geoconfessiology; scientific-problem and scientific-disciplinary structure of geoconfessiology

The article examines the content and structure of geoconfessiology, which, according to the authors, is a scientific discipline in the modern geopolitical science. In a meaningful sense, geoconfessiology provides research and understanding of the origin and spread of religions in the world; the struggle of religions to influence public policy, to become the dominant religion in the largest number of countries and in the world as a whole. The object of geoconfessiology in a broad sense is all the space of the sacred. Its object in a narrow sense is the formation of religious space, that is, the origin and spread of religions. The focus of geoconfessiology in a broad sense is relations between religion and states and societies. The focus of geoconfessiology in a narrow sense is the study of the origin and spread of religions, the relations between religions and states, the struggle of religions for influence and dominance. The authors determine the place of geoconfessiology as one of the structural elements of geopolitics based on the structure of geopolitics, which in addition to geoconfessiology includes geohistory, geo-economics, geo-ethnopolitics, geoconflictology and geofuturology. The structure of geoconfessiology includes scientific-problem and scientific-disciplinary parts. The scientific-problem part of geoconfessiology consists of the following problems it seeks to solve: the balance of power in the global religious-political arena and the structure of this global religious-political system; the changing balance of forces leading religions and churches, and the transformation of the global religiouspolitical arena; the struggle between national religions for dominance in the public consciousness of believers in each country and globally; the influence of the national church and religion in general on the policies of national states; the struggle between national churches for influence on a global scale; the struggle between national and world religions for dominance in the world powers that determine the world order. The scientific-disciplinary structure of geoconfessiology consists of geographical, sociological, psychological, and political science parts, the content of which is also studied in the article. The geographical part of geoconfessiology studies the geography of the origin of world, regional and national religions, geographical (including climatic, landscape, and soil) conditions and factors for the spread of religious teachings. The other parts of geoconfessiology – sociological, psychological, and political science – are examined in the second part of the article.

References

- 1. Ignatieva, I.F. (2003) Filosofiya tekhniki [Philosophy of Technology]. Novgorod: Novgorod State University.
- 2. Ignatieva, I.F. (2017) Multidimensionality tourism: philosophical, economic, political aspects. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 33(3). pp. 307–315. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.306
- 3. Isaev, B.A. (2018) Philosophy of Geopolitics. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsi-onnom obshchestve Philosophy and the Humanities in the Information Society*. 3(21). pp. 75–99. (In Russian). DOI:
- 4. Isaev, B.A. & Ignatieva, I.F. (2019) Structure of geopolitics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya Tomsk State University Journal of History*. 59. pp. 66–74. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/59/9
- 5. Yandex.ru. (n.d.) *Karty religiy mira* [Maps of World Religions]. [Online] Available from: https://yandex.ru/images/search?text=%D0%BA%D0%B0% D1%80%D1%82%D1%8B% 20%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%B9%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0&ncrnd=1586874848631-5833758485195624 (Accessed: 12th April 2020).
- 6. Moyuniver.ru. (n.d.) Geograficheskie i demograficheskie faktory formirovaniya religioznoy sfery [Geographical and demographic factors in the formation of the religious sphere]. [Online] Available from: http://moyuniver.net/geograficheskie-i-demograficheskie-faktory-formirovaniya-religioznoi-sfery/ (Accessed: 11th April 2020).
- 7. Studbooks.net. (n.d.) *Geografiya religii* [Geography of Religion]. [Online] Available from: https://studbooks.net/19544/religiovedenie/religiovedenie
- 8. Stump, R.W. (n.d.) *The Geography of Religion: Faith, Place, and Space*. [Online] Available from: https:// www.amazon.com/Geography-Religion-Faith-Place-Space/dp/0742510808 (Accessed: 18th April 2020).
- 9. Zubov, A.B. (2006) *Istoriya religii* [History of Religion]. Vol. 1. Moscow: MGIMO-Universitet.
- 10. Yablokov, I.N. (2004) *Istoriya religii: v 2 t.* [History of Religion: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Vysshaya shkola.
- 11. Knott, K. (2015) *The Location of Religion: A Spatial Analysis*. London: Routledge. [Online] Available from: https://books.google.ru/books?id=V75cCgAAQBAJ&pg=PR3&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=2#v=onepage&q&f=false (Accessed: 18th April 2020).
- 12. Tweed, T. (2006) *Crossing and Dwelling: A Theory of Religion*. Cambridge, MA: Harvard University Press. [Online] Available from: https://www.academia.edu/3598965/Crossing_and_dwelling A the-ory of religion (Accessed: 17th April 2020).
- 13. Vásquez, M.A. (2011) *More than Belief: A Materialist Theory of Religion*. New York: Oxford University Press. [Online] Available from: https://academic.oup.com/socrel/article-abstract/72/4/485/1615296 (Accessed: 18th April 2020).
- 14. Knott, K. & Vasquez, M.A. (2014) Three Dimensions of Religious Place Making in Diaspora. *Global Networks*. 14(3). pp. 326–347. [Online] Available from: https://www.semanticscholar.org/paper/Three-dimensions-of-religious-place- making- in- V%C3%A1squez-Knott/64b3ab29a01f12e7c4 0882936d35bb1e198e72e6 (Accessed: 18th April 2020).
- 15. Todd, M.L. (2017) *Political Geographies of Religions in Russia: Mosques, Churches, the State, and Social Movements in Moscow.* Geography Graduate Theses & Dissertations. [Online] Available from: https://scholar.colorado.edu/geog_gradetds/109 https:// pdfs.semanticscholar.org/a748/0db 076b68341064c0e5e5d53408fdedb7638.pdf (Accessed: 14th April 2020).
- 16. Hopkins, P. (n.d.) *Geographies of Religion*. [Online] Available from: https://www.oxfordbibliographies.com/view/do-cument/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0106.xml (Accessed: 18th April 2020).
- 17. McGregor, A. (2010) Geographies of Religion and Development: Rebuilding Sacred Spaces in Aceh, Indonesia, after the Tsunami. *Environment and Planning A: Economy and Space*. March 1, 2010. DOI: 10.1068/a4273
- 18. Tse, J.K.H. (2013) Grounded theologies: 'Religion' and the 'secular' in human geography. *Progress in Human Geography*. February 18, 2013. [Online] Available from: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0309132512475105 (Accessed: 16th April 2020).
- 19. Sutherland, C. (2016) Theography: Subject, theology, and praxis in geographies of religion. *Progress in Human Geography*. May 4, 2016. [Online] Available from: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0309132516644513 (Accessed: 19th April 2020).

УДК 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/64/20

А.Ю. Петухов, Д.И. Каминченко

МОДЕЛИРОВАНИЕ И АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ОСЕНЬЮ 2020 ГОДА

С помощью системного подхода в статье анализируется внешнее информационное влияние на одну из подсистем сферы политической коммуникации Республики Беларусь. При помощи методов контент-анализа текстов социальных медиа и компьютерного моделирования рассматриваются события протестной активности в Белоруссии в 2020 г. Выявлено общее сходство динамики и характерных закономерностей внешнего информационного влияния на политическую коммуникацию.

Ключевые слова: протесты, Беларусь, поле коммуникации, социальная активность

Введение

Социальный конфликт, который можно определить как – пиковый этап развития противоречий в отношениях между индивидами, группами индивидов, социума в целом, который характеризуется наличием противоречащих интересов, целей, позиций субъектов взаимодействия. Конфликты могут быть скрытыми или явными, но в их основе всегда лежит отсутствие компромисса и иногда даже диалога между двумя или более сторонами [1]. В развитии общей конфликтологии на современном этапе важную роль сыграли труды зарубежных ученых, заложивших теоретический фундамент решения конкретных задач сложной междисциплинарной науки. Это классические работы Л. Козера, Р. Дарендорфа, Ю. Хабермаса, Г. Беккера, А.С. Ахиезера, а также другие исследования по социальным конфликтам, моделированию социальных процессов [1–19].

Как правило, моделирование динамики нелинейных систем в классических моделях проводится на основе использования многомерных дифференциальных уравнений, разностных уравнений, математического аппарата клеточных автоматов, математического аппарата теории катастроф, математического аппарата теории самоорганизованной критичности, стохастических дифференциальных уравнений Ланжевена и Ито-Стратоновича, анализа систем с хаосом и реконструкции устойчивых состояний (аттракторов) по временным рядам [20–24].

Отдельный класс работ был посвящен этническому разнообразию и его влиянию на экономическое и социокультурное развитие, а также другие социальные процессы [25–27]. Это междисциплинарные исследования, изучающие социальные проблемы и их взаимозависимость с экономикой, с учетом этнокультурных факторов, а также их совместное влияние на потенциальные и сложившиеся конфликты. Кроме того, прогнозирование и описание социально-политических процессов производится и с помощью множества других методов [18, 19, 28–32].

Действительно, учитывая значительное влияние подобных явлений на социум и на связанные с ним процессы, способы и методы описания и прогнозирования этносоциальных конфликтов являются чрезвычайно важными.

В последние годы достигнуты существенные успехи в области создания моделей социальных и политических процессов [33–36]. Однако математическое моделирование, основанное на нелинейной динамике, столь широко применяемое в естествознании, в социологических исследованиях все еще является относительной редкостью.

Математическая модель была разработана на основе диффузионных уравнений с расходящимся типом диффузии (в частности, уравнения Ланжевена) и системы вероятностей для создания корректной картины перемещения частиц, имитирующих социальное взаимодействие в белорусском обществе. Более подробную информацию о модели см. в работах [35–36].

Социальные медиа как подсистема современного политико-коммуникативного пространства

Если рассматривать общее поле современной политической коммуникации как отдельную систему, то политико-коммуникативное пространство социальных медиа является ее подсистемой. В этой подсистеме находят свое особое проявление такие свойства коммуникативных взаимодействий, как динамичность, интерактивность и коннективность. Данная подсистема находится в тесной взаимосвязи с другими подсистемами политической коммуникации, которые нередко выполняют для нее роль внешней среды, посылающей свои импульсы, которые вызывают определенную реакцию внутри данной подсистемы. Пример подобной реакции политико-коммуникативного пространства социальных медиа можно проследить в ходе протестных событий в Республике Беларусь.

Выбор данного социального конфликта обусловлен его актуальностью, достаточностью информационной представленности и активным отображением в социальных медиа. Опыт предыдущих социальных конфликтов с высокой интеграцией социальных медиа демонстрирует, что активность участников процесса в сети может служить маркером для определения их уровня вовлеченности [37–39].

В целях проведения нашего исследования мы осуществили количественный контент-анализ содержания записей, опубликованных жителями Республики Беларусь в системе поддержки современных социальных сетей Facebook, которые были посвящены протестным действиям, начавшимся сразу после подведения итогов выборов Президента Белоруссии 9 августа 2020 г. В качестве единицы анализа было выбрано сообщение (записи пользователей Facebook), а единицей счета — слово (ключевое слово, хэштег).

При написании текстов сообщений в социальных медиа нередко применяется ряд определенных хэштегов («ключевое слово или словосочетание, обозначенное с помощью хэша, превращающего это слово / словосочетание в гиперссылку» и отражающее тему и содержание сообщения [37. P. 50]). В ходе отражения в информационном поле Facebook протестных событий в Белоруссии ряд определенных хэштегов стали составными элементами символического семантического ядра коммуникационной активности жителей

республики в Facebook. Среди обозначенных хэштегов можно выделить следующие: «#Веlarus2020», «#ЖывеБеларусь», «#Беларусь2020», «#ВерымМожамПераможам». Как известно, хэштеги — это не просто слова или выражения, сопровождаемые соответствующим знаком, но и, как отмечает С. Линдгрен, «инструменты активации определенных интерпретирующих фреймов» [38. Р. 421]. Они выполняют семиотическую роль, указывая на предполагаемый смысл высказывания, позволяя пользователям фиксировать в сообщении то смысловое значение, которое, в противном случае, могло бы не быть столь очевидным [39. Р. 5]. Таким образом, в ряде случаев хэштеги маркируют соответствующие пользовательские записи определенным значением, фиксируя в самой записи содержательно-смысловое сообщение для аудитории.

Временной промежуток проведения контент-анализа – с 11 августа по 2 октября. За обозначенный период выделено 604 сообщения, в которых в качестве составного компонента присутствуют указанные хэштеги. Подчеркнем, что анализировались только сообщения, опубликованные жителями Республики Беларусь на основании открытых данных в Facebook.

Результаты проведения контент-анализа

Динамика изменения частоты публикации сообщений с указанными хэштегами в целом по дням представлена на рис. 1.

Число сообщений с хэштегами #Belarus2020, #ЖывеБеларусь, #Беларусь2020, #ВерымМожамПераможам в Facebook

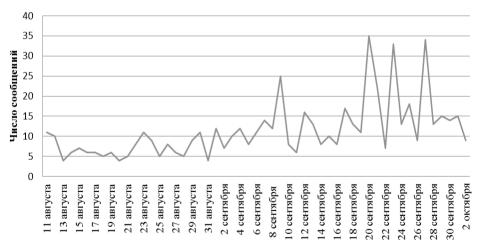

Рис. 1. Динамика изменения частоты публикации сообщений с хэштегами в целом по дням

Динамика изменения частоты публикации сообщений с каждым из указанных хэштегов по отдельности по дням отражена на рис. 2.

Чаще остальных в сообщениях, посвященных протестной активности в Белоруссии жителями республики, использовались «#ВерымМожамПераможам» (213 сообщений) и «#Веlarus2020» (202 сообщения). Хэштег «#ЖывеБеларусь» использовался в 164 записях, а «#Беларусь2020» – в 25 сообщениях.

Число сообщений с хэштегам #Belarus2020, #ЖывеБеларусь, #Беларусь2020, #ВерымМожамПераможам в Facebook

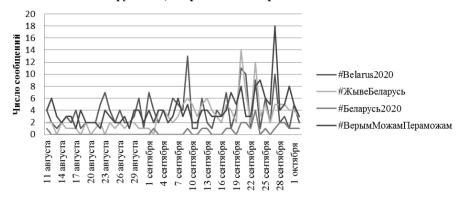

Рис. 2. Динамика изменения частоты публикации сообщений с каждым из хэштегов по отдельности по дням

Результаты моделирования

Моделирование проводилось в среде MatLab 2013b. За основу было взято два варианта с различными начальными условиями.

Вариант один (рис. 3) представляет собой моделирование социального возмущения без внешнего влияния (без функции управления), с целью проанализировать вариант замкнутой системы, как должен протекать внутренний социальный конфликт в таком случае. Результаты моделирования схожи с более ранними работами по динамике социальной активности в условиях конфликта [39].

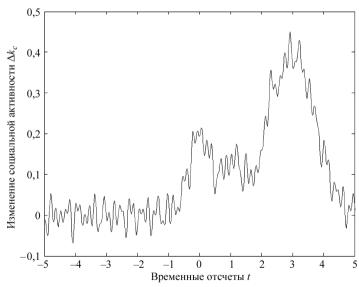

Рис. 3. Модель социального возмущения без внешнего влияния (без функции управления)

Ситуация 2 относится к варианту социального возмущения с внешним влиянием / управлением, который создает последовательную череду «возмущений» в коммуникационном поле общественной системы (рис. 4).

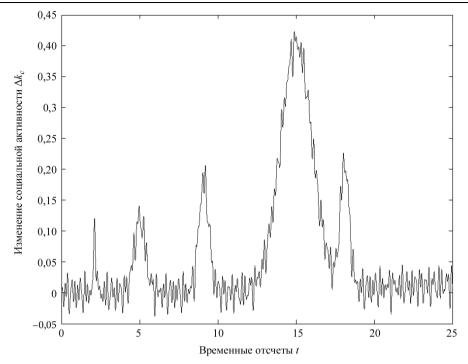

Рис. 4. Модель социального возмущения с внешним влиянием / управлением

Анализ и сравнение данных

Проанализировав интенсивность использования обозначенных хэштегов в Facebook (за период с 11 августа по 2 октября), можно выделить ряд дней, когда некоторые из данных хэштегов использовались особенно интенсивно: 9, 20, 21, 23 и 27 сентября. Только 20 и 27 сентября являлись выходными днями, что важно подчеркнуть в связи с тем, что основная митинговая активность проходила в Белоруссии именно в выходные дни. Поэтому активное использование обозначенных выше хэштегов могло стать реакцией на события, происходившие во внешней среде (по отношению к политико-коммуникативному полю Белоруссии).

Для активного использования тематических хэштегов 9 сентября таким событием могло стать выступление одного из лидеров белорусской оппозиции – Светланы Тихановской – в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), состоявшееся 8 сентября. В ходе своего выступления Светлана Тихановская призвала ПАСЕ ввести санкции против руководства Белоруссии 1.

Важным внешним фактором, способствовавшим усилению коммуникационной активности в Facebook (с использованием рассмотренных хэштегов) в период с 20 по 23 сентября, могла стать резолюция Совета ООН по правам человека, принятая на заседании, проходившем 18 сентября. Резолюция осуждает нарушения прав человека в Белоруссии, призывая власти страны

 $^{^1}$ *Николаев П.* Санкции против властей: Тихановская выступила в ПАСЕ // Интернет-издание Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/08_a_13241324.shtml (дата обращения: 13.05.2021).

принять меры для урегулирования ситуации ¹. Непосредственно 23 сентября было опубликовано заявление представителя Государственного департамента США, согласно которому США официально не признали А.Г. Лукашенко законным президентом Республики Беларусь ². В этот же день официальный представитель правительства Германии Ш. Зайберт, глава Министерства иностранных дел Чехии Т. Петршичек и руководитель внешнеполитического ведомства Дании Й. Кофод также заявили о непризнании их государствами законности вступления А.Г. Лукашенко на президентский пост Республики Беларусь ³.

27 сентября французский президент Э. Макрон заявил в интервью еженедельнику «Journal du Dimanche», что, по его мнению, белорусский лидер А.Г. Лукашенко должен уйти в отставку⁴, что вызвало ответную реакцию со стороны руководства Белоруссии, и также может быть рассмотрено как информационное воздействие внешней среды по отношению к политико-коммуникативному пространству Белоруссии.

Сравнивая траекторию кривых на рис. 1 и 2 с рис. 3 и 4, необходимо отметить повторяющуюся цикличность на рис. 1, 2 и 4, что, как отмечалось, демонстрирует реакцию коммуникативного поля (подсистемы) на внешние информационные импульсы. Они вызывают усиление интенсивности социальной активности и способствуют активизации коммуникативных действий пользователей социальных медиа с применением определенных содержательно-смысловых (тематических) вербальных инструментов (хэштегов).

Также сравнение результатов и общих характерных закономерностей говорит о сходстве реальных данных (с точки зрения повторения нарастающих пиков активности) с результатами моделирования на рис. 4, что с точки зрения представленной концепции подхода подразумевает нарастающее циклическое внешнее вмешательство в социальный конфликт в Беларуси.

Результаты моделирования позволяют проследить связь между внешними информационными импульсами / воздействиями и политико-коммуникативными практиками в публичном поле государства. Усиление информационного воздействия, связанное, например, с появлением новых сигналов и сообщений извне, способно активизировать общество в рамках одной из подсистем всего политико-коммуникативного поля отдельного государства. Последующие информационные сигналы, направленные извне по отношению к текущей политической ситуации в Белоруссии, будут способствовать очередному усилению политической активности граждан в информационном поле.

¹ Краюшкинс М. Совет по правам человека ООН осудил происходящее в Белоруссии // Интернет-издание Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2020/09/18/n_14958775.shtml (дата обращения: 13.05.2021).

² *Казанцева К.* США официально не признают Лукашенко законным президентом // Интернетиздание Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/09/23/n_14981911.shtml (дата обращения: 13 05 2021).

 $^{^3}$ Фахрумдинов Р. «Какой фарс»: Европа осудила инаугурацию Лукашенко // Интернет-издание Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/23_a_13263973.shtml (дата обращения: 13.05.2021).

 $^{^4}$ *Ермолов А.* «Лукашенко должен уйти»: Макрон обвинил Минск в авторитарности // Интернетиздание Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/09/27_a_13270117.shtml (дата обращения: 13.05.2021).

Заключение

Таким образом, в данной статье был проведен анализ событий в Республике Беларусь летом—осенью 2020 г. На основе разработанной математической модели сделан прогноз и проведено компьютерное моделирование. Следует отметить, что информационные воздействия со стороны внешней среды способны оказать влияние на политико-коммуникативное поле политической системы, вызвав ответную реакцию участника коммуникации. В частности, одним из следствий подобного воздействия является усиление пользовательской активности в рамках современных платформ поддержки социальных медиа, использующих в ходе осуществления текстовых коммуникативных актов специальные символические элементы — определенные хэштеги. Как показал анализ коммуникативных действий жителей Белоруссии в Facebook, активному использованию соответствующих хэштегов нередко предшествовали (и / или сопровождались ими) конкретные события (определенного характера и политической направленности), происходившие в информационном поле зарубежных государств и международных организаций.

Результаты проведенного контент-анализа частично согласуются с результатами моделирования, особенно общая закономерность на рис. 4, что дает возможность предположить о наличии внешнего воздействия / вмешательства в конфликтные процессы в Республике Беларусь.

Литература

- 1. Dollard J., Doob L.W., Miller N.E., Mowrer O.H., Sears R.R. Frustration and Aggression. New Haven and London, 1993.
- 2. Dahrendorf R. Elemente eines Theorie des sozialen Konflikts // Gesellschaft und Freiheit. Minchen, 1965.
 - 3. Gurr T., Harff B. Ethnic Conflict in World Politics. Boulder, San Francisco, Oxford, 1994.
- 4. Galtung J. Violence, peace and peace research // Journal of Peace Research. 1969. Vol. 6, № 3. P. 167–191.
 - 5. Gurr T.R. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington, 1993.
- 6. Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1992.
 - 7. Isajiw W.W. Definitions of Ethnicity // Ethnicity. 1974. Vol. 1, № 2. P. 111–124.
- 8. *Боулдинг К.Ю*. Общая теория систем скелет науки // Исследования по общей теории систем. М. : Наука, 1969. С. 171–182.
- 8. Boulding K. General Theory of Systems The Skeleton of Science Studies on the general theory of systems. M.: Nauka, 1969. P. 171–182.
- Krisberg L. Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution. Lanham Boulder, New York, Oxford, 1998.
- 10. Гундаров И.А. Общественное сознание как предмет системного анализа причин демографических процессов // Труды Института системного анализа РАН. 2016. Т. 66, № 2. С. 85–93.
- 11. Olzak S. Analysis of Events in the Study of Collective Action // Annual Review of Sociology. 1989. № 15.
- 12. Sandole D. Capturing the Complexiti of Conflict: Dealing with Violent Ethnic Conflicts in the Post-Cold War Era. London & New York, 1999.
- 13. Tuminez Astrid S. Russian Nationalism Since 1856. Lanham (Md.): Rowman & Littlefield Publishers, 2000.
- 14. Перов Е.В. Мониторинг социальной конфликтогенности общества // Национальная безопасность. 2014. № 4. С. 574–583. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.4.7826
- 15. Mason J.W.D. Consciousness and the structuring property of typical data // Complexity. 2013. Vol. 18, Issue 3, P. 28–37. DOI: 10.1002/cplx.21431
 - 16. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. 340 с.

- 17. Castellano C., Fortunato S., Loreto V. Statistical physics of social dynamics // Reviews of Modern Physics. 2009. Vol. 81. P. 591–646.
- 18. Smith L.M., Lerman K., Garcia-Cardona C., Percus A.G., Ghosh R. Spectral clustering with epidemic diffusion // Physical Review. 2003. Vol. 88. DOI:10.1103/PhysRevE.88.042813
- 19. Traud A.L., Kelsic E.D., Mucha P.J., Porter M.A. Comparing community structure to characteristics in online collegiate social networks // SIAM Review. 2011. Vol. 53. P. 526–543.
 - 20. Плотницкий Ю.М. Модели социальных процессов. М.: Логос, 2001. 296 с.
- 21. *Малков С.Ю.* Математическое моделирование исторической динамики (подходы и модели) // Моделирование социально-политической и экономической динамики / под ред. М.Г. Дмитриева. М.: РГСУ, 2004. С. 76–188.
- 22. Романовский Ю.М., Степанова Н.В., Чернавский Д.С. Математическая биофизика. М.: Наука, 1984. 304 с.
- 23. *Хакен Г.* Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1985. 424 с.
- 24. *Малинецкий Г.Г.*, *Потапов А.Б.* Современные проблемы нелинейной динамики. М. : Эдиторал УРСС, 2000. 336 с.
- 25. Weber S., Davydov D.V., Dower P.A. Transfers and Conflict Prevention: Pros and Cons // Economics and Mathematical Methods. 2015. Vol. 51, № 2. P. 60–69.
- 26. Alesina A., La Ferrara E. Ethnic diversity and economic performance // Journal of economic literature, 2005. Vol. 43, № 3. P. 762–800.
- 27. Ottaviano G.I.P., Peri G. Cities and Cultures // Journal of Urban Economics. 2005. Vol. 58(2). P. 304–337.
- 28. Shabrov O.F. A system approach and computer modeling in political science research // Social sciences and contemporaneity. 1996. № 2. P. 100–110.
- 29. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 301 с.
- 30. Саати Т., Кернс Л. Аналитическое планирование. Организация систем. М.: Радио и связь, 1991. 224 с.
- 31. *Bloomfield, Lincoln P.* Managing international conflict: from theory to policy: a teaching tool using CASCON. New York, 1997, 234 p.
- 32. *Михайлов А.П., Горбатиков Е.А.* Базовая модель дуумвирата в системе «Власть—Общество» // Математическое моделирование. 2012. Т. 24, № 1. С. 33–45.
- 33. Абзалилов Д.Ф. Математическое моделирование в социологии. Казань : КФУ, 2012. 48 с
- 34. Holyst J.A., Kasperski K., Schweitger F. Phase transitions in social impact models of opinion formation Physica. 2000.
- 35. Petukhov A.Y., Malkhanov A.O., Sandalov V.M., Petukhov Y.V. Modeling conflict in a social system using diffusion equations // Simulation. 2018. Vol 94, № 12. P. 1–9. DOI: 10.1177/0037549718761573
- 36. Petukhov A.Y., Malkhanov A.O., Sandalov V.M., Petukhov Y.V. Mathematical modeling ethno-social conflicts with the introduction of the control function // Simulation. 2020. Vol. 96, N_2 3. P. 337–346. DOI: 10.1177/0037549719884629
- 37. Erz A., Marder B., Osadchaya E. Hashtags: Motivational drivers, their users, and differences between influencers and followers // Computer in human behaviour. 2018. Vol. 89. P. 48–60.
- 38. *Lidgren S.* Movement Mobilization in the Age of Hashtag Activism: Examining the Challenge of Noise, Hate, and Disengagement in the #MeToo Campaign // Policy & Internet. 2019. Vol. 11, № 4. P. 418–438. DOI: 10.1002/poi3.212
- 39. *Bonilla Y., Rosa J.* #Ferguson: Digital Protest, Hashtag Ethnography, and the Racial Politics of Social Media in the United States // American Ethnologist. 2015. Vol. 42, № 1. P. 4–17. https://doi.org/10.1111/amet.12112
- Aleksandr Yu. Petukhov, Lomonosov Moscow State University; Keldysh Institute of Applied Mathematics (Russian Academy of Sciences) (Moscow, Russian Federation).

E-mail: Lectorr@yandex.ru

Dmitriy I. Kaminchenko, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: dmitkam@inbox.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 214–223. DOI: 10.17223/1998863X/64/20

MODELING AND ANALYSIS OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE REPUBLIC OF BELARUS IN 2020

Keywords: protests; Belarus; field of communication; social activity

The article examines the features of political communication in a modern network society on the example of protest events in the Republic of Belarus that took place after the elections of the president of the Republic of Belarus in 2020. As a conceptual approach, a systematic approach is used, which considers the entire public space of the state (the entire sphere of its political communication) as a system. The article analyzes one of its parts – the subsystem responsible for political communication in the Internet space. The aim of the study is to establish the information impact from the external environment on the network subsystem of the state's public space. The object of the research was the political and communicative field of the Internet platform for supporting Facebook social networks. Two empirical methods were applied. One of them is a quantitative content analysis of the information and text array consisting of messages posted by residents of the Republic of Belarus on Facebook, indicating a number of keywords (hashtags). Based on the results of the content analysis, a change in the dynamics of user political activity in the information field of the Facebook Internet platform was established. The second method is computer simulation. Two situations of manifestations of social indignation in society are modeled: (1) without influence from the external environment and (2) implying influence. Having carried out a comprehensive, generalizing analysis of the results of the content analvsis and computer modeling, the authors established that there is an impact from the external environment on the political communication subsystem considered in the article. Sources (impulses) of impact are news stories spread by representatives of foreign states in relation to Belarus. They are expressed in the form of statements by official representatives of foreign countries and members of international organizations. The authors conclude that the strengthening of a similar informational impact in the current political situation can lead to the activation of political communication of the country's residents in the network public field.

References

- 1. Dollard, J., Doob, L.W., Miller, N.E., Mowrer, O.H. & Sears, R.R. (1993) Frustration and Aggression. New Haven and London: Yale University Press.
 - 2. Dahrendorf, R. (1965) Gesellschaft und Freiheit. München: [s.n.].
- 3. Gurr, T. & Harff, B. (1994) *Ethnic Conflict in World Politics*. Boulder, San Francisco, Oxford: Routledge.
- 4. Galtung, J. (1969) Violence, peace and peace research. *Journal of Peace Research*. 6(3). pp. 167–191. DOI: 10.1177/002234336900600301
- 5. Gurr, T.R. (1993) *Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts*. Washington: United States Institute of Peace.
- 6. Greenfeld, L. (1992) Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
 - 7. Isajiw, W.W. (1974) Definitions of Ethnicity. Ethnicity. 1(2). pp. 111-124.
- 8. Boulding, K. (1969) Obshchaya teoriya sistem skelet nauki [General Theory of Systems The Skeleton of Science]. In: Sadovsky, V.N. & Yudin, E.G. (eds) *Issledovaniya po obshchey teorii system* [Studies on the General Theory of Systems]. Moscow: Nauka. pp. 171–182.
- 9. Krisberg, L. (1998) Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution. New York, Oxford: Lanham Boulder.
- 10. Gundarov, I.A. (2016) Public consciousness as a subject of system analysis of the causes of demographic processes. *Proceedings of ISA RAS*. 66(2), pp. 85–93.
- 11. Olzak, S. (1989) Analysis of Events in the Study of Collective Action. *Annual Review of Sociology*. 15. DOI: 10.1146/annurev.so.15.080189.001003
- 12. Sandole, D. (1999) Capturing the Complexiti of Conflict: Dealing with Violent Ethnic Conflicts in the Post-Cold War Era. London; New York: Routledge.
- 13. Tuminez, A.S. (2000) Russian Nationalism since 1856: Ideology and the Making of Foreign Policy. Rowman & Littlefield Publishers.
- 14. Perov, Y.V. (2014) Monitoring sotsial'noy konfliktogennosti obshchestva [Monitoring of the society's social conflictogenity]. *National Security. Nota Bene.* 4. pp. 574–583. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.4.7826
- 15. Mason, J.W.D. (2013) Consciousness and the structuring property of typical data. *Complexity*. 18(3). pp. 28–37. DOI: 10.1002/cplx.21431

- 16. Coser, L.A. (2000) Funktsii sotsial'nogo konflikta [The Functions of Social Conflict]. Translated from English. Moscow: House of Intellectual Book: Idea-Press.
- 17. Castellano, C., Fortunato, S. & Loreto, V. (2009) Statistical physics of social dynamics. *Reviews of Modern Physics*. 81. pp. 591–646.
- 18. Smith, L.M., Lerman, K., Garcia-Cardona, C., Percus, A.G. & Ghosh, R. (2003) Spectral clustering with epidemic diffusion. *Physical Review*. 88. DOI:10.1103/PhysRevE.88.042813
- 19. Traud, A.L., Kelsic, E.D., Mucha, P.J. & Porter, M.A. (2011) Comparing community structure to characteristics in online collegiate social networks. *SIAM Review*. 53. pp. 526–543.
- 20. Plotnitskiy, Yu.M. (2001) *Modeli sotsial'nykh protsessov* [Models of Social Processes]. Moscow: Logos.
- 21. Malkov, V.P. (2009) Matematicheskoe modelirovanie istoricheskoy dinamiki (podkhody i mo-deli) [Mathematical modeling of historical dynamics: approaches and models]. In: Dmitriev, M.G. (ed.) *Modelirovanie sotsial'no-politicheskoy i ekonomicheskoy dinamiki* [Modeling socio-political and economic dynamics]. Moscow: RGSU.
- 22. Romanovsky, Yu.M., Stepanova, N.V. & Chernavsky, D.S. (1984) *Matematicheskaya bio-fizika* [Mathematical Biophysics]. Moscow: Nauka.
- 23. Haken, G. (1985) Sinergetika. Ierarkhii neustoychivostey v samoorganizuyushchikhsya sistemakh i ustroystvakh [Synergetics. Hierarchy of instabilities in self-organizing systems and devices]. Translated from English. Moscow: Mir.
- 24. Malinetskiy, G.G. & Potapov, A.B. (2000) *Sovremennye problemy nelineynoy dinamiki* [Modern Problems of Nonlinear Dynamics]. Moscow: Editorial URSS.
- 25. Weber, S., Davydov, D.V. & Dower, P.A. (2015) Transfers and Conflict Prevention: Pros and Cons. *Economics and Mathematical Methods*. 51(2). pp. 60–69.
- 26. Alesina, A. & La Ferrara, E. (2005) Ethnic diversity and economic performance. *Journal of Economic Literature*. 43(3), pp. 762–800. DOI: 10.1257/002205105774431243
- 27. Ottaviano, G.I.P. & Peri, G.(2005) Cities and Cultures. *Journal of Urban Economics*. 58(2). pp. 304–337.
- 28. Shabrov, O.F. (1996) A system approach and computer modeling in political science research. *Social Sciences and Contemporaneity*, 2, pp. 100–110.
- 29. Blauberg, I.V. & Yudin, E.G. (1973) Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda [Establishing and Essence of the System Approach]. Mosocw: Nauka.
- 30. Saati, T.L. & Kerns, K.K. (1991) *Analiticheskoe planirovanie. Organizatsiya sistem* [Analytical Planning: Organization of Systems]. Moscow: Radio i svyaz'.
- 31. Bloomfield, L.P. & Moulton, A. (1997) Managing international conflict: from theory to policy: a teaching tool using CASCON. New York: Palgrave Macmillan.
- 32. Mikhailov, A.P. & Gorbatikov, E.A. (2012) The basic model of duumvirate in the "power-society" system. *Matematicheskoe modelirovanie*. 24(1). pp. 33–45. (In Russian).
- 33. Abzalilov, D.F. (2012) *Matematicheskoe modelirovanie v sotsiologii* [Mathematical modeling in sociology: Educational-methodical manual for sociologists]. Kazan: Kazan Federal University.
- 34. Holyst, J.A., Kasperski, K. & Schweitger, F. (2000) Phase transitions in social impact models of opinion formation. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications 285(1):199-210. 2000.
- 35. Petukhov, A.Y., Malkhanov, A.O., Sandalov, V.M. & Petukhov, Y.V. (2018) Modeling conflict in a social system using diffusion equations. *Simulation*. 94(12). pp. 1–9. DOI: 10.1177/0037549718761573
- 36. Petukhov, A.Y., Malkhanov, A.O., Sandalov, V.M. & Petukhov, Y.V. (2020) Mathematical modeling ethno-social conflicts with the introduction of the control function. *Simulation*. 96(3). pp. 337–346. DOI: 10.1177/0037549719884629
- 37. Erz, A., Marder, B. & Osadchaya, E. (2018) Hashtags: Motivational drivers, their users, and differences between influencers and followers. *Computer in Human Behaviour*. 89. pp. 48–60. DOI: 10.1016/j.chb.2018.07.030
- 38. Lidgren, S. (2019) Movement Mobilization in the Age of Hashtag Activism: Examining the Challenge of Noise, Hate, and Disengagement in the #MeToo Campaign. *Policy & Internet*. 11(4). pp. 418–438. DOI: 10.1002/poi3.212
- 39. Bonilla, Y. & Rosa, J. (2015) #Ferguson: Digital Protest, Hashtag Ethnography, and the Racial Politics of Social Media in the United States. *American Ethnologist*. 42(1). pp. 4–17. DOI: 10.1111/amet.12112

УДК 32

DOI: 10.17223/1998863X/64/21

А.Г. Савойский

РОССИЯ, США, КИТАЙ: ОБРАЗ БУДУЩЕГО НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И МИРОПОРЯДКА

Статья содержит исследовательский вопрос о том, каким Россия, США и Китай видят развитие международной жизни на современном этапе. Научная гипотеза отражает расширение области экономической дипломатии даже при кризисном и санкционном режиме между РФ и США, а также при стабильном экономическом партнерстве и дружеских российско-китайских отношениях. 2023 г. является верхним цикличным пределом уходящего («железного», воинствующего) века цивилизации и продолжением постепенной смены мировой политической элиты. До 2029 г. экономическое развитие России эволюционно находится на траектории роста. Решающим фактором при создании нового миропорядка и наиболее приемлемой системы международных отношений (возможно, вначале на пространстве Большой Евразии) станет позиция России.

Ключевые слова: конец «железного века», международное сотрудничество, миропорядок, образ будущего, потенциал и траектория роста, Россия–Китай–США, система международных отношений, экономическая дипломатия.

Концепция современной теории экономической дипломатии

Концепт «экономическая дипломатия» входит в систему общественных и политических наук, а именно: политология – геополитика – теория международных отношений – теория мировой политики – теория внешней политики – дипломатия – современная теория экономической дипломатии (о средствах внешней политики государств методами традиционной дипломатии, механизмах эффективности международных организаций и гармонизации миропорядка).

При этом не следует путать экономическую дипломатию с политической экономикой (политизация международных экономических отношений) и с экономической политикой (влияние отечественного и мирового бизнеса на политику страны и ее государственный курс). Современная Россия (в теории и на практике) больше находится в зоне экономической политики и политической экономики, чем в области экономической дипломатии. Информационный сайт «МИД Российской Федерации. Внешняя политика. Экономическая дипломатия» содержит четко определенные установки на: «Международные отраслевые и межведомственные связи», «Инвестиционное сотрудничество», «Торгово-экономическую политику России», «Международные экономические форумы», «Внешнеэкономические связи субъектов РФ», включая дипломатическое содействие российскому бизнесу в стране и за рубежом, а также материалы по вопросам экономического развития России [1]. Торговая и инвестиционная политика, содействие отечественному бизнесу в стране и за рубежом, международное сотрудничество, проведение международных экономических форумов как инструментов продвижения товаров и услуг (или лоббирование экономических интересов) свидетельствуют о весьма незначительном уровне развития экономической дипломатии в России. Явно не хватает программного и стратегического проектирования, описания институциональных структур экономической дипломатии и центров принятия решения, материалов об эффективности экономической дипломатии и ее наиболее востребованных видах.

Экономическая дипломатия (как и традиционная) тоже обслуживает интересы политики (в том числе экономической), но только на основе таких классических ценностей международной жизни, как взаимовыгодное сотрудничество, гуманитарная помощь, доступное кредитование, инвестирование, миролюбие, честная конкуренция, этика международных взаимоотношений; а в теории — представляет собой междисциплинарное направление общей и прикладной политологии, анализа политических проблем международных отношений, глобального и регионального развития с использованием математических методов для прогнозирования и моделирования на основе системного подхода. Эволюция экономической дипломатии также входит в сферу прикладного анализа политических проблем и приложения кибернетики по прогнозированию и моделированию средств внешней политики в двусторонних и более сложных международных системах глобальной трансформации.

Суть современной теории экономической дипломатии заключается в ее универсальности, системности, прикладном и цикличном характере, широкой разновидности экономической дипломатии в теории и на практике. В наши дни классифицировано более 20 специализированных ее видов, где торговая или коммерческая дипломатия является лишь одной из многих [2. С. 46–57].

Теория и практика экономической дипломатии применимы ко всем государствам с опорой на мирную, несиловую и невоенную политику, на переговорные и иные приемы и механизмы, на организационные и практические методы традиционной дипломатии в достижении одновременно экономических и политических целей. Прикладной характер современной теории экономической дипломатии свидетельствует о тесных связях данной теории с другими науками и даже техническими дисциплинами (когда речь идет о применении технологий в исследовании эволюции и моделировании); о ее непрерывном развитии с появлением в будущем новых научных дисциплин (космобиополитическая математика [3], космобиополитика и др.).

Современная экономическая дипломатия — это приоритетный вид дипломатии и важнейшее средство внешней политики (теоретическая и правовая база, профильные структуры государства, его политический курс и внешнеэкономическая деятельность; действующие механизмы реализации, корректировки и контроля; обновляемые кадры и позитивный результат); участие страны в эффективной работе международных организаций и защита отечественного бизнеса за рубежом; инструмент гармонизации системы международных отношений и миропорядка. Таков образ экономической дипломатии ближайшего будущего в эпоху «Золотого века» с VI экономическим укладом, уже начавшимся на планете с конца 2-го десятилетия текущего столетия.

Моделирование образа будущего глазами Запада

О политическом конструировании как предвидении перспектив (на основе смыслов, коммуникации, ментальности и деятельности) подробно изложили свои взгляды отечественные исследователи А.И. Щербинин и Н.Г. Щер-

226 А.Г. Савойский

бинина. Они основательно систематизировали новые знания в данной сфере. По их мнению, будущим можно «управлять, но управление осуществляется, по сути, виртуально... В данном случае сама модель становится символом репрезентации или образа... При этом "альфой и омегой" моделирования... выступает "теоретическая база", само наличие теоретического компонента. И образ будущего отображает не столько "факты" настоящего, сколько абстрактную схему, вписанную в ментальный контекст исторической эпохи» [4. С. 295–296]. Для этого довольно часто используется не только текст, но и математические приемы, символы и формы.

В 1-й половине XIX в. французский философ и государственный деятель Алексис де Токвиль в своей книге «О демократии в Америке» предсказывал, что и Соединенные Штаты, и Россия призваны «держать однажды в своих руках судьбы половины мира» [5]. Китая как державы на горизонте мировой политики тогда еще не существовало. Это государство ограничивалось лишь ассоциацией с древней цивилизацией. На международной арене XX столетия такая тенденция продолжалась вплоть до завершения Второй мировой войны и создания вскоре Китайской Народной Республики. С 1970-х гг. американцы весьма активно перетягивали Китай на свою сторону против СССР. С начала 1990-х геополитическая ситуация сменилась однополярным миром с Беловежско-Маастрихтской подсистемой послевоенного миропорядка. Китай продолжал целенаправленно заниматься своим экономическим развитием. В 2001 г. КНР приняли в ВТО.

В условиях иной реальности XXI в. баланс сил значительно изменился. Мировое сообщество заговорило о новых основных игроках на мировой арене. Еще в 2004 г. один из ведущих исследовательских центров мира и Канады — Университет Квебека в Монреале — публично заявил об уверенно идущем вперед Китае, который вскоре займет свое место рядом с США и Россией. Ассоциирование миропорядка с «Великой шахматной доской» 3б. Бжезинского [6] становилось неактуальным. Эксперты и аналитики понимали, что в шахматы играет профессионально только Россия, Соединенные Штаты предпочитают карточный покер, а Китай — распространенную на Востоке игру «сумо» с открытой борьбой тяжеловесов.

После терактов 11 сентября 2001 г. внешнеполитический курс США незначительно изменился с установки мирового господства на политику глобального лидерства (где термин «лидерство» подразумевал не феодальные отношения, а наличие приблизительно равных партнеров или союзников. Однако отношения США и Евросоюза до сих пор носят средневековый характер зависимости европейцев и воспринимаются экспертным сообществом как «суверен и вассалы»). Поэтому для трех военно-космических и торговых держав - России, США, Китая, у каждой из которых свои внутренние проблемы, мечты и иллюзии, западными политологами были подобраны иные термины для их объединения, а именно: «треугольник» и «кровать». Три полюса глобального треугольника, по их мнению, находились в одной и той же позиции, что и мировые державы XIX столетия перед подъемом освободительных революций и началом мировой войны. И хотя канадские исследователи не конкретизировали страну, в которой может начаться освободительная революция, а также не назвали регион планеты для возможной мировой войны в XXI в., тем не менее спустя 17 лет книга авторского коллектива -

А. Леголь, А. Лалиберте и Ф. Бастьен «Треугольник: Россия—США—Китай. Одна кровать на троих?» — остается весьма интересной, оригинальной и полезной, не переведенной до сих пор на русский язык. Главной проблемой трех мировых держав, резюмировали авторы книги, станет то, что они не разделяют единого видения на развитие международной жизни [7. Р. 142—143]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Время показало его истинность. Относительно освободительной революции в одной из стран: Россия—США—Китай — следует заметить, что ярко выраженная революционная ситуация складывается теперь именно в США.

Другая научная книга западного политолога Николь Башаран 2019 г. (ее перевод на русский язык пока тоже отсутствует) очерчивает мир, созданный президентом США Дональдом Трампом до пандемии. Через анализ его многочисленных выступлений, интервью, заявлений, международных встреч и посланий по Твиттеру (твитты) автору книги удалось разглядеть совершенно иной ореол политики США, которого не было ранее, и вникнуть в стратегический характер идеологем. По ее мнению, это его взгляд как шоумена будто охватывал всю планету, включая свою страну и Европу, все общества и народы Земли. Президентство Трампа принесло с собой в мировую политику протекционизм, фэйк-ньюс или ложные (открыто лживые) новости, еще большее искажение фактов мировой истории, торговые войны с Китаем, приумножение санкций против России, неистовое желание спецслужб дестабилизировать миропорядок любой ценой и обвинить в этом Россию или Китай. «Провокация стала его стратегией, ложь - его оружием, цинизм - его силой», пришла к выводу исследователь американской политики Николь Башаран [8. P. 416].

К этому можно лишь добавить: сделав ставку в своей политике на защиту бизнеса, транснациональные медийные компании и ведущие печатные СМИ, на внутреннее и глобальное управление посредством информационных потоков, президент Дональд Трамп сам оказался жертвой информационного режима и был отключен от своих аккаунтов на завершающем этапе президентских выборов — 2020, а фальсификация результатов демократами стоила ему победы.

Сначала США и их сторонники подменили очередную промышленную революцию на информационно-коммуникативную, биоинженерную и генномодифицированную с развитием интернета, нано- и военно-стратегических технологий, робототехники (производство военных роботов, беспилотных летательных аппаратов – дронов, кибернетического оружия), искусственного интеллекта (не отличающего добро и зло) и искусственного генома (генетически модифицированные продукты питания; коммерциализация суррогатного материнства; микробиологические вирусы и вакцины). Теперь предпринимаются попытки совершить публичную революцию методом цифровой трансформации госуправления с удалением государственных структур от общества; методом внедрения новых прав человека в демократию и мировой спорт, установления на планете медико-вакцинного миропорядка, управления внутренним передвижением и миграций населения со множеством ограничений; методом постоянно стагнирующей экономики и внедрения виртуальной криптофинансовой системы.

228 А.Г. Савойский

XXI в. отчетливо обозначил точку перехода всемирной цивилизации на качественно иной уровень развития, особенно после начала глобального экономического кризиса в Нью-Йорке в 2008 г. Во 2-м его десятилетии мир существенно изменился от появления сразу нескольких центров силы и влияния. России и США по-прежнему было отведено в нем особое место среди основных субъектов и акторов (или участников), а с 2014 г., по официальным данным, Китай стал первой экономикой на планете, опередив США [9]. На этом однополярный американский мир, начавшийся в 1992 г., прекратил свое существование.

По мнению исследователей отечественного Института РУССТРАТ, Китай уже невозможно сдержать, хотя бы в силу его технологической и экономической мощи [10]. Немаловажную роль при этом играют фактор наказуемости коррупции, а также высокая работоспособность и дисциплинированность китайского народа, относительно дешевая рабочая сила. Однако США вместе с Западом продолжают игнорировать новую реальность, наполненную лидерством Китая. На протяжении последних лет ожидание глобальных трансформаций в международной жизни натолкнулось на нежелание мировых держав (США, Китай, Россия) начинать их первыми. Трансформация системы международных отношений сдерживается целенаправленно [11] структурными кризисами, санкционными режимами, рецессией мировой экономики, вирусной пандемией, торговой войной США против КНР и региональными военными конфликтами. Это, в свою очередь, привело к сбою в традиционной дипломатии.

Попытки США и коллективного Запада изолировать Россию и Китай, создать без них альтернативный миропорядок в условиях новой реальности не имели и никогда не будут иметь успех. Наглядный пример — распавшаяся Лига Наций (1918—1946), не сумевшая остановить фашизм без помощи СССР, Китая и других союзных государств. Выдвижение Западом вперед лишь собственных интересов и правил в международных отношениях привело к двойным стандартам и хаосу на мировой арене как показателю наличия глубокого структурного кризиса, после которого начинаются только распад и трансформация в иное состояние, поскольку хаос (по своей природе) не способен превратиться в расцвет или стабильное состояние.

Несомненный интерес представляет монография российского академика Сергея Глазьева «Битва за лидерство в XXI в. Россия—США—Китай...» об основных центрах силы и влияния на планете [12]. Из его 7 сценариев обозримого будущего при мировых державах — Россия, Китай, США — один вариант наблюдается на современном этапе в битве за признание: относительная изоляция (вследствие пандемии) и внутренняя мобилизация сил. Это характеризует не только Россию, но и Китай и США тоже. Данная книга заслуживает отдельной экспертно-аналитической статьи.

Линия на игнорирование международного права была вновь открыто продемонстрирована в июне 2021 г. на саммитах «Группы семи» в британском городке Корнуолл и Североатлантического альянса (НАТО) в Брюсселе. Итог встреч на высшем уровне правдиво охарактеризовал министр иностранных дел РФ Сергей Лавров: «Запад хотел, чтобы всем было ясно: он как никогда един и будет делать на международной арене только то, что считает правильным, а других – прежде всего Россию и Китай – заставлять следовать

заданному им курсу. В документах Корнуолла и Брюсселя закреплено продвижение концепции "миропорядка, основанного на правилах" в противовес универсальным принципам международного права, закрепленным прежде всего в Уставе ООН» [13]. Не следует забывать, что Уставу ООН уже 75 лет и все на Земле имеет свой срок.

В Стратегиях национальной безопасности США 2017 и 2021 г. Россия и Китай называются противниками (т.е. врагами). Россия и Китай не входят в число партнеров и союзников Америки, на кого направляется основная доля взаимной торговли, инвестиций и обмен технологиями [14].

В июле 2021 г., после саммита с Президентом РФ Путиным в Женеве, американский президент Джозеф Байден попытался смягчить риторику Белого дома, назвав Россию и Китай лишь соперниками США [15]. Однако официальный Вашингтон по-прежнему считает Россию главной угрозой своей национальной безопасности. Американцев не устраивает помощь России их противникам, соперникам и даже партнерам США (поставки комплекса С-400 в Турцию и Китай, а также С-300 Ирану и Сирии, содействие развитию мобильной системы противовоздушной и противоракетной обороны Северной Кореи и т.д.).

Рассматривая в наши дни Россию, США и Китай среди прочих мировых держав, следует указать на взаимную зависимость экономик РФ и Китая от США. Исчисление экономических показателей в РФ и КНР до сих пор осуществляется в долларах США: абсолютной дедолларизации пока не произошло, но движение в этом направлении наблюдается. Только отношения России и Китая остаются пока независимыми, дружественными и стратегически партнерскими в обозримом будущем. Посол КНР в Москве Чжан Ханьхуэй заявил недавно о том, что Администрация Байдена «относится к Китаю как к главному сопернику. По-прежнему продолжается грубое вмешательство во внутренние дела» страны [16]. Китай официально заявил в 2021 г. о том, что поборол у себя крайнюю бедность и продвигает геополитическую инициативу экономического развития «Один пояс — один путь», поставив цель стать супердержавой к 2050 г. Вести за собой страны мира не входит в планы китайского руководства.

Образ будущего для США в отношении РФ, КНР и всего мира

В последнее время к мировому сообществу за пределами Америки пришло понимание того, что демократия перестала быть движущей силой Соединенных Штатов в глобальном лидерстве. Образ будущего для них скрывается, по-видимому, в иллюзиях и нереализованных намерениях, натолкнувшихся на сопротивление внутри и за рубежом.

США торопятся. У них мало времени (всего 7–8 лет) и серьезные проблемы: слом политической системы, включая ее воспроизводство; несостоятельность демократии и мечты по-американски (хотя мигранты прибывают ежедневно из тех стран, где живется еще хуже); мания величия и преследования; полный провал военных операций (Куба, Вьетнам, Ближний Восток, Афганистан) и падение международного престижа США; миграционные, социальные и расовые неурядицы; кризис доллара и непомерные долги федерального бюджета, а также резкое падение внутреннего и внешнего инвестирования в собственную экономику. Наблюдаются и проблемы у США с

230 А.Г. Савойский

финансированием ООН, ЮНЕСКО, НАТО и ЕС, но желание везде присутствовать и руководить. Дипломатия доллара дала сбой мировой экономики и проблемность с запуском ее электронного аналога. Неразумная политика США негативно влияла на процесс объединения стран мира в коллективный Запад (особенно на восточном направлении); на глобальное лидерство и авторитет в международных организациях в качестве гаранта мира и экономической стабильности. У США наблюдаются сложности с заменой государственного управления на цифровое и информационное; с реальным распространением своей внутренней политики на внешнюю, т.е. на все страны мира, и с заменой международного права на сиюминутные правила исключительно в своих интересах.

США по-прежнему хотели бы оставаться первыми среди мировых держав и вести за собой весь мир, включая Россию и Китай. Однако серьезнейшие проблемы, перечисленные выше, не позволяют Соединенным Штатам создать новый миропорядок в их собственном представлении и понимании. Мало того, после стремительного вывода войск НАТО из Афганистана в конце августа 2021 г. европейские страны, «возлагавшие большие надежды на перезагрузку Трансатлантического альянса» [17], были открыто разочарованы действиями США. Заявление Джозефа Байдена при его вхождении в Белый дом, что «Америка вернулась», воспринято союзниками как явное противоречие и решение президента США, наоборот, увести Америку с мировой арены.

Образ будущего России в геополитике и мировой экономике

Современная Россия — это особая территория Земли, ее «сердце», расположенное одновременно и на Западе, и на Востоке (в плане пространства, времени, природных богатств, уникальной цивилизации и классических, традиционных ценностей).

По сравнению с США, у Российской Федерации вообще больше нет в запасе времени на стабильное развитие. Страна попала в цейтнот. Результаты научных исследований автора свидетельствуют о нахождении экономики России на траектории роста до 2029 г. России, как всегда, предстоит активно мобилизоваться и действовать в ближайший период на пределе собственных сил и возможностей:

- стать экономически самодостаточной и независимой державой социально-промышленной направленности; принять новые Поправки к Конституции РФ о переподчинении своего Центробанка Правительству России, о внедрении институтов планирования во внутреннюю и внешнюю государственно-частную экономику, о контроле и об ответственности властных структур; о предоставлении доступных кредитов предприятиям и населению, об исключении спекуляции в реализации производимых товаров, а также посреднических услуг в государственных заказах;
- лучше использовать отечественные и зарубежные рынки; направить усилия крупного бизнеса исключительно на внутреннее развитие страны, а государственные корпорации – на внешнеэкономическую деятельность с возвратом прибыли в госбюджет;
- заключить новые дипломатические договоры XXI в. со странами мира [18. С. 283–286]; создать комфортный миропорядок в Евразии Большое

Евразийское партнерство – на основе международного права и экономической дипломатии:

- выйти из западной системы международных отношений (с ее структурными кризисами, продолжительными санкциями и хаосом в управлении); сделать рубль мировой электронной и наличной валютой (природные ресурсы России это позволяют); прекратить оплачивать взносы в международные организации, относящиеся к России без должного уважения;
- создать на своей территории новую архитектуру международных отношений: основные международные организации в Санкт-Петербурге, Калининграде или Ялте [19. С. 68–77]. Новая система международных отношений станет именоваться по названию города, где состоится подписание мирового договора (Петербургская, Калининградская или Ялтинская);
- основать и регулярно проводить на своей территории (Москва, Казань, Сочи) Олимпиаду по интеллектуально-спортивным играм (шахматы, фатум, таврели, сянци, вэйци, пачиси, шашки и др.);
- запустить отечественные социальные сети; предотвратить гибридную войну и победить в кратчайшие сроки коронавирус (так, никому не известную и коварную «испанку» после Первой мировой войны преодолели за два года (1918–1920); не допустить, чтобы массово производимые вакцины складировались на российских складах так же, как двигатели для космических ракет в СССР в 1980-х гг.;
- не позволить Соединенным Штатам и блоку НАТО измотать себя очередным витком «гонки вооружений», «звездными войнами» или военными конфликтами вблизи российских границ, в том числе на Донбассе, в Закавказье и Средней Азии;
- успеть завершить в Российской Федерации эволюционный экономический подъем до 2029 г. и значительно поднять жизненный уровень населения;
- вернуть величие русскому языку как международному в общении народов мира, а русской цивилизации – ее справедливый, патриотичный и благородный облик.

Ориентиром страны в ближайшей перспективе вполне могло бы стать «экономическое чудо» социально-капиталистического Китая с однопартийной системой и отсутствием оппозиции. Такой подход к конструктивному развитию стал бы весьма логичным и целесообразным, учитывая планы отечественной политики в создании Большого Евразийского партнерства.

Россия нуждается в мощном цивилизационном рывке 7-летнего мирного, социально-экономического развития на период 2022—2029 гг. Иначе существует серьезный риск очередного распада страны, отбрасывания экономики и социально-культурного развития Отечества далеко назад.

Если главной движущей силой для американцев всегда были свобода и демократия, что почти закончилось для граждан США в 2020 г., то для русского человека основным и неизменным в веках остается «служение, обязательство, долг перед Родиной, а вовсе не рабство», как пытаются представить прозападные русофобы. Два слова «Служу Отечеству!» давно стали атрибутом русской цивилизации» [20]. И только истинному патриотизму в России необходимо перерасти в объединяющую национальную идею, начиная с олигархов и властвующей политической элиты финансово-экономического блока, чтобы достигнуть более высокого уровня развития страны.

232 А.Г. Савойский

Заключение

Имперский принцип Средневековья «разделяй и властвуй», как и силовой подход к цивилизационному развитию, всегда заканчивался в истории крушением. То же самое ожидает и союзнические отношения коллективного Запада против России и Китая, способных составить конкуренцию мировым державам и воспринимаемых блоком НАТО как угрозу стратегической безопасности. На самом деле Россия и КНР лишь защищают свои национальные интересы, благодаря обладанию мощными Вооруженными Силами, экономикой и финансовыми запасами, внушительной территорией, богатыми природными и человеческими ресурсами, согласно западному подходу к определению могущества и противопоставлению своей воли другим странам в международных отношениях [21. Р. 162].

Наиболее приемлемым для России мог бы оказаться образ будущего, направленный на ее развитие по «китайскому сценарию» как успешной модели социалистического капитализма в Китае: социально-капиталистический общественный строй; плановая экономика; национальный Центробанк подчинен Госсовету страны; государственные наличные и электронные деньги являются мировой валютой; дешевые кредиты для предприятий и населения; инвестиционное проектное кредитование банками исключительно значимых для развития экономики проектов, содержащих персональную ответственность, описание технологий, механизмов и сроков их реализации; широкое внедрение национальной платежной и информационной систем; крупный бизнес обеспечивает внутреннее развитие страны, а государственные корпорации — внешнеэкономическую деятельность с возвратом финансовых средств в федеральный бюджет; развитие малого и среднего бизнеса; полное искоренение бедности до 2029 г.; воспроизводство однопартийной системы и отсутствие оппозиции.

Россия, КНР и США по-прежнему, как и в начале XXI в., не разделяют единых взглядов на дальнейшее развитие международной жизни. Образ будущего миропорядка при смене экономических укладов ассоциируется теперь в отечественном научном сообществе с Востоком и Тихоокеанским регионом, с ведущей ролью Китая, Индии и России (КИР) на пространстве Большой Евразии. Новый центр развития международных отношений насчитывает население в несколько миллиардов человек, ориентированных на социально-экономическое развитие и имеющих свои законные права на мир, труд, образование, медицину, достаток и благополучие.

Выбираться из политико-экономического хаоса американской (англо-саксонской) системы и создавать для России комфортный миропорядок в ближайшие годы — дело чести политической элиты России. Альтернатива параллельного развития Западной и Восточной систем международных отношений в перспективе возможна. Потенциал России и США в различных видах экономической дипломатии (авиационная, арктическая, атомная, валютная, военная, инвестиционная, космическая, медицинская, продовольственная, промышленная, сельскохозяйственная, торговая или коммерческая, цифровая, экологическая, энергетическая и пр.) не использован обеими странами до конца и отрицательно сказывается на экономическом развитии России. Только отношения РФ и КНР остаются независимыми, дружественными

и стратегически партнерскими в обозримом будущем, а их экономики пока сильно зависят от США.

Современные реалии международной жизни диктуют новые требования к позитивному выстраиванию официальных отношений России с США и другими государствами, включая Китай: исключение силовой (военной и санкционной) политики, развитие делового и конструктивного сотрудничества в самых различных сферах и направлениях; возврат к классической дипломатии, основанной на высоком дипломатическом профессионализме; неукоснительное соблюдение этики межгосударственных взаимоотношений, международного права и дипломатического иммунитета; честная конкурентная политика внешнеэкономической деятельности, взаимовыгодное сотрудничество и пр.

Мирный, несиловой характер экономической дипломатии исключает любое проявление войны (ядерной и безъядерной, валютной, дипломатической, санкционной, торговой, энергоресурсной, вакцинной и т.д.), не приемлет длительные санкции и силовое политическое давление. Грань между экономической дипломатией и экономической политикой остается весьма тонкой, а соотношение между политикой и экономикой чаще бывает асимметричным, чем гармоничным. Однако роль экономической дипломатии в конструктивном подходе к международным отношениям и будущему миропорядку остается значительной.

Все три мировые державы – Россия, Китай и США – призваны выполнять стабилизирующие функции миропорядка и своевременно совместными усилиями создавать наиболее приемлемую систему международных отношений, открыто транслировать во внешний мир привлекательный образ будущего как самостоятельную категорию геополитики и вариант возможной международной жизни. Между США и Китаем наблюдается борьба за союзников. Решающим фактором при создании нового миропорядка станет позиция России.

Литература

- 1. МИД Российской Федерации. Внешняя политика // Экономическая дипломатия. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy (дата обращения: 25.07.2021).
- 2. Савойский А. Современная теория экономической дипломатии // Дипломатическая служба. 2015. № 4. С. 46–57.
- 3. *Савойский А.* Экономическая дипломатия и кибернетическое управление обществом, космобиополитическая математика // Дипломатическая служба. 2015. № 3. С. 51–57.
- 4. *Щербинин А.И.*, *Щербинина Н.Г.* Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25
- 5. *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке: пер. с фр. / предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
- 6. *Бжезинский 36*. Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы) / пер. с англ. О.Ю. Уральской. М. : Междунар. отношения, 1998. 256 с.
- 7. Legault A., Laliberté A., Bastien F. Le triangle Russie/États-Unis/Chine. Un seul lit pour trois? Sainte-Foy: Les Presses de l'Université Laval, 2004. 160 p.
- 8. Bacharan N. Le monde selon Trump: tweets, mensonges, provocations, stratagèmes. Pouquoi ça marche? Paris : Éditions Tallandier, 2019. 416 p.
- 9. Chronologie. Histoire politique et économique // Le Point Références. Mai Juin Juillet 2019. P. 92. (In French).
- 10. Владимиров А. США пытаются развернуть историю вспять и не стать Вавилоном XXI века. URL: http://russtrat.ru (дата публикации: 13.08.2021).

234 А.Г. Савойский

- 11. Евстафьев Д. Мир предхаоса: что нас ждет в 2021 году // Актуальные комментарии. 14.12.2020. URL: https://actualcomment.ru/mir-predkhaosa-chto-nas-zhdet-v-2021-godu-2012141124. html (дата обращения: 11.08.2021).
- 12. Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия—США-Китай: Семь вариантов обозримого будущего. М.: Книжный мир, 2017. 341 с.
- 13. *Сергей Лавров*, министр иностранных дел РФ. О праве, правах и правилах // Газета «Коммерсантъ». № 109/П от 28.06.2021. С. 1. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4877702/ (дата обращения: 22.07.2021).
- 14. *Стратегии* национальной безопасности США / сост. Д.В. Кузнецов (на англ. яз.). Б. м.: Б. изд., 2018. 680 с. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/strategii_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha.pdf/ C. 653–662 (дата публикации: 13.08.2021).
- 15. Байден назвал Россию и Китай соперниками США. URL: https://iz.ru/1199148/2021-07-28/baiden-nazval-rossiiu-i-kitai-sopernikami-ssha (дата публикации: 28.07.2021).
- 16. Иванов Г. «Не забывай, кто вырыл колодец». Что сегодня в Китае говорят о России? URL: https://aif.ru/politics/world/ne_zabyvay_kto_vyryl_kolodec_chto_segodnya_v_kitae_govoryat_ o rossii (дата публикации: 21.07.2021).
- 17. Необычная аналитика от CNN: Байден уводит Америку с мировой сцены. URL: https://zen.yandex.ru/media/karaulovlife/neobychnaia-analitika-ot-cnn-baiden-uvodit-ameriku-smirovoi-sceny-611fe16e4e9a2560322735fe (дата публикации: 21.08.2021).
- 18. Савойский А.Г. Навстречу новому договору о мире, дружбе и сотрудничестве между РФ и США. Итоги и моделирование российско-американских отношений как индикатора глобальной цивилизации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 275–291. DOI: 10.17223/1998863X/60/27
- 19. Савойский А.Г. Роль России и США в международном устройстве мира, или К новой Архитектуре мирового порядка // Человеческий капитал. 2013. № 10. С. 68–77.
- 20. *Савойский А.Г.* США и Россия: историческая несправедливость времен Токвиля // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 165–172. DOI: 10.17976/jpps/2015.01.14
- 21. *Новое* определение державности / Паскаль Бонифас. Геополитика (на фр.) // Boniface P. La Géopolitique: 50 fiches pour comprendre l'actualité. 6ème édition. Paris : Éditions Eyrolles, 2019. 208 p.

Alexander G. Savoysky, Institute for Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: asavoysky@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 224–236.

DOI: 10.17223/1998863X/64/21

RUSSIA, USA, CHINA: IMAGE OF THE FUTURE BASED ON ECONOMIC DIPLOMACY AND WORLD ORDER

Keywords: economic diplomacy; end of "Iron Age"; image of future; international cooperation; potential and growth trajectory; Russia–China–USA; system of international relations; world order

The research issue of this article is the development of the image of the future world order from the perspective of the main players on the world stage – Russia, the USA, China – and a clarification of how they see the development of international life at the present stage. The hypothesis of the proposed article is that modern Russia (in theory and in practice) is more in the zone of political economy and economic policy than in the field of economic diplomacy. There is a predominance of the power and negative sanctions regime as a manifestation of protectionism in geopolitics and the world economy. In the crisis Russian-American interaction, US sanctions against Russia, whose economic development is on a growth trajectory until 2029, are still and long expected. Russia and China will continue to demonstrate stable economic partnership and friendly relations. Economic diplomacy could well be an alternative to liberal capitalism in the near term, and its peacefulness and ethics a categorical imperative in interstate relations, in which the economy moves forward, outstrips politics and ensures the country's internal development. The US would still like to remain the first among the world's powers and lead the whole world, including Russia and China. However, the country is hampered by serious internal problems and a decline in the authority of the global leader. The transformation of the system of international relations is constrained purposefully for various reasons. Having the experience of uniting countries and peoples around it, Russia takes a clearly waiting position. China is aimed at longterm domestic economic development in order to become a superpower by 2050. The decisive factor in

creating a new world order, possibly first in the space of Greater Eurasia, will be the position of Russia. According to the author's research, 2023 is the upper cyclical limit of the outgoing ("iron" and militant) age of civilization and the continuing of a gradual change in the world political elite. This involves the end of military conflicts and the formation of a new political map on Earth. The peaceful transition to another system of international relations with entry into the era of creation is very relevant for all countries of the world. Economic diplomacy is considered as a real potential, as an effective tool of international organizations and foreign policy of the countries of the world, in terms of making constructive foreign policy decisions, implementing a reasonable personnel policy and timely rotation of political elites, as well as the further development of foreign economic activity and cooperation between states in the 21st century. The mission of Russia, China and the United States is to fulfill the stabilizing functions of the world order and to create, together, in a timely manner, the most acceptable system of international relations.

References

- 1. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (2021) *Vneshnyaya politika* [Foreign Policy]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/economic_diplomacy (Accessed: 25th July 2021).
- 2. Savoysky, A. (2015) Sovremennaya teoriya ekonomicheskoy diplomatii [Modern theory of economic diplomacy]. *Diplomaticheskaya sluzhba Diplomatic Service*. 4. pp. 46–57.
- 3. Savoyskiy, A. (2015) Economic diplomacy and cybernetic management of society, cosmo-bio-political mathematics. *Diplomaticheskaya sluzhba Diplomatic Service*. 3, pp. 51–57. (In Russian).
- 4. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2020) Political construction of the image of the future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, Political Science.* 56. pp. 285–299. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/56/25
- 5. Tocqueville, A. de (1992) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Translated from French. Moscow: Progress.
- 6. Brzezinski, Zb. (1998) *Velikaya shakhmatnaya doska (Gospodstvo Ameriki i ee geostrate-gicheskie imperativy)* [The Great Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Translated from English by O.Yu. Uralskaya. Moscow: International Mezhdunarodnye otnosheniya
- 7. Legault, A., Laliberté, A. & Bastien, F. (2004) Le triangle Russie/États-Unis/Chine. Un seul lit pour trois? Sainte-Foy: Les Presses de l'Université Laval.
- 8. Bacharan, N. (2019) Le monde selon Trump: tweets, mensonges, provocations, stratagèmes. Pouquoi ça marche? Paris: Éditions Tallandier.
- 9. Anon. (2019) Chronologie. Histoire politique et économique. Le Point Références The Reference Point. May June July.
- 10. Vladimirov, A. (n.d.) SShA pytayutsya razvernut' istoriyu vspyat' i ne stat' Vavilonom 21 veka [The United States is trying to reverse history and not become Babylon of the 21st century]. [Online] Available from: http://russtrat.ru (Accessed: 13th August 2021).
- 11. Evstafiev, D. (2020) *Mir predkhaosa: chto nas zhdet v 2021 godu* [The world of pre-chaos: what awaits us in 2021]. [Online] Available from: https://actualcomment.ru/mir-predkhaosa-chtonaszhdet-v-2021-godu-2012141124.html (Accessed: 11th January 2021).
- 12. Glazyev, S.Yu. (2017) Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya–SShA–Kitay: Sem' variantov obozrimogo budushchego [The battle for leadership in the 21st century. Russia-USA-China: Seven options for the near future]. Moscow: Knizhnyy mir.
- 13. Lavrov, S. (2021) O prave, pravakh i pravilakh [About law, rights and rules]. *Kommersant"*. 28 June. p. 1. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/4877702/ (Accessed: 28th June 2021).
- 14. Kuznetsov, D.V. (2018) *Strategii natsional'noy bezopasnosti SShA* [US National Security Strategies]. [Online] Available from: http://kuznetsov.ucoz.org/books/strategii_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha.pdf/pp. 653–662 (Accessed: 13th August 2021).
- 15. Izvestiya.ru. (2021) Bayden nazval Rossiyu i Kitay sopernikami SShA [Biden called Russia and China US rivals]. [Online] Available from: https://iz.ru/1199148/2021-07-28/baiden-nazval-rossiiu-i-kitai-sopernikami-ssha (Accessed: 28th July 2021).
- 16. Ivanov, G. (2021) "Ne zabyvay, kto vyryl kolodets". Chto segodnya v Kitae govoryat o Rossii? ["Do not forget who dug the well." What do China say about Russia today?]. [Online] Available from: https://aif.ru/politics/world/ne_zabyvay_kto_vyryl_kolodec_chto_segodnya_v_kitae_govoryat_o_rossii (Accessed: 21st July 2021).

236 А.Г. Савойский

- 17. Zen.Yandex.Ru. (2021) *Neobychnaya analitika ot CNN: Bayden uvodit Ameriku s mirovoy stseny* [Unusual analyst from CNN: Biden takes America out of the world arena]. [Online] Available from: https://zen.yandex.ru/media/karaulovlife/neobychnaia-analitika-ot-cnn-baiden-uvodit-ameriku-s-mirovoi-sceny-611fe16e4e9a2560322735fe (Accessed: 21st August 2021).
- 18. Savoysky, A.G. (2021) Results and Modeling of Russian-American Relations as an Indicator of International Life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, Political Science.* 60. pp. 275–291. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/27
- 19. Savoysky, A.G. (2013) Rol' Rossii i SShA v mezhdunarodnom ustroystve mira, ili K novoy Arkhitekture mirovogo poryadka [The role of Russia and the USA in the international structure of the world or To the new architecture of the world order]. *Chelovecheskiy kapital Human Capital*. 1. pp. 68–77.
- 20. Savoysky, A.G. (2015) USA and Russia: historical injustice from the times of Tocqueville. *Polis. Politicheskie issledovaniya Polis. Political Studies*. 1. pp. 165–172. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.01.14
- 21. Boniface, P. (2019) La Géopolitique: 50 fiches pour comprendre l'actualité. 6ème éd. Paris: Éditions Eyrolles.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 001.891

DOI: 10.17223/1998863X/64/22

Ю.Ю. Першин

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК «МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (В КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ)»

Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г.Д. Боуш, В.И. Разумов. М.: ИНФРА-М, 2020. 227 с. (Высшее образование: Аспирантура). DOI 10.12737/991914

Учебник «Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях)» посвящен представлению авторской методологии научного исследования, которая базируется на авторской категориально-системной методологии (КСМ). Авторы учебника делают упор на самостоятельность проведения исследования диссертантами, что является принципиальным требованием к научной работе. Учебник «Методология научного исследования» отличается своей практической направленностью и содержанием, имея задачей формирование навыков деятельности, упомянутой в компетенциях, а также содержит четкие определения того, что обучающийся должен знать и уметь, а также теоретические контрольные вопросы и практические задания в коние каждой главы.

Ключевые слова: методология научных исследований, самостоятельное исследование, компетенции, категориально-системная методология, теория динамических информационных систем

Если не ставить себе целью написание рецензии на учебник «Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях)» под авторством Галины Дмитриевны Боуш и Владимира Ильича Разумова, то можно было бы с некоторой долей безразличия сказать, что лишних пособий по методологии научных исследований не бывает.

Однако мы полагаем, что данный учебник следует выделить из общего ряда такого рода пособий по нескольким причинам. Прежде всего следует заметить, что авторы не просто, как это обычно делается, стараются помочь молодым и не очень молодым ученым в написании научных трудов и диссертаций. Они задают концептуальное обоснование своей работе: она необходима в свете становления социально-экономической системы Российской Федерации, базирующейся на расширенном воспроизводстве знаний. А для этого, как полагают авторы, необходима принципиально новая система образования, формирующая у обучающихся развитые когнитивные компетенции. Именно поэтому в русле общей цели, которую ставят авторы перед собой в данном учебнике, а именно, совершенствование методологического мастерства ученых, у аспирантов и докторантов должна сформироваться полноцен-

ная компетенция «способность к *самостоятельной* организации и проведению научного исследования» в составе следующих субкомпетенций:

- а) способности к *самостоятельной* организации подготовительного этапа исследования, включая выбор направления и темы исследования, формулирование проблемы, гипотезы, выбор объекта и предмета, определение цели и задач, формирование программы и методологии исследования;
- б) способности к самостоятельному проведению исследования, включая применение научно-методологических подходов и научных методов к исследованию избранного предмета;
- в) способности к *самостоятельному* обобщению результатов исследования и представлению их научной общественности в форме научного доклада и научных текстов разного формата (исследовательской или квалификационной работы, научной статьи, монографии, диссертации).

Отсюда очевидно, и это следует также подчеркнуть, что авторы делают упор на *самостоятельность* исследования, что является принципиальным требованием к научной работе, таким образом, фактически, приближая данный учебник к самоучителю. На наш взгляд, это очень ценное его качество. Поэтому не удивительно, что учебник «Методология научного исследования» отличается от аналогичных трудов прежде всего своей практической направленностью и содержанием, имея задачей формирование навыков деятельности, упомянутой в компетенциях. Этому в немалой степени способствуют четкие определения в начале каждой главы того, что обучающийся должен знать и уметь, а также теоретические контрольные вопросы и практические задания в конце каждой главы.

Содержание учебника «Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях)» Г.Д. Боуш и В.И. Разумова состоит из 4 разделов и 17 тем.

В Разделе 1 «Введение в методологию научного исследования» авторами изложены теоретические основы научного исследования, а также приведены нормативные требования к диссертациям в $P\Phi$.

Раздел 2 «Организация подготовительного этапа научного исследования» содержит описание методологических технологий разработки концепции и программы исследования, формирования авторской методологии, требования к культуре исследователя.

Раздел 3 «Методологические подходы и методы научного исследования» посвящен описанию методологических подходов, составляющих базовую платформу для методологии курса, а также нескольких классов категориальных методов, позволяющих выполнить исследование сущностных аспектов избранного предмета на высоком качественном уровне.

Раздел 4 «Обработка и представление результатов научного исследования» содержит описание методологических технологий, позволяющих эффективно упорядочить результаты научного исследования, представить его описание и результаты в научных текстах разного формата.

И здесь, мы уверены, следует обратить внимание на следующую качественную (и опять, на наш взгляд, очень положительную) характеристику учебника, такую как его универсальность. Авторы, заявляя о том, что их учебник «Методология научного исследования» является наиболее фундаментальным, не грешат против истины. Дело в том, что (и в этом можно убе-

диться при работе с учебником), в представленном издании методология научного исследования базируется на авторской категориально-системной методологии (КСМ), которая зарекомендовала себя как высокоэвристичная поисковая платформа, позволяющая генерировать новые знания в самых разных областях, а также подготовить обучающихся к высокопродуктивной научной деятельности в любой сфере, к проведению любого научного исследования, к решению задач любой сложности. Именно поэтому учебник «Методология научного исследования» Г.Д. Боуш и В.И. Разумова адресован аспирантам и докторантам всех направлений обучения.

В качестве пожеланий авторам рецензируемого труда хотелось бы рекомендовать при будущем переиздании включить в него больше наглядных, практических примеров применения КСМ. Также имеет смысл более подробно развернуть методологический аппарат теории динамических информационных систем (ТДИС), что также находит практическое применение в подготовке разнообразных научных исследований.

В заключение следует отметить, что работа авторов, представленная в виде учебника, состоялась. Он соответствует актуальным требованиям ФГОС ВПО. Структура учебника соответствует его содержанию при наличии связности, логичности, полноты теоретического материала и практических заданий. Учебник может быть рекомендован аспирантам всех направлений подготовки; докторантам, преподавателям курса «Методология научных исследований» и смежных учебных дисциплин («Методика написания диссертации», «Культура исследователя», «Методология диссертационной работы» и др.), а также другим исследователям.

Yuri Yu. Pershin, Military Institute of Physical Training (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: pershin9059229943@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 237–240. DOI: 10.17223/1998863X/64/22

BOOK REVIEW: RAZUMOV, V.I. & BOUSH, G.D. (2020) METHODOLOGY OF SCIENTIFIC RESEARCH (FOR CANDIDATE AND DOCTORAL DISSERTATIONS): TEXTBOOK, MOSCOW: INFRA-M

Keywords: methodology of scientific research; independent research; competencies; categorical-system methodology; theory of dynamic information systems

The textbook Methodology of Scientific Research (For Candidate and Doctoral Dissertations) by G.D. Boush and V.I. Razumov is aimed at improving the methodological skills of scientists (postgraduates and doctoral students), in particular, at forming the competency "ability to independently organize and conduct scientific research". The authors emphasize the independence of research; therefore, the textbook is distinguished by its practical orientation. It aims at forming the skills of the activities mentioned in the competencies. The textbook has four sections and seventeen topics. In Section 1, "Introduction to the methodology of scientific research", the authors set out the theoretical foundations of scientific research, as well as the regulatory requirements for dissertations in the Russian Federation. Section 2, "Organization of the preparatory stage of scientific research", contains a description of methodological technologies for the development of the concept and program of research, the formation of the author's methodology, requirements for the culture of the researcher. Section 3, "Methodological approaches and methods of scientific research", describes methodological approaches that make up the basic platform for the course methodology, as well as several classes of categorical methods that allow researching the essential aspects of the chosen object at a high-quality level. Section 4, "Processing and presentation of the results of scientific research", contains a description of methodological technologies that allow organizing of the results of scientific research effectively, to present its description and results in scientific texts of different formats. The methodology of scientific research is

based on the author's categorical-system methodology, which has proven itself as a highly heuristic search platform that allows generating new knowledge in a wide variety of fields, as well as preparing students for highly productive scientific researches in any field, solving problems of any complexity. Therefore, the textbook is addressed to postgraduates and doctoral students of all areas of study. The textbook meets the current requirements of the Federal State Educational Standard for Higher Education. The textbook can be recommended to postgraduate students of all areas of training; doctoral students, lecturers of the course "Methodology of Scientific Research" and related academic disciplines, as well as other researchers.

УДК 172

DOI: 10.17223/1998863X/64/23

Н.А. Ястреб

ОТКРЫВАЯ ИНСТРУМЕНТАЛИЗМ ЗАНОВО: ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ В РАБОТАХ КЛАССИКОВ АМЕРИКАНСКОГО ПРАГМАТИЗМА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № $20-111-50041^1$.

В статье проводится анализ и делается попытка осмысления в современном контексте инструменталистских идей философии техники, представленных в работах классиков американского прагматизма. Показано влияние инструментализма в целом и американского прагматизма в частности на школы и течения философии техники XX—XXI вв. Показано, что ключевыми тезисами прагматистского понимания техники являются эквивалентность истины и полезности, инструментализм и гуманизм. Определены основные положения критики инструментализма и прагматизма в философии техники и выявлены возможности использования современного инструментализма для описания новых технологий.

Ключевые слова: прагматизм, инструментализм, философия техники, техническое знание

Введение

В современной философии техники сложилась парадоксальная ситуация, когда при решении ряда концептуальных проблем, связанных с пониманием технического знания и оценки его истинности, используются идеи прагматизма, однако представители этого направления практически не известны в этом контексте. При этом в работах классиков американского прагматизма можно встретить ряд оригинальных идей, как оказавших влияние на развитие данной области философского познания в XX в., так и актуальных для современного понимания сущности и функционирования новейших технических объектов.

В философии техники традиционно принято считать основным критерием истинности технического знания его эффективность, т.е. возможность наилучшего достижения планируемого результата при минимуме затраченных ресурсов. Несмотря на то, что этот критерий, безусловно, является прагматическим, собственно исследования техники представителями прагматизма мало знакомы не только отечественным, но и зарубежным философам. В целом работы классического этапа развития американского прагматизма хотя и обсуждались достаточно широко в самых различных философских контекстах, через определенное время перестали рассматриваться как значимые исследования. Как пишет Н.С. Юлина, «классический прагматизм ушел с главной сцены философии» [1. С. 488]. Несмотря на востребованность многих идей, упоминание прагматизма очень быстро стало немодным. Даже в

¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50041.

США вплоть до конца XX в. работы классиков американского прагматизма в области философии техники были практически неизвестны. Причиной такой ситуации отчасти является то, что даже Д. Дьюи, который сформулировал многие принципиальные для философии техники идеи, не опубликовал ни одной специально посвященной этой проблематике работы. Возрождение понимания представителей американского прагматизма как философов техники осуществляет Ларри Хикман [2-5], с подачи которого начинается дискуссия в с Э. Финбергом по поводу идей технологического прагматизма, результатом которых становится ряд критических работ, посвященных прочтению и переосмыслению классических работ прежде всего Д. Дьюи [6]. Когда Л. Хикману написали в рецензии на его работу, что Дьюи нельзя назвать философом техники, так как он не написал работ на эту тему, он ответил, что «по сравнению с остро сфокусированной трактовкой, которую можно найти в двух основополагающих послевоенных эссе Хайдеггера на эту тему, например, вклад Дьюи в философию технологий является частью сложной сети его вкладов в логику, философию образования, психологию, эстетику и т.д.» [4]. Действительно, мы находим выводы Дьюи о технике внутри ряда статей и книг [7-18], но в их названии слово «техника» отсутствует, и во многом это объясняется тем, что ссылки на Дьюи как на философа техники практически отсутствуют. Несмотря на это, в концептуальном плане в работах им был сделан ряд значимых шагов к пониманию природы технологии и технического знания. Спецификой его подхода к анализу техники является то, что он объединяет при ее описании этику, эстетику, логику, философию образования, философскую антропологию и даже философию религии. Он отказался от рассмотрения техники в общепринятом смысле как совокупности машин и механизмов и отверг античные представления о техническом как о второстепенном, вторичном по отношению к теоретическому познанию. Одной из наиболее значимых идей прагматистов является расширенное толкование технического знания, которое не исчерпывается знанием о производстве и использовании артефактов, а распространяется на все сферы деятельности человека, где нужно получить результат.

Актуальность обращения к философскому пониманию техники, предложенному классиками американского прагматизма, таким образом, обусловлена изменением самой сферы технического, выходом техники за пределы машин и механизмов [19–22]. В эпоху алгоритмов, криптовалют и высоких гуманитарных технологий инструментальный подход не просто становится применимым, но и может стать основой для гуманитарной экспертизы и социальной оценки современных технологий.

Истина как полезность

Очерчивая круг авторов, на работах которых основывается данное исследование, мы исходим из идеи о том, что «прагматизм – это метод философствования, часто определяемый как теория смысла, впервые сформулированная Пирсом в 1870-х гг., возрожденная в основном как теория истины в 1898 г. Джеймсом, и далее развитая, расширенная и распространенная Дьюи» [23. С. 45]. Вклад упомянутых трех классиков – Пирса [24], Джеймса [25, 26] и Дьюи в формирование представлений о технике неодинаков. Пирс практически не выходит на данную проблематику, однако в его работах формирует-

ся сам прагматический подход. В исследованиях Джеймса происходит становление инструментализма, а наибольший вклад в развитие философии техники вносит Д. Дьюи, которому удалось в разных работах сформировать достаточно целостную инструменталистскую теорию техники, в связи с чем анализу его идей в данной работе будет уделено наибольшее внимание.

Прагматизм часто называют американской философией. Бихевиорист Д. Ульман пишет про США, что «если бы в этой стране нужно было выбрать официальную философию, ей бы стал прагматизм» [27. Р. 17]. Однако Дьюи называет предвестником прагматической концепции познания прагматизма Ф. Бэкона, а самое известное выражение основоположника эмпиризма «знание – сила» – формулировкой прагматического критерия истинности. Именно эта формула позволила Бэкону забраковать знания, считавшиеся «учеными», после чего они стали не-знаниями, псевдо-знаниями и якобы-знаниями [18. С. 37].

Ключевой идеей прагматизма является понимание истины как полезности [28, 29]. Поясняя эту идею, Дьюи отмечает, что «под истиной как полезностью имеется в виду услуга идеи либо теории, состоящая именно в таком их вкладе в реорганизацию опыта, способность к которому была в них заявлена» [18. С. 103]. Проверкой достоверности идеи является ее функциональное или инструментальное использование для осуществления перехода от относительно противоречивого опыта к относительно интегрированному» [12. Р. 359]. Отвечая на многочисленные критические возражения против прагматического понимания истины, Дьюи обращает внимание на то, что критики часто понимают прагматизм вульгарно, как абсолютизацию индивидуальной выгоды. Обвинения в меркантильности, утилитарности и даже безнравственности звучат в адрес прагматизма повсеместно. Под полезностью, как отмечает Дьюи, его критики часто подразумевают «нечто важное для личных целей, некую выгоду, в которой истина является инструментом для утоления частных амбиций и жажды величия», и пишет, что такая часто приписываемая ему точка зрения «до того отвратительна, что странно, как это критики вообще приписывают подобные представления людям вменяемым» [18. C. 103].

Именно прагматистское толкование истины берется за основу исследования технического знания как в американских, так и в континентальных философских концепциях техники. Важнейшими критериями оценки технического знания являются не истинность или ложность, а практическая полезность и эффективность [30–34]. Развитие современных технологий усиливает этот подход и выводит его за пределы узкотехнического знания [35]. Среди критериев истинности на первый план выходит требование «знать — значить уметь делать» или «работает, следовательно, верно». К примеру, в рамках биотехнологии актуализируется прагматистское понятие внутренней эквивалентности между истинностью знания и возможностью его использования: «тот, кто может сделать конкретный объект, тем самым показывает, что он это знает, и только тот, кто в состоянии сделать это, может законно претендовать на знание объекта» [36. Р. 60]. Таким образом, первой основополагающей идеей, лежащей в основе философского понимания техники в прагматизме, является внутренняя эквивалентность между истинностью зна-

ния и возможностью его использования, выраженная формулой «истинность как полезность».

Инструментализм

Второй базовой идеей прагматистской философии техники является инструментализм. Новая философская энциклопедия определяет его как философско-методологическую установку, «согласно которой продукты сознания человека (понятия, моральные и эстетические идеи, научные теории, гипотезы и т.п.) являются средствами приспособления к окружающей среде, внесения в нее определенности и порядка, превращения действительности в "понятный" и удобный для жизни мир» [37]. Логические объекты, числа, гипотезы и другие абстрактные объекты рассматриваются как нематериальные инструменты.

В рамках прагматизма само знание рассматривается как инструмент: по утверждению Джеймса, теории становятся инструментами, а не ответами на загадки [25]. Разница между материальными и нематериальными (интеллектуальными) инструментами является не онтологической, а функциональной. Применимость осязаемых (механических) инструментов в большей степени задана их физической структурой, а неосязаемые (например, логические) инструменты являются более гибкими, не ограниченными узкой сферой использования. Инструментализм Дьюи имеет органическую природу и является развитием его эволюционистских представлений. С этой точки зрения изменения и трансформация – это естественные черты реального мира, а знания и логика – способы адаптироваться, выжить и процветать. Научные понятия, концепции, теории являются способами приспособления к окружающей среде. Они позволяют описывать и объяснить явления и процессы, однако ничего не говорят нам о том, как устроен мир за пределами нашего опыта. Знания представляют собой теоретические инструменты, приносящие пользу. Числа, религиозные и художественные идеи, церемониальные инструменты по своей сути эквивалентны техническим объектам.

Критика инструментализма, как правило, осуществляется в контексте проблемы истины и его онтологического статуса через противопоставление реализму [38–40]. Однако на эту концепцию можно посмотреть и под другим углом, поскольку ее положения в полной мере применимы к описанию технического знания. Техническое знание не является второстепенным, вторичным по отношению к теоретическому познанию, так как технология соединяет в исследовании теоретические и практические знания. Технология уникальна, так как соединяет в исследовании теоретические и практические знания и выступает синтетической формой существования знания. Инструменталистский подход предполагает, что технология присутствует не только в техническом познании, но и в логике, математике, образовании, религии, политике и других областях, где есть решение проблем. Логические объекты, числа, гипотезы и другие абстрактные объекты «конструируются, развиваются и используются во многих случаях так же, как материальные орудия, т.е. для достижения желаемого результата» [13]. Отличительной особенностью подхода Дьюи является то, что он не ассоциирует техническое знание исключительно с созданием материальных объектов, а находит его проявления в науке, образовании, философии, искусстве и даже религии. В его трактовке

различие между материальными инструментами и абстрактными объектами является исключительно функциональным, так как они служат достижению различных целей. В этом смысле работы Дьюи конца XIX в. шли вразрез с принятым в его время пониманием техники и технического знания и с философскими концепциями техники XX в., в которых техническое связывалось исключительно с материальной культурой. По мнению Л. Хикмана, во многом благодаря этому вплоть до конца XX в. исследования Дьюи в области философии техники практически не были известны даже на родине [5. P. 175].

Для Дьюи успех технических наук связан с тем, что в рамках технического познания теоретические (фундаментальные) и практические (прикладные) формы познавательной деятельности рассматриваются как равноправные инструменты, позволяющие производить новые устройства и методы деятельности. Технология у него выступает как «логос технэ», позволяющий исследовать техническое так же, как биология исследует жизнь. Прагматический аспект технологии связан с тем, что она представляет собой все разумные методы, с помощью которых энергия природы и человека направляется и используется в удовлетворении человеческих потребностей. По сути, техническая деятельность рассматривается им как использование одних природных объектов для преобразования других сообразно потребностям человека. Отвечая на запрос со стороны человека, технология всегда является зависимой от его целей.

Уравняв в правах технические и когнитивные инструменты, Дьюи дал повод для критики. Оппоненты обвинили его в том, что он ставит инструменты, средства достижения целей выше самих целей. Для Дьюи техника – это не самостоятельная сущность, а часть сети взаимоотношений людей. Инструменты сами по себе не являются причиной отчуждения и эксплуатации. В этом смысле концепция Дьюи противостоит идеям философов техники Франкфуртской школы, обращавших внимание на отчуждение и идеологическое принуждение, вызываемые техникой [41-43]. Тем не менее в европейской философии техники также есть концепции и взгляды, которые принято называть инструменталистскими. Нужно пояснить, что в этом случае под инструментализмом понимается взгляд на технику как на нейтральную сущность, на средство достижения целей. В этом смысле отказ от инструментализма можно связать с появлением концепции М. Хайдеггера, утверждавшего, что «сущность техники не есть что-то техническое» [44]. В философии Хайдеггера, Ж. Эллюля [45] и особенно в работах представителей критической школы рассматриваются влияние техники на сущность человека и угрозы, которые несет природе и человечеству технический процесс. Далее в эпоху «постэмпирического поворота» смещаются акценты в философском анализе техники. Становится понятно, что оба варианта понимания техники как нейтрального фона человеческого существования и как источника проблем человека сужают область философских исследований техники и не отражают сложности взаимодействия человека с техникой. Технология начинает рассматриваться как важная часть жизненного мира человека, и на смену противопоставлению человеческого и технического приходит поиск ответов на вопросы о том, как сделать технику лучше и как повысить качество жизни человека. То есть по своему содержанию постэмпирический поворот является

возвратом к идеям прагматизма. Обосновывая актуальность прагматизма для анализа техники, Л. Хикман приводит знаменитую цитату, приписываемую М. Маклюэну, о том, что «мы формируем наши инструменты, а затем наши инструменты формируют нас» [4, 46]. Философия техники в этом случае приближается к исследованию ars vivendi, или искусства жить, и трактуется как «искусство жить с технологиями» [47. Р. 239]. Эта трактовка восходит к античному пониманию философии как практики заботы о себе и как системы практических рекомендаций о том, как жить, как взаимодействовать с другими людьми, обществом и природой.

Гуманизм

Весь проведенный анализ понимания техники в американском прагматизме будет некорректен, если не учитывать третий его фундаментальный принцип, а именно принцип гуманизма. Сравнивая понимание техники в американском прагматизме и в европейской философии того же времени, нельзя не заметить принципиальную разницу в оценках самой техники. Если в Европе Первая мировая война, применение химического оружия и другие трагические события не могли не сказаться на восприятии технического прогресса и привели к осознанию необходимости критической оценки техники [48, 49], то у американских философов не было трагического чувства XX столетия, и их описание технического прогресса гораздо более оптимистично. Слова Дьюи о том, что технологии могут применяться для решения политических и социальных проблем, шокировали философов, воспитанных в традиции критической школы [6].

Причина критического и даже негативного восприятия инструментализма классиком американского прагматизма во многом связана с доминированием определенных аксиологических установок. В частности, вера в неизменные ценности привела к разделению целей на имманентные и инструментальные как на те, «подлинная ценность которых заключена в них самих, и те, которые важны лишь как средства, ведущие к имманентным целям» [18]. Такое разделение, по мнению Дьюи, привело к трагическим последствиям: «вряд ли кому-то под силу измерить, до какой степени невыносимый материализм и звериный характер нашей экономической жизни обязаны тому факту, что экономические цели считаются всего лишь инструментальными» [Там же. С. 110]. Хотя Дьюи не использует термин «забота о себе», мы повсеместно в его работах находим эту установку. Если философия, религия, мораль могут помочь человеку справиться с его проблемами, облегчить его участь, то почему даже разговор об этом воспринимается негативно и вызывает обвинения в «прагматичности» и утилитаризме? Он видит основы формирования такой установки в работах Аристотеля, который использовал разделение на внутренние и внешние блага для обоснования своего тезиса о том, что «рабы и работники, несмотря на их необходимость для государства, для общего блага, не являются составляющими последнего» [Там же]. То, чему отводится исключительно инструментальная роль, должно походить на изнурительный труд и не может претендовать на признание интеллектуальной, художественной или нравственной значимости. Однако стремление очистить идеалы от инструментальной составляющей неизбежно приводит к гуманитарным последствиям. В ситуации, когда норма значима сама по себе, а не в силу того, какую пользу она приносит человеку, мы неизбежно придем к пренебрежению человеком и человеческой жизнью ради идеалов и ценностей, что и составляет, по Дьюи, главную проблему. Ценности, идеалы, моральные понятия и нормы, с его точки зрения, представляют собой «направления изменений в качестве опыта» и важны именно в этом качестве [18. С. 113]. Они наполняются содержанием в деятельности, когда приносят пользу человеку. Можно возмутиться и сказать, что это приравнивает их к техническим объектам, инструментам, однако сложно не согласиться с Дьюи, когда он пишет, что «положительное значение всякого качества определяется его вкладом в облегчение бремени наличных проблем» [Там же. С. 111].

Философ выполняет в обществе функции интеллектуала, внося вклад в постановку, обсуждение и решение наиболее фундаментальных проблем. На современном этапе социальная оценка и гуманитарная экспертиза технологий становятся философскими практиками, а профессиональные философы входят в состав консультативных советов различного рода. В этих условиях особо актуально звучат слова Дьюи о том, что вклад философа в технический прогресс связан с тем, чтобы «распознавать и критиковать старые инструменты, которые больше не работают должным образом, и реконструировать их таким образом, чтобы сделать их более полезными» [4]. Хикман, называя учение Дьюи «продуктивным прагматизмом», с разных сторон показывает актуальность такой концепции и установки для современного исследования техники.

Учитывая вышесказанное, стоит взглянуть на инструментализм как на концепцию, целью которой является помощь человеку в принятии техники и выстраивании отношений с ней [50]. Прагматизм в этом контексте – это гуманизм. Он отказывается как от игнорирования влияния техники на человека, так и от противопоставления техники человеку и фокусируется на поиске условий возможности такого совместного действия человека и техники, которое позволило бы облегчить существование и улучшить качество жизни человека. И если в середине XX в., после всех ужасов мировых войн и ядерных атак, разочаровывавших человечество в техническом прогрессе, инструментализм был подвергнут жесткой критике, а потом забыт, то сейчас, когда мы признаем неустранимость технического практически из всех сторон жизни человека, переосмысление и открытие заново инструменталистских идей может помочь нам лучше понять тот мир, в котором мы живем. Некоторая наивность американского прагматизма первой половины ХХ в., представители которого иногда чересчур оптимистично воспринимали технический прогресс, не должна тем не менее служить основанием для отказа от содержательной части их представлений.

Заключение

Таким образом, можно выделить три ключевые идеи, определившие прагматистское понимание техники, а именно: эквивалентность истины и полезности, инструментализм и гуманизм. Эквивалентность истины и полезности стала основным критерием оценки технического знания наряду с эффективностью и безопасностью. Инструментализм, будучи подвергнутым жесткой критике, долгое время не был актуален для философского осмысле-

ния техники, однако современный технический мир изменился настолько радикально по сравнению с серединой XX в., что идея функционального равенства материальных и нематериальных инструментов вновь становится актуальной.

Специфика философии техники как области знания состоит в том, что любая концепция или система, даже если она фокусируется на онтологических или эпистемологических аспектах техники, неизбежно должна отвечать на вопрос о том, что дает техника человеку, как она на него влияет и что мы можем сделать для того, чтобы минимизировать негативные последствия технического развития. В этом смысле критический подход, несмотря на свою значимость и огромное влияние, испытывает трудности с формулированием того, как современному человеку действовать. Установка прагматизма на поиск условий, при которых техника облегчает участь человека, при всей своей кажущейся простоте и наивности может стать одним из базовых принципов, своего рода «категорическим императивом» социальной оценки и гуманитарной экспертизы техники.

Литература

- 1. Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. М.: Канон+; Реабилитация, 2010. 600 с.
- 2. Hickman L. John Dewey's Pragmatic Technology. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1990. 234 p.
- 3. *Hickman L.* Philosophical Tools for Technological Culture // Philosophy of Education Archive, 2001. P. 25–35.
- 4. *Hickman L.* Revisiting Philosophical Tools for Technological Culture. URL: https://scholar.lib.vt.edu/ejournals/SPT/v7n1/hickman.html (accessed: 01.06.2021).
- 5. *Hickman L.* Technological Pragmatism / L. Hickman // A companion to the philosophy of technology / edited by Jan Kyrre Berg Olsen, Stig Andur Pedersen, and Vincent F. Hendricks. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. P. 175–179.
- 6. Feenberg A. Pragmatism and Critical Theory of Technology / A. Feenberg // Techné. 2003. Vol. 7, № 1. P. 170–172.
- 7. Dewey J. Experience and Nature: Nature, Communication and Meaning // The Collected Works of John Dewey: The Later Works, 1925–1953, Vol. 1. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press, 1981. P. 132–161.
 - 8. Dewey J. How We Think. Boston: D.C. Heath & Co, 1910. 228 p.
- 9. Dewey J. Schools of Tomorrow: Play // The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924. Vol. 8. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press, 1979. P. 275–293.
- 10. Dewey J. Science in the Course of Study // The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924. Vol. 9. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press, 1980. P. 227–239.
- 11. *Dewey J.* Some Implications of Anti-intellectualism // The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924. Vol. 6. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press, 1978. P. 86–90.
- 12. Dewey J. Studies in Logical Theory, Chicago: The University of Chicago Press. Reprinted in MW2: 293–378.
- 13. *Dewey J.* The Copernican Revolution // The Collected Works of John Dewey: The Later Works, 1925–1953. Vol. 4. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press, 1984. P. 229–250.
- 14. *Dewey J.* The Nature of Method // The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924. Vol. 9. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press, 1980. P. 171–187.
- 15. Dewey J. The Reflex Arc Concept in Psychology // Psychological Review. 1986. Vol. 3. P. 357–370.
- 16. Dewey J. Theory of the Moral Life, Part 2 of John Dewey and James H. Tufts, Ethics, Henry Holt and Company. New York, NY, 1908. 179 p.
- 17. *Dewey J.* What I Believe // The Collected Works of John Dewey: The Later Works, 1925–1953. Vol. 5 / ed. by J.A. Boydston. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1925. P. 267–278.

- 18. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л.Е. Павловой. М.: Республика, 2003. 494 с.
- 19. 150 лет прагматизма. История и современность / отв. ред. И.Д. Джохадзе. М. : Академический проект, 2019. 270 с.
- 20. Margolis J. Pragmatism's Advantage: American and European Philosophy at the End of the Twentieth Century. Stanford, Stanford Uni. Press, 2010. 192 p.
- 21. Margolis J. Introduction: Pragmatism, Retrospective, and Prospective // A Companion to Pragmatism / eds. J.R. Shook, J. Margolis. Maiden, Oxford, Victoria, Blackwell Publ., 2006. P. 1–10.
- 22. *The Bloomsbury* companion to pragmatism / ed. by Sami Pihlstrom. London, New Dehly, New York, Sydney, Bloomsbury Academic, 2015. 360 p.
- 23. *Целищева О.И*. Прагматизм на распутье: между аргументацией и риторикой // Вестник Омского университета. 2020. Т. 25, № 2. С. 44–50.
- 24. *Peirce C.S.* How to Make Our Ideas Clear // Writings of Charles S. Peirce / C.J. Kloesel et al. (eds), Vol. 3. Bloomington, Ind: Indiana University Press, 1986. P. 257–276.
- 25. James W. Pragmatism // The Works of William James. Vol. 1 / ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis. Cambridge: Harvard University Press, 1975. 360 p.
 - 26. The Letters of William James / ed. Henry James, Boston: Little Brown, 1920. 384 p.
- 27. *Ульман Джс. Д.* Радикальный бихевиоризм против прагматизма // Reflexio. 2019. Т. 12, № 1. С. 5–29.
- 28. Косарев А.В. К вопросу о периодизации прагматизма: неопрагматизм // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 297–311. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-297-311
- 29. *Марголис Дж*. Первые прагматисты // Американская философия: введение: пер. с англ. / под ред. А.Т. Марсубяна и Дж. Райдера. М.: Идея-Пресс, 2008. С. 68–92.
 - 30. Горохов В.Г. Технические науки: история и теория. М.: Логос, 2012. 512 с.
- 31. *Иванов Б.И.*, *Чешев В.В.* Становление и развитие технических наук. 2-е изд., стереотип. М., 2010. 264 с.
- 32. *Чешев В.В.* Инженерное мышление в антропологическом контексте // Философия науки и техники 2016. Т. 21, № 1. С. 104—117.
- 33. *Чешев В.В.* Технический прогресс в культурно-историческом контексте // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 64–78.
- 34. A companion to the philosophy of technology / edited by Jan Kyrre Berg Olsen, Stig Andur Pedersen, and Vincent F. Hendricks. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009. 571 p.
- 35. *Verbeek P.* What Things Do: Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design. University Park, Pa.: Penn State University Press, 2005. 264 p.
- 36. *Kuypers K*. The Relation Between Knowing and Making as an Epistemological Principle // Philosophy and Phenomenological Research. 1974. № 1. P. 60–78.
- 37. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000–2001.
- 38. *Циплакова Ю.В.* Инструментализм Дж Дьюи: paideia по-американски // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. культурология. Религиоведение. 2013. № 2. С. 75–82.
- 39. П тичникова Γ .A. Эволюция идей прагматизма в архитектуре Запада (на примере США и Швеции): автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 2005.
 - 40. Rockwell W.T. Neither Brain Nor Ghost. Cambridge, Mass. : MIT Press, 2005. 256 p.
 - 41. Horkheimer M., Adorno T. Dialectic of Enlightenment. New York: Continuum, 1987. 304 p.
 - 42. Horkheimer M. Eclipse of Reason. New York: Oxford University Press, 1947. 172 p.
 - 43. Habermas J. Knowledge and Human Interests. Boston, Mass.: Beacon Press, 1972. 392 p.
 - 44. Heidegger M. Being and Time. New York: Harper & Row, 1962. 608 p.
 - 45. Ellul J. The Technological Society. New York: Vintage Books, 1964. 332 p.
 - 46. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. Toronto: University of Toronto Press, 1962. 293 p.
- 47. Van Den Eede Y., Goeminne G., Van den Bossche M. The Art of Living with Technology: Turning Over Philosophy of Technology's Empirical Turn. Found Sci. 2017. № 22. C. 235–246 (2017). https://doi.org/10.1007/s10699-015-9472-5
- 48. *Спиридонова Л.А.* Горький и философия прагматизма // Acta Eruditorum. 2018. № 27. С. 84–89.
- 49. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
- 50. *Ihde D.* Instrumental Realism: The Interface between Philosophy of Science and Philosophy of Technology. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1991. 159 p.

Natalia A. Yastreb, Vologda State University (Vologda, Russian Federation).

E-mail: navastreb@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64, pp. 241–252.

DOI: 10.17223/1998863X/64/23

REDISCOVERING INSTRUMENTALISM: THE PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY IN THE WORKS OF THE CLASSICS OF AMERICAN PRAGMATISM

Keywords: pragmatism; instrumentalism; philosophy of technology; technical knowledge

The philosophy of technology traditionally considers the efficiency of technological knowledge as the main criterion of truth, i.e. the ability to reach the best-planned result having spent the minimum of resources. Despite the fact that this criterion is, no doubt, pragmatic, studies on technology proper by representatives of pragmatism are little known not only to Russian philosophers but also to foreign thinkers. Works by classics of American pragmatism in this field were practically unknown even in the United States until the late 20th century [Olsen, Pedersen, Hendricks, 2009]. One of the major ideas of pragmatism is a broad interpretation of technological knowledge, which is not limited to the knowledge of production and use of artifacts but applies to all spheres of human activity where a result is required. Within pragmatism, knowledge itself is seen as a tool: according to William James, theories become instruments, not answers to enigmas, in which we can rest [James, 1975]. John Dewey pushes this idea still further by treating logical objects, numbers, hypotheses and other abstract entities as tools that are designed, developed and utilized in much the same ways as material tools, that is, for the sake of achieving some desired end [Dewey, 1984]. The distinctive feature of Dewey's approach is that he does not associate technological knowledge exclusively with the creation of material objects, but finds its manifestations in science, education, philosophy, art, and even religion. In his interpretation, the difference between material tools and abstract objects is exclusively functional since they serve to reach different goals. However, numbers, just like religious and artistic ideas, ceremonial tools are essentially equivalent to technical objects. His technological knowledge serves as a universal type of knowledge, making it possible to reach the desired results in production and in the application of mechanisms, as well as in training, artistic endeavor, scientific cognition, and other types of spiritual activity. In this sense, Dewey's works of the late 19th century were contrary to the understanding of technology and technological knowledge widespread at that time, as well as to philosophical concepts of the 20th century, associating the technological exclusively with material culture. As L. Hickman notes, Dewey's studies in the philosophy of technology were practically unknown largely due to this even at home until the late 20th century [Hickman, 2009: 175]. For Dewey, the success of technological sciences is associated with the fact that, within technological cognition, the theoretical (basic) and practical (applied) forms of cognitive activity are seen as equivalent tools, allowing the production of new devices and methods of activity. His technology serves as logos techne, making it possible to study the technological in the same way as biology studies life. The pragmatic aspect of technology is associated with the fact that it represents all rational methods that help channel and utilize the energy of nature and humans to meet human needs. In fact, he considers technological activity as the use of some natural objects to transform other objects to meet human needs. Answering human inquiries, technology always remains dependent on human goals. To this end, Dewey's conception is contrary to the ideas of the philosophers of technology of the Frankfurt School who called attention to technologyinduced alienation and ideological enforcement [Horkheimer, 1947]. Giving equal rights to technological and cognitive tools, Dewey defined his position as instrumentalism, providing grounds for criticism. Opponents accused him of placing tools or means of achieving goals above the goals themselves. At present, as the development of information technologies makes the relevance of the instrumental component of cognitive activity being actively studied, resorting to classical pragmatism may help form present-day ideas of knowledge and its production.

References

- 1. Yulina, N.S. (2010) *Filosofskaya mysl' v SShA. XX vek* [Philosophical Thought in the USA. 20th Century]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya.
- 2. Hickman, L. (1990) John Dewey's Pragmatic Technology. Bloomington, Ind.: Indiana University Press.
- 3. Hickman, L. (2001) *Philosophical Tools for Technological Culture: Putting Pragmatism to Work.* Indiana University Press, pp. 25–35.
- 4. Hickman, L. (n.d.) *Revisiting Philosophical Tools for Technological Culture*. [Online] Available from: https://scholar. lib.vt.edu/ejournals/SPT/v7n1/hickman.html (Accessed: 1st June 2021).

- 5. Hickman, L. (2009) Technological Pragmatism. In: Olsen, J.K.B., Pedersen, S.A. & Hendricks, V.F. (eds) *A Companion to the Philosophy of Technology*. Chichester: Wiley-Blackwell. pp. 175–179.
- Feenberg, A. (2003) Pragmatism and Critical Theory of Technology. Techné. 7(1). pp. 170– 172.
- 7. Dewey, J. (1981) *The Collected Works of John Dewey: The Later Works, 1925–1953.* Vol. 1. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press. pp. 132–161.
 - 8. Dewey, J. (1910) How We Think. Boston: D.C. Heath & Co.
- 9. Dewey, J. (1979) *The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924.* Vol. 8. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press. pp. 275–293.
- 10. Dewey, J. (1980a) *The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924*. Vol. 9. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press. pp. 227–239.
- 11. Dewey, J. (1978) *The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924.* Vol. 6. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press. pp. 86–90.
 - 12. Dewey, J. (n.d.) Studies in Logical Theory. Chicago: The University of Chicago Press.
- 13. Dewey, J. (1984) *The Collected Works of John Dewey: The Later Works, 1925–1953*. Vol. 4. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press. pp. 229–250.
- 14. Dewey, J. (1980b) *The Collected Works of John Dewey: The Middle Works, 1899–1924*. Vol. 9. Carbondale, Ill: Southern Illinois University Press. pp. 171–187.
- Dewey, J. (1986) The Reflex Arc Concept in Psychology. Psychological Review. 3. pp. 357–370.
- 16. Dewey, J. (1908) Theory of the Moral Life. In: Dewey, J. and Tufts, J.H. *Ethics*. New York, NY: Henry Holt and Company.
- 17. Dewey, J. (1925) *The Collected Works of John Dewey: The Later Works, 1925–1953*. Vol. 5. Carbondale: Southern Illinois University Press. pp. 267–278.
- 18. Dewey, J. (2003) *Rekonstruktsiya v filosofii. Problemy cheloveka* [. Reconstruction in Philosophy. Human Problems]. Translated from English by L.E. Pavlova. Moscow: Respublika.
- 19. Dzhokhadze, I.D. (2019) *150 let pragmatizma. Istoriya i sovremennost'* [150 Years of Pragmatism. History and Modernity]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
- 20. Margolis, J. (2010) Pragmatism's Advantage: American and European Philosophy at the End of the Twentieth Century. Stanford: Stanford University Press.
- 21. Margolis, J. (2006) Introduction: Pragmatism, Retrospective, and Prospective. In: Shook, J.R. & Margolis, J. (eds) *A Companion to Pragmatism*. Oxford: Victoria, Blackwell Publ. pp. 1–10.
- 22. Pihlstrom, S. (ed.) (2015) *The Bloomsbury Companion to Pragmatism*. London; New Dehly; New York; Sydney: Bloomsbury Academic.
- 23. Tselishcheva, O.I. (2020) Pragmatism at a cross-road: between argumentation and rhetoric. *Vestnik Omskogo universiteta Herald of Omsk University*. 25(2). pp. 44–50. (In Russian).
- 24. Peirce, C.S. (1986) Writings of Charles S. Peirce. Vol. 3. Bloomington, Ind: Indiana University Press. pp. 257–276.
- 25. James, W. (1975) *The Works of William James*. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press.
 - 26. James, H. (ed.) (1920) The Letters of William James. Boston: Little Brown.
- 27. Ullman, J.D. (2019) Radikal'nyy bikheviorizm protiv pragmatizma [Radical behaviorism versus pragmatism]. *Reflexio*. 12(1). pp. 5–29.
- 28. Kosarev, A.V. (2019) On Periodization of Pragmatism. Sibirskiy fi-losofskiy zhurnal Siberian Journal of Philosophy. 17(3). pp. 297–311. (In Russian). DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-297-311
- 29. Margolis, J. (2008) Pervye pragmatisty [The first pragmatists]. In: Marsubyan, A.T. & Ryder, J. (eds) *Amerikanskaya filosofiya: vvedenie* [American Philosophy: Introduction]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press. pp. 68–92.
- 30. Gorokhov, V.G. (2012) *Tekhnicheskie nauki: istoriya i teoriya* [Technical sciences: history and theory]. Moscow: Logos.
- 31. Ivanov, B.I. & Cheshev, V.V. (2010) *Stanovlenie i razvitie tekhnicheskikh nauk* [Formation and development of technical sciences]. 2nd ed. Moscow: [s.n.].
- 32. Cheshev, V.V. (2016) Engineering Thinking in the Anthropological Context. *Filosofiya nauki i tekhniki Philosophy of Science and Technology*. 21(1). pp. 104–117. (In Russian).
- 33. Cheshev, V.V. (2017) Tekhnicheskiy progress v kul'turno-istoricheskom kontekste [Technical progress in the cultural and historical context]. *Voprosy filosofti*. 12. pp. 64–78.
- 34. Olsen, J.K.B., Pedersen, S.A. & Hendricks, V.F. (eds) (2009) A Companion to the Philosophy of Technology. Chichester: Wiley-Blackwell.

- 35. Verbeek, P. (2005) What Things Do: Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design. University Park, Pa.: Penn State University Press.
- 36. Kuypers, K. (1974) The Relation Between Knowing and Making as an Epistemological Principle. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1. pp. 60–78.
- 37. Stepin, V.S. (ed.) (2000–2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl'.
- 38. Tsiplakova, Yu.V. (2013) Instrumentalizm Dzh D'yui: paideia po-amerikanski [Instrumentalism by J. Dewey: American paideia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 17. Filosofiya. Konfliktologiya. kul'turologiya. Religiovedenie.* 2. pp. 75–82.
- 39. Ptichnikova, G.A. (2005) *Evolyutsiya idey pragmatizma v arkhitekture Zapada (na primere SShA i Shvetsii)* [Evolution of the ideas of pragmatism in the architecture of the West (a case stusy of the USA and Sweden)]. Abstract of Architecture Dr. Diss. Moscow.
 - 40. Rockwell, W.T. (2005) Neither Brain Nor Ghost. Cambridge, Mass.: MIT Press.
 - 41. Horkheimer, M. & Adorno, T. (1987) Dialectic of Enlightenment. New York: Continuum.
 - 42. Horkheimer, M. (1947) Eclipse of Reason. New York: Oxford University Press.
 - 43. Habermas, J. (1972) Knowledge and Human Interests. Boston, Mass.: Beacon Press.
 - 44. Heidegger, M. (1962) Being and Time. New York: Harper & Row.
 - 45. Ellul, J. (1964) The Technological Society. New York: Vintage Books.
 - 46. McLuhan, M. (1962) The Gutenberg Galaxy. Toronto: University of Toronto Press.
- 47. Van Den Eede, Y., Goeminne, G. & Van den Bossche, M. (2017) The Art of Living with Technology: Turning Over Philosophy of Technology's Empirical Turn. *Found Sci.* 22. pp. 235–246. DOI: 10.1007/s10699-015-9472-5
- 48. Spiridonova, L.A. (2018) Gor'kiy i filosofiya pragmatizma [Gorky and the philosophy of pragmatism]. *Acta Eruditorum*. 27. pp. 84–89.
- 49. Horkheimer, M. (2011) *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma* [Eclipse of Reason. Toward a Critique of Instrumental Reason]. Translated from German. Moscow: Kanon+; ROOI "Reabilitatsiya".
- 50. Ihde, D. (1991) *Instrumental Realism: The Interface between Philosophy of Science and Philosophy of Technology*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press.

Дискуссия. «Действия в динамической деонтической логике»

УДК 164.3

DOI: 10.17223/1998863X/64/24

Е.В. Борисов

НОРМАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЙ В ДИНАМИЧЕСКОЙ ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

В статье рассматриваются нормативные характеристики действия, введенные А.Г. Кисловым в контексте деонтической версии пропозициональной динамической логики. Показано, что предложенная им схема деонтического универсума содержит ряд ошибок, связанных с отображением объемов введенных им нормативных характеристик действия, и даны соответствующие корректировки схемы. Уточняется понятие модели для пропозициональной динамической логики, которое необходимо, чтобы модели имели деонтический смысл.

Ключевые слова: деонтическая логика, динамическая пропозициональная логика, нормативные характеристики действий, деонтический универсум, Кислов

Введение

В деонтических версиях динамической логики действия имеют стандартные нормативные характеристики «разрешено», «запрещено», «обязательно», «индифферентно» и др. А.Г. Кислов в статье «Семантика норм» [1] определил ряд новых характеристик действий: «разрешено в строгом смысле», «запрещено в строгом смысле», «обязательно в строгом смысле», «индифферентно в строгом смысле», «рекомендующе-индифферентно» и «остерегающе-индифферентно» 1. По моему мнению, введение этих характеристик действий весьма продуктивно, потому что существенно расширяет возможности логической формализации нормативных рассуждений (ниже будет дано несколько иллюстраций этого тезиса). Кислов предлагает также новую схему деонтического универсума, отображающую введенные им характеристики действия. На мой взгляд, предложенная им схема содержит несколько ошибок, связанных с отображением объемов некоторых из введенных им характеристик действия. Устранение этих ошибок является главной задачей данной статьи. По ходу решения этой задачи я приведу несколько примеров, иллюстрирующих выразительные возможности введенных Кисловым характеристик действия, а также покажу необходимость определенных ограничений на построение моделей для той версии деонтической логики, которую использует Кислов (ниже эта версия будет обозначаться как «PDL»).

План статьи. В разделе 1 описаны язык и семантика PDL и воспроизведены предложенные Кисловым определения новых характеристик действия.

¹ Для краткости я буду говорить «строго разрешено» вместо «разрешено в строгом смысле»; аналогичным образом буду использовать фразы «строго запрещено», «строго обязательно» и «строго индифферентно». Контекст и мотивация введения новых характеристик действия описаны не только в указанной статье, но и в ряде более ранних публикаций А.Г. Кислова [2–4].

254 Е.В. Борисов

В разделах 2–4 показаны ошибки в предложенной Кисловым схеме деонтического универсума и отмечены некоторые выразительные возможности введенных им характеристик действий. Кроме того, в разделе 2 выявлены некоторые ограничения на построение моделей для PDL. В заключении сформулированы выводы.

1. PDL и новые характеристики действий

PDL описана Кисловым в [1. С. 260–270]. В этом разделе я для удобства читателя кратко воспроизвожу описание языка и семантики PDL^1 , дефиниции всех релевантных характеристик действия и предложенную Кисловым схему деонтического универсума.

Вокабуляр языка PDL содержит:

- множество Φ_0 атомарных формул, включающее в себя пропозициональные переменные (p, q, ...) и пропозициональную константу ν (интуитивно ν обозначает «санкцию», т.е. нежелательное для агента положение дел);
 - множество Π_0 атомарных символов действия $(\alpha, \beta, ...)$;
 - пропозициональные союзы ¬, &, \lor , →;
 - союз для символов действия ~;
 - скобки: [,], <, >, (,).

Синтаксис языка PDL определяет множество Π символов действия и множество Φ формул следующим образом:

- 1) Множество Π символов действия это минимальное множество, включающее Π_0 и удовлетворяющее условию: если $x \in \Pi$, то $\sim x \in \Pi$. (Таким образом, в данном языке все символы действия имеют вид α , $\sim \alpha$, $\sim \alpha$, ..., где $\alpha \in \Pi_0$. Здесь и далее я использую символ «x» как метаязыковую переменную для действий.)
- 2) Множество Φ формул это минимальное множество, включающее Φ_0 и удовлетворяющее следующим условиям:
 - если A и B формулы, то ¬A, (A&B), (A∨B), (A→B) формулы;
 - если x символ действия, а A формула, то $\langle x \rangle A$ и [x]A формулы.

Семантика PDL включает в себя дефиниции модели и истины в модели.

 Modenb — это упорядоченная пара <W, V>, где W — непустое множество возможных миров, а V — функция интерпретации, определенная на $\Phi_0 \cup \Pi$ и имеющая следующие свойства:

- если p атомарная формула, то V(p) ⊆ W;
- если α атомарный символ действия, то $V(\alpha) \subseteq W \times W$;
- если x символ действия, то $V(\sim x) = W \times W \setminus V(x)$ (таким образом, для любого символа действия x, $V(\sim x) = V(x)$);
- для любого x∈ Π , V(x) сериально, т.е. для любого возможного мира s существует возможный мир t, такой что <s, t> ∈ $V(x)^2$.

¹ Основные понятия статической деонтической логики, лежащие в основе PDL, представлены, например, в [5] и [6]. Основные понятия динамической логики, используемые в PDL, детально изложены в [7].

² Кислов не оговаривает это свойство интерпретации явным образом, но, я думаю, подразумевает его. Мое предположение основано на двух фактах: 1) Сериальность отношения достижимости – это стандартное требование деонтической логики: см., например, [6. Р. 18]. 2) Кислов принимает три семантических тезиса, которые предполагают сериальность отношения достижимости: $P^{+}(\alpha) \models P(\alpha)$, $F(\alpha) \models F^{+}(\alpha)$, $P(\alpha) \models P^{+}(\alpha)$ [1. C. 268] (нотация определена ниже).

Эту дефиницию модели использует Кислов. Ниже я покажу, что для того, чтобы модели имели деонтический смысл, в эту дефиницию необходимо включить дополнительное ограничение.

Дефиниция *истины в модели*. Пусть $M = \langle W, V \rangle$ – модель, $s \in W$, x – символ действия, A и B – формулы. Тогда:

- Если A атомарная формула, то M, s \models A тогда и только тогда, когда (тттк) s \in V(A).
 - M, s \models ¬A тттк неверно, что M, s \models A.
- M, s ⊨ A&B тттк M, s ⊨ A и M, s ⊨ B. Аналогично для других бинарных пропозициональных союзов.
- -M, s \models <x>A тттк M, t \models A для некоторого t такого, что <s, t> \in V(x). Аналогично для [x]A.

Стандартные нормативные характеристики действий. Пусть x — символ действия. Дополним язык PDL выражениями P(x), F(x), O(x) и I(x), которые будем использовать как сокращения для формул: $P(x) := \langle x \rangle \neg v$; F(x) := [x]v; $O(x) := [\sim x]v$; $I(x) := \langle x \rangle \neg v \& \langle \sim x \rangle \neg v$. Интуитивный смысл этих выражений состоит в том, что они дают соответствующим действиям нормативные характеристики: P(x) означает «x позволено»; F(x) означает «x запрещено»; O(x) означает «x обязательно»; I(x) означает «x нормативно индифферентно».

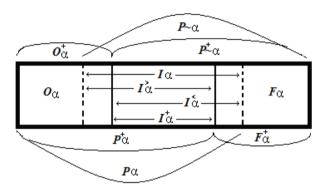
Нормативные характеристики действий, предложенные Кисловым¹, представлены в таблице.

Характеристика действия х	Соответствующая формула	
	в полном виде	в сокращенном виде
\mathcal{X} позволено в строгом смысле	[<i>x</i>]¬v	$P^{+}(x)$
х запрещено в строгом смысле	< <i>x</i> >v	$F^{+}(x)$
х обязательно в строгом смысле	<~ <i>x</i> > _V	$O^{+}(x)$
х индифферентно в строгом смысле	[X]¬v&[~X]¬v	$I^{+}(x)$
х остерегающе-индифферентно	<x>¬v&[~x]¬v</x>	$I^{<}(x)$
х рекомендующе-индифферетно	[x]¬v&<~x>¬v	$\Gamma(x)$

Кислов мотивирует введение новых характеристик действия тем фактом, что стандартные характеристики не отражают интуитивный смысл, который термины «позволено», «запрещено» и т.п. имеют в некоторых контекстах. В частности, он ссылается на идею фон Вригта, согласно которой позволение можно понимать не только как отсутствие запрещения в стандартном смысле (Px эквивалентно $\neg Fx$), но и как нечто большее [8. Р. 6]. Кислов успешно реализует эту идею: предложенный им понятийный аппарат включает в себя два вида позволения, и нетрудно видеть, что позволение в строгом смысле не сводится к отсутствию запрещения в стандартном смысле (P^+x не эквивалентно $\neg Fx$). Понятийный аппарат Кислова продуктивен и в ряде других аспектов: например, он позволяет релятивизировать характеристики действия к «степени ответственности» субъекта действия [1. С. 267–268]. Ниже я приведу еще несколько примеров применения введенных им характеристик действия.

 $^{^1}$ Кислов называет нормативные характеристики действия (как стандартные, так и новые) операторами. Мне это словоупотребление кажется неудачным, потому что в языке PDL символы «Р», «Р $^+$ » и т.д. не присоединяются к формулам с образованием новых формул: они используются (в сочетании с символами действия) только как сокращения для формул.

Деонтический универсум. В каждом возможном мире каждой модели любое действие имеет некоторые из указанных характеристик. Это отражается в «деонтическом универсуме» — распределении всех возможных действий на классы, заданные перечисленными характеристиками. Например, любое действие (в некотором мире некоторой модели) является либо разрешенным, либо запрещенным, но не тем и другим вместе, поэтому деонтический универсум (данного мира данной модели) делится на непересекающиеся классы разрешенных и запрещенных действий. Введение новых характеристик действий порождает вопрос о более тонком делении деонтического универсума на классы действий. Ответ Кислова [1. С. 270] на этот вопрос представлен на схеме.

Эта схема является главным предметом обсуждения в данной статье. Мой критический тезис состоит в том, что она содержит несколько ошибок; этот тезис обоснован в следующих разделах статьи.

2. Объем понятия строго индифферентного действия

Рассмотрим модель $M = \langle W, V \rangle$. Имеет место одно из двух:

(a) В некотором возможном мире s данной модели некоторое действие x строго индифферентно, т.е.

M, s $\models I^{+}(x)$.

(b) \dot{H} и одно действие не является строго индифферентным ни в одном мире данной модели.

Мое первое возражение Кислову состоит в следующем: в обоих случаях объем понятия строго индифферентного действия (область $I^{\dagger}\alpha$) представлен на схеме деонтического универсума неверно. Докажем этот тезис отдельно для каждого случая.

Пусть имеет место случай (а). Из M, s \models I $^+$ (x) следует M, s \models [x] \sim v & [\sim x] \sim v, т.е. M, s \models [x] \sim v и M, s \models [\sim x] \sim v. Из M, s \models [x] \sim v следует, что во всех мирах t, таких что <s, t> \in V(x), истинно \sim v. Из M, s \models [\sim x] \sim v следует, что во всех мирах t, таких что <s, t> \notin V(x), истинно \sim v. Поскольку для каждого мира t, <s, t> \in V(x) или <s, t> \notin V(x), во всех мирах данной модели истинно \sim v. Из этого следует, что в данной модели:

 – любое действие, как и воздержание от любого действия, в любом мире позволено, строго позволено, индифферентно и строго индифферентно (а также предостерегающе- и рекомендующе-индифферентно); ни одно действие ни в одном мире не является запрещенным или строго го запрещенным или обязательным или строго обязательным.

Таким образом, в схеме деонтического универсума для моделей такого рода область $I^+\alpha$ совпадает с универсумом (как и области $P\alpha$, $P^+\alpha$, $I\alpha$, $I^<\alpha$ и $I^>\alpha$), а области $O\alpha$, $O^+\alpha$, $F\alpha$ и $F^+\alpha$ пусты. Такого рода модели не имеют деонтического смысла, поэтому необходимо следующее ограничение на построение моделей для PDL:

Нетрудно видеть, что в моделях, удовлетворяющих этому условию, ни одно действие не является строго индифферентным ни в одном мире.

Если имеет место случай (b), то область $I^+\alpha$ пуста для любого мира данной модели. В этом случае опять же схема Кислова требует корректировки. Отметим, что если модель выполняет условие (1), то для нее истинно (b), т.е. область $I^+\alpha$ пуста для всех миров всех моделей, имеющих деонтический смысл.

Для того чтобы модели для PDL имели деонтический смысл, (1) необходимо, но не достаточно. Еще одним необходимым условием является следующее:

Основанием для (2) является принцип нормативной рациональности, согласно которому все обязательное разрешено: $O(x) \to P(x)^1$. Дело в том, что если v истинно во всех мирах модели, то воздержание от любого действия неизбежно приводит к санкции (для любого действия x, $[\sim x]v$ истинно во всех мирах), что делает все действия во всех мирах данной модели обязательными. Вместе с тем в такой модели ни одно действие ни в одном мире не является разрешенным, следовательно, принцип нормативной рациональности нарушается в каждом мире для каждого действия.

Ограничения (1) и (2) можно объединить в одно:

В каждой модели <W, V> для PDL V(ν) должно быть непустым собственным подклассом W. (3)

Модель, выполняющая (3), соответствует принципу нормативной рациональности; при этом ни в одном мире такой модели нет строго индифферентных действий: для любого действия либо его выполнение, либо воздержание от него сопряжено с риском санкции. Отсутствие строго индифферентных действий в моделях такого рода не делает понятие строго индифферентного действия избыточным. Например, если мы принимаем тезис, согласно которой ни одно действие не является абсолютно нейтральным в нормативном аспекте, мы можем формально представить его схемой $\neg \Gamma(x)^2$. Это один из примеров, показывающих новые выразительные возможности введенных Кисловым характеристик действий.

 $^{^1}$ Эквивалентная формулировка: если некоторое действие запрещено, то воздержание от этого действия разрешено; $F(x) \to P(\sim x)$.

² Если мы не принимаем этот тезис, мы можем формализовать и интерпретировать наши нормативные рассуждения, используя другие формальные языки и другую семантику. См., например, [1. C. 271–279].

258 Е.В. Борисов

3. Соотношение частей $O^+\alpha$ и $P^+\alpha$ и частей $F^+\alpha$ и $P^+{\sim}\alpha$ деонтического универсума

На схеме Кислова множество строго обязательных действий включено в множество строго разрешенных действий; это ошибка. В самом деле: если бы это включение имело место во всех мирах всех моделей, то формула $O^+(x) \to P^+(x)$ была бы валидной. Однако эта формула не валидна, поскольку она ложна в мире s модели M, если для некоторых миров t и u этой модели:

- (a) \leq s, t \geq \notin V(x) & t \models v,
- (b) \leq s, u \geq \in V(x) & u \models v.

Из (a) следует M, s \models O⁺(x); из (b) следует M, s $\not\models$ P⁺(x), отсюда M, s $\not\models$ O⁺(x) \rightarrow P⁺(x). Таким образом, действие может быть строго обязательным, не будучи строго разрешенным.

Аналогичное замечание можно сделать относительно соотношения областей $F^+\alpha$ и $P^+{\sim}\alpha$ в схеме деонтического универсума. Кислов считает, что первая область включена во вторую, а значит, что формула $F^+(x) \to P^+({\sim}x)$ валидна. Однако эта формула эквивалентна формуле $O^+(x) \to P^+(x)$, и поскольку мы имеем M, $s \not\models O^+(x) \to P^+(x)$ для M и s из рассмотренного примера, мы имеем также M, $s \not\models F^+(x) \to P^+({\sim}x)$.

Формулы $O^+(x) \to P^+(x)$ и $F^+(x) \to P^+(\sim x)$ суть аналоги принципа нормативной рациональности, полученные посредством замены стандартных характеристик действия характеристиками в строгом смысле. Приведенные наблюдения показывают, что эти аналоги принципа нормативной рациональности не валидны: 1) строго обязательное действие может не быть строго позволенным; 2) действие может быть строго запрещенным при том, что воздержание от него не является строго позволенным. Это значит, что существуют, скажем так, обоюдорискованные действия — такие действия, что как их совершение, так и воздержание от них может привести к санкции. Данная формулировка представляет собой еще одну иллюстрацию выразительных возможностей введенных Кисловым характеристик действия.

4. Соотношение частей Iα, I α, I α деонтического универсума

В этом разделе представлено мое последнее возражение трактовке деонтического универсума у Кислова. Судя по его схеме, любое индифферентное действие является остерегающе-индифферентным или рекомендующе-индифферентным. Если это верно, то должна быть валидна формула $I(x) \to (I^{<}(x) \vee I^{>}(x))$. Но эта формула ложна в модели <W, V>, такой что для некоторых s, t, u, v, w \in W:

- (a) \leq s, t \geq \in V(x) & t $\not\models$ v,
- (b) \leq s, u> \notin V(*x*) & u $\not\models$ v.
- (c) \leq s, $v \geq \notin V(x) \& v \models v$,
- (d) \leq s, w \geq \in V(x) & w \models v.

В самом деле: из (а) и (b) следует $s \models I(x)$; из (c) следует $s \not\models I^{\check{}}(x)$; из (d) следует $s \not\models I^{\check{}}(x)$; в итоге мы получаем: $s \not\models I(x) \to (I^{\check{}}(x) \lor I^{\check{}}(x))$. Таким образом, действие может быть индифферентным, не будучи ни остерегающе-индифферентным, ни рекомендующе-индифферентным; это еще один пример применения характеристик действия, предложенных Кисловым. Для такого

рода действий характерна полная нормативная нейтральность без «смещения» в сторону рекомендации или предостережения.

Заключение

Введенные Кисловым характеристики действия расширяют выразительные возможности PDL. Однако дефиниция модели для PDL должна включать в себя следующее ограничение: в каждой модели <W, V> для PDL V(v) должно быть непустым собственным подклассом W. Предложенная Кисловым схема деонтического универсума для PDL требует корректировки с учетом следующих фактов: 1) в моделях, выполняющих указанное ограничение, не существует строго индифферентных действий; 2) строго обязательное действие может не быть строго позволенным, и действие может быть строго запрещено при том, что воздержание от него не является строго позволенным; 3) действие может быть индифферентным, не будучи ни остерегающе-индифферентным, ни рекомендующе-индифферентным.

Литература

- 1. *Кислов А.Г.* Семантика норм // Аргументация в праве и морали / ред. Е.Г. Лисанюк. СПб. : Алеф-Пресс, 2018. С. 255–282.
- 2. Кислов А.Г. Семантика деонтических операторов в динамической логике высказываний // Российский ежегодник теории права. 2010. №3. С. 505–517.
- 3. *Кислов А.Г.* Динамическая логика и деонтические операторы «в строгом смысле» // Философия науки. 2012. № 54. С. 65–80.
- 4. Кислов А.Г. Динамический подход к деонтической логике: семантика нормативных операторов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13, № 3. С. 20–35.
- 5. Føllesdal D., Hilpinen R. Deontic Logic: An Introduction // Deontic Logic: Introductory and Systematic Readings / ed. R. Hilpinen. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1981. P. 1–36.
 - 6. Fitting M. Proof Methods for Modal and Intuitionistic Logic. Dordrecht: Springer, 1983.
 - 7. Goldblatt R. Logics of Time and Computation. CSLI: Stanford, 1992.
- 8. Wright G.H. von. On the logic of norms and actions // New studies in deontic logic. Norms, actions, and the foundations of ethics / ed. R. Hilpinen. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1981. P. 3–35.

Evgeny V. Borisov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 253–260.

DOI: 10.17223/1998863X/64/24

NORMATIVE CHARACTERISTICS OF ACTIONS IN DYNAMIC DEONTIC LOGIC

Keywords: deontic logic; dynamic propositional logic; normative characteristics of actions; deontic universe; Kislov

In a series of recent papers, Kislov introduced a number of new normative characteristics of actions – permissible in the strict sense (in what follows I write 'strictly' instead of 'in the strict sense'), strictly forbidden, strictly obligatory, strictly indifferent, recommending-indifferent, and warning-indifferent. He defined them, in particular, in the context of a deontic version of propositional dynamic logic with a symbol for 'sanction' as the only propositional constant (in what follows, this logic will be referred to as PDL). He also suggested a map of deontic universe representing extensions of the standard and the new normative characteristics of actions. I find his characteristics of actions interesting because they reflect some intuitive normative ideas that are not reflected by standard characteristics. In this paper I examine the semantics of PDL and Kislov's map of deontic universe, and show that both should be corrected in some respects. First, I show that, in order for a PDL model to be deontically

260 Е.В. Борисов

relevant, the following restriction on models should be imposed: in each PDL model <W, V>, V(v) is a nonempty proper subclass of W. Second, I examine Kislov's map of deontic universe and point out three erroneous tenets behind it: 1) There are strictly indifferent actions. 2) Each strictly obligatory action is also strictly permissible (equivalently: each strictly forbidden action is such that not-performing it is strictly permissible). 3) Each (standardly) indifferent action is either warning-indifferent or recommending-indifferent. I conclude that the map of deontic universe should be corrected taking into account the following facts: 1) In models meeting the above restriction, there is no strictly indifferent action. 2) An action can be strictly obligatory without being strictly permissible, and equivalently an action can be strictly forbidden whereas not-performing it is not strictly permissible. 3) An action can be (standardly) indifferent without being warning-indifferent or recommending-indifferent. I also adduce some new examples of using Kislov's characteristics of actions for formalizing intuitive normative ideas.

References

- 1. Kislov, A.G. (2018) Semantika norm [Semantics of norms] In: Lisanyuk, E. (ed.) *Argumentatsiya v prave i morali* [Argumentation in law and morals]. St. Petersburg: Alef-Press. pp. 255–282.
- 2. Kislov, A.G. (2010) Semantika deonticheskikh operatorov v dinamicheskoy logike vyskazyvaniy [Semantics of deontic operators in propositional dynamic logic]. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava.* 3. pp. 505–517.
- 3. Kislov, A.G. (2012) Dynamic logic and deontic operators "in the strict sense". *Filosofiya nauki Philosophy of Science*. 54. pp. 65–80. (In Russian).
- 4. Kislov, A.G. (2013) Dinamicheskiy podkhod k deonticheskoy logike: semantika normativnykh operatorov [Dynamic approach to deontic logic: semantics of normantive operators] *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.* 13(3). pp. 20–35.
- 5. Føllesdal, D. & Hilpinen, R. (1981) Deontic Logic: An Introduction. In: Hilpinen, R. (ed.) *Deontic Logic: Introductory and Systematic Readings*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. pp. 1–35.
 - 6. Fitting, M. (1983) Proof Methods for Modal and Intuitionistic Logic. Dordrecht: Springer.
 - 7. Goldblatt, R. (2000) Logics of Time and Computation. Stanford: CSLI.
- 8. Wright, G.H. von (1981) On the logic of norms and actions. In: Hilpinen, R. (ed.) *New Studies in Deontic Logic. Norms, Actions, and the Foundations of Ethics.* Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, pp. 3–35.

УДК 164.3

DOI: 10.17223/1998863X/64/25

А.Г. Кислов

ОБ УТОЧНЕНИИ МОДЕЛИ ДЛЯ ДЕОНТИЧЕСКОЙ ДИНАМИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ С РЕДУКЦИОНИСТСКОЙ СЕМАНТИКОЙ (ОТВЕТ Е.В. БОРИСОВУ)

Статья является ответом на некоторые критические замечания Е.В. Борисова относительно нормативных характеристик действия, выраженных в редукционистской версии деонтической пропозициональной динамической логики. Выражается согласие с требованием при определении моделей для данной логики указывать, что бинарные отношения, определяющие интерпретацию действий, должны быть сериальными. Также принимается необходимость указывать, что интерпретация пропозициональной константы «санкция» должна быть непустым собственным подклассом множества возможных миров модели. Допускается корректировка схемы деонтического универсума в связи с обоснованием Е.В. Борисовым отсутствия в рассматриваемой модели области строго индифферентных действий. Анализируются причины допущенных ошибок и пути поиска семантических формулировок, которые в большей степени отвечают деонтическим контекстам.

Ключевые слова: деонтическая логика, динамическая пропозициональная логика, редукционистская семантика, нормативные характеристики действий, деонтический универсум

Введение

Прежде всего следует выразить благодарность Е.В. Борисову (см.: [1]) за интерес к нашим деонтико-логическим размышлениям и построениям, внимательное и критическое прочтение нашего текста «Семантика норм» в [2]. Основные замечания Борисова относятся к корректному видению деонтического универсума, снабженного, в дополнение к стандартным и широко известным характеристикам действий в деонтической логике - «разрешено», «запрещено», «обязательно» и «нормативно индифферентно», новыми, редко обсуждаемыми, но содержательно интересными характеристиками - «разрешено в строгом смысле», «запрещено в строгом смысле», «обязательно в строгом смысле», «индифферентно в строгом смысле», «рекомендующеиндифферентно» и «остерегающе-индифферентно». Критические замечания Борисова обращены (1) на статус (прежде всего – объем в схеме деонтического универсума) нормативно индифферентных в строгом смысле действий; (2) соотношение областей обязательных в строгом смысле и позволенных в строгом смысле действий в деонтическом универсуме; (3) соотношение областей стандартно нормативно индифферентных, рекомендующе-индифферентных и остерегающе-индифферентных действий в деонтическом универсуме. Замечания и предложения по необходимым ограничениям на построение модели в редукционистской, поскольку сводит выражение с деонтической характеристикой действия к выражению пропозициональной динамической логики, семантике с константой «санкция» (в духе А. Андерсена), сделанные Борисовым, нами в целом принимаются.

262 А.Г. Кислов

Для удобства восприятия сохраним нотацию и некоторую терминологию содержащего критику текста Борисова, но не согласимся только с предложением Борисова аббревиатурой PDL обозначать деонтическую логику на основе пропозициональной динамической логики, поскольку именно последняя традиционно обозначается как PDL — Propositional Dynamic Logic [3. P. 109—139] или [4. P. 135]. Для деонтической спецификации PDL подходит DPDL — Deontic Propositional Dynamic Logic (PDeL — Propositional Deontic Logic, употребляемая в [4], нам тоже не нравится, ибо не учитывает динамическую специфику логической системы).

План статьи. В разделе 1 мы прокомментируем отдельные (не основные) замечания, сделанные Борисовым. В разделе 2 согласимся с необходимостью указывать, что бинарные отношения, лежащие в основе интерпретации действий, должны быть сериальными. В разделе 3 рассмотрим ограничение по непустоте и неуниверсальности области «санкции» на множестве возможных миров рассматриваемой модели. В разделе 4 проанализируем пустоту области строго индифферентных действий на деонтическом универсуме.

Реакцию же на замечания (2) и (3), а также рассмотрение всех замечаний Борисова в рамках предлагаемой нами нередукционистской версии семантики деонтической логики [2. С. 276–279] мы планируем проработать подробнее и опубликовать в дальнейшем.

1. Отдельные замечания

1.1. Сразу оговорим, точнее повторим (см.: [2. С. 264]), что новые деонтические характеристики действий («в строгом смысле» и др.) были введены нами лишь относительно самостоятельно. Формулировка позволения нестандартного типа, которое мы называем «позволено в строгом смысле», допускается Дж.-Дж. Мейером в [4. Р. 120], где впервые была предложена формулировка редукционистской по своему характеру семантики стандартных деонтических характеристик средствами пропозициональной динамической логики и с использованием андерсеновской константы «санкция». Новый тип позволения Мейером именно допускается в рамках одного абзаца, но не разрабатывается далее. А в [5] в рамках нередукционистской семантики деонтической логики Б. Бук использует только этот тип позволения («в строгом смысле») вместе со стандартными формулировками таких характеристик действий, как «обязательно» и «запрещено», такой выбор мотивируется стремлением автора избежать известные деонтические парадоксы. Наша работа заключалась в формулировке остальных нормативных характеристик «в строгом смысле» за счет сохранившейся взаимоопределимости деонтических категорий, далее мы использовали константу «анти-санкция» для формулировки прагматических (стандартных и «в строгом смысле») нормативных характеристик, все это позволило вместе с критикой редукционистского подхода рассмотреть возможность формулировки нередукционистской семантики (отличной от предложенной в [5]), для всех рассмотренных нормативных характеристик.

1.2. Замечание Борисова о неудачном употреблении термина «оператор» к нормативным характеристикам действий вполне резонно. Действительно,

¹ Название было предложено нами.

знаки деонтических характеристик действий (стандартных, «в строгом смысле» и пр.) не являются традиционно понимаемыми операторами, образующими новые формулы (высказывания) из других формул, как это имеет место в алетической модальной логике или деонтических логиках, построенных в духе «старого модализма». Наш выбор был обусловлен стремлением для удобства восприятия сохранить в тексте «сквозную» нотацию [2. С. 262] и терминологию при переходе от обсуждения стандартных систем деонтической логики к формулировкам деонтических систем на основе пропозициональной динамической логики. Скорее всего, это не помогло, а напротив — внесло некоторое непонимание. Употребление выражений, которые в принципе могли бы быть допущены, типа «терминные операторы» или «деонтические предикаты действий», нам показалось также неудовлетворительным. Здесь мы принимаем предложенный Борисовым вариант — «нормативные характеристики действий», он кажется нам вполне удачным.

1.3. Возник также (вне рассматриваемого текста Борисова, но в общении) связанный с предыдущим пунктом вопрос: почему рассматриваемый деонтический универсум [2. С. 270] относится нами к бимодальной, а не мультимодальной семантике? Пропозициональная динамическая логика, разумеется, мультимодальная [3. Р. 109], поскольку множество модальных операторов в ней индексировано множеством программ (действий, в обсуждаемом приложении), что полностью соответствует характеристике мультимодальных языков (см., например, [3. Р. 37-39]). Рассматриваемая же нами редукционистская версия определения нормативных характеристик действий, для которой представлен деонтический универсум, содержит именно два класса таких нормативных характеристик - стандартные и «в строгом смысле», которые не взаимоопределимы между собой, но взаимоопределимы внутри своего класса. Таким образом, при «экономной» синтаксической и семантической формулировке такого рода деонтической логики можно было бы обойтись только двумя модальностями из разных классов, например, стандартным позволением – P(x) и позволением в строгом смысле – $P^+(x)$. Поскольку мы использовали термин «деонтические операторы», употребление термина «бимодальность» вполне имело смысл, при отказе от такого названия наличие двух автономных классов донтических характеристик действий необходимо акцентировать другими средствами.

2. Сериальность отношения достижимости с помощью действий

Замечание о необходимости ограничения отношения V(x), где $x \in \Pi$ и $V(x) \subseteq W \times W$, т.е. отношения, связанного с интерпретацией действия, свойством сериальности нами (хоть и не сразу!) принимается, но сделаем некоторые разъяснения.

Да, при изложении особенностей класса строгих нормативных характеристик действий мы, разумеется, предполагали сериальность связанного с ними отношения достижимости, когда $\forall s \exists t \ (\langle s, t \rangle \in V(x))$, что обеспечивает общезначимость формулы вида $[x]A \rightarrow \langle x \rangle A$, а значит, формул $[x]v \rightarrow \langle x \rangle v$, $[\langle x]v \rightarrow \langle x \rangle v$ и $[x]v \rightarrow \langle x \rangle v$, обеспечивающих следующие семантические отношения нормативных характеристик действий, соответственно: $F(x) \models F^+(x)$,

264 А.Г. Кислов

 $O(x) \models O^+(x), P^+(x) \models P(x)^1$. Однако мы ошибочно полагали, что сериальность отношения достижимости с помощью действий есть следствие самой стандартной (общей, неспецифицированной) модели пропозициональной динамической логики, где на множество соответствующих программам (действиям) бинарных отношений не накладываются никакие ограничения (см., например, [3. P. 110]). Мы обратили внимание на совпадение моделей, имеющих общезначимую формулу $[x]A \rightarrow < x > A$, и моделей с общезначимой < x > T [Ibid. P. 9], но упустили из виду, что моделью минимальной «нормальной» логики, где общезначима формула < x > T, является модель с сериальным отношением достижимости [Ibid. P. 22]².

Сделаем небольшой экскурс в более известные «лабиринты деонтической логики». Сериальность отношения достижимости на множестве возможных миров модели в стандартных, ориентированных на «старый модализм», т.е. основывающихся на глубокой аналогии с семантическими планами алетической модальной логики системах деонтической логики, является характерным интерпретационным условием. Базовые «нормальные» системы алетической логики – такие как S4 и S5 – предполагают рефлексивность отношения достижимости: ∀s (sRs), что обусловливает общезначимость формулы $\Box A \rightarrow A$, а значит, по взаимоопределимости модальных операторов, и формулы А→◊А. Эти две формулы и транзитивность импликации приводят к общезначимости формулы $\Box A \rightarrow \Diamond A$, которая как раз в семантическом плане коррелирует с сериальностью отношения достижимости. Но осмысленная деонтическая интерпретация (с деонтическими операторами «обязательно, что...» и «разрешено, что...») аналогичных формул ОА — А и А – РА в качестве общезначимых затруднительна: первая говорит, что все обязательное действительно («праздник всех начальников»), вторая - что все действительное разрешено («праздник всех хулиганов»). А вот формула ОА - РА, отражающая принцип нормативной рациональности - «все обязательное позволено», безусловно привлекательна в качестве общезначимой, но поскольку она уже не может являться простым результатом транзитивности импликации и принятия формул, коррелирующих с принятием рефлексивности отношения достижимости, то в «слабонормальных» деонтических модальных логиках потребовалось прямое указание сериальности искомого отношения «деонтической достижимости» на множестве возможных миров.

Таким образом, при формулировках традиционных («статических») деонтических логик прямое указание на сериальность бинарного отношения в модели является обычной практикой, но в известной нам литературе, где развиваются формулировки деонтической логики на основе динамической логики, в формулировках моделей прямого ограничения отношения, обеспечивающего интерпретацию действий, мы не обнаружили. Тем ценнее полученное уточнение Борисова.

¹ Случай общезначимой формулы [~x]¬v→<~x>¬v, обеспечивающей $P^+(\sim x) \not\models P(\sim x)$, мог бы рассматриваться и отдельно, но уже при переходе к формулировке классов прагматических нормативных действий [2. С. 272–273], если бы мы отождествляли область «позитивной санкции» с областью отсутствия санкции (см. ниже).

² Разумеется, может быть весьма небезынтересным учитывать деонтические контексты с «безвыходными ситуациями» для действий, когда $\exists s \neg \exists t \ (\langle s, t \rangle \in V(x))$, но это требует отдельного и внимательного рассмотрения.

3. Непустота и неуниверсальность области пропозициональной константы «санкция»

Прежде чем обсудить ключевую для нашей реакции в этой статье критику области нормативно индифферентных в строгом смысле действий на деонтическом универсуме, отдельно обсудим еще одно важное замечание Борисова, требующее при формулировке модели редукционистской семантики делать со всей определенностью ограничение, что интерпретация пропозициональной константы «санкция» является непустым собственным подклассом множества возможных миров: $V(v) \neq \emptyset$ и $V(v) \subset W$ (отношение включения — строгое). Было оплошностью с нашей стороны не делать такое ограничение о непустоте и неуниверсальности области «санкции» явным, поспешно используя в определении V(v) нестрогое отношение включения и довольствуясь лишь неформальным по своей сути замечанием, что «формально, при самых разных содержательных основаниях фиксации "санкции" в совокупности взаимно независимых элементарных положений дел, множество возможных миров дихотомически делится на области присутствия и отсутствия "санкции"» [2. С. 271].

Далее [Там же. С. 271–272] мы, с целями формулировки классов прагматических нормативных характеристик действий (стандартных и в «строгом смысле») и перехода к нередукционистской версии семантики деонтической логике, основывающейся на пропозициональной динамической логики, рассматриваем вариации использования в семантике деонтической логики предложенной С. Кангером «позитивной санкции» – μ . Отбрасываем кангеровское отождествление области «позитивной санкции» с областью отсутствия санкции ($V(\mu) = V(\neg v)$) как тривиальный случай и принимаем более естественную, как нам кажется, установку об отношении областей «санкции» и «позитивной санкции»: $V(\mu) \cap V(v) = \emptyset$, но $V(\mu) \cup V(v) \neq W$, т.е. мы трактуем «позитивную санкцию» как сильную «анти-санкцию», оставляя непустой и нейтральную область множества возможных миров предполагаемой модели. Разумеется, что замечание Борисова, ограничивающее семантическую область «санкции», нужно отнести и к «позитивной санкции».

В принципе, мы можем чисто формально, поступившись (кроме прочего) принципом нормативной рациональности, формулировать и такие модели, где области «санкции» или «позитивной санкции» пусты или универсальны, где они могут находиться в пересечении (исчерпывая или не исчерпывая множество возможных миров), отождествляться или быть строго включены одна в другую, но тогда нетривиальные и приемлемые с деонтической точки зрения интерпретации этих моделей будут крайне затруднены.

4. Пустота области действий, нормативно индифферентных в строгом смысле

Приступим к обсуждению указания на пустоту области строго индифферентных действий на деонтическом универсуме. С этим критическим замечанием мы также полностью согласны.

Для деонтической пропозициональной динамической логики с редукционистской семантикой (с андерсеновской константой «санкция» – v) приведенное Борисовым обоснование своего замечания ясно демонстрирует сле-

266 А.Г. Кислов

дующее. Если мы намерены соблюдать деонтическую осмысленность хотя бы в отношении принципа нормативной рациональности, то должны в модели принять ограничение: V(v) должно быть непустым собственным подклассом W, т.е. среди множества возможных миров модели найдется хотя бы один мир, в котором «санкция» имеет место, и найдется хотя бы один другой мир, в котором «санкция» не имеет место. Но если мы принимаем это ограничение, то миров модели, в которых имело бы место действие, нормативно индифферентное в строгом смысле, быть не может. Мы в тексте [2] (и других) пропустили этот важный момент.

При этом сама идея выделения класса действий со строго индифферентной нормативной характеристикой представлялась нам ранее и представляется сейчас интересной и перспективной. Действительно, кажется осмысленным, что для интуитивно приемлемой нормативной оценки поведения некоторого агента с точки зрения некоторого «разумного» кодекса стоит допускать наличие таких действий, которые как при их выполнении, так и при воздержании от их выполнения с необходимостью приводят к положению дел, не оцениваемому негативно, т.е. не к «санкции». Образно говоря, хотелось бы жить в таком мире, где ни один принятый свод законов не вмешивается, например, хотя бы в то, выпью я сегодняшним утром чашку крепкого кофе или же воздержусь от этого, и мой выбор любой из этих альтернатив с необходимостью приведет меня к отсутствию наказания за этот мой выбор.

Почему же интуитивно осмысленная нормативная характеристика действия оказалась тождественно ложным выражением? Стоит повторить [Там же. С. 265], что воздержание от действия не может быть удачно представлено простым отрицанием действия, как это задано определением $V(\sim x) = W \times W \setminus V(x)$, воздержание от действия - семантически более сложный концепт, что нередко обсуждается в литературе по логике действий. Таким образом, следует предпринять усилия для анализа возможностей такого определения воздержания от действия, которое бы «спасло» семантический статус и обеспечило непустоту области строго индифферентных действий в деонтическом универсуме. Однако возможно, что ресурсы редукционистского подхода не позволят найти ни адекватной формулировки для концепта «воздержание от действия», ни, следовательно, для концепта «нормативно индифферентное действие в строгом смысле», и тогда понадобится более радикальный нередукционистский подход, проект версии которого предлагается в [Там же. С. 276-279]. Но и тогда нам потребуется внимательное отношение ко всем рассмотренным критическим замечаниям.

Заключение

Приведенные Борисовым замечания об обязательном прямом указании при определении модели деонтической логики на основе пропозициональной динамической логики как на сериальность бинарного отношения, определяющего интерпретацию действий, так и на то, что область интерпретации пропозициональной константы «санкция» должна быть непустым собственным подклассом на множестве возможных миров, безусловно, важны, их просто необходимо учесть в дальнейшей работе по построению и исследованию свойств соответствующих деонтических логик с редукционистской семантикой и других логик этого типа.

Более концептуальными представляются нам замечания Борисова, касающиеся корректировки схемы деонтического универсума. Здесь прежде всего интересен поиск возможностей таких семантических формулировок (например, понятия «воздержания от действия», нередукционистских семантик для нормативных характеристик действий и др.), которые в большей степени отвечали бы адекватным деонтическим интуициям.

Замечание о пустоте области строго индифферентных действий мы рассмотрели в данной статье. Замечания о соотношении областей обязательных в строгом смысле и позволенных в строгом смысле действий, а также о соотношении областей стандартно нормативно индифферентных, рекомендующе-индифферентных и остерегающе-индифферентных действий мы в скором времени планируем проанализировать и прокомментировать в отдельной статье.

Литература

- 1. *Борисов Е.В.* Нормативные характеристики действий в динамической деонтической логике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 253–260.
- 2. *Кислов А.Г.* Семантика норм // Аргументация в праве и морали / ред. Е.Г. Лисанюк. СПб. : Алеф-Пресс, 2018. С. 255–282.
 - 3. Goldblatt R. Logics of Time and Computation. CSLI: Stanford, 1992.
- 4. *Meyer J.-J.Ch.* A Different Approach to Deontic Logic: Deontic Logic Viewed as a Variant of Dynamic Logic // Notre Dame Journal of Formal Logic. 1988. Vol. 29, № 1. P. 109–136.
- 5. Buck B. Eine deontische Logik auf der Grundlage dynamischer Aussagenlogik. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Mathematisch-Naturwissenschaftlichen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität. Kiel, 1987. 146 p.

Aleksey G. Kislov, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: aleksey.kislov@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 261–268. DOI: 10.17223/1998863X/64/25

ON THE REFINEMENT OF THE MODEL FOR DEONTIC DYNAMIC LOGIC WITH THE REDUCTIONIST SEMANTICS (REPLY TO E.V. BORISOV)

Keywords: deontic logic; dynamic propositional logic; reductionist semantics; normative characteristics of actions; deontic universe

The article is a response to some E.V. Borisov's criticism regarding the normative characteristics of actions expressed in the reductionist version of deontic propositional dynamic logic with the propositional constant "sanction". First, the agreement is expressed with the requirement, when defining models for this logic, to state that the binary relations that determine the interpretation of actions must be serial. Second, the need to indicate that the interpretation of the propositional constant "sanction" must be a nonempty proper subclass of the set of possible worlds of the model is accepted. Third, it is

268 А.Г. Кислов

agreed to correct the areas of the normative characteristics of actions in the map of deontic universe since Borisov substantiated the absence of strictly indifferent actions in models under consideration. Critical remarks about the necessity of a direct indication of both the seriality of the binary relation that determines the interpretation of actions and the fact that the interpretation area of the propositional constant "sanction" is nonempty and nonuniversal are important. They must be taken into account in further work on the construction and study of the properties of the corresponding deontic logics with the reductionist semantics and other logics of this type. The agreement with the most conceptual remark about the emptiness of the area of strictly indifferent actions is accompanied by an explanation that the concept of "actions normatively indifferent in the strict sense" is interesting from the point of view of interpretation since it distinguishes a class of actions that, both when performing them and when refraining from their fulfillment inevitably, leads to a state of affairs that is not assessed negatively, that is, not to a "sanction". The reductionist approach to the semantic plans of deontic logic based on propositional dynamic logic, the refinement of which led to critical remarks, does not (among other things) solve the problem of preserving the semantic status of strictly indifferent actions. The causes of the errors and the ways of searching for semantic formulations that are more consistent with deontic contexts are analyzed. Among the latter is the search for an adequate semantic formulation of the concept of "refraining from action", as well as a radical rejection of the reductionist semantics with the propositional constant "sanction".

References

- 1. Borisov, E.V. (2021) Normative characteristics of actions in dynamic deontic logic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 64. pp. 253–260. (In Russian).
- 2. Kislov, A.G. (2018) Semantika norm [Semantics of norms] In: Lisanyuk, E. (ed.) *Argumentatsiya v prave i morali* [Argumentation in law and morals]. St. Petersburg: Alef-Press. pp. 255–282.
 - 3. Goldblatt, R. (1992) Logics of Time and Computation. Stanford: CSLI.
- 4. Meyer, J.-J.Ch. (1988) A Different Approach to Deontic Logic: Deontic Logic Viewed as a Variant of Dynamic Logic. *Notre Dame Journal of Formal Logic*. 29(1), pp. 109–136.
- 5. Buck, B. (1987) Eine deontische Logik auf der Grundlage dynamischer Aussagenlogik. Kiel: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Mathematisch-Naturwissenschaftlichen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität.

АРХИВ

УДК 165.41

DOI: 10.17223/1998863X/64/26

Е.Н. Лисанюк

ДВЕРНЫЕ ПЕТЛИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И ПОНЯТИЕ ГЛУБОКОГО РАЗНОГЛАСИЯ РОБЕРТА ФОГЕЛИНА В АРГУМЕНТАЦИИ

Исследования поддержаны РНФ, проект № 20-18-00158 «Формальная философия, аргументация и комплексная методология поиска и отбора решений спора».

Мы предлагаем перевод статьи американского философа Роберта Фогелина (1932—2016) «Логика глубокого разногласия» и указываем на актуальность предложенного в ней понятия глубокого разногласия. Оно оказало влияние на развитие диалектических подходов в аргументации, исследующих недедуктивные аргументы наряду с дедуктивными, и внесло вклад в становление эпистемологии дверных петель — дискуссии о предельных основаниях знания, а также о моральном реализме в современной аналитической философии.

Ключевые слова: убеждение, эпистемология дверных петель, доказывание, решение спора

Мы предлагаем перевод статьи американского аналитического философа Роберта Фогелина «Логика глубокого разногласия» [1], оказавшей влияние на исследования в области эпистемологии и аргументации.

Р. Фогелин (1932—2016) был профессором философии в Дартмутском колледже, одном из старейших университетов Лиги плюща в США. Его философскую позицию характеризует последовательный инклюзивный скептицизм. Вместе со своим учеником Уолтером Скриннот-Армстронгом (1955—...), автором популярных учебников и онлайн-курсов по аргументации и критическому мышлению в русле современной логики и аналитической философии, Р. Фогелин, был, пожалуй, самым известным представителем современного пирронизма. Среди научных результатов Р. Фогелина стоит выделить исследования философии Л. Витгенштейна и Д. Юма, а самой известной его книгой стало опубликованное в 1978 г. и несколько раз переизданное пособие по неформальной логике «Как понимать аргументацию» (Understanding arguments).

Статья Р. Фогелина знаменует собой один из первых шагов так называемой эпистемологии дверных петель — современного тренда в зарубежной аналитической эпистемологии [2], связанного с дискуссиями вокруг идеи существования концептуальных оснований взглядов людей как необходимого фундамента обретения новых знаний и их обсуждения. В трактате «О достоверности» (1969), на который Р. Фогелин ссылается, формулируя понятие глубокого разногласия, Людвиг Витгенштейн сравнил эти основания с двер-

270 Е.Н. Лисанюк

ными петлями – креплениями корпуса знаний человека изнутри и снаружи, образующими опору для обновления взглядов путем обдумывания или обсуждения с другими. В отношении этих положений «сомнение исключено... они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]» [3. С. 367].

В эпистемологии дверных петель можно выделить три позиции по вопросу о том, что они собой представляют, назовем их условно эпистемическая, процедурная и рамочная. Одни авторы трактуют их как описательные предложения, выражающие базовые принципы или основные знания о чемлибо [4, 5]. Другие авторы считают их чем-то вроде правил рассуждений или процедуры проведения дискуссий [6, 7]. Поначалу кажется, что процедурной позиции придерживается и Р. Фогелин, когда пишет, что люди могут расходиться во мнениях по многим вопросам, но они разделяют общие представления о том, каким образом эти разногласия можно разрешать. И, наконец, третья группа видит в дверных петлях некие фундаментальные конструкции [8] или рамочные предложения [9], не сводимые к тому, как истолковывают петли эпистемическая или процедурная позиции. К третьей группе, как выясняется в конце статьи, принадлежит и Р. Фогелин, полагающий, что приверженность общим взглядам и предпочтениям, в фоновом режиме обеспечивающая возможность спорить и устранять расхождения во мнениях, - это своего рода обязательства (commitments). Р. Фогелин относит их к моральным обязательствам не из-за того, что они касаются взглядов людей на добро или зло, а вследствие того, что рациональные агенты, вступая в дискуссию, добровольно берут их на себя вместе с бременем доказательства, когда выдвигают и защищают при помощи аргументов свое мнение по какому-либо вопросу, противопоставляя его мнениям и аргументам других людей.

Эта позиция Р. Фогелина о моральном характере обязательств по поводу базовых взглядов и предпочтений, которые сталкиваются в глубоком разногласии, стала вновь актуальной в начале XXI в. в контексте сразу двух активно идущих дискуссий — о моральном реализме в эпистемологии и о преодолении тенденций поляризации разногласий в обществе. Первая дискуссия значится в повестке дня российских философов (см., например, [10, 11]), вторая занимает умы пока только зарубежных (см., например, [12, 13]).

Еще одним аспектом актуальности предложенного Р. Фогелином понятия глубокого разногласия является роль, которую оно играет в теории аргументации, послужившая решающей причиной для того, чтобы предложить российскому читателю перевод данной статьи. Главным следствием глубокого разногласия как расхождения во мнениях по поводу упомянутых выше обязательств выступает тупик аргументации — невозможность разрешить это расхождение во мнениях при помощи привычных приемов убеждения-доказательства (conviction), основанных на «ясном и искреннем мышлении», основы которого излагают учебники по логике в главах, посвященных аргументации. Глубокое разногласие — это симптом абнормального расхождения во мнениях, в условиях которого никакое решение спора, если оно вообще существует, не является содержательно убедительным для его сторон.

Нормальное расхождение во мнениях является необходимым условием всякой дискуссии, когда одна сторона делает утверждение, а другая ставит его под сомнение, после чего стороны могут перейти к аргументации. Такое расхождение зиждется на идее дверных петель Витгенштейна, выступающих опорами для его разрешения, независимо от того, как их понимать. Отсутствие подобных опор сигнализирует об абнормальном расхождении во мнениях, вследствие чего аргументация прекращается или выливается в словесную дуэль.

Глубокое расхождение во мнениях характеризуется тремя симптомами. Во-первых, составляющие его утверждения, как правило, оценочные, они не описывают каких-либо фактов; во-вторых, в поддержку таких утверждений стороны часто ссылаются на общепринятость своих взглядов, «где... каждый объявит другого глупцом и еретиком» [3. С. 397]; и, наконец, в-третьих, у сторон разногласия могут быть общие взгляды по ряду вопросов, а принципиальное расхождение обнаруживается, лишь когда они углубляются в обсуждение оснований своих позиций. Первые два симптома можно использовать как признаки для обнаружения глубокого разногласия, а третий симптом – для проверки, действительно ли между сторонами имеется абнормальное расхождение во мнениях. Р. Фогелин подчеркивает, что интенсивность спора не относится к признакам глубокого разногласия, жаркими могут быть споры, вызванные как нормальным, так и абнормальным расхождением во мнениях.

В теории аргументации понятие глубокого разногласия способствовало становлению диалектических концепций аргументации [14, 15], в которых значительное внимание уделяется недедуктивной аргументации и правдоподобным аргументам – аргументу к человеку, к авторитету (экспертному мнению), к последствиям и т.п. Такие аргументы, часто квалифицируемые не как аргументы, а как приемы влияния или ошибки аргументации, играют важную роль в убеждении-уговаривании (persuasion), в котором Р. Фогелин видел путь к преодолению глубокого разногласия, в отличие от не пригодного для этого убеждения-доказательства. В 2005 г., спустя 30 лет после первой публикации статьи Р. Фогелина, исследователи аргументации признали важность понятия глубокого разногласия, посвятив ему специальный выпуск журнала Informal Logic.

В отличие от пессимистической оценки по поводу преодоления глубокого разногласия в аналитической эпистемологии [16], исследователи аргументации указывают на два не исключающих друг друга подхода: эмоциональную терапию там, где такое разногласие травмирует или влечет скандал [17], и изолирование тупика спора, открывающее иные направления развития диалога между сторонами [18]. Первый подход устремлен за рамки логики и аргументации, использование их инструментария подразумевается во втором подходе. Согласие сторон глубокого разногласия по поводу множества изолируемых предложений, отклоненных в смысле, близком идее отклоненного предложения Я. Лукасевича и Львовско-Варшавской школы [19], может составить опору для продолжения диалога и внесет вклад в объективацию дискуссий в смысле логики аргументации [20]. Множество таких отклоненных аргументов выступает кандидатом на роль неподвижной точки [21], относительно которой стороны могут сфокусироваться на приемлемых аргументах,

272 *Е.Н. Лисанюк*

способных парировать контраргументы, поддерживающие противоположный тезис [22].

Автор выражает благодарность участникам конференции «Актуальные проблемы аналитической философии», состоявшейся 24–25.09.2021 в Томском государственном университете, комментарии которых в дискуссии по докладу позволили улучшить эту статью, созданную на его основе.

Литература

- 1. Fogelin R.J. The Logic of deep disagreement // Informal Logic. 2005 (1985). Vol. 25, N 1. P. 3–11.
- 2. *Харре Р*. Конструктивизм и реализм // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 1. C. 55–65.
- 3. Витенитейн Л. О достоверности // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. І. С. 321–405.
- 4. *Kusch M.* Wittgenstein on mathematics and certainty // Hinge Epistemology / eds. A. Coliva, D. Moyal-Sharrock. Leiden: Brill, 2016. P. 48–71.
 - 5. Coliva A. Extended rationality: A hinge epistemology. London: Palgrave Macmillan, 2015.
 - 6. McGinn M. Sense and Certainty: A Dissolution of Scepticism. Oxford: Blackwell, 1989.
- 7. Moyal-Sharrock D. Understanding Wittgenstein's On Certainty. London: Palgrave Macmillan, 2005.
- 8. Pritchard D. Epistemic Angst. Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing. Princeton Univ. Press, 2016.
- 9. Wright C. On epistemic entitlement (II). Welfare state epistemology // Scepticism and Perceptual Justification / eds. D. Dodd, E. Zardini. OUP, 2014. P. 213–247.
- 10. *Фролов К.Г.* Этика и метафизика: к вопросу о взаимоотношении // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 1. С. 69–79.
- 11. *Шевченко А.А*. Эпистемическое обоснование: деонтологические аспекты // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 75–84. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84
 - 12. Scanlon T. Being Realistic About Reasons. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- 13. Christensen D. Epistemology of Disagreement: The Good News // Philosophical Review. 2007. № 116. P. 187–218.
- 14. $Еемерен \Phi$. ван, Гроотендорст P. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. СПб. : Нотабене, 1994.
- Уолтон Д. Аргументы ad hominem. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002.
 351 с.
- 16. Ranalli C. Deep disagreement and hinge epistemology // Synthese. 2020. № 197. P. 4975–5007.
- 17. Friemann R. Emotional Backing and the Feeling of Deep Disagreement // Informal Logic. 2005. Vol. 25, № 1. P. 51–63.
- 18. Feldman R. Deep Disagreement, Rational Resolutions, and Critical Thinking // Informal Logic. 2005. Vol. 25, № 1. P. 13–23.
- 19. *Tamminga A*. Logics of rejection: two systems of natural deduction // Logique Et Analyse. 1994. Vol. 37, № 146. P. 169–208.
- 20. Берестов И.В. Дополнение аргументационных структур объективацией дискуссий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 21–29.
- 21. Kripke S. Outline of a Theory of Truth // The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72, N 19. P. 690–716.
 - 22. Лисанюк Е.Н. Аргументация и убеждение. СПб. : Наука, 2015.

Elena N. Lisanyuk, St Petersburg State University (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 269–274. DOI: 10.17223/1998863X/64/26

LUDWIG WITTGENSTEIN'S HINGES AND ROBERT FOGELIN'S CONCEPTION OF DEEP DISAGREEMENT IN ARGUMENTATION

Keywords: persuasion; hinges epistemology; conviction; dispute resolution

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158.

We offer a translation of the article by the American philosopher Robert Fogelin (1932–2016) "Logic of Deep Disagreements" and indicate three aspects of the relevance of the concept of deep disagreement proposed in it. It influenced the development of dialectical approaches in argumentation, which explore non-deductive arguments along with deductive ones, and contributed to the hinges epistemology by focusing on the ultimate foundations of knowledge, as well as on the role of moral realism in contemporary analytic philosophy. Fogelin's paper marks one of the first steps in the so-called hinges epistemology, a contemporary trend in analytical epistemology associated with the idea that there are the conceptual foundations of our views which provide a necessary foundation for acquiring of new knowledge and its discussions. Wittgenstein compares those foundations with door hinges that fasten the body of personal knowledge from the inside and outside and insists that doubts or disagreements about them collapse that body of knowledge and make its update impossible. Fogelin called them deep disagreements in which the parties may share many opinions, but still disagree on principal issues, for these are disagreements about their moral commitments, which rational agents voluntarily take on with the burden of proof when they engage themselves into a discussion, put forward and defend by means of arguments their opinions by contrasting them with the opinions and arguments of others. Their shared background views and preferences constitute the pillars of argumentation, which support the argumentation and the resolutions of differences of opinions. The absence of such pillars shows up under the surface of the parties' positions when the parties go deep into their foundations. The deep disagreement stops the argumentation or turns it into a verbal duel, and either results in no solution to the dispute, or makes it meaningfully unconvincing for its parties. According to Fogelin, it is impossible to resolve a deep disagreement by means of conviction; however, there might be a chance to overcome it by first isolating the dispute deadlock caused by it, and then by looking for acceptable arguments with the help of persuasion in order to grope a local compromise, albeit without objectifying it.

References

- 1. Fogelin, R.J. (2005) The Logic of Deep Disagreement. *Informal Logic*. 25(1). pp. 3–11.
- 2. Harre, R. (2016) Constructivism and Realism. Filosofiya nauki i tekhniki Philosophy of Science and Technology. 21(1). pp. 55–65. (In Russian).
- 3. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 321–405.
- 4. Kusch, M. (2016) Wittgenstein on mathematics and certainty. In: Coliva, A. & Moyal-Sharrock, D. (eds) *Hinge Epistemology*. Leiden: Brill. pp. 48–71.
 - 5. Coliva, A. (2015) Extended Rationality: A Hinge Epistemology. London: Palgrave Macmillan.
 - 6. McGinn, M. (1989) Sense and Certainty: A Dissolution of Scepticism. Oxford: Blackwell.
- 7. Moyal-Sharrock, D. (2005) *Understanding Wittgenstein's On Certainty*. London: Palgrave Macmillan.
- 8. Pritchard, D. (2016) Epistemic Angst. Radical Skepticism and the Groundlessness of Our Believing. Princeton University Press.
- 9. Wright, C. (2014) On epistemic entitlement (II). Welfare state epistemology. In: Dodd, D. & Zardini, E. (eds) *Scepticism and Perceptual Justification*. Oxford University Press. pp. 213–247.
- 10. Frolov, K.G. (2020) Ethics and metaphysics: On interaction between them. *Filosofskiy zhurnal Philosophy Journal*. 13(1). pp. 69–79. (In Russian). DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-1-69-79
- 11. Shevchenko, A.A. (2020) Epistemic Justification: Deontological Aspects. *Sibirskiy filosof-skiy zhurnal Siberian Journal of Philosophy*. 18(2). pp. 75–84. (In Russian). DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-2-75-84.
 - 12. Scanlon, T. (2014) Being Realistic About Reasons. Oxford: Oxford University Press.
- 13. Christensen, D. (2007) Epistemology of Disagreement: The Good News. *Philosophical Review*. 116. pp. 187–218. DOI: 10.1215/00318108-2006-035
- 14. van Emeren, F. & Grootendorst, R. (1994) *Rechevye akty v argumentativnykh diskussiyakh* [Speech acts in argumentative discussions]. Translated from English. St. Petersburg: Notabene.
- 15. Walton, D. (2002) Argumenty ad hominem [Arguments ad hominem]. Translated from English. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.

274 Е.Н. Лисанюк

- 16. Ranalli, C. (2020) Deep disagreement and hinge epistemology. *Synthese*. 197. pp. 4975–5007. DOI: 10.1007/s11229-018-01956-2
- 17. Friemann, R. (2005) Emotional Backing and the Feeling of Deep Disagreement. *Informal Logic*. 25(1), pp. 51–63. DOI: 10.22329/il.v25i1.1044
- 18. Feldman, R. (2005) Deep Disagreement, Rational Resolutions, and Critical Thinking. *Informal Logic*. 25(1). pp. 13–23. DOI: 10.22329/il.v25i1.1041
- 19. Tamminga, A. (1994) Logics of rejection: two systems of natural deduction. *Logique Et Analyse*. 37(146). pp. 169–208.
- 20. Berestov, I.V. (2019) An Extension of Argumentation Structures with an Objectification of Discussions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 50. pp. 21–29. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/2
 - 21. Kripke, S. (1975) Outline of a Theory of Truth. The Journal of Philosophy. 72(19). pp. 690-716.
- 22. Lisanyuk, E.N. (2015) Argumentatsiya i ubezhdenie [Argument and Persuasion]. St. Petersburg: Nauka.

УДК 165.41

DOI: 10.17223/1998863X/64/27

Р. Фогелин

ЛОГИКА ГЛУБОКОГО РАЗНОГЛАСИЯ

В статье предложено понятие глубокого разногласия, развивающее идею Л. Витгенштейна о важной роли принципиальных положений научного знания и познания — «дверных петель» — в свете его развития, обсуждения, а также уточнения методологии. Глубокое разногласие — это фундаментальное абнормальное расхождение во мнениях между сторонами, когда стороны могут соглашаться по многим вопросам, но находиться в глубоком разногласии из-за столкновения своих моральных позиций. Глубокое разногласие неразрешимо посредством доказательства, демонстративной аргументации и ясного искреннего мышления. Для его преодоления необходимо признать существование глубоких разногласий и допустить использование убеждения-уговаривания и иных приемов влияния.

Ключевые слова: неформальная логика, аргумент, рассуждение, доказательство, убеждение

[1] Лучшее свидетельство растущего значения неформальной логики — то беспокойство, которое она вызывает в старых и более консервативных кругах. Когда система разнородных методик, находящихся в зачаточном состоянии и помимо прочего с трудом поддающихся машинной оценке, подменяет таблицы истинности, генценовские правила натурального вывода и вереницы посылок в нормальных формах предложений, многие считают, что что-то пошло не так.

Сегодня тенденции развития неформальной логики, безусловно, разрозненные и разнонаправленные, и одна из причин, которая их объединяет, – это высокие педагогические требования. Фундаментальной задачей логики в учебных программах колледжей является развитие навыков и методов критической оценки и последовательного представления аргументов. В противовес этому считается, что формальная логика в том виде, как ее обычно преподают, эту функцию не выполняет. Конечно, разногласия здесь не только педагогические. Философия естественного языка по-прежнему сохраняет свое влияние, в результате чего многие до сих пор полагают, что аппарат современной символической логики не отвечает богатству, тонкости и силе естественного языка. Применение этого аппарата скорее искажает, нежели проливает свет на суть дела. На мой взгляд, методы формальной логики могут быть с успехом использованы для экспликации таких фундаментальных понятий, как корректность, логическая форма, тавтологии, противоречия и т.д. Но эти методы мало пригодны для непосредственной оценки реальных аргу-

¹ Эта статья была впервые опубликована в журнале Informal Logic. Vol. 7, No. I (1985), pp. 1–8, и перепечатана в Informal Logic. Vol. 25, No. I (2005), pp. 3–11. Цифры в квадратных скобках в тексте обозначают начало страниц с этими номерами в тексте 1985 г., они были вставлены в публикацию 2005 г. редакторами журнала. Перевод сделан Е.Н. Лисанюк и Н.В. Перовой по публикации 2005 г. с любезного разрешения вдовы философа Флоренс Фогелин [1]. Переводчики благодарны У. Скриннот-Армстронгу за содействие в получении разрешения (*Примеч. пер.*).

276 Р. Фогелин

ментов, едва те оказываются чуть сложнее простейшего уровня. Однако вовсе не это я хочу обсудить.

Неформальная логика в своем самом робком и худшем виде – это немногим больше, чем неформальная формальная логика. Она перенимает предрассудки традиционной логики, обычно это дедуктивистские предрассудки, и повторяет их подчас небрежно и неточно. Несмотря на существование неформальной логики, люди намного лучше осведомлены о том, что единственный хороший аргумент - это корректный дедуктивный аргумент. Это проявляется на практике, когда считают, что если аргумент не поддается нашим добровольным усилиям по преобразованию его в состоятельный дедуктивный аргумент, то он никуда не годится. Особенно если учесть, что любой аргумент, который интуитивно кажется состоятельным, несложно реконструировать таким образом, чтобы придать ему достойный вид, сообщаемый дедуктивно корректной формой. Просто добавьте скрытую условную посылку, содержащую конъюнкцию предъявленных посылок в качестве его антецедента, представьте заключение аргумента как ее консеквент, и вуаля, вы получили дедуктивно корректный аргумент, который не может быть более спорным, чем первоначальный.

Рис. 1. Схема реконструкции аргумента

Если исходный аргумент кажется корректным, то, конечно, не может быть никаких возражений против истинности скрытой и добавленной посылки. И раз можно прекратить спор, как только представлен корректный аргумент, то вы даже не столкнетесь с парадоксом Льюиса Кэрролла или парадоксом Ахиллеса и черепахи.

[2] Излишне говорить, что реконструкции такого рода – это как размахивать руками в споре. В реконструкции наша цель состоит в том, чтобы отыскать базовые принципы, служащие основанием для нашей первоначальной интуиции о приемлемости аргумента. Многое говорит в защиту использования подобного метода реконструкции аргументации. Нередко случается, что если выявить принципы, дающие, как представляется, поддержку аргументу, то они оказываются ложными, и поэтому приходится отбросить или по крайней мере изменить наш исходный аргумент. Применять сократовский метод скорее к фоновым принципам, чем к определениям, - это полезная процедура, но и его легко исказить дедуктивным шовинизмом. Настаивать на том, что любой приемлемый аргумент должен допускать реконструкцию, раскрывающую его дедуктивную корректность без упомянутого выше размахивания руками, - значит полагать, что убедительных индуктивных аргументов не существует. Опять же, настаивать на том, что наши базовые принципы все без исключения невосприимчивы к любым контрпримерам, какими бы они ни были, значит принять рационалистический идеал и забыть, что многие из

наших базовых принципов верны не абсолютно, а только по большей части, как сказал бы Аристотель.

Но я думаю, что главная опасность принятия дедуктивной модели для всех рассуждений, даже в качестве идеала, заключается в том, что ее следствием является скептицизм. Требование, чтобы в любых приемлемых аргументах заключение обязательно следовало из неопровержимых посылок, приводит к тому, что практически все те повседневные аргументы, которые кажутся нам вполне здравыми, на самом деле никуда не годятся. В краткосрочной перспективе обнаружение такой почти универсальной иррациональности студенты находят поразительным. В развенчании есть свои прелести. Долгосрочные последствия менее благотворны. Если студенты придут к убеждению, что в любом представленном им нетривиальном аргументе они всегда могут найти какие-то погрешности, то различие между хорошими и плохими аргументами будет извращено и вся затея с аргументацией, похоже, потеряет смысл.

Действительно, одна из насущных проблем в преподавании логики состоит в том, что мы рискуем превратить наших студентов в радикальных скептиков, пусть и ненадолго. Например, студенты часто трактуют идею неопределенности таким образом, что все понятия без четко очерченных границ считаются неопределенными. Полагаю, что можно и так понимать идею неопределенности, хотя мне это не нравится. Однако в результате такие студенты часто отвергают как некорректные вообще все аргументы, где употреблены понятия, допускающие пограничные случаи. Аналогичная проблема возникает с двусмысленностью, ссылками на авторитет, аргументами, содержащими оценочные термины, и т.д. Поскольку все аргументы на поверку оказываются плохими, постольку стандартные классификации ошибок в рассуждениях, если применять их поверхностно и механически, не решают задачи, которую призваны решать, — отличать хорошие аргументы от плохих.

Ответ на это, конечно же, заключается в том, что студенты должны научиться анализировать аргументы таким образом, чтобы учитывать контексты, в которых они встречаются. Термины в аргументах могут быть неопределенными, но нельзя позволить, чтобы эта неопределенность служила усилению аргумента, хотя она и может способствовать его ослаблению в некоторой степени, с учетом намерений и целей, с которыми его вообще предъявили. Наконец, аргументы могут содержать ключевые термины, неопределенность которых *неустранима*, например, распространенные устойчивые или образные выражения, указывающие на то, что мы действительно не понимаем диапазона применения таких терминов.

Сказанное выше может показаться банальным. Я не припоминаю, что когда-либо слышал, чтобы кто-то выступил с заявлением вроде: «Не обращайте внимания на контекст, он не имеет значения». Но обращение к контексту представляет собой важный отход от стандартного взгляда на аргументы. Аргументы больше не рассматриваются просто как некий строй предложений, в котором одно из них назначено заключением, а остальные по отношению к нему представлены как посылки. Аргументы рождаются в ходе такой деятельности как спор, а споры — это то, чем занимаются люди. Более того, люди вступают в спор по разным причинам в стремлении достичь самых раз-

278 Р. Фогелин

ных целей. Тулмин 1 был прав, [3] говоря об *использовании* аргументов, а не только о пользовании аргументом.

Здесь я хочу обратиться к очень простому случаю использования аргументов или приведения доводов, чтобы объяснить определенное поведение. У А. спрашивают, почему он выбирает конкретную дорогу, и он отвечает: «За рыбой я хочу заехать в последнюю очередь». Это утверждение можно посчитать за убедительный ответ. С другой стороны, оно может быть встречено возражением: «Нет, в последнюю очередь тебе следует заехать в Гран-Юньон, я не хочу, чтобы мороженое растаяло». И это тоже может быть убедительным, но спор может на этом не закончиться. Парируя, А. может указать на то, что в это время дня движение в данном направлении крайне напряженное и было бы лучше немного подождать, чтобы дать ему рассосаться. В ответ он может получить напоминание «Сегодня суббота». Люди таковы, каковы они есть, и мы вполне можем вообразить и куда более острую версию подобной дискуссии.

Эту зарисовку из загородной жизни я хочу сопроводить кантовским вопросом: как возможны такие споры? Ответ или часть ответа заключается в том, что есть много общего во взглядах и предпочтениях участников таких разговоров, если проводить границу между теми и другими. Спорщики хорошо знают окружающую местность, согласны, что растаявшее мороженое никуда не годится, свежая рыба лучше тухлой и т.д.

Важной особенностью этих общих взглядов и предпочтений является то, что они остаются за кадром и не упоминаются. Они направляют дискуссию, но не выступают ее предметом. За исключением разве что замечания в духе: «Вы же не хотите рыбу "второй свежести", не так ли?». Общность взглядов и предпочтений обеспечивает конструкцию или структуру, в рамках которой можно выстроить доводы с учетом того, что выстраивание доводов обычно сводится к тому, чтобы указать на уже известные факты или расположить их определенным образом с целью прояснить их значение. Это все происходит на поверхности, под которой находится толстый пласт не подвергаемых сомнению отложений.

Я утверждаю, что спор или, лучше сказать, *обмен аргументами* является *нормальным*, когда он проходит в контексте *широко* разделяемых взглядов и предпочтений. Я также буду настаивать на том, что для того, чтобы обмен аргументами был нормальным, должны существовать разделяемые сторонами процедуры разрешения разногласий. Люди часто расходятся во мнениях по поводу простых фактов, но в целом они разделяют взгляды о том, каким должен быть метод разрешения разногласий. Если вы думаете, что Роду Кэрью в прошлом году удалось больше хет-триков, чем Джорджу Бретту, мы это можем запросто проверить. Если турнирная таблица вас не убеждает, то разговаривать с вами — пустая трата времени.

Последний пункт носит систематический характер. Турнирные таблицы пользуются особым доверием при обсуждении прошлых спортивных дости-

¹ Тулмин Стивен Эделстон (1922–2009) – британский философ, автор влиятельных научных трудов в области философии науки и теории аргументации, работал в ряде университетов Британии и США. В трактате «Использование аргументов» (The uses of argument) (1958) предложил модель аргументации, включающую шесть взаимосвязанных компонентов, сейчас именуемую моделью аргументации Тулмина (*Примеч. пер.*).

жений. Конечно, в них могут закрасться ошибки, и есть способы, как их обнаружить. Но если бы вообще возникли возражения против использования официальных турнирных таблиц, вроде «Что заставляет вас думать, что вы можете им доверять?», этот вопрос показался бы настолько странным, что его скорее пропустили бы мимо ушей, чем попытались бы на него ответить. Мы можем вообразить себе мир, в котором бейсбольные турнирные таблицы систематически лгут, и это не вызывает ни малейшего протеста со стороны игроков. Однако нет никаких оснований полагать, что наш мир чем-то похож на этот воображаемый мир. Действительно, надежность официальных турнирных таблиц считается частью тех рамок, в которых проходят обсуждения подобного рода.

Эти размышления подводят меня к следующему тезису: главное применение языка аргументации, включая язык оценки аргументов, реализуется в контексте нормального или почти нормального обмена аргументами. Утверждение о том, что вот это демонстрирует или доказывает нечто еще, во многом похоже на утверждение о знании. В трактате «О достоверности» Витгенштейн отмечает, что «человек говорит: "Я знаю", когда готов предоставить убедительные аргументы. "Я знаю" относится к возможности продемонстрировать истину» (№ 243)¹. Спор — это процесс создания таких убедительных доводов. Но для того чтобы быть убедительными, основания должны быть истинными или по крайней мере считаться истинными и вместе с другими принятыми предложениями давать адекватную поддержку утверждению, истинность которого хотят установить. Таким образом, спор, т.е. участие в обмене аргументами, предполагает наличие обязательств разделять фоновые общие взгляды и предпочтения. Вот что далее пишет Вит- [4] генштейн:

- 341. То есть вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]².
- 342. Иначе говоря, то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований.

И вот еще более известное:

344. Моя жизнь держится на том, что многое я принимаю непроизвольно.

Я полагаю, что сама возможность аргументации, возможность подлинного обмена аргументами зависит от того факта, что вместе m принимаем многие вещи.

Но если аргументы предполагают этот богатый фон согласия, как вообще возникает разногласие и что остается делать аргументам? Один из очевидных ответов заключается в том, что люди, участвующие в обмене аргументами, часто заинтересованы в том, как разрешается спор. Спор, как и другие виды человеческой деятельности, бывает жестким. Спор — это еще и сложное занятие. Это один из навыков, то, что люди могут делать хорошо или плохо. В самом деле, как давно заметил Юм (в своем обсуждении «нефилософской

¹ Отрывки из трактата Витгенштейна «О достоверности» взяты из издания под ред. G.E.M. Anscombe and G.H. von Wright, translated by Denis Paul and G.E.M. Anscombe, J&J Harper, New York and Evanston, 1969 [2].

 $^{^2}$ Здесь и далее перевод дается по: Витенитейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. І. М. : Гнозис. 1994. С. 321–405 (Примеч. пер.) [3].

280 Р. Фогелин

вероятности» в «Трактате») и как заново открыли когнитивные психологи, человеческие существа, похоже, наделены врожденной способностью все запутывать, как только строение аргументации оказывается сложнее простейшего уровня. Это особенно верно в отношении индуктивных умозаключений, в которых, например, склонность к поспешным и необоснованным обобщениям, кажется, встроена в человеческий мозг.

Далее, наш обычный неспециализированный язык содержит богатую систему необходимых инструментов для исправления и оценки аргументов, как настаивает Майкл Скривен¹. Я думаю, что он прав, хотя и склонен иметь в виду наиболее цивилизованные сегменты словарного запаса. Я думаю, что некоторые более грубые приемы аргументации тоже представляют интерес. Допустим, например, что я обвиняю кого-то в упрямстве. Говорить так не подобает, но это и не оскорбление. Назвать кого-то упрямым – значит предъявить вполне конкретное обвинение: упрямец продолжает цепляться за свою позицию, несмотря на то, что были приведены убедительные доводы, свидетельствующие против нее. Но для кого они убедительны? Мы говорим, что они должны быть убедительными для него, иначе было бы неправильно называть его упрямым. Он знает, что доводы верны, и в иной ситуации признал бы их силу, будучи менее заинтересованным в исходе спора.

Давайте теперь рассмотрим утверждение о том, что некто предвзят. Человек, которого я обвиняю в предвзятости, имеет право спросить: «В чем я предвзят?». И тогда на меня ложится бремя доказывания, что он намеренно умалчивает определенные факты, поддерживающие то мнение по обсуждаемому вопросу, которому он противостоит, или что он умалчивает факты, свидетельствующие против его позиции. Таким образом, я пытаюсь подчеркнуть, что поскольку в любом случае обвинения в предвзятости и упрямстве апеллируют к общему здравому смыслу, постольку они имеют смысл только в нормальном (или почти нормальном) контексте аргументации. И я хочу обобщить это утверждение следующим образом: значимость всех наших приемов аргументации находится внутри по отношению к нормальным (или почти нормальным) контекстам аргументации. В терминах Витгенштейна, слова, которыми мы пользуемся в аргументации, - это слова из разряда подобранных случайно; они обладают весьма специфическими функциями, которые проявляются только тогда, когда прочие слова со своими регулярными функциями уже находятся на своих местах.

II

Эти размышления подводят меня, наконец, к центральному вопросу этой статьи: что происходит с аргументами, когда контекст аргументации не является ни нормальным, ни почти нормальным? Ответ, к которому сказанное нас, видимо, подталкивает, таков: аргумент становится невозможным в той степени, в какой контекст аргументации становится менее нормальным. Это не [5] равнозначно слабому утверждению, что в таких контекстах споры разрешить нельзя. Это более сильное утверждение о том, что если контекст ар-

¹ Скривен Майкл (1928–) австралийский ученый-эрудит и философ, известен вкладом в теорию оценивания, автор целе-независимой методики оценивания (Goal-Free Evaluation, GFE), используемой в самых разных областях, от компьютерных программ и научных публикаций до аргументов и персонала (Примеч. пер.).

гументации не является нормальным, то условия для аргументации отсутствуют. Язык аргументации может сохраняться, но он становится бессмысленным, поскольку апеллирует к тому, что отсутствует: к общим фоновым взглядам и предпочтениям. Теперь я хочу сказать о *глубоких разногласиях*. Мой тезис или, скорее тезис Витгенштейна заключается в том, что поскольку глубокие разногласия подрывают сущностные условия спора, постольку их нельзя разрешить посредством аргументов.

Что такое глубокое разногласие? Сначала позвольте мне сказать о том, что я не имею в виду под этим понятием. Разногласия могут быть сильными и при этом не быть глубокими. Разногласия также могут быть неразрешимыми и не быть глубокими. Я могу спорить до посинения, пытаясь безуспешно вас в чемлибо убедить. Это можно объяснить тем, что один из нас тупой или упрямый. И беспристрастному наблюдателю, несомненно, будет под силу решить такой вопрос. Однако когда сталкиваются основополагающие принципы, мы попадаем в разногласия совершенно иного сорта. В этих обстоятельствах стороны могут быть беспристрастными, непредвзятыми, последовательными, вразумительными, точными и аккуратными, и все же не соглашаться. Причем не соглашаться не поверхностно, а основательно. Теперь, когда я говорю об основополагающих принципах, я думаю о том, что другие (Патнэм¹) назвали рамочными предложениями (framework propositions), или о том, что Витгенштейн склонен был называть правилами. Когда аргументация порождена столкновением рамочных предложений, мы получаем глубокое разногласие.

Воспользуемся примерами. Отличительной чертой неформальной логики является нацеленность изучать аргументы подлинные, сложные и актуальные взамен искусственно заготовленных. Одна из любимых тем - моральная сторона абортов. Прежде всего отметим, что аргументы противоположных сторон на эту тему в нормальном режиме могут быть поставлены под вопрос, т.е. подвергнуты критике, которую надлежит учитывать, разве что участник спора предвзят, упрям и т.д. Аргументы на любую тему могут быть наводящими, предвзятыми, с намеком, туманными и т.д. Для глубоких разногласий характерно, что они сохраняются даже после ответа на нормальную критику. Еще одна особенность глубоких разногласий в том, что они невосприимчивы к фактам. Стороны, противостоящие друг другу по вопросу об абортах, могут соглашаться по широкому кругу биологических фактов – когда у плода начинается сердцебиение, когда впервые появляются мозговые волны, когда возникает жизнеспособность и т.д., и тем не менее расходиться во мнениях по вопросу морали. Поскольку моральный статус плода является центральным вопросом дискуссий об абортах, и его нельзя урегулировать, ссылаясь на биологические факты или цитируя моральные принципы, рамками которых моральные агенты или пациенты и так уже ограничены, постольку их разногласия могут быть даже более живучими, чем вообще согласие по моральным вопросам, например о святости человеческой жизни.

Здесь заманчиво этой ситуации поставить следующий диагноз. То, что я назвал глубокими разногласиями, порождено конфликтами между рамочными предложениями. Эти конфликты не поддаются разрешению, потому что

¹ Патнэм Хилари Уайтхолл (1926–2016) – влиятельный американский логик и философ, профессор Гарвардского университета, автор каузальной теории референции, концепции множественной реализуемости, мысленного эксперимента «мозг в колбе» (*Примеч. пер.*).

282 Р. Фогелин

допускается, чтобы рамочные предложения – источники таких разногласий – находились на заднем фоне, работая на расстоянии. Выявить эти фоновые предложения, а затем обсудить их напрямую – вот способ поставить спор на рациональную основу.

Это звучит привлекательно, пока мы не рассмотрим подробно, как могло бы выглядеть такое обсуждение. Сторонники одной из позиций спора об абортах будут считать, что при зачатии или, если выразиться аккуратнее, вскоре после зачатия бессмертная душа входит в оплодотворенное яйцо и тем самым обретается личность. Почему мы должны верить во что-то подобное? Что ж, хотя бы потому, что это часть более широкой традиции, которая коренится в откровении и которую поддерживает и углубляет религиозная вера. Не знаю, насколько хорошо я представляю эту позицию, моя душа к ней не лежит, но я пытаюсь подчеркнуть мысль о том, что когда мы добираемся до источника [6] глубокого разногласия, мы находим не просто отдельные предложения вроде «Плод — это личность», но вместо этого целую систему предложений и парадигм, моделей, стилей поведения и мышления, которые взаимно поддерживают друг друга и составляют формы жизни, если можно так сказать.

Полагаю, что понятие формы жизни опасно, особенно когда его используют в единственном числе. Лучше сказать, что человек участвует во множестве форм жизни, которые накладываются и пересекаются разными способами. Какие-то из этих форм жизни имеют мало общего с другими. Это объясняет, почему мы можем вступать в дискуссии и обмениваться разумными аргументами по широкому кругу вопросов с людьми, которые, как мы думаем, верят в совершенно безумные вещи, например, что заботиться о сохранении природных ресурсов неблагочестиво, потому что это отрицает неизбежность второго пришествия. Но можно ли доверять по любому вопросу человеку, который в это верит? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Например, такой человек может быть экспертом по вопросам краткосрочной аренды.

Так что тут не стоит преувеличивать. Утверждение о существовании глубоких разногласий не означает, что они являются чем-то заурядным. Как я уже говорил, разногласия могут накаляться, не будучи глубокими. Но если глубокие разногласия могут возникать, то какие рациональные процедуры можно использовать для их разрешения? Ход нашего обсуждения ведет к ответу, что НИКАКИЕ. Поскольку эти идеи исходят от Витгенштейна, позвольте мне процитировать его собственные слова. Ближе к концу трактата «О достоверности» встречается следующая серия абзацев:

- 608. Положениями физики я руководствуюсь в своих действиях, разве не так? Должен ли я сказать, что у меня нет для этого достаточных оснований? Не это ли мы как раз и называем достаточным основанием?
- 609. Допустим, мы встретили людей, которые не считают это убедительным основанием. И все же как мы себе это представляем? Ну, скажем, вместо физика они вопрошают оракула. (И потому мы считаем их примитивными.) Ошибочно ли то, что они советуются с оракулом и следуют ему? Называя это «неправильным», не выходим ли мы уже за пределы нашей языковой игры, атакуя их?
- 610. И правы мы или не правы в том, что сражаемся с ними? Разумеется, наши действия будут подкреплены всяческими лозунгами.

- 611. Где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком.
- 612. Я сказал, что стал бы «сражаться» с другим, но разве я отказался бы приводить ему основания? Вовсе нет; насколько же далеко они простираются? В конце оснований стоит убеждение. (Подумай о том, что происходит, когда миссионер обращает туземцев.)

Если мы вернемся сейчас к неформальной логике, то мы обнаружим, что ее сторонникам не удалось избежать глубоких разногласий. Более того, они с энтузиазмом ухватились за эти разногласия. И некоторые работы по неформальной логике, по крайней мере иногда создают впечатление, что неформальная логика обладает ресурсами для разрешения подобных разногласий. Как и Витгенштейн, к подобным утверждениям я отношусь скептически. Чтобы проиллюстрировать это, я рассмотрю один случай глубокого разногласия — спор об аффирмативных действиях, или о так называемых квотах «обратной дискриминации».

Будучи неформальными логиками, мы можем многое рассказать о внешних особенностях этой дискуссии. Мы можем указать, например, что сама фраза «обратная дискриминация» тенденциозна. В самом деле, мы можем сколь угодно долго говорить о последовательности и убедительности аргументов в поддержку позиций каждой из сторон по данному вопросу. Однако в глубине души стоит признать, что на стороне тех, кто выступает против аффирмативных квот, имеется очень веский аргумент. Это аргумент справедливости. В том, что касается распределения преимуществ, аффирмативные квоты являются одновременно и чрезмерно и недостаточно инклюзивными. Многие из тех, кто извлекает выгоду из таких квот, сами не были жертвами предрассудков и не находятся из-за них в каком-либо ущербном положении. В то же время многие из тех, кто пострадал от предрассудков или оказался из-за них в какомлибо ущербном положении, [7] не получат аналогичных льгот просто потому, что они не относятся к тому классу, на который распространяется программа аффирмативных квот. Еще более тревожит то, что аффирмативные квоты являются одновременно и чрезмерно и недостаточно инклюзивными в отношении возлагаемого ими бремени. Издержки по возмещению ущерба, вызванного дискриминацией, не будут возложены на многих из тех, кто ранее извлек из нее выгоду, и, что еще хуже, эти издержки будут возложены на многих людей, которые никоим образом не были причастны к извлечению выгод из дискриминации. Наконец, эти так называемые плохие совпадения нельзя списывать со счетов как незначительные и неизбежные административные упущения. Аффирмативные квоты не просто несправедливы, в значительной степени порождаемая ими несправедливость вполне преодолима.

Конечно, приведенный выше аргумент можно усилить, например, если процитировать соответствующие статистические данные, и, разумеется, можно оспорить некоторые из его посылок касательно фактов. Здесь я хочу рассмотреть ответ совершенно другого сорта, который не оспаривает или, по крайней мере, не обязательно оспаривает какие-либо утверждения о фактах в приведенном выше аргументе. Он имеет следующий вид. Предрассудки, которые мы таковыми признаем, например предрассудки против меньшинств, были направлены против них не как индивидов, а как членов определенной группы. Однако это не так. На деле очень многие люди, пострадавшие от ра-

284 Р. Фогелин

совых предрассудков, оказались чернокожими. Из-за того, что они были чернокожими, они, скорее всего, и пострадали от предрассудков. Более того, они пострадали от предрассудков со стороны установленной группы — правящего белого большинства. Предрассудки были групповым явлением, как и тот ущерб, который они повлекли. Таким образом, требование возмещения ущерба — это не требование одного человека к другому, а требование одной группы к другой. Справедливость требований черного меньшинства к белому большинству коренится в подробных исторических и статистических данных, достоверность которых никто не отрицает.

[8]

Я хочу сказать, что мы здесь имеем дело с глубокими разногласиями, потому что противоборствующие стороны могут соглашаться по всем историческим и статистическим вопросам, но все же не соглашаться. Фактически спор идет о моральной позиции. В этом смысле ситуация похожа на споры по поводу абортов, что объясняет, по крайней мере частично, почему ее так трудно разрешить. Аргумент против квот основан на предположении, что иметь моральные требования свойственно только индивидам. Аргумент в пользу квот основан на предположении, что социальные группы могут иметь моральные требования по отношению к другим социальным группам. Но слово «предположение» слишком слабое. Каждая из сторон ведет аргументацию в рамках таких обязательств. Есть ли способ рассудить подобное столкновение? Признаюсь, я не понимаю, как 1.

Ш

Легенда гласит, что, когда пифагорейцы обнаружили иррациональность квадратного корня из двух, они поклялись хранить тайну. Возможно, в отношении глубоких разногласий нам стоит избрать ту же стратегию. Наше дело зиждется, по крайней мере частично, на допущении, что ясное искреннее мышление способно разрешить фундаментальные вопросы. Но если в итоге, а порой этот итог оказывается уже очень близок, нам приходится прибегать к уговариванию (persuasion), то что же плохого в том, чтобы использовать эти приемы с самого начала? На это есть ответ. В контексте нормальной аргументации утверждения сторон отсылают к взаимоприемлемым основаниям, применительно к которым стороны несут ответственность за свои утверждения. Тем не менее что мы должны сказать о глубоких разногласиях? Мы можем настаивать на том, что не все разногласия являются глубокими, и что даже в условиях глубоких разногласий люди могут спорить хорошо или плохо. В конце концов, однако, следует сказать правду: есть разногласия, иногда по важным вопросам, которые по своей природе не подлежат рациональному разрешению².

¹ По моему опыту, каждый усматривает некоторый смысл в подобных аргументах против аффирмативных квот, апеллирующих к правам человека. Однако куда меньше смысла видят в контраргументах, апеллирующих к правам групп. Внятное обсуждение последней точки зрения см. в [Fiss, 1977]. Эта книга представляет собой сборник влиятельных мнений, отражающих противоположные позиции по данному вопросу.

² В этом эссе я сосредоточился на глубоких разногласиях, возникающих из-за конфликтов между структурами убеждений. Глубокие разногласия также могут возникать из-за различий в шкалах предпочтений. Излишне говорить, что структуры убеждений и шкалы предпочтений существенным образом связаны между собой, и по этой причине глубокие разногласия, несомненно, намного сложнее, и, по-видимому, еще менее поддаются разрешению, чем это здесь представлено.

Литература

- 1. Fogelin R.J. The Logic of deep disagreement // Informal Logic. 2005 (1985). Vol. 25, Ne 1. P. 3–11.
 - 2. Wittgenstein L. On Certainty // Ed. Anscombe G.E.M., von Wright G.H. Blackwell, 1969.
- Витенитейн Л. О достоверности // Философские работы. М.: Гнозис. 1994. Ч. І. С. 321–405.

Robert J. Fogelin (1932–2016), Dartmouth College (USA).

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 275–285.

DOI: 10.17223/1998863X/64/27

THE LOGIC OF DEEP DISAGREEMENTS

Keywords: informal logic; argument; reasoning; demonstration; persuasion

The concept of deep disagreement proposed in the paper develops Wittgenstein's idea of the essential role played by the fundamental provisions of knowledge and cognition, on which, like on hinges, their development, update, discussion, as well as their methodology, are based. Deep disagreements are principal abnormal differences of opinions between parties. The parties in the deep disagreement can agree on many issues, but still disagree in their moral standings. Deep disagreements cannot be resolved by means of proof, demonstrative reasoning, and clear sincere thinking. For overcoming it, it is necessary to recognize the existence of deep disagreements and to allow using the tools of persuasion and other ways of influence.

References

- 1. Fogelin, R.J. (2005) The Logic of Deep Disagreement. Informal Logic. 25(1). pp. 3-11.
- 2. Wittgenstein, L. (1969) On Certainty. Oxford: Basil Blackwell.
- 2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 321–405.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАНЕСОВА Елена Григорьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

БОРИСОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск).

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

ВЯЛЫХ Никита Андреевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

E-mail: sociology4.1@yandex.ru

ВОРОЖИХИНА Ксения Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, сектор истории русской философии Института философии Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

ГОЙКО Вячеслав Леонидович – директор Центра прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск), участник проекта научно-технологического университета «Сириус» (г. Сочи).

E-mail: goiko@data.tsu.ru

ГУКОВА Ангелина Валерьевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск); старший преподаватель кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск).

E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

ЕЛАГИН Глеб Борисович – член исследовательского коллектива проекта РНФ 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» (г. Санкт-Петербург).

E-mail: elagingleb@gmail.com

ЕРМАКОВА Лариса Ивановна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ведущий научный сотрудник научно-образовательно-инновационного центра «Ключевые тенденции развития социально-философской мысли: теория и практика», Пятигорский государственный университет (г. Пятигорск).

E-mail: ermakova@pgu.ru

ИСАЕВ Борис Акимович — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Государственный университет аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург).

E-mail: isaevboris@yandex.ru

ИГНАТЬЕВА Ирина Федоровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры туризма, сервиса и гостеприимства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Институт экономики и управления (г. Санкт-Петербург).

E-mail: iifed@mail.ru

ИГНАТЬЕВА Ольга Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: olga7919@mail.ru

КАМИНЧЕНКО Дмитрий Игоревич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород).

E-mail: dmitkam@inbox.ru

КАРПОВ Глеб Викторович – кандидат философских наук, ассистент кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: glebsight@gmail.com

КРАСОВА Елена Викторовна – кандидат экономических наук, доцент по специальности «экономика и управление народным хозяйством», доцент кафедры экономики и управления, доцент кафедры международных отношений и права, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (г. Владивосток).

E-mail: elena_krasova@rambler.ru

ЛАДОВ Всеволод Адольфович – доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН (г. Томск), ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск); профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: ladov@yandex.ru

ЛЕВИЦКИЙ Виктор Сергеевич – кандидат философских наук, директор Украинского института стратегий глобального развития и адаптации (г. Брюссель, Бельгия).

E-mail: victor2609@ukr.net

ЛИСАНЮК Елена Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры логики Института философии (г. Санкт-Петербург).

E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

КАШПУР Виталий Викторович – кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск), руководитель проекта научно-технологического университета «Сириус» (г. Сочи).

E-mail: vitkashpur@mail.ru

КИСЛОВ Алексей Геннадьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (г. Екатеринбург).

E-mail: aleksey.kislov@list.ru

МИКИРТУМОВ Иван Борисович – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: imikirtumov@gmail.com

НЕХАЕВА Ираида Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

E-mail: i.n.nekhaeva@utmn.ru

ОБОЛКИНА Светлана Викторовна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории и философии науки Центра подготовки кадров высшей квалификации Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).

E-mail: obol2007@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург).

E-mail: ogleznev82@mail.ru

ПЕТРОВ Евгений Юрьевич – техник Центра прикладного анализа больших данных Томского государственного университета (г. Томск), участник проекта научнотехнологического университета «Сириус» (г. Сочи).

E-mail: petrov@data.tsu.ru

ПЕРШИН Юрий Юрьевич – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Военного института физической культуры (г. Санкт-Петербург).

E-mail: pershin9059229943@yandex.ru

ПЕТУХОВ Александр Юрьевич – кандидат политических наук, доцент, заведующий лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования МГУ им. М.В. Ломоносова, научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН (г. Москва).

E-mail: lectorr@yandex.ru

ПЛЮСНИН Лев Витальевич — младший научный сотрудник Института образования Томского государственного университета, аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: Levplusnin@gmail.com

ПОЗАНЕНКО Артемий Алексеевич – преподаватель Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: apozanenko@hse.ru

ПОЗАНЕНКО Наталья Николаевна – кандидат социологических наук, независимый исследователь.

E-mail: natalia.pozanenko@gmail.com

САВОЙСКИЙ Александр Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент, почётный доктор Уфимского государственного авиационного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук; эксперт правительственной делегации России на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке; директор Центра устойчивого развития Института экономических стратегий Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: asavoysky@gmail.com

СЕДОВ Юрий Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальными и экономическими процессами Государственного института экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина).

E-mail: yuriy-sedov@mail.ru

СУХОВСКАЯ Дарья Николаевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, старший научный сотрудник научно-образовательно-инновационного центра «Ключевые тенденции развития социально-философской мысли: теория и практика», Пятигорский государственный университет (г. Пятигорск).

E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

ФЕЩЕНКО Артем Викторович – старший преподаватель кафедры гуманитарных проблем информатики Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск), участник проекта научно-технологического университета «Сириус» (г. Сочи).

E-mail: fav@ido.tsu.ru

ФОГЕЛИН Роберт (1932–2016) – почетный профессор Дартмутского колледжа (США).

ЧИМИТОВА Ирина Зоригтоевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и связей с общественностью Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова Министерства сельского хозяйства Российской Федерации (г. Улан-Удэ).

E-mail: rindaol@mail.ru

ЯСТРЕБ Наталья Андреевна – доктор философских наук, доцент, директор Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета (г. Вологда).

E-mail: nayastreb@mail.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

2021. № 64

Редактор *Е.Г. Шумская* Оригинал-макет *О.А. Турчинович* Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 28.12.2021 г. Дата выхода в свет 27.01.2022 г. Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 18,13; усл. печ. л. 23,56; уч.-изд. л. 24,87. Тираж 50 экз. Заказ № 4839. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства Томского государственного университета 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru